

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА

Д. Тришин

ЖЗЛ

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА

Дмитрий
Тришин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга, которую читатель держит в руках, уникальна. Она посвящена знаменитой российской святой Елизавете Фёдоровне Романовой, урождённой принцессе Элле Гессен-Дармштадтской, сестре последней императрицы Александры Фёдоровны. Обе женщины снискали мученический венец, но каждая воплощает собой образ святости, как библейские сёстры Марфа и Мария, удостоившиеся принимать у себя Христа. Недаром созданная Елизаветой Фёдоровной обитель в Москве названа именно Марфо-Мариинской. Тем не менее перед нами не житие, а трепетный, яркий рассказ о земной жизни прекрасной, удивительно доброй женщины, которая занимала высокое положение в обществе, была счастлива и любима мужем — Великим князем Сергеем Александровичем. Автор развеивает миф о том, что судьба Великой княгини резко изменилась только после убийства супруга террористом Иваном Каляевым — Елизавета Фёдоровна ушла от света и посвятила себя помощи ближним. Напротив, дела благотворительности сопровождали принцессу Элли и дома в Германии, и в новом, настоящем доме её сердца — в России. А на путь помощи людям будущую святую поставил именно её супруг, горячо любимый Сергей, опекавший Российский Красный Крест и руководивший Императорским Православным Палестинским обществом. Книга написана ярким, живым языком и оставляет на удивление светлое чувство, хотя её героиня была убита в Алапаевске, — чувство нравственной победы над злом и надежду на лучшую судьбу нашего Отечества.

-
- [Елизавета Фёдоровна](#)
    -
    - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
    - [Часть первая](#)
      - [1. ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЛОГ](#)
      - [2. ИЗБРАННИК СЕРДЦА](#)
      - [3. УДИВИТЕЛЬНЫЙ НОВЫЙ МИР](#)
      - [4. В ПОИСКАХ ИСТИНЫ](#)
      - [5. «НЕВЫРАЗИМО ХОРОША»](#)
      - [6. БУДНИ И ПРАЗДНИКИ](#)
      - [7. ПЕСНЯ ВЕЩЕЙ ПТИЦ](#)
    - [Часть вторая](#)

- [1. КНЯГИНЯ МИЛОСЕРДИЯ](#)
  - [2. ЗОЛОТЫЕ КУПОЛА](#)
  - [3. НА КРАЮ БЕЗДНЫ](#)
  - [4. ОБИТЕЛЬ](#)
  - [5. ПУТЬ ПОДВИЖНИЦЫ](#)
  - [6. «ДА БУДЕТ ВОЛЯ ТВОЯ»](#)
  - [НЕОКОНЧЕННЫЙ ЭПИЛОГ](#)
  - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ЕЛИЗАВЕТЫ ФЁДОРОВНЫ](#)
  - [СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ](#)
-

Елизавета Фёдоровна

ЖИЗНЬ® ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1937

(1737)

Дмитрий Гришин

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2018

---

*Татьяне Ивановне Гришиной
с безмерной благодарностью*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ты теперь на Святой Земле, жертва мира,
который слишком мрачен для твоего света,
но вместе с тем одержана полная победа,
ибо ничто не сможет заслонить память о тебе.
Они смогли расправиться лишь с твоей
земной красотой, но память о твоём очаровании,
доброте, любви будет жить с нами всегда,
подобно звезде в ночи.

Мария, королева Румынии

Эта история не может не потрясать. Своей драматургией, своим невероятным трагизмом и в то же время какой-то светлой, очищающей душу красотой. История принявшей боль и чаяния своего народа сестры последней российской императрицы. История прекрасной женщины, творившей добро и жестоко убитой. История такого масштаба, с таким количеством ярких персонажей и определяющих эпоху событий, что для её полного и всестороннего изложения потребовалось бы перо гения, дерзнувшего взяться за эпопею.

Ему пришлось бы описывать жизнь Российской империи на рубеже XIX—XX веков, неспешно ведя читателя из царских дворцов в приюты и больницы для бедных, из полных неги усадеб в аскетические монастырские кельи. Он переносился бы в гущу праздников, сменявшихся будничной работой, видел бы достижения и пока нерешённые проблемы, проникал бы в логова всевозможных заговорщиков, а потом наблюдал бы, как гибнут невинные жертвы, как рушится веками создававшаяся страна. И только тогда его главная героиня, Великая княгиня Елизавета Фёдоровна, предстала бы в той атмосфере, что окружала её жизнь и предопределила её мученическую смерть. Только тогда стали бы не просто видны, но и всецело понятны, ощутимы её свершения и её подвиг.

Книга, которая перед вами, вовсе не имеет столь грандиозных задач. Её цель — всесторонне показать личность Великой княгини на основе имеющихся документов и поведать о ней языком фактов, проверенных и научно подтверждённых, хорошо известных и новых, открытых совсем

недавно. Но разве, спросит иной читатель, всего того, что говорилось об этом раньше, недостаточно? Разве вышедшие прежде и выходящие сейчас публикации не раскрыли всей полноты образа?

В самом деле, о высокой благодетельнице и основательнице Марфо-Мариинской обители милосердия написано немало. Сегодня она является одной из самых известных представительниц Императорского Дома Романовых, служит ярким образцом благотворительности и, конечно, глубоко почитается в лике святых. Но вместе с тем её реальная фигура до сих пор остаётся почти незнакомой для абсолютного большинства людей. И для тех, кто едва слышал о ней, и для тех, кто много читал о её жизни, безусловно, привлекающей широкое внимание.

Как же так? Ведь об этой женщине рассказано в стольких книгах. К тому же про неё сняты фильмы и поставлены пьесы, ей посвящаются выставки и научные форумы, её черты продолжают вдохновлять художников и скульпторов. Всё верно. Однако вопрос о том, какой же в действительности была Великая княгиня Елизавета Фёдоровна, так и не прояснился в должной мере. Парадоксально? Нет, просто здесь вступают в силу определённые факторы и обстоятельства, которые, видимо, неизбежны и которые требуют комментариев до того, как мы начнём своё повествование.

В ноябре 1981 года Архиерейский собор Русской Православной Церкви за рубежом прославил Елизавету Фёдоровну вместе с Царской семьёй и другими новомучениками в лике святых. Событие стало эпохальным, знаковым. Оно открыло дорогу к необходимому покаянию, давая возможность для осмысления того, что случилось с Россией, для её духовного возрождения. И на этом пути образу Великой княгини Елизаветы предстояло стать одним из главных ориентиров. Не ошибся, написавший о ней ещё в середине двадцатых годов XX века архиепископ Анастасий (Грибановский), живший тогда в эмиграции: «Вместе со всеми другими страдальцами за Русскую землю она явилась одновременно и искуплением прежней России и основанием грядущей, которая воздвигнется на костях новых мучеников. Такие образы имеют непреходящее значение: их удел вечная память и на земле и на небе. Не напрасно народный голос ещё при жизни нарёк её святой».

В 1992 году Елизавета Фёдоровна была канонизирована в России. Её жизнь и подвиг начали постепенно раскрываться на страницах книг, издававшихся в нашей стране, хотя «первой ласточкой» оказалась работа, созданная несколько раньше за границей (в 1988 году) уроженкой семьи эмигрантов Любовью Петровной Миллер. Этот серьёзный труд,

основанный на мемуарах современников Великой княгини и на её письмах в Англию, имеет популярность и до сих пор. Однако в последовавшей затем литературе по данному вопросу начала проследиваться одна характерная черта — о Великой княгине писали, прежде всего, как о святой, делая упор на её подвижничество.

Разумеется, такой подход не только правомерен, но и в некоторых случаях необходим. Вместе с тем правила и каноны «житийных» текстов иногда приписывают Елизавете Фёдоровне какую-то изначальную предопределённость святости, утверждая, что чуть ли не с самого раннего детства она проявляла черты будущего избранничества, а потом тяготилась светской жизнью, постоянно ища в сфере духовности выход из чуждого ей положения. Реальные же факты говорят совсем о другом. Но в них нет ни малейшего принижения её образа — путь к Небесному венцу бывает разным, а время и обстоятельства вступления на него не меняют самой сути произошедшего.

Путь — слово ключевое. Приехав в Россию девятнадцатилетней девушкой, гессенская принцесса Элла, ставшая здесь Великой княгиней Елизаветой Фёдоровной, не просто попала на русский императорский олимп и не просто увидела повседневную жизнь обычного народа. Она восторженно приняла первое и постаралась понять второе, стремясь найти своё место в каждой из этих сфер. Её ждало много открытий, поскольку полученное дома — неплохое, но всё же недостаточное — образование вначале явно ограничивало её кругозор, ей не хватало даже самых общих знаний. Так что Россия сделалась для принцессы Эллы настоящим жизненным университетом. Здесь же, на своей новой родине Елизавета Фёдоровна вплотную соприкоснулась с православием, которое приняла всей душой и в свете которого переосмыслила многие ценности.

О ярком пути немецкой девушки, ставшей истинно русской женщиной и патриоткой, о её духовном преображении и рассказывает данная книга. Но сразу оговоримся — основываясь лишь на проверенных фактах, мы оставим за строкой некоторые весьма частые утверждения, относящиеся скорее к области преданий. Их появление — естественный результат того почитания и той любви, что проявляются народом по отношению к святым. И это само по себе прекрасно. Однако, берясь за «мирское» жизнеописание, необходимо придерживаться более надёжных источников, а они, в свою очередь, способны поведать о Елизавете Фёдоровне немало интересного и даже удивительного.

Личность Великой княгини раскрывают её письма, многие из которых сейчас опубликованы, воспоминания близких к ней лиц, описания мест, где

она жила, предметы, которые ей принадлежали, её любимые произведения искусства... Знакомясь с мыслями, переживаниями, интересами и увлечениями героини, наблюдая за её работой и присматриваясь к окружавшим её людям, можно составить правдивый портрет Елизаветы Фёдоровны, говорящий о ней лучше любого изображения и красноречивее любой легенды. Вот только он будет по меньшей мере неполным, а то и принципиально неверным, если должным образом не представить на нём фигуру Великого князя Сергея Александровича.

Сегодня об этом человеке сложной и драматической судьбы говорится уже много и, главное, правдиво, хотя истина порой с трудом пробивается и поныне. Приверженец твёрдых политических принципов, высококультурный и глубоко верующий, он был жестоко оболган как при жизни, так и посмертно. Его не поняли многие современники, видевшие в нём «ретрограда», и, конечно, по сию пору часто записывают в «реакционеры». Лишь сейчас реальный облик Сергея Александровича начал вырисовываться на страницах истории, постепенно открывая духовное богатство героя. Но почему-то до сих пор даже для многих почитателей Елизаветы Фёдоровны он остаётся в лучшем случае эпизодическим или второстепенным персонажем.

Любимый, обожаемый супруг, Великий князь Сергей был для неё всем. Образцом, наставником, заботливым мужем, ближайшим другом, проводником в неведомые раньше области науки, литературы, искусства. Без тесной связи с ним, без его определяющей роли невозможно полностью понять и осмыслить жизнь Елизаветы Фёдоровны. Он сформировал её как личность, подарил ей земные радости, а трагически уйдя из жизни, во многом предопределил её дальнейший путь. Именно он, незабвенный Сергей, стал в своё время тем светильником веры, что зажгёт в её собственной душе пламя мощного православного духа, разгоравшегося затем всё сильнее и ярче.

Елизавета Фёдоровна прожила в России тридцать три года. Символичная цифра — срок Земной Жизни Христа. За это время на её долю выпало немало событий — счастливых, печальных, страшных. Судьба делала резкие повороты, ставила труднейшие задачи. И выдержать все испытания, не сомневаясь в торжестве добра, мог лишь человек, имеющий твёрдую опору и обладающий волевым характером, стойкостью, жизнелюбием.

Великая княгиня любила жизнь. Поначалу любила светский блеск, красивые вещи и весёлые забавы. Любила природу, цветы, тихие домашние вечера, общение с родными и друзьями. Любила живопись, музыку, театр,

хорошие книги, умные беседы. Она была очень подвижной, следила за своей физической формой, за внешностью. На окружающих Елизавета Фёдоровна производила впечатление нежной, хрупкой женщины, однако внутри неё скрывалась очень сильная натура, неожиданно проявлявшаяся в чрезвычайных обстоятельствах. Когда требовалось защитить или поддержать мужа, когда возникала серьёзная угроза безопасности страны, когда приходилось противостоять собственным несчастьям. Она могла быть настойчивой там, где иные давно опустили бы руки, к ней приходило мужество там, где дрогнули бы и смельчаки. Меняясь с годами, расставаясь с одними представлениями о жизни и обогащаясь другими, Елизавета Фёдоровна оставалась неизменной в главном — в своей вере, постоянно укреплявшейся, дарившей силы и ведущей вперёд до самого конца, до самопожертвования.

Она всегда любила людей, с детства усвоив долг помощи ближним. В России перед ней открылось широкое поле для благотворительности, и Елизавета Фёдоровна трудилась на нём с полной самоотдачей. По подсчётам первопроходца в этом вопросе Людмилы Борисовны Максимовой, к 1916 году Великая княгиня была председателем и попечителем более чем в 150 организациях и благотворительных обществах. Дорога любви и сострадания привела её к созданию своего главного детища, Марфо-Мариинской обители, уникального примера заботы о страждущих.

Отрадно, что в наше время жизненный подвиг Великой княгини Елизаветы не только привлекает всё большее внимание, но и служит образцом. Её любовь к Богу, к России, к народу вызывает преклонение. Ей посвящаются храмы, ей устанавливаются памятники и мемориальные знаки. Её служение добру вдохновляет на создание новых благотворительных, социальных и просветительских учреждений. И не ослабевает желание подробнее знакомиться с её судьбой, с её удивительной личностью, пока так и не разгаданной до конца.

Эта книга расскажет о восхитительной женщине, чьё имя благословляли ещё при жизни. Мы постараемся поведать о ней без прикрас, представив живым и разносторонним человеком в конкретных обстоятельствах времени и места. Мы приоткроем дверь в давно ушедший, но по-прежнему такой притягательный мир. Мир, в котором жила и трудилась, любила и страдала, нашла счастье и обрела бессмертие Великая княгиня Елизавета Фёдоровна.

Часть первая

ЧЁРНОЕ И БЕЛОЕ

1. ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЛОГ

Стук молотка прервал тягостную тишину Осборн-Хауса. В одной из комнат этой приморской королевской резиденции спешно сколачивали алтарь для предстоявшей брачной церемонии, и уже сам факт подобных приготовлений многим казался невероятным. Ведь последние полгода вся Британия была погружена в глубокий траур по мужу королевы Виктории, принцу-консорту Альберту.

Страна искренне скорбела. Молилась, вспоминала о заслугах принца, превозносила его имя и охотно включалась в создание его культа. В едином порыве подданные королевы не скупились, приобретая чёрные ткани, траурные креповые повязки на рукава и чёрные страусовые перья для дамских шляпок. По улицам Лондона разъезжали кареты, запряжённые лошадьми под фиолетовыми попонами и с чёрными плюмажами на головах. Тяжесть утраты придавила, казалось, всех. Некоторые даже всерьёз возмущались тем, что в соседней Европе кто-то ещё может веселиться, когда в Англии такое горе. И, конечно, все волновались за состояние Её Величества. Как она, что с ней?

Газеты сообщали, что «королева мужественно переносит постигшее её несчастье, и общее состояние её здоровья не вызывает опасений». В действительности же Виктория долго находилась в полной прострации, её разум отказывался принимать случившееся, а когда осознание беды всё-таки приходило, королеве казалось, что она вот-вот сойдёт с ума. Погруженная в себя, она порой целыми днями ни с кем не разговаривала. Часами сидела в одиночестве, но никто не догадывался, что в это время она общалась со своим дорогим мужем, который продолжал незримо присутствовать рядом. Он перешёл в другой мир, но не покинул её. Только это придавало королеве сил, только это заставляло её жить дальше.

Через его личные вещи, через его портреты и фотографии, развешанные повсюду, Виктория ощущала с ним постоянный контакт. Через воспоминания о былом счастье пыталась добраться до нового смысла своего существования. «Его желания, его планы, его мнения по всем вопросам отныне будут для меня законом, — сообщала королева своему дяде, бельгийскому королю Леопольду. — Никакая сила в мире не сможет заставить меня отказаться от того, что он решил или пожелал».

Вскоре после похорон принца, на которых, согласно традиции, она не

присутствовала, Виктория вместе с семьёй переехала в Осборн-Хаус, любимое детище Альберта, созданное его стараниями на острове Уайт. Здесь всё напоминало о нём, «обожаемом ангеле», отчего становилось ещё тяжелее, и наступившее Рождество королева не смогла встречать, как праздник. Первый день наступившего нового, 1862 года она посвятила выбору портретного рисунка для будущей статуи мужа, а 10 февраля, в двадцать вторую годовщину их свадьбы, целиком погрузилась в молитвы. Теперь это была одна из священных дат.

Посетителей, кроме близких друзей покойного принца, в Осборне не принимали. Люди передвигались по дому на цыпочках и разговаривали шёпотом. Бывший приют радости и веселья превратился в царство чёрных теней, и казалось, этому уже не будет конца. В мае у Виктории хватило сил на поездку в шотландский замок-резиденцию Балморал, но нахлынувшие там воспоминания окончательно её подкосили, так что от возвращения в Осборн никто не ждал никаких перемен к лучшему.

И тут выяснилось, что часто звучавшие в последнее время слова королевы о скорой свадьбе её второй дочери не были результатом помутнения рассудка. Свадьбу принцессы Алисы назначил на 1 июля сам незабвенный Альберт, а значит, так тому и быть! Только пройти она должна, разумеется, в самом узком семейном кругу и непременно в Осборне. В имении, приобретённом как раз благодаря рождению Алисы, когда появление третьего ребёнка заставило родителей подумать о собственном уютомном уголке для нормальной человеческой жизни. Без протокольных церемоний, без посторонних взглядов.

Альберту здесь нравилось всё — парк, полого спускавшийся к пляжу, вид на Те-Солент, напоминающий Неаполитанский залив, удобное железнодорожное сообщение, мягкий климат и частое солнце. Не понравился только дом, слишком маленький для королевского семейства. Вместе с архитектором Т. Киббитом принц разработал проект нового замка в стиле английской эклектики с преобладающими мотивами Ренессанса. В итоге получился изящный дворец, оснащённый всеми современными удобствами и обставленный мебелью красного дерева. Здесь были красивые галереи, гостиные, оформленные в итальянском вкусе, дверные проёмы, увенчанные буквами V и A, ниши с бюстами английских герцогов и терраса, с которой можно было наблюдать за манёврами королевского флота. В саду появились декоративные бассейны, наподобие тех, что окружали дворец Медичи во Флоренции.

В этом уютном домашнем «гнездышке» и должен был совершиться обряд, которого так ждал создатель дома и который ему не суждено было

увидеть. Тяжелее всего в таких обстоятельствах приходилось невесте. Алиса глубоко переживала семейное горе, смерть горячо любимого отца стала для неё ужасным ударом. Но она любила и своего жениха и, стремясь обрести в нём супруга, надеялась поскорее найти долгожданную прочную опору. В будущей собственной семье ей виделось надёжное убежище от бед и невзгод окружающего мира. Но пока смешение противоречивых чувств возникало в её душе всякий раз, когда она видела своё белое подвенечное платье, сшитое по фасону, одобренному отцом. А стук молотка в банкетном зале, где завершались приготовления к свадьбе, заставлял учащённее стучать её страдающее сердце.

Совсем недавно, 25 апреля, Алисе исполнилось девятнадцать лет. До сих пор милая, хотя и не обладавшая особой красотой девушка была почти незаметна при дворе. Родители долго считали её маленькой, до четырнадцати лет не сажали за свой стол и ещё дольше не брали с собой на континент, отчего принцесса вовсе не расстраивалась. Она не любила большое общество, всегда стараясь затеряться в людской толпе. Очень рано в ней проявились задатки серьёзного ума. Отец разработал для детей особую программу обучения, суть которой состояла в приоритете семейных ценностей, призванных стать опорой монаршего авторитета. Алиса вместе с сёстрами изучала иностранные языки, ведение домашнего хозяйства, приготовление пищи, рукоделие и даже плотницкое дело. Как и другие королевские дети, она носила повседневную одежду средних классов, её общая со старшей сестрой спальня скудно отапливалась. Везде главенствовали практичность и целесообразность. Самостоятельность особо не приветствовалась.

Однако вскоре родители заметили, что Алиса отличается сильными экзальтированными чувствами, что у неё непростой и временами взрывной характер и, кроме того, она бывает весьма остра на язык. Отец очень любил её. Правда, первенство в его сердце принадлежало старшей дочери, Вики, но от его глаз не укрылось то, что веселушка Фатима (домашнее прозвище Алисы) обладает какой-то особенной добротой, какой-то повышенной чуткостью к чужой беде. К тому же девочка активно тянулась к простым людям. Однажды в Виндзорской капелле она перебежала на скамьи рядовых прихожан, чтобы слушать мессу среди обычного люда. А в замке Балморал принцесса навещала дома обслуживающего персонала, стараясь узнать, чем живут простые подданные. Понятное, но несколько странное желание...

Когда наступил тот злосчастный 1861 год и первой бедой для королевской семьи стала кончина герцогини Кентской, матери Виктории,

Альберт именно Алису попросил утешить бедную маму. Тогда он и сам чувствовал себя очень плохо, страдая от болей в желудке, а после того, как слёг, Алиса окружила его заботой и вниманием. Но принц ещё надеялся принять участие в предстоящем семейном празднике. Ведь у Алисы был теперь жених.

Задачу подыскать ей будущего мужа в своё время поставили перед Вики. Старшая сестра, недавно ставшая супругой наследника прусского престола, активно взялась за дело. Первая кандидатура, которую она подобрала, — принц Оранский, будущий король Голландии. Перспектива стать голландской королевой выглядела весьма заманчиво, но Алисе совсем не понравился предложенный кавалер с жёлтыми, как лимон, зубами. Следующими претендентами стали два гессенских принца, Людвиг и Генрих, приглашённые в Виндзор под предлогом посещения знаменитых аскотских скачек. Принцессе сразу приглянулся старший из них, Людвиг, приятный и скромный молодой человек с весьма симпатичной внешностью. И пока одни из зрителей внимательно следили за лошадьми и наездниками, боровшимися за Королевский кубок, а другие с неменьшим интересом оценивали наряды светских дам, Алиса и Людвиг бросали друг на друга многозначительные взгляды. Перед отъездом принц попросил у девушки фотографию на память, и та её охотно подарила, стараясь всеми силами выразить свою заинтересованность.

Людвиг очень понравился и Альберту. Виктория же некоторое время колебалась. Всё-таки Гессен-Дармштадтское герцогство представляло собой настоящее захолустье даже по меркам лоскутной Германии. Но немецкий принц был таким обворожительным, таким приятным. Он так мило краснел при каждом упоминании об Алисе, что королева окончательно перестала сомневаться в будущем счастье своей дочери. Вскоре вместе с мужем и Алисой она отправилась в Кобург, на родину Альберта, заехав по дороге в Дармштадт, где принцесса смогла вновь увидеться и пообщаться с Людвигом. Следующей весной молодые люди обручились.

Планы едва не перечеркнула смерть Альберта, наступившая 14 декабря 1861 года. Но королева стала непоколебимой во всём, что касалось желаний дорогого мужа, и о переносе брачной церемонии не могло быть и речи. 1 июля Алиса и Людвиг предстали перед алтарём, возведённым в банкетном зале Осборн-Хауса. В торжестве ничего не напоминало свадьбу королевской дочери. Алиса прекрасно помнила, как четыре года назад выходила замуж её сестра Вики — кортеж из тридцати карет, семнадцать представителей правящих домов Германии, роскошный бал в Букингемском

дворце, где кружилась и сверкала целая тысяча приглашённых гостей, торжественная служба в Сент-Джеймской церкви, богатейшее приданое... Да, всего этого она была лишена, но ведь счастье заключается совсем в другом.

Подружки невесты с трудом пытались изобразить подобие улыбок. Со всех сторон периодически раздавались тяжкие вздохи. Королева появилась в чёрном вдовьем наряде и почти сразу опустилась в кресло. Стоять она не могла. Рядом с ней расположились два её сына — Эдуард, принц Уэльский, старавшийся сохранять спокойствие, и Альфред, не сдерживающий слёз во время всего обряда. Алиса вошла под руку со своим дядей, Эрнестом Саксен-Кобургским, исполнявшим обязанность отца невесты. Смущённый жених боялся поднять глаза.

Алтарь располагался под большой картиной Ф. Винтерхальтера, изображавшей королевское семейство. На холсте у ног счастливых родителей, Виктории и Альберта, возились и играли четверо их детей. Идиллия... Невозвратное прошлое... Духовные песнопения окончательно сломали выдержку королевы, и она разразилась громкими рыданиями. Позднее Виктория скажет, что день этой странной церемонии, напоминавшей скорее похороны, чем свадьбу, стал для неё одним из самых печальных в жизни. Впрочем, ни она, да и никто другой из присутствовавших не могли себе и представить, каким поистине зловещим предзнаменованием в судьбе Алисы и её потомства обернутся те мрачные обстоятельства.

«Праздничный» обед прошёл в присутствии лишь молодожёнов, королевы и её младшей дочери Беатрисы. Людвиг удостоился высшей английской награды, ордена Подвязки. Алиса получила в подарок от матери Библию, золотой браслет с бриллиантами и жемчугом и приданое в размере 30 тысяч фунтов, с трудом выбитых через премьер-министра. Вечером она сказала, что, став женой Людвига, чувствует себя гордой и счастливой. «Словно кинжал вонзился в моё сердце», — прокомментирует Виктория эти слова в письме старшей дочери.

Медовый месяц, длившийся всего неделю, новобрачные провели неподалёку, на том же острове Уайт, после чего отправились в Дармштадт, столицу маленького немецкого герцогства, где отныне им предстояло строить семейную жизнь. От самой границы Германии их тепло приветствовали местные жители, а встреча, устроенная в Дармштадте, превзошла все ожидания — такого энтузиазма и такого радушия в свой адрес Алиса ещё никогда не видела. Затем начались будни, резко изменившие картину. Людвиг вернулся к военной службе, а его жена начала

обживаться в новой обстановке. Вскоре она заметила, что, несмотря на первоначальный восторг, жители Дармштадта относятся к ней весьма настороженно. На своей новой родине Алиса сразу сделалась чужой. Англичанка! Окружающие проявляли недоверие к принцессе из такой далёкой, непривычной и непонятной для них страны, иногда ворчали и на все лады коверкали её странное имя.

Напряжение усугублялось тем, что из Лондона приходили настойчивые требования создать для дочери королевы подходящие условия проживания. Но у дяди Людвига, Великого герцога Людвига III, не было достаточных средств на такие расходы. И его племянник поселился вместе с женой в старом родительском доме, в особняке принца Карла. Неуютный и выходящий окнами на шумную улицу, он совсем не подходил для создания семейного «гнездышка», и Алиса была очень рада уехать накануне первых родов в Англию под предлогом участия в свадьбе своего старшего брата, принца Уэльского. Там, в Виндзорском замке, 5 апреля 1863 года появилась на свет её дочь, названная в честь венценосной бабушки Викторией. Девочка родилась в Пасхальное воскресенье, что добавило радости и дало надежду на окончательное завершение всех недавних горестей, омрачивших начало самостоятельного жизненного пути Алисы.

Теперь вопрос о собственном доме для молодой герцогской семьи встал особенно остро. Алисе ничего не оставалось делать, как пожертвовать почти всем приданым для возведения в Дармштадте нового дворца, строительство которого продлится два года. За основу проекта был взят любимый принцессой замок в Осборне, дом её счастливого детства, дом её светлых воспоминаний. Пока же прибавление семейства стало поводом для вынужденного подарка Великого герцога. Людвиг III уступил племяннику Кранихштайн, один из своих охотничьих домов в шести километрах от города. Скромное поместье, громко именуемое замком, Алиса перестроит по собственному вкусу, получив в итоге долгожданный уголок для тихой семейной жизни. Отныне тёплое время года семья молодого герцога будет проводить именно здесь.

Дом ещё только обустроивался, когда хозяевам пришлось принимать гостей самого высокого уровня. В Дармштадт вместе с женой и младшими детьми приехал российский император Александр II. В этом не было ничего удивительного — императрица Мария Александровна была урождённой гессенской принцессой и часто навещала свою родину. Людвиг III и принц Карл доводились ей родными братьями, с которыми она всегда была рада встретиться. На сей раз императрица решила посетить и

племянника, чтобы познакомиться с его собственной семьёй, для чего Царская семья направилась в Кранихштайн, где в связи с этим поднялась настоящая суета. Герцогиня, всегда помнившая о том, что она дочь английской королевы, не хотела ударить в грязь лицом и хлопотала изо всех сил. Со слов мужа, побывавшего в Москве на коронации Александра II, она знала о неслыханной роскоши, окружавшей русского царя, и о строжайшем этикете, налагавшемся его присутствием. Тут было от чего волноваться. Но, к удивлению хозяев, высочайшие гости оказались очень милыми и любезными людьми. Вместо чопорности они проявляли доброту и непринуждённость, вместо азиатского варварства — большой интеллект и тонкий вкус. А какие обаятельные у них дети! Умные, прекрасно воспитанные. Особенно восхищал Сергей, в котором даже крошка Виктория почувствовала что-то хорошее и притягательное. Она постоянно улыбалась этому мальчику, просилась к нему и не желала с ним расставаться.

Существует предание, что Алиса, находившаяся тогда на последних месяцах новой беременности, дала послушать Сергею, как внутри неё бьётся сердечко ожидаемого ребёнка. Трогательная история. И если она правдива, то Великий князь таким необычным способом «познакомился» (кто бы мог подумать!) со своей будущей женой ещё до её рождения!

Полностью очаровав герцога и герцогиню, которая, к неудовольствию матери, забросала её восторженными отзывами о русских гостях, Царская Фамилия вернулась в Дармштадт. Однако приближение холодов заставило императрицу покинуть отчий дом и переселиться в более тёплые края на юге Франции. Алиса же, наоборот, вернулась в городской особняк, готовясь ко вторым родам. Вся семья ожидала рождения мальчика, желанного наследника.

Поздним вечером 31 октября у герцогини появились боли, перешедшие к утру в схватки. В половине девятого она родила девочку. Роды прошли на удивление легко, а малышка выглядела крепкой и здоровой. Обряд крещения совершили в доме принца Карла, где была домашняя крестильня. Нарекли новорождённую Елизаветой Александрой Луизой Алисой.

Прокомментируем такое решение подробнее, ведь имя человека может стать значимым и даже определяющим в его судьбе. Выбор здесь, как правило, не бывает случайным. Так, своё собственное имя Алиса дала дочери намеренно. Оно должно было стать привычным и наконец-то правильно произносимым жителями Гессена. Его же среди прочих она даст и четвёртой дочери, Алики (будущей императрице Александре Фёдоровне).

Другие имена, и раньше, и позднее, герцогиня подбирала детям согласно традиции, по которой представители младшего поколения назывались в семье в честь старших родственников. Так поступала её мать, так поступала и Алиса. На первом месте здесь стояло имя английской королевы, так что Викторией стали три дочери гессенской герцогини — старшая, четвёртая (она же Алиса) и самая младшая (она же Мария). Большое значение придавалось именам сестёр, то есть тётушек дочерей Алисы. Так, полное имя Алики включало их сразу три — Елена, Луиза и Беатриса. Имя тёти Луизы досталось и Елизавете, а позднее ещё Ирене. Вдобавок Елизавета получила имя «новой» тётушки, только что вошедшей в королевскую семью принцессы Уэльской Александры, жены дяди Эдуарда.

Наконец мы подошли к первому и самому главному из её имён. Елизавета... Уже давно принято считать, что девочку назвали так в честь прославленной немецкой святой Елизаветы Тюрингской. Действительно, жившая в XIII веке Елизавета Тюрингская (или Тюрингенская, а также Венгерская) глубоко почиталась даже в лютеранской Германии, не признававшей культа святых. И особенно в Гессене, где считалась одной из основательниц правящей династии. Герцогиня Алиса нашла в ней пример отзывчивости к чужой беде и образец самопожертвования ради простых людей. Любовь к этой святой она со временем зажжёт и в сердце дочери, получившей такое же имя. Однако маленькую Елизавету, скорее всего, нарекли так совсем по другой причине. Это было имя её немецкой бабушки, матери отца, урождённой принцессы Прусской. Оно уже использовалось при наречении старшей дочери Алисы, которая, прежде всего, была Викторией (в честь английской бабушки), во-вторых, Альбертиной (в честь незабвенного дедушки) и в-третьих, Елизаветой (в честь бабушки немецкой). Теперь (и это было логично) имя свекрови Алиса поставила на первое место.

В семье малышку стали называть Эллой, и она постоянно радовала родителей, хорошея день ото дня. В дальнейшем отец и мать будут сравнивать с ней всех последующих детей, привычно видя в Елизавете своеобразный эталон красоты и здоровья. А пока, до появления младших братьев и сестёр, Элла росла рядом с Викторией, довольно быстро догоняя её. Любуясь дочерьми, Алиса сообщала матери: «Элла уже некоторое время говорит “папа” и “мама” и называет себя сама, ползает везде, очень энергичная и весёлая, прямая противоположность Виктории, которая так бледна, белокура и теперь худая, а у Эллы глаза тёмно-голубые и волосы роскошного каштанового цвета, так что про этих двух крошек никогда не

скажешь, что они сёстры. Они очень милы друг с другом, им нравится быть вместе, они приносят нам много радости. Ни за что не променяла бы их на мальчиков! Это такие милые сестрички, и они могут стать хорошими подругами».

Для разраставшейся семьи старый городской дом стал совсем тесен, но благо весной 1866 года закончилось строительство давно необходимого дворца. Переезд в красивое и удобное жилище сулил множество приятных перспектив.

Вместо этого пришла новая беда — в июне началась Австро-прусская война, в которой Гессенское герцогство выступило на стороне австрийцев. Людвиг ушёл на фронт, детей отправили в Англию, а оставшаяся дома Алиса занялась подготовкой больниц для раненых. Двенадцать лет назад во время Крымской войны она вместе с матерью обходила лондонские госпитали, где получила первые представления о медицинской помощи. Тогда же её восхитила деятельность знаменитой Флоренс Найтингейл, английской сестры милосердия, ставшей национальной героиней. Теперь многие принципы Флоренс по устройству полевых госпиталей Алиса взяла на вооружение. Управление госпиталями она также взвалила на свои плечи и, кроме того, включилась в изготовление необходимых бинтов и солдатского белья. Вновь беременная, герцогиня в постоянном нервном напряжении трудилась не покладая рук. «Ваши подданные, — писала она матери, — ежегодно организуют сбор средств в пользу госпиталей. Могут ли я просить вас, чтобы на этот раз часть из них была передана нам? Через доктора Дженнера мы уже заказали в Англии корпию и другие перевязочные материалы... Мы сами шьём здесь рубашки и уже сшили четыре дюжины. Людвиг множество раз ходил в бой на лошади, которую вы ему подарили. Он хорошо переносит стрельбу, но не любит, когда рядом рвутся снаряды».

11 июля Алиса родила третью дочь, названную Иреной, что по-гречески значило «мир». В этом звучала её надежда, звучала мольба. И мир наступил уже через две недели. Фактически он являлся капитуляцией, но другого выхода не было. Существование герцогства висело на волоске. Сопровождаемое канонадой приближение прусских войск вызвало в Дармштадте панику, и только немедленное прекращение боевых действий ценой любых уступок могло спасти несчастную страну.

Столицу наводнили пруссаки. Они вели себя бесцеремонно и нагло. Грубили, мародёрствовали, влезали куда угодно, включая винные погреба герцога. О масштабах катастрофы бедная Алиса сообщала матери: «Мы потеряли окраинные земли и весь Гессен-Гомбург, всего шестьдесят четыре

тысячи душ. Кроме того, мы должны уплатить три миллиона, и это после того, как в течение шести недель обеспечивали построй прусской армии, что обходилось нам по 25 тысяч флоринов в день. Половина нашей армии оказалась под прусским командованием. На железных дорогах царит полнейший беспорядок. Почта и телеграф вскоре станут прусскими. Пруссак посягают на наши художественные ценности, наши старинные картины, книги и рукописи».

Ничего этого маленькая Элла не видела и, конечно, помнить не могла. Однако на всю жизнь у неё останется полное неприятие всего прусского, почерпнутое из общего семейного настроения. А ещё на её детстве отразится бедственное положение страны и собственной семьи, вызванное военным разгромом. И без того небогатые Людвиг и Алиса теперь еле сводили концы с концами, экономя практически на всём.

*

Шли годы. Жизнь постепенно налаживалась, входя в привычную колею. А в доме Алисы звучало всё больше и больше детских голосов. В 1868 году у герцогской четы родился долгожданный наследник, Эрнст Людвиг и вслед за ним, в 1870-м, ещё один мальчик, Фридрих. Прилив самых нежных чувств вызвало у родителей появление новой дочери, Алики, в 1872 году. Они нашли её такой же красивой, как Элла, и называли между собой «Солнышком». Через два года в семье появился последний ребёнок, Мария.

К воспитанию детей герцогиня относилась самым серьёзным образом, положив в его основу те же принципы, что прививались когда-то ей самой. «Викторианский дух» прочно поселился в её доме, диктуя незыблемые постулаты — простота в быту, закалённое здоровье, чёткий распорядок дня и постоянный труд. В любое время года детей будили в шесть утра. Через час, облачённые в простую, иногда сшитую матерью одежду, они приступали к занятиям — основы важнейших наук, рисование, музыка, иностранные языки, среди которых главенствовал английский, по понятным причинам не считавшийся иностранным. Уроки длились до половины одиннадцатого, во второй половине дня дети должны были самостоятельно продолжить занятия по учебникам. После первого завтрака с традиционным немецким меню полагалась прогулка. В два часа пополудни семья собиралась за обеденным столом, в пять, словно дело происходило в Лондоне, — за непременно чашкой чаю. Перед сном дети

самостоятельно застилали постели, предварительно закончив все дела под строгим взором английской гувернантки. Во всём порядок, во всём регулярность.

Конечно, это не лишало детей материнского внимания. Каждый день Алиса находила время, чтобы час-другой побыть рядом с ними, почитать книжку или совместно помузицировать, помочь с рукоделием или с рисованием. В одном из писем мужу она с умилением рассказывала, что их восьмилетняя Элла «совсем не хочет расставаться со мной, когда я прихожу к ним в комнату. Она постоянно меня целует и обвивает своими пухлыми ручками мою шею. Каждый раз, когда я ухожу, происходит “сцена”. Она такая ласковая... Милая толстушка Элла очень сильная и отнюдь не тихая... Она ещё прелестнее, чем прежде, и очень милый ребёнок». Однако подобные проявления родительских чувств никогда не переходили во что-то сентиментальное. Детей не баловали, не давали никаких поблажек. «Важно принцам и принцессам знать, — писала герцогиня матери, — что они ничем не лучше других людей, хотя и стоят выше их, и что это положение налагает на них двойную обязанность: жить для других и подавать им пример быть добрыми и скромными, и я надеюсь, что мои дети вырастут такими». Точнее не скажешь.

Приведённые принципы дополнялись ещё одним и, пожалуй, наиболее важным — христианским милосердием. Каждую субботу Алиса вместе с дочерьми отправлялась на Маурштрассе, где находилась городская больница, которой герцогиня постоянно оказывала поддержку. Там, чтобы хоть как-то скрасить тяжёлое положение страдальцев, они раздавали цветы и самодельные подарки. Дети навсегда должны были запомнить, что помощь ближнему — первейший долг и святая обязанность.

С раннего детства Элла любила слушать рассказы об уже упомянутой нами знаменитой подвижнице милосердия, святой Елизавете Тюрингской, ставшей для неё образцом в служении людям. Столь любимая в Дармштадте святая, дочь венгерского короля Андраша II, вышла замуж за ландграфа Тюрингии Людвига, с которым прожила недолгие, но счастливые (несмотря на расхожее, обратное мнение) шесть лет. Познакомившись с францисканскими идеалами бедности и милосердия, ландграфиня взялась активно помогать страждущим — создала большую больницу для неимущих, кормила бедняков. Когда её муж-крестоносец умер во время похода в Святую землю, Елизавета полностью посвятила себя служению обездоленным и, основав новый госпиталь, трудилась в нём наравне со всеми. Какой удивительный пример, какой высокий подвиг!

С основами религии детей Людвига и Алисы знакомил лютеранский

пастор Карл Зелл, но духовное развитие Эллы проходило, прежде всего, под влиянием матери. И неудивительно — герцогиня испытывала на редкость широкую и глубокую любовь к Богу, совсем не характерную для протестантской церкви, в лоне которой она воспитывалась и жила. В её письмах королеве Виктории можно встретить поразительные откровения, говорящие о высокой духовности Алисы, о её искреннем смирении и беззаветной преданности Христу: «Вера в Бога! Всегда и беспрестанно я чувствую в своей жизни, что это — моя опора, моя сила, какая крепнет с каждым днём. Мои мысли о будущем светлы, и тёплые лучи этого света, какой является нашим спутником жизни, разгоняют испытания и скорби настоящего». Эти чувства, эта любовь к Всевышнему, это пылкое желание всегда следовать Заветам Спасителя не могли не передаться её детям, двое из которых станут русскими православными святыми. Вся дальнейшая жизнь Елизаветы и Александры будет подтверждением материнских слов: «Милосердие Божие действительно велико, и Он посылает бальзам на израненное, истерзанное сердце, чтобы дать ему облегчение, и, посылая нам испытания, учит нас тому, как мы должны переносить их».

Однако штрихи предначертанного не видны в «дармштадтские» годы юной принцессы Эллы. Девочку отличал жизнерадостный характер, она часто улыбалась, хотя уже в раннем возрасте её размышления могли касаться серьёзных вопросов бытия, озадачивая мать такой «недетской» философией. В подобные минуты Елизавета казалась отрешённой, витающей где-то далеко, но вскоре к ней возвращалась привычная весёлость, а взявшись за дела — рисование, рукоделие, чистописание — она проявляла абсолютную сосредоточенность. Наибольших успехов Элла добилась в шитье, справляясь с ним самостоятельно и безошибочно.

Ещё одной из чёрточек её характера стала рассудительность. «Во время завтрака со мной, — сообщала в одном из писем Алиса, — Элла увидела, как я обмакнула печенье в кофе, и сказала: “О, мама, так нельзя! Разве так можно делать?” — потому что я не позволяю так делать. Она такая смешная, и с ней не так-то просто управляться — прямая противоположность Виктории, которая очень послушна».

И всё-таки в первую очередь девочку волновал окружавший её прекрасный мир — упорядоченный с немецкой пунктуальностью и одновременно наполненный необъяснимой красотой. Буковый лес, начинавшийся почти сразу за городом, сосновые боры, протянувшиеся до самого Рейна, полевые цветы, которые Елизавета так любила, — всё это манило, восхищало, радовало.

В самом Дармштадте ей нравилось бродить по аллеям старинного

пейзажного парка Херригартен, где когда-то прогуливался сам Иоганн Вольфганг Гёте и где имелся маленький уголок регулярного сада, напоминавший Версаль. Ещё более притягательным был утопающий в цветах парк Розенхёэ (Розовый холм). Здесь вместе с сёстрами Элла нередко собирала букеты, предназначенные их «друзьям» — пациентам городской больницы.

Иногда приходилось навещать дедушку Карла и бабушку Елизавету в их пригородном Бессунгене. Доброго деда, всегда готового показать в своём доме что-то интересное, Элла искренне любила, а вот бабушка первое время вызывала у неё лишь неприятные чувства. Вероятно, причина крылась в заметной «прусскости» Елизаветы-старшей, в её манерах, в акценте. К тому же всё, что напоминало Пруссию, в Дармштадте воспринималось исключительно негативно. Лишь постепенно Элла прониклась к бабушке глубокой привязанностью, в итоге беззаветно полюбив её. Сама же Елизавета Прусская с самого рождения внучки, получившей её имя, не чаяла в ней души. Радовалась её успехам, подмечала в характере своей любимицы некоторые черты, схожие с собственными. Набожная и благочестивая, мать герцога Людвига отличалась большим милосердием. Главным делом её жизни стала забота о бедных. В Дармштадте по её инициативе был учреждён дом диаконис Елизаветинского монастыря, на который она пожертвовала крупную сумму. Кто знает, не у немецкой ли бабушки Элла впервые познакомилась с некоторыми идеями, впоследствии претворёнными в жизнь ею самой.

Самыми прекрасными были дни, проводившиеся в загородном Кранихштайне. Рядом с двухэтажным домом, наполненным охотничьими трофеями, находилось небольшое озеро, а окружавшие его деревья давали приют многочисленным журавлям. В переводе с немецкого это место так и называлось — «Журавлиный камень». Тенистый парк начинался сразу за окнами, отчего дом казался ещё более романтичным. В один из дней Виктория и Елизавета, поддавшись такому настроению, написали свои имена алмазным перстнем на оконном стекле.

Две старшие дочери Алисы очень сдружились. И это было особенно странным, учитывая заметную разницу их характеров. Викторию всегда отличали практичность, железная воля, организаторские способности и тяга к точным наукам. Более мягкая и впечатлительная Элла со своим особым видением мира на первый взгляд была ей полной противоположностью, но они, как это порой бывает, дополняли друг друга, создавая прочный союз. Постепенно к нему присоединились младшие — добрая, покладистая Ирена и с ранних лет серьёзная Алики. С братьями,

пожалуй, лучше всех находила общий язык Елизавета. «Из всех сестёр, — вспоминал Эрнст Людвиг, — Элла была мне всех ближе. Мы почти всегда во всём понимали друг друга, она настолько тонко чувствовала меня, как это редко бывает с сёстрами».

Из Кранихштайна семья возвращалась в Новый дворец (официально он так и назывался — Нойес пале). Полностью созвучный вкусам герцогини, этот дом отличался неброской, но уютной красотой. Его гостиные, украшенные произведениями английского искусства, нередко и с удовольствием посещались представителями культуры — богословами, писателями, философами. Здесь побывал Рихард Вагнер, а другой выдающийся композитор, Иоганн Брамс, удостаивал хозяйку совместной игрой на фортепьяно. Эрнст Людвиг потом с гордостью рассказывал, что стал первым слушателем знаменитых Венгерских танцев. Гордились мамой и остальные дети, счастливые в столь незабываемые моменты.

И, конечно, особую гордость всегда вызывал отец — большой, сильный и такой добрый. Он был героем войны с «противными пруссаками»! Он спас утопающего во время морской бури, когда другие отчаялись что-либо сделать! А как легко и весело он мог включиться в детскую игру, разрешая возиться даже у себя в кабинете! К сожалению, многочисленные военные, а затем и административные обязанности не позволяли ему уделять семье больше времени, но тем желаннее было детям поскорее вновь увидеть его крупную фигуру и улыбчивое лицо.

Когда в 1870 году Людвиг отправился на войну с французами, шестилетняя Элла писала ему первые в своей жизни письма: «Папа, поздравляю тебя с днём рождения и с тем, что ты получил Железный Крест. Если я сегодня буду хорошо себя вести, фройляйн фон Э. пообещала мне такой же», «Дорогой папа, ты выздоровел? Все наши куклы здоровы. У куклы Виктории — день рождения, она получает подарки. Вчера в первый раз выезжали с мамой на прогулку. Шёл очень сильный дождь...», «Мой дорогой папа, желаю тебе счастливого Нового года. Мама поставила в нашей школьной комнате твой портрет. Мы были в Ратуше, где устроили Рождество для бедных детей. Их папы на войне».

В Дармштадте Людвиг пользовался большой популярностью. Местные жители отмечали его доброту, отзывчивость, внимание к чужим нуждам. Из уст в уста передавались рассказы о том, как герцог помог кому-то из горожан или подвёз до дома деревенскую старушку с тяжёлой поклажей. Для солдат он являлся кумиром — делил с ними тяготы похода, а в бою не прятался за их спины. И только для жены Людвиг оставался малопонятным, иногда совсем чужим человеком. Их личные отношения

складывались непросто, осложняясь периодически размолвками, после которых в семье, как правило, воцарялся более прочный мир.

Причины всех недоразумений крылись в слишком большой разнице характеров, обнаружившейся уже после свадьбы. Герцог был старше супруги на шесть лет. Его отличали простота, открытость, немецкая прямолинейность и тяга к привычным с детства вещам. Более утончённая и эмоциональная Алиса долго не могла найти с ним общих интересов в духовной сфере. Наталкиваясь на непонимание, обижалась, виня в происходящем только себя. Иногда разногласия дополнялись противоположным отношением к Дармштадту — герцогине никак не удавалось понять и принять этот город, что периодически вызывало у неё раздражение. Людвиг же вставал на защиту своей малой родины, удивляясь нежеланию супруги уступить в столь очевидном деле. Однажды трения привели к долгому отъезду Алисы в Англию, где уже вскоре она поняла, как не хватает ей рядом «дорогого Луи» с его добротой и заботливостью. Временная разлука с мужем вновь поспособствовала сближению.

Алиса, конечно, любила его. Когда Людвиг серьёзно заболел, уделяла ему всё время — читала вслух, музицировала, стараясь поднять настроение, спала на софе у подножия его постели, и пока не появились первые признаки улучшения, не отходила от мужа ни на шаг. Когда он отправлялся на войну, ежедневно волновалась и переживала. Мелкие домашние проблемы теряли всякое значение, если речь шла о чём-то действительно серьёзном. И понятно, что они никогда не затрагивали детей. Все перипетии родительских отношений оставались надёжно сокрытыми.

Что же касается подданных, то даже самые придирчивые взгляды не могли заметить ничего предосудительного или просто неправильного в семействе герцога Людвиг. В нём соблюдались основополагающие нормы, в нём проявлялись традиционные добродетели, в нём подрастали учтивые дети. В итоге всё местное население признало его образцовым.

*

Франко-прусская война 1870—1871 годов, заставившая гессенцев выступить на стороне своих недавних обидчиков, навсегда лишила герцогство политического суверенитета. Победившая Пруссия добилась своей главной цели — «железный канцлер» Отто фон Бисмарк создал из немецких земель единую Германскую империю со столицей в Берлине.

Прусский король сделался кайзером, и никаких других монархов в его державе отныне быть не могло.

Ещё по итогам предыдущей войны Гессен-Дармштадтское герцогство потеряло вместе с частью территорий значительную долю самостоятельности. Тогда только дипломатическое вмешательство российского императора позволило несчастному правителю сохранить само существование престола вместе с титулом, пусть и поменявшимся на «Гессенский и Прирейнский». Теперь даже это стало фикцией, громкими словами при пустом содержании. Вернувшийся с фронта Людвиг тяжело переживал унижение родной страны и ущемление своих фамильных прав. Алиса сочувствовала ему, хотя в глубине души понимала неизбежность и целесообразность объединения германских земель.

Но пока шла война, думать о таких вещах не приходилось. Герцогиня вновь самоотверженно трудилась в госпиталях, один из которых развернула в своём дворце. Там её можно было увидеть не только у кроватей раненых, но и на кухне, занятой приготовлением пищи. Рядом с ней работала, обжигая кастрюлями руки, восьмилетняя Виктория. Нехватка медицинского персонала заставила герцогиню ежедневно давать всем желающим женщинам уроки основных навыков сестёр милосердия. Но больше всего дармштадтцев потрясла организованная Алисой доставка во дворец раненых французов. Лечить врагов! Добропорядочные бюргеры не сразу поняли всю глубину её христианского поступка.

Наступивший мир сопровождался полным разорением герцогства, условно входившего в число победителей. Семья Людвиг находилась в самых стеснённых обстоятельствах — по меркам их круга, близких к нищете. Именно тогда жизнь герцога и герцогини осветило «Солнышко», новорождённая дочь Алики. Как награда за перенесённые испытания, как лучик надежды на светлое будущее. И тут же чёрная тень затмила родительское счастье — у маленького Фридриха (Фритти) врачи диагностировали гемофилию. Алиса была потрясена. Её сын унаследовал коварный, опасный и тяжёлый недуг, нарушающий механизм свёртывания крови. В семье королевы Виктории он впервые проявился у младшего брата Алисы, принца Леопольда, и вот теперь оказалось, что загадочный ген перешёл в следующее поколение.

За Фритти следовало внимательно наблюдать, уберегая от малейших царапин и ушибов. Да разве можно предугадать, в каком неожиданном месте спрячется роковая опасность? 29 мая 1873 года резвившийся Фритти случайно выпал из огромного, до самого пола, дворцового окна. Упав с высоты в двадцать футов (шесть метров), он сильно ушибся, но остался

невредим. Другой ребёнок на его месте, возможно, поправился бы, однако внутреннее кровоизлияние в данном случае привело к летальному исходу тем же вечером. Малышу было два с половиной года. Раздавленная горем Алиса напишет матери: «В самый разгар праздника жизни мы внезапно сталкиваемся со смертью... Всю жизнь нам надлежит готовиться к встрече с вечностью».

Смерть брата стала первой трагедией, развернувшейся перед Эллой. Первым потрясением. Боль утраты усиливалась видом материнских страданий, не прекращавшихся ни через месяцы, ни через год. Мысль о собственной вине постоянно терзала и мучила Алису, доводя её до иступления, вынуждая отказаться от всех привычных дел и заставляя чахнуть буквально на глазах. Элла с трудом подбирала слова утешения. И всегда старалась, по возможности, быть рядом. Два года спустя она писала матери из Шотландии, где гостила у бабушки: «Сегодня годовщина смерти бедного Фритти. Мне так хотелось, чтобы мы все были в Дармштадте, и тогда смогли бы положить цветы на его могилу».

Время постепенно залечило семейную рану, а заодно принесло существенные перемены. В марте 1877 года умер дедушка Эллы, принц Карл. Поскольку у Великого герцога не было детей, Людвиг, как старший племянник правителя, стал наследником Гессенского престола, взойти на который ему пришлось спустя всего три месяца. Возглавлявший страну двадцать девять лет Великий герцог Гессенский и Прирейнский Людвиг III скончался 13 июня, и его символический трон занял отец Эллы, Людвиг IV.

Нового сюзерена подданные встретили очень тепло. И у него, и у его жены прибавилось обязанностей, причём Алиса попыталась провести некоторые социальные реформы, на что её сил уже не хватало. Хотя чувства гессенцев давно потеплели, их герцогиня утратила былую искорку: она интересовалась общественной деятельностью, науками, искусством, но всё больше уходила в себя. В семье же ничего не изменилось — та же бедность, та же нехватка элементарного, тот же повседневный распорядок.

Летом 1878 года семейство Людвига отправилось в Англию. Детям был необходим целебный морской воздух. Королева сняла для них большой особняк на берегу Ла-Манша, в Истборне, любимом курорте англичан. Впрочем, Алисе, как всегда, было не до отдыха. За короткое время она и здесь организовала несколько благотворительных акций, а в октябре повезла детей к бабушке в Осборн. Новая встреча с домом детства не обрадовала, герцогиню не покидали мрачные мысли, усилившиеся после недавней лондонской катастрофы. 3 сентября на Темзе затонул прогулочный пароход «Принцесса Алиса». Под покровом ночи в него

врезалось груженное углём судно, что привело к гибели порядка семисот человек. Та, чьё имя красовалось на борту злосчастливого парохода, сочла произошедшее дурным предзнаменованием. Расстроенная и печальная, перед отъездом из Осборна она сфотографировалась со старшими дочерьми. Как принято, на память. Это будут её последние фотографии...

Сразу по возвращении домой, 5 ноября, принцесса Виктория пожаловалась на боль в шее. Следующим утром у неё диагностировали дифтерию, быстро поразившую и других детей. Не заболела только Элла, немедленно изолированная во дворце, а затем вывезенная из Дармштадта. 15 ноября болезнь перешла на четырёхлетнюю Мэй. Её хрупкий организм не смог справиться с таким тяжёлым недугом, и той же ночью девочка умерла.

Алиса обезумела от горя. Смерть любимой малютки она долго скрывала от других детей, но постоянные просьбы Эрни передать сестрёнке подарок заставили её сказать правду. Заплакавший мальчик бросился в материнские объятия, и Алиса, пренебрегая опасностью, нежно поцеловала больного сына. Этот поцелуй назовут позднее «поцелуем смерти», хотя, возможно, заражение герцогини спровоцировало что-то другое. Две недели она чувствовала себя хорошо, говоря о возвращении сил, но 7 декабря слегла.

Не имея возможности увидеть мать и не зная о тяжести её состояния, Элла догадывалась о возникшей угрозе. Едва получив известие о маминой болезни, она послала ей записку: «Дорогая мама! Посылаю тебе эту рамку, которую я сама нарисовала. К сожалению, она не очень красивая. Я надеюсь, что ты чувствуешь себя лучше в этот вечер. Я пишу так крупно, чтобы тебе было легче читать в постели». Беспокоилась и об отце: «Дорогой папа, мне бесконечно жаль, что мама плохо себя чувствует. Если я смогу что-то сделать для тебя, пожалуйста, дай мне знать. Я всегда очень рада, если могу тебе как-то помочь».

Трагическая развязка наступила 14 декабря в восемь часов утра. Роковая дата, годовщина смерти принца Альберта... Отец словно звал к себе дочь в день своей памяти, и последними словами умирающей были: «Дорогой папа!»

Герцогство погрузилось в траур. Люди искренне переживали утрату, оплакивая неутомимую благодетельницу. Подлинный масштаб её личности только теперь стал по-настоящему понятен подданным. С церковной кафедры пастор Зелл говорил о ней как об «истинной матери страны», благородной правительнице, образцовой супруге. «Это был дар божественного провидения нашей земли», — подытожил проповедник. Тем

не менее гроб Великой герцогини, согласно её воле, был покрыт британским флагом. До последних дней она считала себя прежде всего английской принцессой.

«Моя мама была одной из тех великих душ, — вспоминал позднее Эрнст Людвиг, — которая, несмотря на то, что она умерла молодой, достигла высокого уровня совершенства; и все леди, с которыми я говорил, отмечали, что они изменились под влиянием её личности. Они стали более серьёзны и научились развивать в себе внимание к страждущим». Элла унаследовала от матери много ценнейших качеств — трудолюбие, великодушие, общительность, любовь ко всему прекрасному. Но главное, отзывчивость, сострадание, соучастие в бедах и радостях народа. И ещё, вместе с сестрой Алики переняла глубокие религиозные чувства, отличавшие Алису всю жизнь.

Людвиг похоронил жену в Розенхёе, среди лужаек и деревьев красивого парка. Через несколько лет на одной из площадей Дармштадта, неподалёку от дома, где родилась принцесса Елизавета, местные жители за счёт своих пожертвований возведут обелиск. Надпись на нём будет гласить: «Алисе — незабвенной Великой герцогине».

*

Прежнее счастье безвозвратно ушло, беспечная пора детства Эллы завершилась, резко перейдя в отмеченную сиротством юность. О несчастных внуках позаботилась королева Виктория, составившая подробную инструкцию о порядке их дальнейшего воспитания и написавшая детям о своей готовности стать для них новой матерью. Но если первое желание затем чётко выполнялось овдовевшим Людвигом, гувернанткой, фрейлиной и нянями, то осуществление второго, зависящего лишь от самой Виктории, не имело реальной перспективы. Дети любили бабушку, а та, несомненно, питала к ним самые нежные чувства, ещё более поразительные с учётом того, что прежде они никогда не проявлялись по отношению к её собственным чадам. И всё-таки королева оставалась монархом двадцать четыре часа в сутки, прагматичность всегда господствовала в ней над сердечностью, и той теплоты, что дарилась ею осиротевшим внучатам, не хватало для задуманного. Элла быстро почувствовала себя взрослой, самостоятельной, ответственной за младших. Переживая горе, она старалась хоть как-то смягчить его удар для других, прежде всего более слабых. Но слова утешения находила и для отца, и даже

для бабушки.

Продолжились занятия с учителями, на которых согласно королевским указаниям должны были присутствовать приставленные к детям мисс Джексон или мадам Граней. Тем же дамам вменялось в обязанность обращаться к Великому герцогу по всем вопросам воспитания, а также оберегать принца и принцесс от влияния других родственников, кроме их отца, немецкой бабушки и, разумеется, самой королевы. К прежним местам досуга прибавился уютный замок Вольфсгартен, унаследованный Людвигом вместе с престолом.

Периодически королева брала внуков к себе, в Англию, и те несколько месяцев, проведённых в шумном Лондоне, в великолепном Виндзоре или в живописном шотландском Балморале, были для Елизаветы счастливейшем временем. Нередко в летние месяцы она гостила в Осборне, где дышала морским воздухом и с удовольствием купалась. Элла хорошо знала и о том, что здесь состоялась свадьба её родителей, и о том, что Осборн-Хаус был любимым домом бабушки. Теперь о былом счастье во дворце среди прочего напоминали две статуи, запечатлевшие дедушку Альберта в образе английского короля Эдуарда III, облачённого в рыцарские доспехи, и саму Викторию в образе его жены, доброй королевы Филлипы, заступившейся за поверженных врагов. И пусть это были изображения «по мотивам» давнего придворного маскарада, в них ясно читался образец супружеского союза. Он — бесстрашный, сильный и справедливый, она — верная, заботливая и милосердная.

Огромная Британия представлялась Елизавете полным контрастом милому, но такому захолустному Дармштадту — здесь чувствовалось дыхание ещё малоизвестного мира, здесь кипела настоящая жизнь, пусть и не всегда ощутимая в королевских парках, где можно было весело резвиться. Правда, в личном быту мало что менялось — та же простота, та же расчётливость. Только если в Дармштадте они скорее обуславливались недостатком средств, не хватавших порой даже на постельное бельё, то в Англии проистекали из протестантского культа самодостаточности. Починка одежды, штопка и вязание были давно освоены Эллой и никуда не исчезли из привычного распорядка.

Тем ярче и фантастичнее выглядела для неё картина официальной придворной жизни, когда приведённую в большой зал её ставили рядом с многочисленными кузенами и кузинами, титулованными дядями и тётями, знатными лордами и леди, рыцарями Подвязки и кавалерами Бани, министрами и дипломатами. В нужный момент всё это пышное общество благоговейно замирало и в распахнутых дверях появлялась Божией

милостью Королева Великобритании и Ирландии, Императрица Индии и Защитница Веры. Одетая, как всегда, в чёрное в знак бесконечного траура по мужу, она медленно проходила мимо пёстрой толпы, всем своим видом олицетворяя могущество державы, подчинившей себе пространство и время. Среди лиц, выражавших ей почтение, Елизавета замечала даму в неимоверно красивых драгоценностях, вызывавших вокруг завистливый шёпот. Это была «тётя Мэри», герцогиня Эдинбургская, вторая невестка королевы. Её гордый вид и ни с чем не сравнимые украшения объяснялись просто — герцогиня была дочерью русского царя. И в голове юной гессенской принцессы невольно возникало смутное представление о далёкой таинственной России, лежавшей где-то в снегах и чем-то сильно пугавшей обитателей Туманного Альбиона.

Тогда на память приходили собственные впечатления: приезжавшая в Дармштадт царица, такая добрая, сердечная. И сопровождавший её сын, так понравившийся «кузен Серж» — приятный юноша с тонкими чертами, безупречными манерами и серьёзными знаниями, а ещё с какой-то загадочной грустью в глазах — то ли от воспоминаний, то ли от предчувствий...

2. ИЗБРАННИК СЕРДЦА

Пятый сын императора Александра II, Великий князь Сергей появился на свет в Царском Селе 29 апреля 1857 года, в понедельник четвёртой недели по Пасхе. Был самый разгар весеннего пробуждения природы, ярко раскрасившей дворцовые парки. Но солнечные дни уже затемнялись порой первыми грозowymi тучами. В воздухе повисала напряжённость, а в людей вселялось какое-то волнение, возрастающее с каждым раскатом грома...

Императорская чета проживала в своём любимом Зубовском флигеле, принадлежавшем ей со дня свадьбы. Каждый раз она переселялась сюда с большим удовольствием, находя здесь возможность для относительного уединения и тесной семейной жизни. Здесь же родилось трое из шестерых её детей, чьи портреты украшали кабинет Государя в нижнем этаже. Печально, что первая девочка, Александра (Лина), умерла в семилетнем возрасте, но четверо сыновей и младшая дочь составляли истинное счастье родителей. Ныне в этом тихом уголке Большого дворца к ним должен был присоединиться новый малыш, и лейб-медик К. Гартман всё чаще поднимался в бывшие покои Екатерины II, где жила императрица Мария Александровна.

Очередные роды, случившиеся на две недели раньше ожидаемого срока, прошли очень тяжело. Целые сутки императрица провела в муках, стойко перенося сильнейшие боли. Окружающие усердно молились о благополучном исходе, в изголовье Марии Александровны поставили икону Рождества Богородицы; Царские врата в придворных церквях, Знаменской и походной, открыли, как на Светлой седмице. Наконец в четверть девятого пополудни раздался первый крик младенца, и духовник Императорской семьи отец Василий Бажанов поспешил отслужить благодарственный молебен. Жителям столицы о радостном событии возвестил триста один пушечный выстрел.

Новорождённого окрестили в Духов день. В церковь его внесла на подушке статс-дама княгиня Е. Салтыкова. Восприемник — цесаревич Николай Александрович — с большим достоинством и умением исполнил обязанности крёстного отца. Восприемницей стала Великая княгиня Екатерина Михайловна, племянница Николая I. По традиции были назначены и многочисленные почётные крёстные, не присутствующие на обряде. Всё прошло с подобающей торжественностью, немного

нарушенной лишь громким криком младенца при погружении его в купель и миропомазании. Пронзительный голос малыша усилили и отразили своды и стены храма, с которых святые лики испытующе взирали на того, кто в эти минуты вместе с маленьким нательным крестиком принимал на себя тяжелейший крест судьбы.

Новый член Императорской Фамилии получил имя Сергей. Таким было желание родителей, посвятивших сына преподобному Сергию Радонежскому. Мальчик был их порфирородным первенцем (то есть первым ребёнком, родившимся после восшествия отца на престол), а потому воспринимался как некий знак, как благословение свыше и по тайному обету царской четы ещё до появления на свет был вверен молитвам святого игумена Русской земли.

Когда Сергею исполнилось три года, заботы о нём были поручены Анне Фёдоровне Тютчевой. Она уже проявила недюжинные педагогические способности при воспитании единственной дочери в Царской семье. Полученный при этом опыт помог ей со всей ответственностью и серьёзностью взяться за новое поручение, а вскоре её попечению доверят и родившегося в сентябре 1860 года Великого князя Павла — последнего ребёнка Александра II. Рачительная и экономная, Тютчева оградила младших детей императора от излишеств, с большим тактом готовя их к будущему долгу и ответственности. В первые шесть месяцев расходы на Сергея она сократила вдвое, а оплату связанного с ним транспорта — почти в десять раз! И в дальнейшем мальчик должен был приучиться к скромности, терпимости, аккуратности. От воспитательницы он узнавал, как проявляются в жизни христианские добродетели, навсегда запомнив, что ни один человек не свободен от житейских трудностей. Однако главное значение воспитательной работы Тютчевой заключалось в привитии подопечным некоторых собственных убеждений. Дочь известного поэта, Анна Фёдоровна выросла в атмосфере его глубоко национальных и славянофильских идей. Многие она почерпнёт и в московских кружках славянофилов, став активной проповедницей идеи особой исторической миссии России. Религия и мистицизм также являлись краеугольными камнями в её взглядах на жизнь, политику, на сущность русского Монарха.

29 апреля 1864 года семилетнему Сергею был назначен наставник — флотский офицер, капитан-лейтенант Дмитрий Сергеевич Арсеньев. Представитель старинного дворянского рода, давшего Отечеству видных военных, учёных, администраторов и литераторов, а также связанного семейными узами с известными фамилиями (Меншиковых, Лермонтовых,

Столыпиных), Дмитрий Сергеевич и сам был личностью незаурядной. Смелый, честный, высококультурный, он стремился привить воспитаннику большую любовь к родине, развивал в нём с юных лет понятие чести и, готовя его к исполнению долга, особое внимание обращал на вопросы нравственности. Вначале появление нового воспитателя испугало Сергея — мальчик решил, что теперь у него отнимут игрушки и лишат его привычных радостей. Особенно не хотелось расставаться с любимыми «мопсами» — фарфоровыми собачками, из которых составилось целое «общество». Но вскоре он успокоился, незнакомый офицер оказался совсем не страшным. Даже наоборот — читал вслух книжки, рассказывал интересные истории, объяснял непонятные вещи и вовсе не запрещал игры. Постепенно Сергей проникся к своему наставнику доверием и со временем искренне привязался к нему.

Они беседовали на самые разные темы, разбирая прочитанное или увиденное, однако главным в таких разговорах оставался вопрос об ответственности, лежащей на каждом человеке, и в особенности на сыне русского Государя. Дмитрий Сергеевич объяснял, почему народ становится на колени при проездах Царской Фамилии, кого видят и почитают люди в лице Августейшей семьи и каковы должны быть поступки тех, кто имеет честь к ней принадлежать. Одновременно наставник придумывал педагогические приёмы, с помощью которых стремился искоренить некоторые недостатки в характере воспитанника, в частности его упрямство. Так, однажды в комнате царевича появился кукольный театр, и в главном персонаже представлений, маленьком Ванечке, Сергей без труда узнавал самого себя. Заливаясь слезами стыда за своё недавнее поведение, юный зритель обещал незамедлительно исправиться.

О занятиях с Великим князем Арсеньев регулярно докладывал императрице. Для её удобства он стал вести специальные дневники, знакомясь с которыми, Мария Александровна могла не только следить за воспитанием сына, но и принимать в нём более активное, чем позволял этикет, собственное участие. Словом, рекомендовавшая наставника Тютчева не ошиблась в выборе.

С наступлением совершеннолетия Сергея Александровича Арсеньев будет назначен его попечителем, что ознаменует новый шаг завершившего образование царевича в самостоятельную жизнь. Но этому этапу предшествовал весьма длительный период обучения, план которого, как принято, поручили составить воспитателю, а курсы читаемых наук определили приглашённые учителя. Из них в первую очередь необходимо обратить внимание на Константина Петровича Победоносцева,

преподававшего Сергею энциклопедию права. Великий князь с детства хорошо знал и любил этого замечательного учёного и государственного деятеля, стойкого борца за упрочение национальных и религиозных устоев русского общества. К. П. Победоносцев преподавал в Царской семье с 1861 года, и среди его слушателей был будущий император Александр III, который положит многие заветы учителя в основу своей политики. Как и старший брат, Сергей с большой отзывчивостью воспринимал лекции мудрого правоведа, только теперь уроки проходили на фоне кипящей за окнами дворца политической жизни семидесятых годов с общественным раздражением на всех и на всё, с периодическими выстрелами и взрывами террористов. В этой раскалённой атмосфере начали выплывать собственные политические взгляды царевича.

Когда же в 1880 году Победоносцев возглавит Святейший синод, Великий князь воспримет новое назначение учителя с радостью, а в двадцатипятилетнем руководстве Константином Петровичем делами Русской церкви увидит достойный пример несения тяжёлого креста во имя торжества истины. Следуя тем же путём, Сергей Александрович всю жизнь будет помнить завет наставника, полученный в день своего совершеннолетия — никогда не забывать о высокой личной ответственности, о самопожертвовании. «Где всякий из граждан, частных людей, — наставлял Победоносцев, — не стесняет себя, как частный человек, там Вы обязаны себя ограничивать, потому что миллионы смотрят на Вас как на Великого князя, и со всяким словом и делом Вашим связаны честь, достоинство и нравственная сила Императорского Дома».

Сложные вопросы политэкономии Сергею преподавал Владимир Павлович Безобразов, видный экономист, публицист, педагог. Широко образованный специалист, академик, сторонник реформ и противник радикализма, он сумел увлечь Великого князя, казалось бы, скучными вопросами о производстве, распределении и стоимости продукта. Вместе с учителем Сергей Александрович стал посещать и так называемые «экономические обеды», игравшие роль своеобразного политического клуба. Заметим, что в отличие от бывавшего на тех же собраниях и познававшего механизм экономики цесаревича, Сергей не готовился к престолонаследию — его интерес к таким проблемам, вышедший за рамки ознакомительного обзора, можно объяснить лишь желанием как можно лучше узнать своё Отечество, через всесторонний сравнительный анализ понять, что такое Россия.

Поскольку традиция воспитания Великих князей уделяла особое внимание военным наукам, Сергей Александрович прослушал объёмный

цикл соответствующих лекций. С искусством стратегии и тактики его познакомили выдающиеся русские военные теоретики. Это Генрих Антонович Леер, профессор, автор крупных научных трудов, а также Михаил Иванович Драгомиров, золотой медалист Академии Генштаба, профессор, знаток устройства иностранных армий, сторонник развития в вооружённых силах нравственного фактора. Последний был преподавателем и двух старших братьев Сергея. Курс военной статистики прочитал профессор Николаевской академии Генштаба Павел Львович Лобко, секреты фортификации раскрыл Цезарь Антонович Кюи, выпускник Инженерной академии, профессор, более прославившийся как талантливый композитор.

Важным аспектом образования было изучение иностранных языков. Помимо усвоения классической латыни Сергей в совершенстве овладел немецким, английским и французским. На последнем он легко и с удовольствием общался, а своего учителя, Льва Фёдоровича Лакоста, неизменно числил среди близких людей. В будущем этот умный и милый француз удостоится чести сопровождать Великого князя во время его сватовства, после чего, понравившись и Елизавете Фёдоровне, месье Лакост станет всегда желанным гостем в доме любимого ученика и его очаровательной супруги.

Конечно, в ходе обучения не были забыты словесность, чистописание, рисование, музыка, гимнастика, танцы и верховая езда. Однако вместе с учёбой на Сергея вскоре легла и другая обязанность — как члену Императорской Фамилии ему надлежало принимать участие в официальных церемониях, присутствовать на парадах, совершать поездки с родителями, встречать посетителей. Здесь имелась своя наука. «Великому князю, — вспоминал один из учителей, — делалась специальная репетиция предстоящего приёма. Ему объяснялась не только серьёзность того, о чём будут просить или что будут говорить представляющиеся, но давались особые объяснения о том: каково социальное положение представляющихся, о чём следует примерно спросить или говорить с ними, — оттого представляющиеся уходили под впечатлением не только доступности и любезности князя, но и обширности его ознакомленности со всеми сторонами русской жизни». В таких случаях занятия, направленные как раз на эту «ознакомленность», приходилось прерывать, отчего порой страдало качество уроков.

Тем не менее Сергей учился хорошо и достаточно ровно, о чём свидетельствует его сохранившийся дневник — балльник за 1873—1874 годы. Но, как и любой учащийся, Великий князь по-разному воспринимал

читаемые ему дисциплины. Абстрактные понятия, равно как и бездушные теоремы, не находили в нём отклика. Зато гуманитарные предметы, рисующие яркую картину жизни, увлекали по-настоящему. С особенным удовольствием он занимался русской историей, курс которой читал Константин Николаевич Бестужев-Рюмин. Выдающийся учёный отличался строгим критическим подходом ко многим теориям и течениям, убедительно доказывая жизненное значение для России самодержавной власти. В Царской семье его слушателями были и цесаревич Александр, и Великий князь Константин Константинович. Зимой 1876 года несколько лекций Сергею Александровичу прочитал корифей исторической науки Сергей Михайлович Соловьёв, сделавший упор на освещении военных событий.

И всё-таки именно К. Н. Бестужев-Рюмин развил в Сергее глубочайший интерес к родной старине. Видя, что Великий князь пытается добраться до самых истоков русской государственности, историк инициировал его поездку в северо-западные губернии, туда, «откуда есть пошла Русская земля». Руководить экспедицией, организованной в 1878 году, доверили графу Алексею Сергеевичу Уварову, крупному специалисту по археологии, недавно познакомившему с ней Великому князю. Учёный с радостью откликнулся на предложение. «Как отрадно видеть, — писал он Арсеньеву, — что ни шум, ни развлечения боевой жизни не могли изгладить из Его (Сергея Александровича. — Д. Г.) сердца... намерение изучать нашу дорогую родину в её быте и памятниках. Такие серьёзные направления в воззрениях молодого человека делают... Ему честь». И вот во всём своём древнем величии перед Сергеем предстали Новгород и Псков. Что за места! Святая София, Рюриково городище, Юрьев монастырь, суровый Псковский кремль. А какая природа, какие живописные просторы — сила, воспитавшая истинно русский дух! А какие имена приходят здесь на память: легендарный Рюрик, вещий Олег, святая равноапостольная Ольга, святой Александр Невский! Сергей увлечённо знакомится с историческими памятниками и даже включается в проводящиеся раскопки — в Изборске, в окрестностях Пскова, на берегу озера Ильмень.

На этом поприще он попробовал себя ещё три года назад, когда посетил Уварова на раскопках в Крыму. Как же радовался тогда новичок первым своим находкам, первым открытиями! «Я, между прочим, нашёл, — записал он в дневнике, — большое кольцо с отверстием, вероятно, на шею, выделанные раковинки и бронзовые бляхи и кольцо». Живой интерес Сергея Александровича к этой науке сохранится и в будущем: он будет внимательно следить за всеми достижениями в данной области,

участвовать в работе Московского археологического общества, организовывать и финансировать научные раскопки. Восхищенный таким энтузиазмом Уваров назовет ученика «Великим князем от археологии».

Главной целью поездки на Северо-запад России было всестороннее знакомство со страной — с её историей, географией, экономическим состоянием, с бытом русского народа. Вместе с Сергеем в путешествие отправился его брат Павел, а также кузены Константин и Дмитрий; сопровождала Великих князей небольшая группа учёных, дававших пояснения к увиденному. Для юных путешественников это было первое свидание с Отечеством — не «книжным», а реальным, живым. Ещё недостаточно знакомым, но таким любимым. И оно постепенно открывалось перед ними самыми разными сторонами: величию древних соборов и мрачными тайнами Шлиссельбургской крепости, устройством ладожских каналов и мощностями производственных цехов Петрозаводска, очарованием бескрайних просторов и радостью встречающего народа. Огромное впечатление произвели знаменитые монастыри — Валаамский, Александро-Свирский, Кирилло-Белозерский.

С историческими местами Сергей встречался в тот раз не впервые. Осенью 1867 года Великий князь совершил небольшое заграничное путешествие, являющееся частью обучения царских детей. Вместе с ним отпустили его сестру Марию, но оба должны были ехать инкогнито в сопровождении Д. С. Арсеньева и графини А. А. Толстой. Их путь лежал в Константинополь, где среди пёстрой турецкой действительности путешественники хотели разглядеть следы исчезнувшей Византии. И всё же, какими бы удовольствиями ни манили к себе другие города и страны, с годами во всех маршрутах Сергея Александровича, не связанных с представительскими и служебными обязанностями или с посещением зарубежных родственников, будет прослеживаться его упорное стремление оказаться в духовных центрах христианства. Помимо Константинополя он побывает в Риме, совершит поездку в Грецию, дважды посетит Святую землю и увидит немало святоотеческих мест. Конечно, первым и наиболее посещаемым из них всегда оставалась Троице-Сергиева лавра. Вскоре близкое к ней значение приобретёт в душе Великого князя Саввино-Сторожевский монастырь, традиционное место царского паломничества, где он впервые побывал четырёхлетним мальчиком.

Другая, более памятная поездка состоялась в июне 1866 года. Туда, в древнюю обитель, основанную под Звенигородом преподобным Саввой, учеником святого Сергия Радонежского, его вместе с сестрой отпустила императрица. Дети только что вернулись из краткого паломничества в

Новый Иерусалим и теперь спешили поклониться Звенигородскому чудотворцу, что было особенно важно в связи с недавними событиями: 4 апреля в Петербурге произошло покушение на императора. Как выяснится позднее, первое в целой череде. Благодарственные молебны в честь счастливого избавления Александра II от опасности со стороны злодеев прошли по всей России, но, несмотря на очевидное благоволение Небес, беспокойство императрицы за мужа долго не проходило. К тому же дата покушения совпала с годовщиной помолвки царственных супругов, и это, вызвав грустные размышления, омрачило праздник их серебряной свадьбы, состоявшийся через двенадцать дней после выстрела террориста.

Все эти переживания заставили Императорскую чету провести целый месяц в подмосковном имении Ильинское, выкупленном Государем для своей жены три года назад. Здесь Мария Александровна надеялась восстановить душевное спокойствие и, выбрав для богомолья детей Саввино-Сторожевский монастырь, возможно, хотела испросить у преподобного заступничество за мужа. Ведь святой Савва чудесным образом спас царя Алексея Михайловича от напавшего во время охоты медведя, а потому почитался как защитник Династии от внезапных опасностей. «Святому молитвеннику о Царях Богоизбранных», — будет написано на золочёной серебряной лампаде, принесённой позднее к мощам чудотворца Сергеем Александровичем и его супругой.

Даже не всё понимая из происходящего вокруг, девятилетний Сергей хорошо чувствовал сложную политическую и семейную обстановку. И неудивительно, что совершенная в таких обстоятельствах поездка в обитель оставила в его душе очень глубокий след. Он начинает особо чтить преподобного Савву, ежедневно молится ему, как и своему покровителю — преподобному Сергию. Возможно, столь повышенное внимание к образу сторожевского подвижника Сергей проявляет и в связи с тем, что дата его собственного рождения приходилась на канун праздника перенесения мощей святого. Это давало надежду на особое предстательство Божьего угодника.

Благочестие и набожность Сергея Александровича уже в те годы замечали многие, а митрополит Филарет (Дроздов) специально интересовался духовным ростом царевича, рождение которого им было провидчески названо «знамением на благо». За два года до своей кончины, зимой 1865 года, встречая гостившего в Москве Великого князя, святитель был удивлён и обрадован сильным желанием восьмилетнего Сергея увидеть архиерейское богослужение в Кремле. По благословению митрополита оно было совершено викарием Леонидом в храме Чудова

монастыря.

В данной связи необходимо сказать ещё об одном наставнике Великого князя, Иване Васильевиче Рождественском. Известный как отец Иоанн, он был законоучителем царевича и, пожалуй, более других повлиял на его духовно-нравственное становление. Кристально честный, бескорыстный священник был очень любим в Царской семье, глубокое уважение ему оказывали самые важные особы. Однако их доверие никогда не могло заставить отца Иоанна пойти на нарушение принципиальных понятий. Так, в своё время он категорически отказался обвенчать втайне от императора Николая I его дочь Марию с графом Строгановым. Авторитетный, умный, мягкий, несмотря на огромное личное горе (И. В. Рождественский овдовел, а вскоре лишился детей), отец Иоанн многих притягивал к себе, а для Сергея стал настоящим духовным отцом. О высоком и житейском, о вечном и суетном они беседовали не только на исповеди или на занятиях по Закону Божию. Доверительный разговор мог продолжиться и во время досуга, когда батюшка приходил к Сергею просто как друг и подчас становился партнёром в шахматной игре. А как приятно было получить его стихотворное поздравление и подумать об ответном знаке внимания! Память об отце Иоанне Великий князь будет хранить всю жизнь, а некоторые иконы и вещи, принадлежавшие наставнику, станут для него святынями.

*

Тепло родного дома, заботы родителей, любовь близких. Но так ли безоблачно детство Сергея? Вот редкая семейная фотография: Александр II снялся со своими детьми. Сергею четыре года, он сидит на коленях у отца, настороженно глядя в объектив. Увы, построенная фотографом сцена далека от реальности — семья редко собирается вместе, а с младшими детьми император и подавно общается от случая к случаю. Такова плата за исключительно высокое положение русского самодержца, включающая и давление государственных забот, несомых каждый день, и требования строгого этикета. Немного повзрослев, сын воспринимал подобное положение как данность, понимая, что значит его отец для России, и искренне восхищаясь им. Однажды во время игры, когда потребовалось назвать самого любимого из всех знаменитых русских людей, Сергей, не задумываясь, сказал: «Папа».

Уже в свои первые сознательные годы Великий князь соприкасается с

проводимой отцом политикой. Причём именно он, единственный из сыновей Александра II, становится очевидцем впечатляющих московских торжеств, ознаменовавших великую реформу 1861 года. 5 марта, в Прощёное воскресенье, в обеих столицах был обнародован подписанный императором 19 февраля Манифест об отмене крепостного права. Осуществилось долгожданное чаяние народа — Россия вступила в новую эпоху, открывавшую для неё необозримые перспективы. Ещё не понимая всей значимости события, Сергей оказался в самом центре одного из величайших свершений русской истории. С восхищением маленький царевич наблюдал за ликованием людей, впитывая проявлявшееся повсюду чувство единства Государя и народа. Он восторгался своим отцом, образ которого осенялся поистине неземным ореолом. Однако то, что императорский венец — это, прежде всего, ни с чем не сравнимая ответственность и всепоглощающая работа, он начнёт понимать уже вскоре, причём не только со слов воспитателей. Станет ясно и то, что высочайшая честь быть сыном Русского Монарха налагает на него самого соответствующий долг, следовать которому — цель и смысл жизни. Это Великий князь усвоит раз и навсегда.

Постепенно складывались убеждения, формировался характер. Однако если присмотреться к их истокам внимательнее, станет заметным большое влияние матери, чей образ всегда оставался для Сергея особенно чтимым. Он рос под её постоянной опекой, ибо, несмотря на правила придворного этикета, отношения императрицы с младшими детьми были самыми близкими и доверительными. В этом, по выражению графини Толстой, «совершенно исключительном токе нежности» Сергею принадлежала наибольшая доля. Как уже отмечалось, Мария Александровна приняла непосредственное участие в воспитании Сергея и пользовалась любой возможностью, чтобы побыть с ним вместе: помогала сыну решать его житейские проблемы, всегда искренне радовалась его успехам. Он отвечал ей глубокой любовью, привязанностью и полным доверием. С возрастом Великий князь некоторыми чертами лица стал очень походить на мать, а приближённые к императрице люди отмечали, что даже почерк Сергея похож на материнский. Но более всего сын напоминал Марию Александровну своим душевным складом — точно также проявлял смирение в тяжёлых жизненных испытаниях, так же молчаливо переносил удары судьбы, так же одиноко чувствовал себя в окружающем мире.

Сергей боготворил её всю жизнь. В детстве для маленького царевича не существовало более ужасного проступка, чем тот, что мог расстроить «дорогую Мама», а материнская похвала всегда представляла собой

наилучшую из наград. Повзрослев, он сохранил эти чувства и старался как можно чаще доставлять матери радость. Когда же обстоятельства вынуждали их на время расстаться, Сергей постоянно думал о ней и первым же делом по возвращении спешил увидеть и утешить свою бесценную матушку.

Императрица не раз говорила о чувствительности и доброте её дорогого Серёжи. И хотя внешне она никак не выделяла его среди других детей, никто не сомневался, что в сердце Марии Александровны столь заботливый, чуткий и нежный сын занимает исключительное место. С годами их взаимная привязанность нисколько не ослабнет. Напротив, к концу жизни императрицы Сергей сделается для неё самым близким, самым любимым, самым родным. Он же окружит её ещё большим вниманием, а когда тяжёлый недуг окончательно подорвёт её силы, трогательные заботы любимца, проводящего у постели больной матери всё свободное время и с готовностью выполняющего обязанности няни, станут для Марии Александровны последней отрадой.

Потеряв обожаемую матушку, Сергей надолго лишится смысла жизни. И даже приглушающее боль время не сможет до конца примирить его с утратой — в каждую годовщину кончины матери он будет горячо молиться о ней, тяжело переживая постигшее его горе и мысленно возвращаясь в прошлое.

Происходившая из старинного рода Гессен-Дармштадтских герцогов дочь Людвига II Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария в шестнадцатилетнем возрасте прибыла в Россию как невеста наследника престола и, перейдя в православие 5 декабря 1840 года, стала Великой княгиней Марией Александровной. Через полгода влюблённые друг в друга с первой встречи цесаревич и принцесса обвенчались. Оказавшись в окружении самого роскошного европейского двора, попав в центр всеобщего внимания, юная цесаревна сразу почувствовала сильнейшее давление строгих дворцовых правил и утомительного этикета, следование которым было возведено Николаем I в абсолютизм. Постепенно привыкнув к такому порядку вещей, она, сделавшись императрицей, сама станет главной хранительницей норм и догм придворной жизни. Её безоговорочно признают высшим авторитетом в вопросах нравственности и морали, а собственное безукоризненное поведение Марии Александровны превратится в эталон.

Уважение к таким понятиям, как честь, достоинство, чистота, благородство, она внушала и детям, подчёркивая, что в их положении внутреннее совершенство неразрывно с внешним поведением,

олицетворяющим величие Императорского Дома. Позднее Александр III признавался: «Если есть что-то доброе, хорошее и честное во мне, то этим я обязан единственно дорогой милой Мама... Мама постоянно нами занималась, приготавливала к исповеди и говенью; своим примером и глубоко христианскою верою приучила нас любить и понимать христианскую веру, как она сама понимала. Благодаря Мама мы, все братья и Мари (сестра. — Д. Г.), сделались и остались истинными христианами и полюбили и веру и церковь. Сколько было разговоров самых разнообразных, задушевных; всегда Мама выслушивала спокойно, давала время всё высказать и всегда находила, что ответить, успокоить, побороть, одобрить и всегда с возвышенной христианской точки зрения».

Много общавшаяся с императрицей А. Ф. Тютчева как-то заметила: «Она единственная из тех, кого я знаю, называет добро добром, а зло злом». И ещё одно наблюдение того же автора, позволяющее увидеть те черты характера Марии Александровны, что со временем передадутся Сергею: «Кажется, будто она уходит в себя, в собственный внутренний мир, чтобы спастись от мира внешнего, чуждого её душе».

Быстро усвоив язык и традиции своей новой родины, Мария Александровна стала настоящей патриоткой России. Она тратила огромные суммы на благотворительность, покровительствовала больницам, приютам, богадельням, институтам, гимназиям, училищам. Её усилиями было положено начало новому этапу женского образования в России, а покровительство Марии Александровны только что учреждённому в стране Красному Кресту позволило организации быстро превратиться в крупную общественно-государственную структуру.

Православие же покорило её целиком. Глубоко религиозная с детства, она всем сердцем любила русскую веру, явив собой образец благочестивой царицы. «Её хорошо можно было себе представить, — вспоминала Тютчева, — под монашеским покрывалом, коленопреклонённой под сенью высоких готических сводов, объятую безмолвием, изнурённую постом, долгими созерцательными бдениями и продолжительными церковными службами, пышною торжественностью которых она бы с любовью руководила. Вот подходящая обстановка для этой души, чистой, сосредоточенной, неизменно устремлённой ко всему божественному и священному...» Похожие высказывания о жене Александра II встречаются и у других мемуаристов, иногда прямо называющих эту женщину святой. Искренние порывы её души проявились также в поездках на богомолье, в которые она брала с собой младших детей.

Старшие братья Сергея — Николай, Александр, Владимир и Алексей — составляли свой собственный кружок, куда «малышей», с которыми дружили, всё-таки не допускали. Гораздо ближе были сестра Мария и младший брат Павел, последний ребёнок Александра II, родившийся в 1860 году. С Сергеем они делили одну детскую комнату, вместе играли и гуляли. К обоим был приставлен в качестве воспитателя Дмитрий Арсеньев, по некоторым предметам они имели общих учителей. Несмотря на небольшую разницу в годах, Сергей всегда чувствовал себя старшим, а значит, ответственным за маленького Павла, или, как его называли в семье, Пица. Заботливость о брате будет проявляться и позднее, когда Павел станет взрослым и самостоятельным. Так, в начале восьмидесятых годов, после смерти родителей, Сергей постарается помочь Пицу перенести эту огромную беду, а спустя десятилетие окружит его трогательным участием и вниманием в связи со внезапным вдовством. Сам же Павел ещё с детства привык видеть в Сергее серьёзный авторитет. Он всё время тянулся за ним и, как отмечали окружающие, находился под его абсолютным влиянием.

День в императорском дворце начинался для царевичей с посещения матери. После приветствия, поцелуев и расспросов о здоровье следовало рассказать ей о своих сегодняшних планах, и если помимо обычных повседневных дел предполагались какие-нибудь новые, нужно было получить её (а иногда и отцовское) разрешение. Когда же намечалось развлечение в городе, характер такового тщательно проверялся воспитателем. Так, прежде чем вывезти Сергея в театр, Арсеньев наводил подробные справки о благопристойности спектакля и, только убедившись в этом, позволял Великому князю побывать на представлении. Подчеркнём, что такой порядок сохранялся вплоть до полного совершеннолетия воспитанника.

Занятия с учителями начинались в девять часов и после перерыва на завтрак и прогулку продолжались до шести часов вечера, когда во дворце подавали обед. Затем семья разделялась на своеобразные кружки, причём детей не допускали к досугу родителей. Только приглашение на чай позволяло вечером увидеть играющего в карты Папу и сидящую за рукоделием милую Мама, которая, не отрываясь от работы, слушала вместе с дамами какой-нибудь роман. Летом, когда выезжали в загородные дворцы, в распорядке появлялось едва заметное послабление — перед утренним кофе можно было погулять с отцом по Царскосельскому парку, а в два часа покататься вместе с ним в коляске. Те же радости дарила жизнь в подмосковном имении, к тому же там Сергея брали в гости к соседним помещикам. Но главная прелесть таких дней заключалась для него в

общении с природой — среди романтических парков, зовущих к думам и грёзам, среди бескрайних полей и лесов, поражающих своим величием, его душа обретала наслаждение. Дополниться оно могло лишь при посещении Ливадии, недавно приобретённого императором имения на южном берегу Крыма, где море, солнце и горы создавали ещё один волшебный мир.

Среди немногочисленных друзей-ровесников у Сергея появился особый, самый доверенный, его двоюродный брат Константин. Сын Великого князя Константина Николаевича, видного политического деятеля и руководителя Военно-морского флота России, он был лишь на год моложе Сергея, круг их интересов во многом совпадал, но помимо схожести настроений и присущего обоим большого художественного вкуса юношей объединяло сильное религиозное чувство. Бог постоянно присутствовал в их мятущихся душах, помогая осмысливать и переносить испытания.

Тонкая, легкоранимая натура Константина, её чувствительность и эмоциональность способствовали расцвету поэтического дара. В 1885 году выйдет первая книга его стихов, скрывающая автора под псевдонимом «К. Р.» (Константин Романов). В русской литературе появится ещё один прекрасный лирик, и Сергей, всегда тянувшийся к художественному слову, не раз насладится сочинениями двоюродного брата — чудесными зарисовками пейзажей, дивными сонетами, облечёнными в строфы молитвами. В лице чуткого родственника Сергей обретёт единственного настоящего друга — ту столь необходимую ему отдушину, без которой он мучительно задыхался. Константину юноша доверит свои сомнения, переживания, страхи и в письмах кузену не раз назовёт его своим исповедником. Ни с кем царевич не будет столь откровенен, когда придёт пора тяжёлых испытаний, никому не будет так благодарен за поддержку. «Знаешь ли, что я только тебе могу писать так — другой, может, и посмеялся бы надо мной, но в тебе, я знаю, что найду всегда отголосок всем моим чувствам, всем моим стремлениям, не только человеческим, но и духовным!» — сказано в письме 1879 года.

Время учёбы подходило к концу, впереди ждала самостоятельная дорога, начинающаяся по семейной традиции с воинской службы. Летом 1876 года Сергей Александрович направляется в военный лагерь в Красном Селе, где приступает к обязанностям ротного командира. А следующей зимой начинает готовиться к самому ответственному моменту жизни — принятию присяги Государю и Отечеству. В свой двадцатый день рождения, в торжественной обстановке он произносит слова клятвы, определяющей весь его дальнейший путь, как честное служение, как исполнение предписанного долга.

Возможность с честью послужить России представилась сразу. Началась Русско-турецкая война за освобождение славянских народов на Балканах, и Сергей вместе с императором выехал на фронт, где стал очевидцем ярких баталлий, а также свидетелем повседневных военных будней.

В Ращукском отряде цесаревича Александра Великий князь получил возможность более тесного общения со старшим братом, и оба они, казалось бы, хорошо знавшие друг друга, здесь, в неформальной военной обстановке, впервые обнаружили в своих взглядах на жизнь так много общего, близкого, схожего. Им открылось то, что принято называть родством душ, и это новое чувство искренне обрадовало. «Как я счастлив, — записывает Сергей в своём дневнике, — что за всё это время я имел случай короче сойтись с Сашей — это большое счастье». Можно смело утверждать, что именно тогда между ними возникло то прочное взаимное доверие, которое они сохраняют навсегда и которое будет иметь определяющее значение в дальнейшей службе Сергея.

12 октября 1877 года цесаревич доверил брату боевую разведку. Во главе небольшого отряда ему следовало выяснить расположение войск противника, с чем Сергей успешно справился, несмотря на свистевшие вокруг пули и летящие гранаты. За проявленное мужество Великий князь был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени, которым по праву гордился.

Война, конечно, повлияла на формирующийся характер Сергея, но, к счастью, не смогла его ожесточить. Она же усилила желание активной деятельности, возбуждив юношеский задор Великого князя и доказав его готовность для серьёзных дел. Тем мучительнее для него должен был ощущаться вынужденный пятилетний «простой» — в силу молодости Сергея император не спешил поручать ему что-либо ответственное. Мы же, воспользовавшись паузой, попробуем присмотреться к нашему герою повнимательнее.

Перед нами высокий, стройный, красивый юноша с правильными и тонкими чертами лица, выражение которого на людях обычно непроницаемо. Светло-серые глаза смотрят холодно и как будто отрешённо. Впервые увидев Сергея в 1879 году, его молодой двоюродный брат Александр Михайлович решил, что перед ним «сноб, который отталкивал всех скукой и презрением, написанным на его юном лице». Так считали

многие. А между тем это была лишь маска, за которой скрывалась боль от давно происходившей в Царской семье драмы и которая надёжно защищала душевное одиночество Великого князя посреди чуждой ему обстановки.

В дворцовую жизнь он явно не вписывался, а привитые с детства устои и строгость полученного воспитания сформировали в нём некую неуверенность в себе. Он скованно держался за общим столом, не любя светскую болтовню, не принимал в ней участия, избегая тем самым и опасности сказать невпопад — однажды в детстве он попробовал шутить в гостях, зная, что это производит хорошее впечатление, но получил выговор от воспитателя за неуместность его острот.

Застенчивость Сергея будет порой проявляться даже в узком кругу знакомых лиц, особенно если те оказывались более сведущими в обсуждаемых при нём вопросах. Уже будучи московским генерал-губернатором, он посещал собрания Археологического общества, где обратил на себя внимание историка М. М. Богословского странной манерой вступать в дискуссию. Великий князь тихо обращался к председательствовавшей графине П. С. Уваровой, а та объявляла его мнение остальным. Такую стеснительность Богословский справедливо расценивает как одну из причин закрытости генерал-губернатора.

Внешняя красота Сергея Александровича приобрела новое звучание после того, как, отпустив усы и небольшую бороду, он стал походить на западноевропейских аристократов XVII века — благородных сеньоров, отважных идалго. Ему необыкновенно шли надеваемые на маскараде или домашнем спектакле костюмы и шляпы той романтической эпохи. И неудивительно: ведь её идеалам соответствовали рыцарские качества души Сергея — верность, храбрость, милосердие. Вот только необходимого при этом отменного здоровья ему не доставало.

В детстве он рос живым и подвижным ребёнком, но довольно быстро утомлялся. Педагоги также замечали его тонкую чувствительность, быструю возбудимость и впечатлительность. С ранних лет у него появились и какие-то проблемы с позвоночником. Болезнь приведёт к необходимости носить корсет, отчего фигура Сергея стала выглядеть несколько скованной, а в движениях появилась резкость. Злые языки тут же воспользовались поводом посудачить об «ужимках» Великого князя, а постоянную прямоту его осанки и вовсе заклеямили как нарочитую надменность.

Не довольствуясь подобными инсинуациями, недоброжелатели позднее выдвинули тезис об интеллектуальной ограниченности Сергея Александровича, что уже не имело под собой вообще никакой почвы. На

самом деле полученное им образование можно смело назвать блестящим. Более того, в последовавшие за войной годы он продолжал расширять свой кругозор: посещал научные собрания, много читал. «Он был удивительно начитанным и человеком очень высокой культуры», — отмечал его шурин, Великий герцог Гессенский Эрнест Людвиг. Иногда Сергей приглашал интересного собеседника к себе и вместе с гостями слушал познавательные лекции.

Как видим, Сергей не был человеком «не от мира сего», но его отношения с той жизнью, которая постоянно окружала, складывались непросто. С юных лет положение в обществе давало ему массу преимуществ, жизнь предлагала множество удовольствий, а блистательный Петербург был готов удовлетворить любую его прихоть. Однако то, что другим представлялось вершиной счастья, в глазах Великого князя выглядело пустым и ненужным. Нет, будучи молодым, он не отказывался от увеселений: посещал балы, праздники, светские вечера. Его часто тянуло в театр, и вместе со всеми он восхищался несравненным голосом Аделины Патти, звезды итальянской оперы, гастролировавшей в России. Зимой Сергея можно было встретить на катке Таврического сада, куда, сам увлечшись коньками, он постепенно заманил и товарищей. И вместе с тем во всех подобных развлечениях его душа не находила себе места. «Отчего я всё чувствую так глубоко? Отчего я не таков, как все другие, не весел, как все? — сокрушался он в письме другу Константину. — Я до глупости углубляюсь во всё и вижу иначе — мне самому совестно, что я до того старообразен и не могу быть как вся “золотая молодёжь” весел и беспечен». Мир Сергея Александровича, не «старообразный», а высокоинтеллектуальный и глубоко духовный, наполняли совсем иные пристрастия — русская история, мировая культура, умные собеседники, познавательные книги.

Живой интерес Великого князя всегда вызывала художественная литература, в которой предпочтение отдавалось русской классике. Пушкин, Лермонтов, недавно скончавшийся Тютчев — вот его любимые авторы. С юношеских лет сохранилось и серьёзное увлечение европейской поэзией, в первую очередь творчеством Данте Алигьери. Изучение английского языка способствовало более глубокому пониманию Сергеем драматургии Шекспира, а занятия немецким — восхищению стихами Гейне и Гёте. Из современников Великий князь высоко ценил Апухтина, Майкова, Фета. С последним он был лично знаком, сам же поэт, глубоко уважая Сергея Александровича, всегда считал за честь нанести Его Высочеству визит и с радостью подарил Августейшему читателю свой новый сборник «Вечерние

огни». Заезжал к Великому князю, почтительно расписываясь в книге посетителей, и прозаик Иван Гончаров, с которым Сергея познакомил кузен Константин.

Сергей Александрович высоко ценил творчество Льва Толстого, с удовольствием прочитав «Севастопольские рассказы» и «Войну и мир». Но Толстой-проповедник вызывал у него раздражение: отрицание графом исторических русских ценностей, посягательство на Православную церковь, жёсткая критика властей, будоражащая умы, — всё это, по мнению Великого князя, играло на руку врагам России.

К произведениям другого властителя дум — Фёдора Михайловича Достоевского — Сергей относился с нескрываемым восхищением. В Царской семье он стал настоящим первооткрывателем писателя, рекомендуя его книги близким. Завораживающий мир героев, острота затрагиваемых автором проблем и поднимаемые им вопросы христианской морали волнуют душу юного Сергея. И вдруг настоящий подарок судьбы — он может встретиться и побеседовать с любимым писателем! Этим счастьем Великий князь был обязан своему наставнику, который в марте 1878 года обратился к Достоевскому с письменной просьбой провести беседу с младшими сыновьями императора. По мнению Арсеньева, такое общение способствовало бы дальнейшему нравственному совершенствованию Сергея и Павла Александровичей. Писатель принял приглашение, и Великий князь смог, наконец, познакомиться с автором «Белых ночей», «Идиота», «Бесов», «Преступления и наказания».

Спустя почти год они встретились вновь, и так же как в прошлый раз, за совместным обедом завязался серьёзный разговор. Жена писателя вспоминала: «Свидание с Великими князьями произвело на Фёдора Михайловича самое благоприятное впечатление: он нашёл, что они обладают добрым и недюжинным умом и умеют в споре отстаивать не только свои, иногда ещё незрелые убеждения, но умеют с уважением относиться и к противоположным мнениям своих собеседников». Такая оценка со стороны классика многое значит.

Впечатления Сергея были незабываемые. К восторгу от творчества Достоевского добавилось очарование его личностью. В мастере слова и знатоке человеческих душ открылся замечательный собеседник, единомышленник, общаясь с которым можно было и лучше разобраться в себе, найти давно искомые ответы и получить новые поводы для размышлений.

А задумываться приходилось о многом. Кризис проводимого курса, теряемый контроль над ситуацией и на фоне всего этого возрастающая

волна терроризма заставляли всё чаще вспоминать о предостережениях писателя. Казалось, и впрямь из приоткрытых кем-то ворот преисподней вырвалась тёмная сила. Пули, кинжалы и динамит стали грозить отовсюду. Началась открытая охота на императора — попытки взорвать его поезд, выстрелы в царя на Дворцовой площади и, наконец, случившийся на глазах Сергея мощный взрыв в Зимнем дворце. Унылая, гнетущая атмосфера, воцарившаяся при дворе, усугублялась и другими причинами, постоянно терзающими сердце. Резко ухудшилось состояние здоровья императрицы. Туберкулёз окончательно подточил её силы, и теперь они поддерживались только молитвой и чутким отношением любящих детей. Сергей старался заходить к матери как можно чаще, успокаивал её, отвлекал от мрачных мыслей, но бессилие перед неизбежным приводило его в отчаяние.

Душу Великого князя больно задевало и холодное, не заходящее дальше формальных приличий отношение к больной императрице со стороны Александра II. Сергей прекрасно знал причину такого невнимания — у отца давно появилась другая семья, но обладание этой тайной приносило лишь дополнительную боль. На запретную тему нельзя было разговаривать даже с близкими, а между тем пленившая сердце императора княжна Екатерина Долгорукая поселилась, как фрейлина, в Зимнем дворце. Прямо над покоями императрицы...

Государыня тихо скончалась ранним утром 22 мая 1880 года, через шесть дней в Петропавловском соборе состоялось погребение. «Бедный Сергей был бледнее своего белого кирасирского мундира, — отмечал его друг Константин, — у меня сердце болит, глядя на него». В последующие дни осиротевший и раздавленный горем сын часто заходил в спальню матери и подолгу сидел там в полном одиночестве. Он много и горячо молился, но боль утраты не отпускала, и терзаемый ею Сергей ходил, словно во сне. Эта рана так никогда и не зарубцуется, никогда полностью не заживёт.

Перенесённый стресс на первых порах должна была смягчить длительная поездка в Италию, страну, культуру которой Сергей ценил особенно высоко. Ему представилась возможность воочию увидеть то, что давно интересовало: Флоренцию, наполненную шедеврами, восхитительную Венецию, залитый солнцем Неаполь и, наконец, Рим со следами его богатой истории, музеями Ватикана, древними святынями и весёлым карнавалом. Но даже здесь, среди памятников Античности и Ренессанса, среди красот природы и шума бурлящей жизни, душевная травма заживала с трудом. И здесь же мир Великого князя опрокинулся, когда в середине дня 1 марта 1881 года пришло известие о царевубийстве.

Уже в Петербурге он напишет старому воспитателю Арсеньеву, делясь пережитым за последние дни: «Душа и сердце — всё, всё разбито и перевернуто. Все ужасные впечатления меня уничтожили... все подробности его кончины ужасны. Вся его одежда — одни клочки. Говорят, что вся лестница собственного подъезда и коридора была покрыта его кровью — целые лужи крови. Все эти ощущения невыносимо тяжелы! Для человеческого ума трудно всё это переварить...» После похорон императора Сергей признается бывшему наставнику: «Я ещё как в тумане, но совершенно раздавлен грустью... Да, тяжёлый крест. Только была бы вера и надежда на свидание. Там, где нет печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная! Вернувшись домой, мною овладела такая тоска! Всё кончено, только пустые комнаты да воспоминания о былой, счастливой семейной жизни... Сегодня сожгли ковёр лестницы собственного подъезда, покрытый кровью Государя! Спрашиваю себя, как можно всё это пережить».

Эти настроения вернули Великого князя к мысли о паломничестве на Святую землю. В первую годовщину кончины матери он хотел помолиться о её душе перед Гробом Господним, и незабвенный отец ещё успел одобрить задуманное. Теперь молитвы вознесутся и о нём. Вместе с Сергеем в поездку отправился Павел, а по дороге к ним присоединился Константин. «Чистые, благие и святые души царевичей пленили меня», — скажет встретивший их в Иерусалиме начальник Русской духовной миссии архимандрит Антонин Капустин. Августейшие паломники посетили Вифлеем, побывали в древнем Иерихоне, совершили омовение в водах Иордана. Литургии перед Гробом Господним и панихида по дорогим родителям на Голгофе произвели на Сергея сильнейшее впечатление. И там же, на Святой земле, ему окончательно открылось понимание собственного жизненного пути, яснее стали мысли о ниспосланных испытаниях, об уготованном предназначении. «Конечно, — писала ему в Иерусалим А. Ф. Аксакова (Тютчева), — если Бог заставил Вас пройти через эту суровую школу страдания в том возрасте, когда в жизни обыкновенно знают только радости, сладостные мысли и беззаботность, — значит, он много спрашивает с Вашей души и призывает её к серьёзной задаче в жизни, и я молю Его, да укажет Он Вам её и поможет выполнить, чтобы в самой Вашей скорби Вы нашли залог жизни в Боге».

3. УДИВИТЕЛЬНЫЙ НОВЫЙ МИР

В том чёрном для России 1881 году принцесса Гессенская Елизавета вместе с сестрой Викторией начала выезжать в свет. Её сразу признали невероятной красавицей, заговорив о возможных брачных партиях. Тем более что у старшей сестры вскоре появился жених — её дальний родственник, офицер Британского флота принц Людвиг Александр Баттенберг.

Наиболее серьёзной кандидатурой для Эллы у бабушки-королевы был принц Фридрих Баденский. Однако этот замкнутый в себе и равнодушный к образованию молодой человек совсем не заинтересовал Елизавету.

Некоторое время знаки внимания уделял ей кронпринц Германии Вильгельм, считавший, что перед перспективой стать императрицей могучей европейской страны не устоит ни одна принцесса. Неизвестно, сделал ли он Елизавете официальное предложение, но его настойчивые ухаживания были заметны всем. Напрасный труд. Ничего кроме раздражения кузен Вили не вызывал. Грубый, вспыльчивый, высокомерный и слишком навязчивый, он добился лишь полного неприятия со стороны Эллы, затаив на неё долгую и страшную обиду.

Сердце юной красавицы давно принадлежало другому. Её русский родственник, милый кузен Сергей год от года становился ей ближе, понятнее и роднее. Они знали друг друга давно, с самого детства Эллы. И каждая встреча приносила обоим тёплые светлые чувства. Возможно, впервые они познакомились в далёком 1865 году, когда семилетний Сергей вместе с родителями остановился в гессенском замке Хайлигенберг. Семья Александра II возвращалась из Ниццы, где только что скончался старший сын императора, цесаревич Николай. Среди дармштадтских родственников императрицы в доме, скорее всего, оказалась и очаровательная кроха, которой не исполнилось и шести месяцев и которая была той самой малышкой Людвиг и Алисы, что совсем недавно, только ожидаясь родителями, вызвала интерес русской родни. Так в тесном домашнем кругу радость одной семьи пересеклась с тяжёлой утратой другой.

В последующие годы Сергей и Елизавета неоднократно виделись, когда Великий князь, сопровождая матушку, приезжал в Дармштадт. Там, беседуя с юной принцессой, он постепенно узнавал её характер, интересы, вкусы. Непринуждённая домашняя обстановка помогала им ближе сойтись,

подружиться. Между ними, конечно, завязалась переписка, но, овдовев, Великая княгиня Елизавета Фёдоровна уничтожит все письменные свидетельства о их ранних взаимоотношениях — в эту сугубо личную историю не должны были проникать чужие взгляды...

Императрица Мария Александровна очень надеялась, что взаимное влечение Сергея и Елизаветы перерастёт в большую любовь. Она не ошиблась, хотя на пути к желаемому не раз возникали трудности. Лишившись матери, Елизавета заметно замкнулась, а спустя пятнадцать месяцев такое же несчастье постигло Сергея. Но схожее горе сближает людей, полнее раскрывая их души; и когда Элла начинает выезжать в свет, она уже явно считает русского царевича своим суженым. Её чувства не остались без ответа — красивая, добрая и чуткая девушка с возвышенной и отзывчивой душой пленила сердце Сергея Александровича. В одну из встреч молодые люди объяснились, после чего их родственники заговорили о свадьбе.

Однако пройдёт ещё целый год, прежде чем Сергей предпримет следующие шаги. Что же его останавливало? Выбор брата одобрил и поддержал император Александр III; сестра Сергея, герцогиня Эдинбургская Мария, была в восторге от намеченной партии и удивлялась возникшей паузе. Разгадка же скрывалась в понимании Сергеем своего сложного характера и давнем предпочтении одиночества среди столь чуждой светской жизни. Теперь к этим чувствам прибавлялся страх перед ответственностью за будущую супругу. Ведь вступив в брак, Великий князь будет вынужден ввести её в скользкое придворное общество, подставляя тем самым под остриё интриг и жернова молвы.

Сергей Александрович хорошо знал этот мирок, льстящий в глаза и злобно шепчущийся за спиной. Знал и всей душой ненавидел. Причём, не желая играть по правилам блестящего бомонда, он не только не скрывал своего презрения к царящей там двойной морали, но и демонстративно пренебрегал мнениями большого света. Подобное не прощалось. И ответная реакция не заставила себя ждать. По Петербургу поползли слухи о разгульном образе жизни Великого князя: говорили, что он пьянствует, развратничает и предаётся всевозможным грехам. Никаких конкретных фактов не приводилось, очевидцев не было, но постоянно муссируемая сплетня постепенно превращалась в аксиому. Не раз испытанное оружие — злые языки, которые, как известно, «страшнее пистолета», — сработало и на сей раз. Постарались профессионалы — тётушка Сергея, Великая княгиня Ольга Фёдоровна, чьи гостиные давно превратились в главный столичный цех по производству слухов, толков и уничижительных

характеристик, генеральша А. Богданович, известная своими сплетнями всему Петербургу, и целый ряд более мелких интриганов. Горечью наполнены написанные тогда Сергеем строки об отсутствии в окружающем мире правды и о жестокости людей к тем, кто открывает им своё сердце.

Какого ангела в лице Елизаветы уготовили ему Небеса, он ещё не ведал. Но, видимо, чувствовал в ней что-то близкое, родное, светлое. Окончательно решившись, он сделал 6 ноября 1883 года предложение своей любимой и, получив заветное «да», поспешил поделиться радостью с Государем: «Я счастлив и доволен, мне кажется иногда, что всё это слишком хорошо и что я этого вовсе не достоин». Спустя три месяца Сергей приехал в Дармштадт для официальной помолвки, которая состоялась в Новом дворце. Великий князь преподнёс невесте подарки: от императрицы изумительной красоты сапфировую брошь, а от себя громадный сапфир в виде подвески, бриллиантовую парюру (серьги и брошка), жемчужное ожерелье, сапфировый перстень, золотой веер, ротонду и муфту из соболей, соболью же шаль, крытую бархатом, сервизы и различные дамские мелочи. От имени императора жених вручил пожалованные Елизавете бриллиантовые знаки ордена Святой Екатерины. В свою очередь переполненная счастьем Элла подарила избраннику золотой перстень с двумя бриллиантами и сапфиром. Этот залог любви он до последней минуты жизни будет носить рядом с кольцом матери, полученным в день совершеннолетия.

Императрицу Марию Фёдоровну Элла поспешила письменно поблагодарить: «Дорогая Минни! Я в восторге от прелестной броши, которую ты мне прислала, и благодарю много раз. Спасибо и за телеграмму с тёплым приветом, я действительно очень за неё благодарна. Как хорошо побыть здесь с Сержем. Он много рассказывал мне о том, как по-доброму ты интересуешься его жизнью, это так трогательно».

Официальная часть (с обязательными визитами, с парадным обедом и с балом, на котором танцевали непривычный вальс в три такта (прежде было два), а Элла впервые была с Екатерининской лентой) мало интересовала виновников события. Их наслаждение составили возможность побыть наедине друг с другом, детские воспоминания, связанные с этими местами, и весенняя природа, только вступившая в пору цветения. Молодой парой нельзя было не любоваться — оба красивые, застенчивые и, кажется, такие далёкие от всего суетного, земного. Они познали горе, их души долго не находили отклика, но любовь исцелила израненные сердца, наполнив их покоем и счастьем. «Элла, если можно, ещё красивее, — сообщает Сергей в письме младшему брату Павлу. — Мы

с ней много сидим вместе; по утрам она в моей комнате, и я её немного учу по-русски, что очень забавно, даже заставляю писать. Между прочим, учу её словам: “Боже, Царя храни”... Мы уже гуляем одни по всему Дармштадту».

Смахнув невольную слезу, Великий герцог Людвиг сообщил Александру III: «Я не колеблясь дал своё согласие, потому что знаю Сергея с детства, вижу его хорошие и приятные манеры и уверен, что он сделает мою дочь счастливой». Немецкая бабушка Эллы, принцесса Елизавета, также не скрывала радости и откровенно восхищалась Сергеем. А вот с бабушкой английской, королевой Викторией, знакомство жениха ещё только предстояло.

Выбор внучки её сильно озадачил. Русский? Это было странным уже само по себе, к тому же Виктория давно проявляла заметную русофобию. Отца Сергея, императора Александра II, она помнила со дня его первого приезда в Лондон ещё молодым престолонаследником. Тогда он очень понравился юной королеве, но с годами отношение изменилось. Особенно острый конфликт наметился в 1874 году в связи со свадьбой её второго сына, Альфреда, с дочерью Александра, Марией. О эти русские! Они настояли на венчании в Петербурге, они оставляли её невестку православной, они отказались после помолвки представить её королеве в Англии, предложив встречу в Германии, как на «нейтральной территории»! Что возомнил о себе этот царь? С заступившейся за него дочерью Алисой королева поссорилась, а когда свадебные торжества продолжились в Лондоне, Виктория с трудом выдержала протокол — присутствие Александра II раздражало её так сильно, что она едва не покинула столицу до завершения праздника.

И вот новая напасть — русский жених для внучки! Правда, ни о ком другом Элла не хотела и слышать, так что постепенно королеве пришлось смириться с неизбежным. Собранная о Сергее информация характеризовала его только с положительной стороны, никаких препятствий для брака не было, а в том, что Елизавета счастлива, сомневаться не приходилось. «Я так рада, — писала она бабушке, — что Вы увидите Сергея, когда Вы приедете в следующем месяце, и надеюсь, что он произведёт на Вас приятное впечатление. Все, кто его знает, любят его и говорят, что у него правдивый и благородный характер».

«Смотрины» состоялись в начале апреля 1884 года, накануне православной Пасхи. Решение внучки королева одобрила — Великий князь произвёл на неё самое благоприятное впечатление. Свадьбу назначили на 3 июня, а европейской родне решили сообщить о радостном событии на

другом семейном празднике, свадьбе сестры Елизаветы, принцессы Виктории. В тот день, 18 апреля, Элла принимала поздравления вслед за новобрачными, ощущая себя на седьмом небе. И тут разразился жуткий скандал.

Оказалось, что, пользуясь случаем, Великий герцог Людвиг и сам вступил в брак, тихо обвенчавшись со своей давней привязанностью Александрой де Колемин, бывшей женой русского дипломата при Гессенском дворе. От такой новости приехавшая в Дармштадт королева Виктория едва не потеряла способность соображать. Людвиг, безупречный вдовец, почти шесть лет так свято чтивший память бедной Алисы! И вот морганатический мезальянс в присутствии коронованных особ! Германский кайзер тут же решил покинуть Дармштадт, а королева, не желая видеть провинившегося зятя, послала к нему старшего сына с требованием немедленно развестись.

Елизавета сочувствовала отцу. Но и понимала всю опрометчивость его поступка в столь неподходящий момент. Что скажут об этом в Петербурге, как посмотрит русский император на дочь оскандалившегося герцога? К счастью, неприятную историю удалось замять, и все мысли Елизаветы вновь обратились к свадебным приготовлениям. Сергею она писала почти ежедневно, однажды порадовав его маленькой, самостоятельно составленной запиской на русском языке. Для дальнейшего обучения невесты такому важному предмету Великий князь подобрал и направил в Дармштадт специальную учительницу, Екатерину Шнейдер.

*

Наступили самые волнующие дни. Сопровождаемая отцом, сёстрами и братом гессенская принцесса выехала на свою новую родину. По распоряжению жениха её вагон на русской границе обильно украсили белыми цветами, меняемыми на каждой станции. По пути следования поезда невесту царского брата спешили встретить и поприветствовать сотни местных жителей во главе с начальством и духовенством, вокзалы расцвели гирляндами, всюду реяли национальные флаги.

Сергей отправился навстречу, волнуясь и вновь перебирая в уме детали предстоящего. Вдруг он спохватился — по прибытии Елизавету надо встречать с крестом и святой водой, пусть Государь, которому послана срочная телеграмма, позаботится об этом. Жених и невеста встретились на пограничной станции Вержболово (ныне литовский Вирбалис), где

Елизавета впервые вступила на русскую землю. Впрочем, назвать это место Россией можно было лишь с определённых точек зрения. За окнами вагона ничего не поменялось, а Элле так хотелось поскорее увидеть страну своего дорогого Сержа. В середине дня 27 мая, в праздник Святой Троицы, поезд прибыл на станцию в Красном Селе, где высоконазначённую невесту Сергея Александровича ожидали император с императрицей, после чего все вместе продолжили путь до Петергофа.

Там, на вокзале уже выстроился почётный караул от лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. Съехались и приглашённые гости. Ожидаемый состав подошёл в 5 часов 15 минут и был встречен исполнением гимна Германской империи. Дверь вагона открылась. «Она показалась рядом с императрицей, — записал своё первое впечатление о Елизавете Великий князь Константин Константинович, — и всех нас словно солнцем ослепило. Давно я не видывал подобной красоты. Она шла скромно, застенчиво, как сон, как мечта».

В открытых экипажах все отправились в Большой дворец. Элла едва скрывала восторг — фонтаны и каскады, золочёные статуи и дивные парки на морском берегу. Незнакомая страна предстала феерическим праздником, волшебной сказкой. И это было только началом!

Волшебство продолжилось в Петербурге, куда невеста прибыла 2 июня. На специально украшенном Николаевском вокзале её встретили члены Императорской Фамилии и почётный караул от лейб-гвардии Преображенского полка во главе с командиром роты, Великим князем Сергеем Александровичем. После приветствий и представления новых лиц начался торжественный въезд в столицу, полюбоваться на который вышел, казалось, весь город. Зрелище и впрямь великолепно! В запряжённой восьмёркой белых лошадей старинной золочёной карете, принадлежавшей ещё императрице Елизавете Петровне, ехала прекрасная невеста царского брата. Рядом с ней, в знак особой чести, находилась императрица Мария Фёдоровна, а сам император верхом сопровождал карету возле правой дворцы. С левой стороны экипажа, также верхом, ехал высоконазначённый жених, а следом гарцевало на конях пышное титулованное общество — русский наследник престола Николай, Великие князья, греческий король Георг I, Великий герцог Гессенский Людвиг и его сын... Великие княгини ехали в парадных каретах, за которыми в конном строю двигались гвардейские части. Салютовали орудия Петропавловской крепости и нескончаемое «ура» звучало со всех сторон.

Тридцать шесть минут двигался кортеж по залитому солнцем и расцвеченному флагами и гирляндами Невскому проспекту. Возле

Аничкова моста Елизавета смогла увидеть свой новый дом, нарядный барочный дворец, выкупленный три месяца назад и теперь предназначенный для семьи Сергея Александровича. Но рассмотреть его подробнее пока не удалось — за окном кареты появились другие восхитительные картины: живописные набережные, высокая башня городской думы, колоннада Казанского собора, золотой шпиль Адмиралтейства. Неожиданно панорама изменилась, открывая вид на огромную Дворцовую площадь. Какое великолепие! У подъезда Зимнего дворца карета остановилась, и Елизавета с Сергеем вошли в главную Императорскую резиденцию, о чём жителей Петербурга известил пушечный залп. Отстояв молебен и побывав вечером на фамильном обеде у Александра III в Аничковом дворце, виновники торжества наконец-то смогли хоть немного отдохнуть.

Наутро всё происходило по давно заведённому порядку. Волосы невесты уложили перед зеркалом императрицы Анны Иоанновны, украсив причёску диадемой жены Александра I. Среди драгоценностей ей следовало надеть тяжеленные серьги Екатерины Великой, поверх платья из серебряной парчи возложили отделанную горностаем малиновую мантию со шлейфом, а голову Елизаветы увенчали специально изготовленной короной с бриллиантами, взятыми с детского мундира императора Павла I. Жених по традиции был в парадной военной форме, при орденах и сабле. Лишь один его поступок не предусматривался протоколом — перед началом церемонии Сергей съездил в Петропавловский собор и помолился перед могилами родителей, чтобы «с их благословением идти под венец».

В час дня в Большой дворцовый храм принесли два образа — Спасителя и Фёдоровской Божией Матери, которыми накануне благословили жениха и невесту. От названия Богородичной иконы Елизавета получала необходимое ей в России отчество — Фёдоровна. Через двадцать минут начался Высочайший выход в церковь. По сторонам анфилады торжественную процессию встречали приглашённые лица свиты, придворные, иностранные принцы и дипломаты. В ряду гостей стояли и присланные королевой Викторией моряки, прибывшие на яхте со столь памятным Елизавете и таким многозначительным в этот день названием — «Осборн»...

В присутствии митрополита Исидора и членов Синода обряд венчания совершил протоиерей Иоанн (Янышев). Был праздник Всех Святых, что придавало церемонии особую значимость и налагало на брачующихся дополнительную ответственность. «Венчается раба Божия Елисавета рабу Божиему Сергию...» Горели свечи, исполнялись тропари и молитвы,

попеременно менялись шаферы. У Сергея — братья Алексей, Павел, кузен Дмитрий и племянник, цесаревич Николай. У Елизаветы — её брат Эрн, а также кузены жениха Михаил, Георгий и Пётр. Стоя перед алтарём, жених и невеста обменялись кольцами с начертанной датой свадьбы и собственными именами, у неё — «Сергий», а у него — «Элла». «Господи Боже наш, славою и честью венчай их...»

Свершилось! После поздравлений и благодарностей все перешли в Александровский зал, где пастор Фрейфельт повторил обряд по лютеранским правилам. Затем последовал торжественный обед в сопровождении оркестра и хора Императорской оперы под руководством Э. Ф. Направника. Звучала прекрасная музыка, поднимались заздравные кубки, гремели за окнами залпы салюта. Вечером праздник завершился балом в Георгиевском зале. Под звуки полонеза его открыл Александр III, шествующий с Елизаветой, а следующую пару составили Сергей и императрица Мария. Веселье продолжалось до позднего вечера и закончилось отъездом новобрачных в их новый дом — Сергиевский дворец.

Несмотря на время (половина одиннадцатого), толпы горожан приветствовали молодожёнов, проезжавших с царём и царицей по иллюминированному проспекту. Вот и приготовленное жилище. Здесь по русскому обычаю молодых должны встречать с иконой и хлебом-солью родители супруга, но он — сирота, и почётную обязанность исполнил его брат Владимир со своей женой. Герои дня едва не падали от усталости, однако им предстояло ещё выдержать семейный обед на тридцать шесть персон, прибывших в свадебном кортеже. «Мы весь день оставались в наших придворных или парадных платьях, — сообщала сестра Сергея Мария в письме детям, — пока после бала не поехали опять в золочёных каретах, вытянувшихся в процессию, в новый дворец дяди Сергея...» «На следующий день, — продолжала она, — Сергей и Элла отдали визиты всей семье, она чудесно выглядела в розовом платье и шляпке и с множеством своих прекрасных драгоценностей. Дядя Сергей и вся семья вручили ей милые подарки, а тётя Минни (императрица Мария Фёдоровна. — Д. Г.) роскошное приданое».

Счастливую пару чествовали и представители иностранных государств. Каждому надо было что-то сказать в ответ, и вслед за мужем Елизавета (как ни трудно ей самой) обратилась к китайскому дипломату по-русски, поскольку других иностранных языков тот не знал. С первых же шагов Великая княгиня старалась нигде не подводить супруга, в чём кроме внешних данных ей помогали живой ум и деликатность. «Она очаровывала

своей красотой, подчёркнутой прелестным туалетом, — восхищалась в те дни бывшая фрейлина императрицы Марии Александровны Дарья Тютчева. — Что ещё сильнее воздействует, чем её красота, это очарование скромности, простоты, которое от неё исходит, её задумчивый вид и чарующий взгляд, который она погружает в ваши глаза, когда она говорит с вами или слушает ваш ответ».

Но вот все церемонии завершились, и молодожёны уехали в Москву. На Эллу она произвела ошеломляющее впечатление. Первопрестольная оказалась не похожей ни на что из виденного раньше. Средневековые крепостные стены, башни, хаотичная застройка, перемешавшая дворцы, монастыри, современные доходные дома, трактиры и магазины. И невероятное количество церквей. Непривычного вида, но очень притягательных. «Этот город такой красивый и чудесный, — сообщала Елизавета бабушке-королеве, — что я горю желанием зарисовать разные замечательные храмы. Но, конечно, для этого нет времени. Я должна сделать несколько фотографий, и когда я увижу Вас, я смогу их Вам объяснить».

То, что Москва — истинно русский город, национальный и духовный центр или сердце России, понималось без лишних слов. Точно так же Елизавета почувствовала всю сакральность и все значение для русских людей Троице-Сергиевой лавры, куда приехала с супругом, желавшим возблагодарить своего небесного покровителя. Ещё ранее заметив, как он преображается во время молитвы и с каким благоговением прикладывается к образам, она, пусть пока и не принадлежа к его Церкви, не могла оставаться безучастной. К тому же вокруг молились сотни людей, иногда становящихся на колени. Выход из положения Елизавета нашла быстро. Чтобы не задевать чувства богомольцев, она стала делать перед иконами глубокие реверансы. Вслед за мужем Великая княгиня прикладывалась к кресту и даже целовала руку священнику, что не практиковалось в её конфессии.

Остаток медового месяца молодожёны провели в подмосковном Ильинском, доставшемся Сергею по наследству от матери. «Здесь так хорошо, что трудно описать, — признался он в письме другу, — а главное — быть с дорогой женой далеко от всех отвратительных дрызг придворной жизни». Элла нашла усадьбу восхитительной. Отдохнув на природе после всего недавно пережитого, Великая княгиня сосредоточилась на будущем. «Пусть Господь покажет мне путь, — написала она здесь королеве Виктории, — как всегда делать хорошее тем, кого я люблю, и как держаться правильного пути, и чтобы быть такой хорошей и простой, какой Вы и

мама желали бы».

*

Как уже говорилось, в Петербурге чета поселилась в Сергиевском дворце, ранее носившем имя своих прежних хозяев — князей Белосельских-Белозерских (так же его именуют и сегодняшние путеводители). Рядом располагалось старинное Троице-Сергиево подворье, что было очень важно для Великого князя, а священники подворья приглашались им служить в его собственную домовую церковь Рождества Христова. Оформленная по желанию владельца в русском стиле, она была заново освящена в год его новоселья. Большое значение имела и близость к Аничкову дворцу (напротив, на другом берегу Фонтанки), где нередко жила Императорская семья. Другим фасадом дом выходил на Невский проспект, а угол здания смотрел на Аничков мост со знаменитыми конями К. Клодта. Что и говорить, дивное место!

Внутренние помещения были со вкусом выдержаны в стилях барокко и рококо. На площадке парадной лестницы (с монограммами Сергея Александровича на перилах) огромное изящное зеркало предлагало посетителю поправить туалет. Если приезжий попадал в столовую, то не мог не прийти в восторг от её вида. Залитая светом, с ореховым потолком и инкрустированными ценной древесиной филёнками, она отличалась уютом, а мозаичные панно — натюрморты придавали ей особенный шарм. В верхней части камина помещалось распятие.

Приглашённому в главный зал приходилось подняться в бельэтаж. В фойе его внимание сразу привлекали русские портреты XVIII века и картины итальянских художников. В самом же зале между арками и кариатидами размещалось множество больших зеркал, создающих причудливую игру света, особенно во время проводимых здесь балов. «Думаю, Её Высочество достойна того, чтобы быть отражённой миллионы раз», — заметил хозяин в ответ на похвалу интерьера. Зеркала были и почти во всех апартаментах. В Белой гостиной они отличались самым пышным обрамлением, и здесь же, на боковых стенах, присутствовал другой знак внимания к хозяйке дома — портреты её родителей, привезённые из Дармштадта.

Покои Великой княгини в стиле рококо напоминали гостиные загородных императорских дворцов. Наиболее торжественно смотрелась Малиновая зала с огромным угловым окном. Приёмная Елизаветы

выглядела скромнее — главными украшениями комнаты были позолоченная бронзовая люстра с фигурками ангелов и панно «Праздник Венеры» над камином. Живопись наполняла и кабинет Великой княгини, сильно отличавшийся от остальных помещений. Никакой парадности, никакого блеска, никаких причуд. На первый взгляд он даже удивлял какой-то хаотичностью, но при более внимательном рассмотрении в нём угадывался так называемый английский стиль, давно привычный и комфортный для Елизаветы. Глубокие мягкие кресла и диваны с обивкой разных цветов и рисунков, тяжёлые портьеры, раскидистая пальма возле окна, ширмы, разные безделушки на письменном столе — всё это при очевидной тесноте создавало неповторимый уют, в убранстве чувствовалось нечто домашнее и глубоко личное.

Задержимся здесь чуть подольше, ибо в деталях такого уголка можно порой увидеть то, что расскажет о его обитателях гораздо больше, чем всевозможные документы. Судя по всему, Элла ещё во многом была привязана к старому окружению: викторианский дух чувствуется в обстановке, не давая полностью расстаться с минувшим. И вместе с тем элементы новой жизни постепенно проникали в её мир, а собственное прошлое всё теснее переплеталось с тем, что было памятно и дорого для «милого Сержа». Вот и наглядное подтверждение. На стене кабинета, среди прочих картин, выделяется одна, явно имеющая особое значение, ибо только к ней подведён кронштейн с лампой для вечерней подсветки. В чём же её ценность? Может быть, это шедевр прославленного живописца с мировым именем? Или удачно приобретённое полотно модного художника, за которым гоняются заказчики?

Нет! Перед нами довольно скромный пейзаж Фёдора Васильева «Эриклик. Фонтан», написанный в окрестностях Ялты, где для больной императрицы Марии Александровны была создана небольшая «санатория». Сюда, в приют тишины и покоя, она приезжала, спасаясь от многочисленных гостей в Ливадии и стремясь найти среди полудикой природы столь желанное уединение. Сюда же так любил приходиться и Сергей, чтобы почитать с милой матушкой книги, попить чай или погулять возле дома. Никогда не повторится это счастье, но пейзаж в комнате жены время от времени воскрешал те блаженные дни и помимо грусти дарил проникающую сквозь время поддержку. Представим себе, как в петербургских сумерках, зайдя к супруге, Сергей видел выхваченную из полумрака подсветкой частицу своей прошлой счастливой жизни... Залитые солнцем горы, голубая бухта, маленькая лужайка, клумба, фонтан. И на душе становилось лучше, чище. Такие эмоции, несомненно, были видны и

приятны Елизавете, она понимала мужа, но это оставалось их маленькой семейной тайной, недоступной даже самым близким визитёрам.

Принимать же гостей супругам доводилось часто. Родственников, сослуживцев Великого князя по полку, сановников, аристократов. Вопреки опасениям Сергея его жена быстро усвоила правила новой жизни. Роскошь двора, почести и светская суэта, конечно, утомляли. Однако она не была склонна игнорировать условности окружавшего общества, не пренебрегала его нормами, не пряталась от испытующих взоров. Напротив, став русской Великой княгиней Елизаветой Фёдоровной, Элла с достоинством исполняла обязанности супруги царского брата, чем очень помогала мужу.

Круг многочисленных дел, прежде всего, требовал соблюдать правила придворной жизни. Блистать на балах, делать визиты, поздравлять и отвечать на поздравления, быть гостеприимной хозяйкой. Следовало помнить массу имён, титулов, должностей, дат предстоящих событий. На первых порах приходилось вникать и в детали туалетов — в чём надо появляться на том или другом мероприятии, какие цвета и фасоны сейчас приняты, где лучше заказать новые платья. Разобраться в «дамских» вопросах Елизавете помогала императрица.

Фамильные обеды в Аничковом дворце сменялись посещением Гатчины, где часто жил император и где у Сергея Александровича имелись собственные комнаты. За дипломатическими приёмами и гвардейскими парадами следовали бесконечные праздники столичного света, самая мощная волна которых накрывала Петербург с наступлением Рождества и Нового года. Утром 1 января, облачившись в придворное платье со шлейфом, Елизавета Фёдоровна с кем-то из фрейлин выезжала в Зимний дворец. По окончании церковной службы, совершенной там для Царской семьи, ей надлежало объехать все великокняжеские дворцы, чтобы поздравить других великих княгинь, со многими из которых она только что виделась у Государя. Получалась бессмыслица, но ничего не поделать, таков обычай. Выходить из кареты не требовалось, специальный слуга, зайдя в дом, лишь докладывал, что «Её Высочество заезжала поздравить». Вернувшись к себе, Елизавета Фёдоровна расписывалась на многочисленных поздравлениях и готовила карточки для дам, желающих ей представиться. Их было так много, что это занятие весьма утомляло.

Затем начинался сезон балов с его долгожданной кульминацией — большим придворным или императорским. К сиявшему в ночи Зимнему дворцу сотни карет подвозили всё новых и новых гостей, достигавших иногда трёх тысяч. В ослепительном свете люстр, отражаемом зеркалами, среди пальм и тропических растений, принесённых из оранжереи, сияли

наряды и драгоценности дам, ордена и золотые эполеты мужчин. В Николаевском зале император с императрицей туром полонеза открывали танцы, продолжавшиеся до самого утра. Посетивший Петербург брат Елизаветы, герцог Эрнст Людвиг, описал свои впечатления от праздника в Зимнем дворце, предварительно отметив, что за четырнадцать дней побывал на пятнадцати балах. «Зал невероятно красив. На переднем плане, на эстраде, поставленный поперёк стол императрицы, Великих княгинь, зарубежных послов и т.д. Стол весь в цветах, равно как и стена за ним. От него через весь зал — четыре ряда пальм. На стенах букеты цветов, а вокруг каждой пальмы круглый столик, заставленный цветами. За этими столиками сидели остальные гости и Великие князья с дамами. Император не сидел на одном месте, а ходил по залу. С него не сводили глаз слуги, и как только он хотел где-нибудь присесть, ему тотчас же подавали стул. Посидев и побеседовав какое-то время с застольным обществом, он уходил к другим гостям. Царь часто подсаживался к самым молодым. Так император мог играть роль настоящего хозяина».

В январе 1888 года в залах Зимнего дворца ощущалась весна — императрица Мария Фёдоровна придумала «зелёный» бал, символизирующий надежду. Дамы были в зелёных платьях всевозможных оттенков, из драгоценностей полагались только изумруды. Посещая традиционные «белые» балы, дававшиеся в честь молодых девушек, впервые выходящих в свет, Елизавета Фёдоровна вспоминала, как сама ещё недавно делала робкие начальные шаги на таких же праздниках в Германии и в Англии. С тем, что предстало в Петербурге, они не шли ни в какое сравнение.

Но вот чего нигде и никогда прежде не случалось, так это балов «чёрных». Между тем именно таковой бал стал сенсацией петербургского зимнего сезона 1889 года. Первоначально праздник в Аничковом дворце планировался как самый обычный, но в разгар его подготовки пришло известие о самоубийстве австрийского престолонаследника, эрцгерцога Рудольфа. При всех европейских дворах объявили траур. В России поступили так же, однако императрица решила не отменять намеченный бал, вспомнив, как в Вене династия Габсбургов когда-то проигнорировала траур в Доме Романовых. Соединив, казалось бы, несоединимое, Мария Фёдоровна велела всем приглашённым дамам явиться на праздник ...в чёрных платьях! Тот же цвет должны были иметь веера, длинные, по локоть, перчатки, башмачки. Картина получилась фантастичной, экзотической и завораживающей.

В половине десятого при «малом параде» во дворец приехал

гостивший тогда в Петербурге гессенский герцог Людвиг, сопровождаемый дочерью Елизаветой и зятем Сергеем. В зале Элла была рада вновь увидеть своего брата Эрни, а вот приехавшая с отцом сестра Алики из-за лёгкой простуды не смогла присутствовать на столь необычном действе. Грянула музыка, бал начался. «Все дамы явились во всём чёрном, в бриллиантах и жемчугах, — вспоминал потом Эрни, — в белом зале с красными гардинами и стульями пестрели только мундиры. Зрелище было странное, но совершенно захватывающее». Элла с восхищением смотрела на отца, танцевавшего с императрицей. Как хорошо, что обе её семьи так дружны!

С родственниками мужа она сошлась сразу. Александр III (Сергей называл его Сашей) относился к Елизавете с огромной теплотой, императрица Мария Фёдоровна (среди домашних — Минни) оказывала ей всевозможную поддержку и проявляла полное дружеское доверие. «Саша и Минни такие добрые, — рассказывала Великая княгиня в письме из Гатчины в Лондон, — и я провожу всё последнее время с Минни. Утром мне дают уроки русского языка, потом, после завтрака, императрица приходит ко мне, и мы вместе пишем красками, потом выходим вместе, а после чая император читает — таким образом, время проходит очень приятно...»

Цесаревич Николай (для близких — Ники) был младше Елизаветы на четыре года, но рядом с ним Элла, как жена «дяди Сергея», ощущала себя старше. Её отношение к престолонаследнику напоминало чувства к родному брату и маленьким сёстрам, нуждавшимся в опеке после смерти матери. Николай виделся ей большим ребёнком, требовавшим дополнительного наставничества с её стороны, и одновременно, как ровесник, лучшим партнёром на светских праздниках. Когда цесаревичу исполнилось двадцать лет, его совершеннолетие решили отметить костюмированным балом с менуэтом и гавотом. Готовились почти полгода. За разучивание старинных танцев взялось двенадцать пар, первую составили Николай и Елизавета. «Дражайший Ники! — писала в разгар репетиций прекрасная партнёрша. — Высылаю мою фотографию... Как тебе и хотелось, я сижу на кушетке в менуэтной зале, думая о тебе и о тех прекрасных рас — очень надеюсь, что этой зимой мы сможем отрепетировать новые... Благослови тебя Господь. Желаю тебе счастливо провести время, иногда думая о твоей “преданной тете Элле”».

Наконец, 6 мая 1888 года результаты представили гостям во дворце Великого князя Владимира Александровича. Танцоры-мужчины были одеты «мушкетёрами» и словно сошли со страниц романа Дюма. Дамы казались приехавшими из Версаля времён Марии Антуанетты — пудренные

парики и платья в стиле рококо. Кстати, среди сохранившихся фотографий участников есть и снимок Николая с Елизаветой, изображающих свой танец. Иногда при публикациях в нём ошибочно видят разыгранную сцену из «Гамлета».

Младший брат Сергея, Павел, был очень милым юношей и воспринимался Эллой как собственный брат. Он часто навещал супругов в их петербургском доме, гостил у них и в подмосковном имении. Другой всегда желанный гость — кузен и давний друг мужа, Константин (Костя), приятный собеседник, талантливый поэт и музыкант. Из старшего поколения Царской семьи Елизавете больше всего нравился дядя Сергея, Великий князь Михаил Николаевич, добрый, интеллигентный и очень благосклонный к очаровательной жене племянника. Своей внимательностью он помогал ей почувствовать семейную теплоту в новых условиях жизни.

*

Служба Сергея Александровича в лейб-гвардии Преображенском полку налагала на его супругу дополнительные обязанности. Великий князь командовал первым батальоном и в праздник этого подразделения, в Николин день (6 декабря), приглашал к себе во дворец батальонных офицеров. Елизавете Фёдоровне надлежало быть хозяйкой вечера. Сослуживец Сергея Александровича и его будущий адъютант Джунковский позднее вспоминал: «Великая княгиня Елизавета Фёдоровна была очаровательна; она с таким вниманием со всеми разговаривала, так подкупала своей красотой, изяществом при удивительной скромности и простоте, что нельзя было на неё смотреть иначе, чем с восхищением». В 1887 году Сергею Александровичу было поручено возглавить Преображенский полк, и теперь его жена становилась, как тогда говорили, «первой полковой дамой». Для преображенцев это явилось дополнительной честью — Елизаветой Фёдоровной в полку гордились, всегда радуясь возможности увидеть её на каком-нибудь событии. Самым ярким стал праздник в Офицерском собрании с приглашением Царской Фамилии и высшего общества. Съехалось до трёхсот человек. Елизавета Фёдоровна радушно принимала гостей, позаботившись о подарках и цветах. Из Ниццы доставили массу сирени, анемонов, гвоздик, роз, фиалок. «Все дамы уезжали, прямо нагруженные цветами, — вспоминал очевидец. — Красиво было изумительно».

Будни проходили по обычному распорядку. В первой половине дня Елизавета, как правило, занималась перепиской. Около часа пополудни во дворце подавали завтрак, после чего Великая княгиня принимала дам. Посетительниц бывало человек пятнадцать — двадцать, а иногда и более. Приём растягивался на полтора часа, и с его завершением Елизавета Фёдоровна переодевалась для прогулки. Выезжая в город, она стремилась посетить уголок живой природы, но в Петербурге таких мест было очень мало. Чаще всего приезжала в Летний сад, где с удовольствием гуляла в любое время года. Зимой Елизавете Фёдоровну можно было встретить и в Таврическом саду. Там на пруду устраивался каток, привлекавший массу публики, включая самых титулованных особ, а вокруг сада заливалась беговая дорожка. Покататься на коньках сюда приезжала даже императрица Мария Фёдоровна, большая любительница такой забавы. Елизавета же находила здесь дополнительную возможность побыть на свежем воздухе, взбодрившись морозом и физической нагрузкой. Про необходимость закаливания она помнила с детства.

Время от времени посещались модные магазины. В царстве тканей, шляпок и мелких безделушек Элла испытывала какое-то особенное чувство. Ей нравилось знакомиться с новинками, подолгу рассматривать товар, представляя, где и как такая вещь будет выглядеть лучше, прицениваться. Характерный для многих женщин интерес к покупкам усилился у неё неожиданно возникшей возможностью позволить себе самое дорогое, самое роскошное. После долгих лет самоограничения Елизавета словно пыталась наверстать упущенное. Заметив за собой такую слабость, она смутилась. Мужу призналась, что порой сама стыдится странной тяги к магазинам, но... ничего не может с собой поделать. Ему оставалось лишь улыбнуться — какая мелочь! В серьёзности настоящего характера жены Сергей не сомневался.

Будничный досуг дополнялся чтением или рукоделием. Иногда он проводился вместе с императрицей, приглашавшей для совместного рисования, но чаще проходил дома. Здесь огромное наслаждение доставляла игра на фортепьяно. За рояль Элла садилась каждый, день, особенно любя поиграть с партнёром в четыре руки. Вечерами, если Сергей был свободен, они выезжали в театр.

Ежедневно, не менее двух часов, Елизавета занималась русским языком. Сохранилось семнадцать ученических тетрадей, говорящих о её упорстве. Старательно и вдумчиво она переписывала стихи русских поэтов — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Фета. С удовольствием выводила пером лирические строки стихотворений в прозе И. С. Тургенева.

Некоторые поэтические записи Эллы почему-то обрывала, не закончив. Вероятно, ещё сложные для восприятия образы не имело смысла воспроизводить чисто механически. Рядом с жемчужинами поэзии в тетрадах появлялись городские романсы, по заданию наставницы описывались впечатления от прошедшего дня, практиковались ответы на простые вопросы и формы обращений. Пробиваясь сквозь трудности, допуская поначалу массу ошибок и теряясь перед широтой русской речи, прилежная ученица не сдавалась, а на собственные огрехи смотрела с юмором. Отдавая тетрадь на очередную проверку своей учительнице Е. А. Шнейдер, сделала приписку: «Милая Екатерина, я надеюсь, всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно».

Заметив, что наставница начала допускать поблажки, Сергей взял дело в свои руки: чаще говорил с Эллой по-русски, диктовал ей тексты. Ученица старалась и была очень благодарна окружающим, которые, узнав о новых выученных ею словах, чаще вставляли их в разговоры. Через год Елизавета рискнула вступить с гостями в продолжительную беседу на русском языке, что супруг счёл своим торжеством, однако занятия не прекратил и даже усилил.

Задания усложнялись, потребовалось знакомство с художественной литературой. Среди первых прочитанных книг оказались (видимо, по совету мужа) «Детство» и «Отрочество» Л. Н. Толстого. Сложнее было с чтением вслух. Элла не любила это занятие с детства, а теперь предпочитала слушать, как мастерски читает Сергей. Однако декламация улучшала навыки устной речи, так что выход надо было искать. Он нашёлся в любительских домашних постановках, периодически устраивавшихся в компании Сергея Александровича. На шестом году обучения с подачи своей фрейлины Екатерины Козляниновой Елизавета решила сделать сюрприз и потому скрывала первые репетиции даже от супруга. Идея заключалась в представлении двух картин из «Евгения Онегина» Пушкина на сцене домашнего театра в Сергиевском дворце. Роль Татьяны поручалась Елизавете Фёдоровне, роль Евгения — цесаревичу Николаю. Когда «заговор» открылся, Великий князь придал начинанию более организованный характер, потребовав от участников настоящей работы. Сначала им следовало разыграть сцену в саду, когда Онегин даёт холодную отповедь влюблённой девушке, а затем показать их последнее объяснение в доме генерала. Репетировали около двух недель. Сергей внимательно наблюдал за ходом подготовки — придирчиво оценивал игру, прося Николая говорить громче и увереннее, что-то поправлял, менял.

В образе пушкинской героини Елизавета выглядела прекрасно, к тому

же, выучив текст, она проявила определённые способности актрисы, сумев передать характер и чувства доселе незнакомого ей персонажа. Конечно, в детстве, как и любой ребёнок, Элла любила наряжаться, изображая то светскую даму, то индийскую царевну. Но уже тогда умение перевоплощаться и, что особенно важно, понимание драматургии обнаружились в ней, как в рассказчице. Усадив рядом брата и сестёр, она с мастерской импровизацией развлекала их невероятными историями, иногда обрывавшимися на самом интересном месте. По воспоминаниям Эрнста Гессенского, сестра «могла с неподражаемым мимизмом рассказывать о разных происшествиях». И этот дар со временем позволит ей представлять перед избранной публикой в разных сценических ролях, включая роль самой романтической героини русской литературы.

Вечером 27 февраля 1890 года в присутствии только Царской семьи состоялся долгожданный показ, приуроченный ко дню рождения императора. «Поднялся занавес, — пишет в дневнике Великий князь Константин. — На сцене был садик со скамейкой; выбежала Элла, за ней вошёл Николай. Оба были в костюмах начала нынешнего столетия и очень хорошо одеты. Цесаревич очень мило и чётко произнёс свой монолог: “Вы мне писали, не отпирайтесь!” Только в голосе его слышно было, что он очень робел. Затем сцена превратилась в комнату Татьяны. Элла с большим чувством говорила свой монолог. Нет ещё 6 лет, что она в России, и уже появилась на сцене. В старину этого не было. Конечно, произношение её выдавало, но выкупалось глубиной чувства в игре». Вскоре о спектакле узнали в высшем обществе, и по многочисленным просьбам представление пришлось повторить для более широкого круга зрителей.

*

В столичную жизнь Элла «вписалась» легко. Вместе с тем, подобно Сергею, она с огромным удовольствием будет проводить время за городом. Точнее, под Москвой. Впервые в своё имение супруг привёз её вскоре после свадьбы, предпочтя подмосковную усадьбу заграничному турне. Хотелось отдохнуть и, что называется, переключиться. Беспокоило лишь одно — как воспримет жена незнакомый ей мир.

Природа окружала её с раннего детства и продолжала манить всегда; среди садов и водоёмов, среди лугов и тенистых рощ она чувствовала себя лёгкой и свободной частицей прекрасного мира, а её собственная красота ещё больше подчёркивалась окружающей гармонией. Не случайно

портретисты полубоят изображать Елизавету на фоне пейзажа, а Сергей, как заказчик, прекрасно поймёт, насколько выигрышно, насколько верно такое сочетание. Но одно дело романтические берега Рейна, скалистые холмы Шотландии или большой парк Виндзора, и совсем другое — простая сельская местность в центре России. Как воспримет непривыкшая к подобным картинам Элла эту особенную красоту, как отнесётся ко всему, что так притягивало здесь Сергея? Великий князь волновался напрасно. «Ужасно я рад, — писал он Александру III, — что жена, так же как и я, любит деревню и нисколько не тяготится; наоборот, она с грустью размышляет о той минуте, когда придётся покинуть Ильинское». В своём подмосковном имении супруги походили на патриархальную помещичью семью. Казалось, мир за пределами окрестных деревень переставал для них существовать, а всё внимание сосредоточивалось на хозяйстве и удобствах для гостей.

Усадьба Ильинское, известная с конца XVII века, сменила нескольких владельцев, в 1863 году став собственностью императрицы Марии Александровны. По завещанию матери этот дивный уголок перейдёт к Сергею, став его любимым и постоянно манящим к себе местом, его маленькой Россией, его земным раем.

Двухэтажный деревянный барский дом стоял на высоком берегу Москвы-реки. С двух сторон к нему примыкали украшенные вазами террасы, ставшие своеобразными висячими садами. Западная переходила в пандус, вливавшийся в широкую липовую аллею. На парапете восточной стояла старинная мраморная статуя спящего Эрота. Сама же она вела к павильону, называвшемуся «Пойми меня» и заключавшему в себе баню и ванну. В главном доме обстановка была довольна простая: мебель начала XIX века — кресла, столы, комоды — главным образом из карельской берёзы с золочёным орнаментом. На стенах — множество гравюр с видами имения (особенно в зале с мебелью Гамбса) и любопытные карикатуры Теребенева на тему войны с Наполеоном. В некоторых комнатах красовались полотна И. К. Айвазовского.

Перед фасадом зеленела полукруглая лужайка, за которой начинались четыре липовые аллеи. Эта часть парка ещё сохраняла черты регулярного французского сада, какая-то мраморная статуя — свидетель Екатерининского века — выглядывала из кустов разросшейся сирени. Конечно, усадьба имела служебные постройки, образующие каре, грот, выложенный белым камнем и снабжённый двумя круглыми окошками по сторонам входа, лодочную пристань. Подстригавшиеся деревья и кусты образовывали сводчатые зелёные коридоры, по которым можно было

пройти к парковым домикам с затейливыми названиями — «Миловид», «Приют для приятелей», «Кинь грусть», «Не чуй горе».

Ранним утром Сергей Александрович направлялся на ферму, где уже начиналась дойка дорогих, голландской породы, бежевых коров. Затем шёл на конюшню: его лошади — арденские тяжеловозы — настоящая экзотика для России. Значительно позднее на основе этой бельгийской породы будут выведены русские тяжеловозные лошади, так что Великий князь в вопросах коневодства смотрел далеко вперёд. Как, впрочем, и в птицеводстве, которому уделял повышенное внимание, заведя большой птичник и наняв специалиста по разведению пернатых. Он вообще хотел устроить в поместье все самым лучшим образом, и хотя Ильинское доходов не приносило, Сергей старался развернуть в нём большую хозяйственную деятельность: наставлял управляющих, проверял отчёты, счета. Так же он поступал и в столичном доме, но проблемы имения решал с несравнимо большим удовольствием.

После инспекции — утренний кофе на балконе, затем — занятия с женой русским языком. По окончании урока следовали верховая прогулка или лодочное катание, потом завтрак. День разгорался, снова маня на свежий воздух и предлагая многочисленные дары природы. Сергей очень любил рыбалку и порой долго просиживал с удочкой, обгорая на солнцепёке. Десятки пойманных ершей, пара щук и несколько крупных шелесперов составляли его обычный улов, а уж когда, зайдя в воду, он тащил невод, добычей мог стать и огромный судак. С ещё большим удовольствием отправлялся он за грибами, часто беря с собой и жену. Переправившись на лодке через реку и пройдя широкий, дивно благоухающий луг, они попадали в лес. Великий князь был опытным грибником, так что возвращались супруги как минимум с двумя полными корзинами. В другие дни время до обеда посвящалось домашним делам, включавшим заботу о парке и цветниках. Часто посещали соседей, среди которых у Елизаветы появились первые русские подруги — графиня Александра Олсуфьева (ставшая её гофмейстериной), Мария Васильчикова (давняя знакомая мужа), княгиня Зинаида Юсупова.

Своими впечатлениями Элла делилась с императрицей: «Должна написать тебе пару строк: рассказать, каким очаровательным я нашла этот дом... В среду едем к Эльстонам-Сумароковым (Юсуповым. — Д. Г.), там все женщины и мужчины будут в простых крестьянских костюмах ярких цветов. Мы с княгиней шьём себе наряды; она так добра, помогает мне кроить рубаху, что совсем не просто. Часто видимся с соседями, и все они такие милые люди, что я быстро освоилась. Мы много купаемся, это очень

освежает, ведь погода стоит жаркая... Вчера нас посетил митрополит, был весьма любезен — сказал несколько слов благодарности по-немецки; я была тронута... С месяц назад, когда мы были у преподобного Сергия (в Троице-Сергиевой лавре. — Д. Г.), — я сказала ему “спасибо” по-русски...»

Иногда отправлялись в село. О земледельческом труде Сергей Александрович знал не понаслышке. Во время учёбы он прошёл практический курс полевых работ — пахал, сеял, собирал урожай — и, хорошо понимая тяготы крестьянской жизни, старался, по возможности, улучшить её условия. Но для Елизаветы Фёдоровны здесь были сплошные открытия. Оказалось, что крестьяне — не беззаботные поселяне в «ярких рубашках», а серьёзные люди, со своими проблемами и совсем непонятным укладом жизни. Так начались первые свидания Эллы с настоящей Россией — с её народом, с её бытом, с её культурой. Ильинское, как и принадлежащее Сергею соседнее Усово не бедствовали, однако по сравнению с немецкими деревнями они казались просто нищими. Потрясала и трудоспособность крестьян, а низкий уровень их социальной защищённости вызывал оторопь. На некоторые проблемы Элла обратила внимание мужа. Великий князь согласился с её оценкой медицинского обслуживания и выписал опытную акушерку для постоянной работы в округе. Отзывчивость хозяев Ильинского всегда будут вызывать и другие местные беды — если случался пожар или падёж скота, они старались щедро помочь пострадавшим.

Полуденный зной заставлял Сергея Александровича немного подремать в кресле. Отдав необходимые распоряжения, он становился недоступен, и если в такое время возникали неожиданные вопросы по хозяйству, прислуга логично обращалась за советом к Елизавете Фёдоровне, чем весьма её подводила. Проснувшийся «помещик» бывал крайне недоволен — жена, по его мнению, не должна вмешиваться в непонятные ей дела даже при самых благих побуждениях, у каждого из супругов есть свои обязанности по дому и управлять имением может только один. С такими доводами Елизавета, в конце концов, соглашалась, прекрасно видя, что они направлены на её же благо.

После обеда читали или музицировали. Часто играли в четыре руки, а если приезжали гости, то приглашали их к импровизации в восемь рук. Когда имение посетил известный пианист Р. В. Кюндигер, в своё время обучавший игре на фортепьяно Сергея Александровича и других царских родственников, а также преподававший в консерватории композитору П. И. Чайковскому, Елизавета воспользовалась случаем, чтобы улучшить свои музыкальные навыки. Но и просто поиграть в компании знакомых было

всегда приятно. Распахивались выходящие в сад окна, и по окрестностям разносились чарующие мелодии Бетховена, Шуберта, Моцарта. Если же круг гостей ограничивался только близкими, хозяйка могла развлечь их игрой на губной гармошке и даже на балалайке. То-то было веселье!

С наименьшей радостью приезжие отправлялись бродить по парку. Под щебет птиц, под стрекотание и жужжание насекомых, под шум деревьев и всплески воды забывались все житейские проблемы. Дамы с белыми зонтиками, одни или в сопровождении кавалеров, гуляли по тенистым аллеям, сидели в беседках. Кто-то располагался на траве, кто-то бродил по берегу. Елизавета, взяв ракетки, предлагала составить ей партию в бадминтон, а других звала на «гигантские шаги» — модную забаву с канатами. Потом, развеселившись, все начинали играть в кошки-мышки или в горелки, бегали наперегонки, резвились как дети. В общую суматоху включался и хозяйский пёс Шпунька, носившийся вокруг с весёлым тьяканьем. Жара тянула к реке. Старый пляж давно «захватили» коровы, так что купальня размещалась в малопригодном месте и вкупе с мелководьем не создавала комфорта для желающих освежиться. Но бодрящая прохлада воды компенсировала все неудобства. Снимала усталость, придавала новые силы на вечер.

Когда в доме появился фотоаппарат (подарок любимого брата), Сергей увлёкся съёмкой, а гости порой составляли перед объективом «живые картины», которые потом сами же и пародировали. Различные шутки и забавные розыгрыши вообще стали здесь неотъемлемой частью досуга, и следовало быть начеку, чтобы не вздрогнуть, ощутив при рукопожатии спрятанный в ладони кусочек льда или вдруг оторвав... протянутую кисть руки, оказавшуюся набитой песком перчаткой. Впрочем, это ещё мелочи по сравнению со страшным призраком, который как-то вечером появился из-за кустов и перепугал всех непосвящённых в тайну! Сколько же было смеха, когда выяснилось, что чудовище с пылающими глазами состоит из простыни и полого арбуза со свечой внутри.

Нагулявшись, компания спешила к столу, накрытому на террасе или прямо на лужайке перед домом. Гудел кипящий самовар, появлялась свежая выпечка, сверкало янтарём домашнее яблочное варенье. И настоящим сюрпризом в конце лета выглядела душистая лесная земляника из местной оранжереи. По заведённому здесь порядку чай всегда разливал хозяин, а его очаровательная супруга предлагала отведать то или иное угощение. Остаток вечера проводили, собравшись в одной из комнат, и если не было любительских репетиций какой-нибудь пьесы, просто отдыхали — читали, рисовали, играли в настольные игры. «Меня поразила, — вспоминал

гостивший в имении Джунковский, — простота, с какой держали себя Их Высочества: с первого же вечера я не чувствовал никакого не только страха, но и какого-либо стеснения, всё так было просто, семейно, никто не вставал, когда проходила Великая княгиня или Великий князь, совсем как в простом семейном доме, даже проще, чем в других аристократических домах».

В праздничные дни Сергей Александрович устраивал народные гулянья. У господского дома собиралась толпа крестьян с детьми, которых одаривали сладостями. По лотерейным билетам раздавались выигрыши: платки, байковые одеяла, ситец, самовары (самый ценный приз, получив который один крестьянин чуть не бросился целовать Великую княгиню), фарфоровые чайники и чашки, сапожный товар. Дети получали игрушки. На престольный праздник — в Ильин день — Великий князь открывал трёхдневную деревенскую ярмарку. Вместе с женой обходил торговые ряды, как полагалось, приценивался и, только осмотрев, подобно бывалому покупателю, весь торг, делал покупки. Всё приобретённое раздаривалось гостям и домашней прислуге.

В августе 1888 года имение брата посетил Александр III. Он приехал частным порядком, практически инкогнито, и несколько дней наслаждался уединённой жизнью. «Это была действительно чудная неделя, — отметит граф С. Д. Шереметев, — погода тёплая, но не жаркая, настроение светлое, разговоры живые. Я любовался Государем, давно не видал я его таким благодушным, весёлым... Сидя на широком балконе Ильинского, Государь наслаждался летним вечером, привольем заливных лугов, простором и тишиною. Всё это он любил, как любил он и предания московские и охотно говорил о временах прошедших, стародавних». Младший сын императора, девятилетний Михаил, приехавший вместе с отцом, сразу же привязался к тете Элле. Они возились с собаками, вместе разбирали игрушки и сочиняли письма, а потом (о радость!) Елизавета привела под уздцы настоящего скакуна по кличке Борман и позволила своему «верному рыцарю» Мише покататься верхом.

Но какой бы гостеприимной ни была великокняжеская чета, Сергею и Елизавете временами хотелось пожить наедине друг с другом. «Я очень люблю гостей, — писал Великий князь доверенному Косте, — но всё же слишком много времени отнимает — не успеваешь заняться, да и вообще я не люблю выходить из нашей тихой колеи, которую я так страстно люблю...» «Тихая колея», «большое блаженство», «блаженный сон» — так называл он время, проводимое с женой вдали от посторонних лиц. Когда выпадали такие дни, они уходили в лес, в поля, ища землянику или собирая

васильки. Радовались маленьким открытиям, умилялись, когда Сергей нашёл укрытое в траве гнездо с четырьмя птенцами. Случись эта находка не в первый год супружества, а позднее, она бы наверняка больно резанула души бездетной пары.

Да, у них не было детей. И, видимо, не могло быть, что сильно терзало Великого князя. «Должно быть не суждено нам иметь полного счастья на земле, — с горечью признавался он младшему брату, — если б я имел детей, то мне кажется, для меня был бы рай на нашей планете, но Господь именно этого не хочет — Его пути неисповедимы!» За семью брата переживал и Государь. «Бедный Сергей и Элла, — писал он жене в апреле 1892 года, — часто о них думаю; на всю жизнь лишены они этого великого утешения в жизни и великого благословения Господня». Но хотя данная тема больше никем не обсуждалась, многие подмечали невольно проявлявшиеся у Сергея Александровича отцовские чувства. Если гостившие в Ильинском привозили с собой детей, Великий князь хлопотал о их досуге и удобном размещении. Наблюдал за купанием малышей, а вечерами, заходя в спальню пожелать им спокойной ночи, заботливо поправлял сбившиеся одеяльца. Дочь его сестры, английская принцесса Мария (будущая королева Румынии), приводит любопытную подробность — по её словам, дети заметно побаивались строгого «дядю Сергея», но вместе с тем все они безоговорочно признавали его своим любимцем. Красноречивая деталь, не правда ли?

Во всём остальном брак сложился удачно. Между супругами, безусловно, была большая любовь. Причём любовь полная, всеобъемлющая. Они старались не расставаться ни на один день, делили общую постель, были взаимно нежны и предупредительны на людях. Однако никакого афиширования своих чувств не допускали. Вышеупомянутая Мария Румынская, говоря о дяде и тете, отмечала, что «он относился к ней отчасти как школьный учитель». Другая племянница, Мария Павловна, выразилась точнее: «В их отношениях была какая-то сдержанная нежность, основанная на готовности тёти согласиться с любым решением мужа по всем вопросам, большим или малым. Оба гордые и застенчивые, они редко показывали свои истинные чувства и никогда не искали чужого доверия». И всё-таки человек близкий, понимающий и частично допускаемый в тот закрытый для всех мир мог порой узнать нечто большее. Гостивший в Ильинском Константин Константинович со свойственной ему поэтичностью записал в дневнике: «Не могу сказать, чтобы Сергей очень много сидел с ней (Елизаветой. — Д. Г.), но у них прелестные отношения... Мы с Сергеем вдвоём вышли погулять. Солнце

садились, освещая холодными, румяными лучами оголённую осеннюю природу и золотя жёлтые верхушки деревьев. Мы разговорились. Он рассказывал мне про свою жену, восхищался ею, хвалил её; он ежечасно благодарит Бога за своё счастье. И мне становилось радостно за него и грустно за себя. Но я не завидовал ему — к чему завидовать: лучше радоваться радости ближнего».

*

Тем временем география поездок расширялась. Побывав в Крыму, Елизавета вспомнила Британию, поскольку горы напомнили ей далёкую Шотландию, а побережье — с детства любимый Осборн. Новая родина оказалась чрезвычайно разнообразной, многоликой. И не только внешне. Элла уже начала ощущать пульс русской жизни, совсем непохожей на впечатления от Петербурга.

Важнейшую роль в этом постижении сыграли паломничества к святым местам. Но если увиденные поначалу Троице-Сергиева лавра, Саввино-Сторожевский монастырь возле Звенигорода и Новый Иерусалим на Истре находились рядом с Москвой, то поездка в Вышенскую пустынь, расположенную под Тамбовом, стала для Эллы первым посещением русской глубинки. «Полнейшей глуши», по словам Сергея. После Моршанска дорога, как таковая, вообще закончилась, и следующие девяносто восемь вёрст пришлось добираться по непролазной грязи. Остановились в имении Быкова Гора, принадлежавшем Э. Д. Нарышкину, который и пригласил Великокняжескую чету вместе с Великим князем Павлом посетить знаменитую обитель. Торжественной встречи в монастыре хотелось избежать, но архиепископ на ней настаивал, так что пришлось согласиться, заранее подчеркнув, что делается это исключительно ради народа. В те дни главной святыни обители, чудотворной иконы Богоматери Казанской Вышенской, в соборе не было — традиционным крестным ходом её обносили по губернии. Но Августейшие паломники сподобятся приложиться к ней на обратном пути.

Элла никогда ещё не видела столь пёстрой людской толпы. Помимо русских среди встречавших у монастыря находились мордвины, яркими костюмами выделялись татары. При появлении великих князей весь народ пал на колени, склонившись до земли. Это было непривычно для Елизаветы, удивительно и трогательно. Чувства усиливались и незримым присутствием настоящего подвижника, епископа Феофана, давно жившего

в монастыре затворником. О таких подвигах Элла могла знать лишь из книг по истории Церкви, не предполагая, что подобное возможно сегодня. И вот она совсем рядом с человеком, совершающим свой тяжёлый спасительный путь! Конечно, в келью затворника попасть было нельзя, о присутствии высоких гостей его только известили, передав их фотографии. Однако реальность соприкосновения с подвижником ощутилась сразу и запомнилась навсегда.

Святой Феофан Затворник стал первым в целом сонме Божиих избранников, встреченных Елизаветой Фёдоровной в России. Их будущая слава оставалась пока неведомой, но их влияние на жизненный и духовный путь Великой княгини окажется глубочайшим.

4. В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

С конца XVIII века делами благотворительности в России озаботился Императорский Дом. Начало положила супруга Павла I, императрица Мария Фёдоровна, стоявшая у истоков Императорского Человеколюбивого общества, Повивального института и училища ордена Святой Екатерины. Она же стала главной начальницей над Петербургским и Московским воспитательными домами. Некоторые из этих дел продолжило специально созданное с её кончиной «Ведомство учреждений императрицы Марии», состоявшее под покровительством Их Величеств.

Делами милосердия прославилась и невестка Марии Фёдоровны, Великая княгиня Елена Павловна, передавшая эстафету своей дочери Екатерине Михайловне. Опекая прежние учебные и медицинские заведения, Великая княгиня Екатерина Михайловна открывала и новые, создав, в частности, приют для больных детей в Ораниенбауме. Постепенно работа на социальном поприще стала неотъемлемой частью в обязанностях женщин Императорской Фамилии. Каждая из Великих княгинь состояла попечительницей или покровительницей тех или иных учреждений, занимающихся общественным призрением и воспитанием. Причём для некоторых из них это становилось важнейшим делом.

Приехав в Петербург, Елизавета Фёдоровна не могла не заметить результаты трудов своих новых родственниц. Так, тётушка её мужа, Великая княгиня Александра Петровна, основала в столице Покровскую общину сестёр милосердия, больницу, амбулаторию, отделение для девочек-сирот и училище фельдшерниц. Матушка «милого Кости», Великая княгиня Александра Иосифовна озаботилась судьбой детей-бродяг и учредила Столичный совет детских приютов. Активно хлопотала и двоюродная сестра Сергея Александровича, Евгения Ольденбургская (урождённая Лейхтенбергская, дочь Великой княгини Марии Николаевны). Попечительствуя над женской гимназией и Максимилиановской больницей, она покровительствовала Дому Милосердия, основанному её матерью, и сама создала на основе общины сестёр милосердия Красного Креста общину святой Евгении.

Разумеется, Елизавета Фёдоровна не осталась в стороне. Тем более что дела милосердия были ей близки с самого детства. Под своё председательство Великая княгиня приняла Первый Санкт-Петербургский

дамский комитет Российского общества Красного Креста, основанный графиней Е. Ф. Тизенгаузен. Следующие шаги будут сделаны немного позднее и уже в других условиях, а пока Елизавета пыталась окончательно освоиться в новой жизни, расставляя в ней приоритеты. Первенство всегда отдавалось супругу.

Сергей понимал брак как взаимное обязательство, как церковное таинство и, наконец, как личную тайну. Вот почему ни один из вышедших из-под его пера документов, где упоминается супруга, не содержал никаких нежных эпитетов в её адрес. Они не для посторонних глаз, не для чужих ушей. Зато так часто в подобных записях (даже в дневниках) он употребляет по отношению к ней слово «жена». Слово простое, ёмкое, не требующее дополнений. Слово библейское.

Напротив, письма Елизаветы полны эмоций. «Мой дорогой Сергей», «милый Серж» — так она именует мужа, рассказывая о нём родственникам и друзьям. Обороты «мой Сергей», «мы с Сергеем» подчёркивают, что они с супругом — единое целое. Она всякий раз с беспокойством сообщает о его плохом самочувствии — простуде или сильном кашле. А заболев сама, пытается порой скрывать недомогание, чтобы лишний раз не тревожить возлюбленного. «Он будет мучиться, не выказывая своего волнения, — объясняла она графине Олсуфьевой, — но я-то вижу, он делается грустен, и я, конечно, буду мучиться; ненавижу скрытничать с ним, но ради его здоровья проявляю благоразумие. Он принимает всё так близко к сердцу, и если я могу хоть немного его избавить от огорчений — как приятно облегчить ему жизнь».

Ей же Великая княгиня призналась и в своём решительном неприятии любой непочтительности к супругу среди светских болтунов: «Причины моего поведения никогда не изменятся в том, что касается моего мужа. Пусть я снисходительна, но если ему не оказывают должного внимания, я всегда буду сурова к таким людям, и я хочу, чтобы свет это знал... Жена может быть доброго и мягкого нрава и в то же время сурова и непреклонна, когда затрагивают её мужа, которого она любит, уважает, которому полностью верит, зная, что он человек такой же верный и достойный восхищения, каков, я знаю, мой Серж».

Когда случались отъезды Великого князя по служебным делам и она не могла его сопровождать, почти ежедневно писала мужу письма. Большинство их, увы, не сохранились, но и те, что остались, а также посылаемые вдогонку телеграммы с пожеланиями доброго утра или доброй ночи, милыми фразами и обязательной припиской: «тысячи поцелуев» говорят о том, что Елизавета хотела постоянно ощущать его присутствие.

Без него словно не было жизни. Потеряв любимого, она до последнего дня сохранит о нём самые нежные, трепетные воспоминания и всегда будет оценивать свои поступки с позиций Сергея — что бы он одобрил, а что — нет. «Надеюсь, — напишет она в 1910 году Николаю II, — Господь даст мне силы, чтоб никто не мог сказать, что я оказалась недостойной водительства такого истинно благородного мужа и настоящего христианина».

Для Великого князя жена стала самым дорогим человеком. Ей доверял он все свои радости и печали, рядом с ней находил утешение и покой. Иногда приходили сомнения — надо ли посвящать её в то, что беспокоит и тревожит самого, не лучше ли оградить супругу от лишних волнений, от переживаний? Удержаться бывало трудно, практически невозможно. «У меня были всякие неприятности всё это время и даже самого разнообразного свойства, — признается Сергей брату Павлу на десятом году своего брака, — терпишь, терпишь, да и прорвётся. Уж жене-то я — *faire grâces de rien* (ничего не умалчивая. — *фр.*) — иногда бы и следовало смолчать, но я не могу и говорю ей всё: тут ничего не поделать». Что-то внутри удерживало от таких шагов, и оно же к ним подталкивало. И то и другое было проявлением любви, приносящей с собою весь спектр чувств, от бережного внимания до разделения душевных тягот. Та же любовь постепенно сближала чету и в их духовном росте, в их мировоззрении, в эстетическом развитии.

Елизавета всё время тянулась за мужем, стараясь проникнуться его взглядами, ощущениями, интересами. «Два Сержа», — шутливо называла их императрица Мария Фёдоровна. Он с удовольствием становился наставником: подбирал книги, знакомил с произведениями искусства, открывал красоты русской природы. Как знаток, рассказывал о достопримечательностях Италии, когда они вместе путешествовали по этой восхищавшей Сергея стране. Беседовал об английской истории во время их представительской поездки в Лондон. Но, конечно, больше всего говорил о России — её культуре, истории, традициях, религии.

Без преувеличения можно утверждать, что именно он, Сергей Александрович, стал создателем того изумительного образа Елизаветы Фёдоровны, который приводит нас сегодня в такой восторг. Великий князь поистине преобразил её. И в первую очередь этому преображению способствовало глубокое благочестие Сергея, видя которое, его жена стремилась постичь русское православие. Супруг охотно и терпеливо объяснял непонятное для неё значение некоторых обрядов, обучал молитвам, знакомил с историей Церкви, совершал совместно с ней

паломничества по святым местам.

Великая княгиня живо интересовалась работой мужа на посту председателя Императорского Православного Палестинского общества (ИППО) — организации, созданной в мае 1881 года при активном участии Сергея Александровича. Только что вернувшийся из поездки в Святую землю, он сразу горячо поддержал идею создания учреждения, которое помогало бы православию в Палестине и оказывало всемерное содействие русским паломникам. «Поистине скажу, — писал императору К. П. Победоносцев, увидевший первые плоды работы ИППО, — что в иерусалимском деле, имеющем для нас большую важность, только Палестинское общество принялось делать и делает настоящее дело, привлекая к себе сочувствие русского народа и добровольные пожертвования». Усилиями Великого князя разворачивалась огромная работа. «В служении благу Общества, — отмечал протоиерей Иоанн Восторгов, — сказались и высота задач и целей самого Общества, и высота души Августейшего его работника и создателя».

Сергей Александрович мог долго рассказывать об Иерусалиме, но особенно оживлялся, излагая историю знаменитых раскопок на русском участке священного города. Их провели в 1883 году по инициативе и при финансовой поддержке Великого князя, пожертвовавшего тысячу рублей золотом. Результаты оказались сенсационными: труды подтвердили подлинность признанного места Голгофы; кроме того, исследователи открыли остатки древних городских стен и ворот времён земной жизни Спасителя. Это были так называемые Судные врата, через которые Он прошёл с Крестом к месту Распятия. Совет Императорского Археологического общества согласился с правильностью выводов — стопа Христа могла коснуться обнаруженного археологами порога.

Так неожиданно в жизни Сергея Александровича вновь отчётливо прозвучала тема Крестного пути — та, что так часто обращала к себе его мысли, точно была определяющей в его собственной судьбе. Над священными руинами будет возведено русское подворье, причём Великий князь потребует не перемещать и не трогать при строительстве ни одного из раскрытых камней, а затем, преодолевая трудности, добьётся сооружения здесь церкви во имя святого Александра Невского. Храм возле места Погребения и Воскресения Спасителя посвящался памяти брата. А неподалёку, на склоне Елеонской горы, в память о матери Сергея ещё раньше начала возводиться прекрасная церковь Святой Марии Магдалины. Совместно с братьями Сергей финансировал работы по её созданию (император пожертвовал 100 тысяч рублей, остальные — по 15 тысяч

каждый), и ему же вместе с Павлом предстояло присутствовать на её освящении.

С этой целью в сентябре 1888 года Сергей Александрович вновь отправился в Святую землю, на сей раз с женой. Их маршрут предполагал также посещение других мест Палестины, поездку в Сирию и Египет. А началось путешествие с паломничества к святыням Киева. «Какой красивый город и величественная река Днепр!» — восхищалась Елизавета. Помолившись в Киево-Печерской лавре, встретились с Великой княгиней Александрой Петровной. Той самой, что оставила в Петербурге большое наследие в делах благотворительности.

Сергей вряд ли посвятил жену в печальную историю «тёти Саши», но до Елизаветы вполне могли доходить светские разговоры о том скандале, что несколько лет назад заставил Александру Петровну покинуть столицу. Её муж, Великий князь Николай Николаевич, генерал-фельдмаршал и герой Русско-турецкой войны, так влюбился в одну балерину, что перестал на дух переносить законную супругу. Как профессиональный стратег, в целях обороны он перешёл в наступление, голословно обвинил в измене жену и добился её отъезда за границу. Вернувшись в Россию, Александра Петровна, страдающая от душевной раны и физического недуга (несчастный случай лишил её возможности ходить), решила основать на купленном в Киеве участке монастырь и, удалившись от мира, посвятить себя молитвам и милосердному служению людям. Стойкость и смирение «тёти Саши» поразили Елизавету Фёдоровну, а будущие труды родственницы в киевском Покровском монастыре, где откроются детский приют, хирургическая больница и амбулатория для бедных, станут одним из примеров при создании собственной Марфо-Мариинской обители.

Пожелав Александре Петровне Божией помощи в благом начинании, паломники направились в Одессу, погрузились на пароход «Кострома» и вскоре достигли Константинополя. Царьград, как называл его Сергей, встретил более чем радушно. Султан не скупился на любезности, награды, подарки. Елизавете Фёдоровне он показал свой гарем, а его дочь сыграла гостям на фортепьяно «Боже, Царя храни!». Однако больше всего обрадовала возможность приложиться к христианским святыням, в том числе к хранившимся у султана и никому ранее не открывавшимся.

Далее путь лежал по османским территориям, бесконечно удивлявшим историческими, природными и бытовыми диковинами. Самое яркое впечатление произвёл Дамаск с его шумом, пестротой, восточным колоритом. Во дворе дома, где остановились Великие князья, росли апельсиновые и лимонные деревья, журчал фонтан и ежедневно кипел

базар, предлагавший постояльцам массу товаров, от пёстрых тканей до оружия. Впрочем, вся эта суeta отступала на задний план по мере приближения к Палестине.

В отличие от мужа Елизавета вступала на Святую землю впервые. Перед отъездом она долго готовилась к этой встрече, много читала вместе с Сергеем о том, что предстоит увидеть, но никакие книги не могли заменить реального соприкосновения с библейскими местами. С самого начала здесь всё приводило в трепет. Назарет, где совершилось Благовещение, гора Фавор, где Преобразился Спаситель! На сильной жаре, передвигаясь в экипаже, верхом и пешком, преодолевая трудные подъёмы и крутые спуски, Великая княгиня почти не ощущала усталости. Только волнение возрастало — впереди ждал Иерусалим!

Рано утром 29 сентября «Кострома» встала на рейд возле Яффы. После устроенного на борту приёма для представителей иерусалимского патриарха, сотрудников Российского консульства и членов Палестинского общества, Великокняжеская чета со свитой отправилась к главной цели своего паломничества. В предместье Иерусалима их поджидала целая толпа, бросившаяся бежать за каретами, а в самом городе русские богомольцы встретили кортеж громким «ура!». Район «русских построек» украшали гирлянды цветов, флаги, триумфальные арки. Несмолкаемо звонили колокола. У Яффских ворот встречал турецкий батальон с военным оркестром, с башни Давида гремел орудийный салют.

В четыре часа пополудни Августейшие паломники вошли в Старый город. Тридцать кавасов почётного эскорта, ритмично ударяя по мостовой серебряными булавами, открыли шествие к храму Гроба Господня. Встреченные возле него патриархом и окропленные святой водой великие князья приложились к камню миропомазания и, обойдя крестным ходом священную Кувуклию, пали ниц перед Живоносным Гробом Спасителя. Елизавета не сдерживала слез, сильные чувства переполняли и Сергея. «Снова объяло меня неизъяснимое благоговейное чувство, — признавался он в письме Константину, — слёзы так и капали». Шесть лет минуло с тех пор, как Сергей Александрович впервые предстал перед Святой Святых. Похоже, что в прошедшие годы Небеса были к нему благосклонны: затянулись раны от былых ударов судьбы, удачно складывалась служба, счастливым оказался брак. Теперь, благодаря Всевышнего за всё ниспосланное, он втайне молился о самом заветном желании — о переходе жены в лоно Православной церкви. Эта мысль давно не оставляла его, постоянно волнуя несмотря на все радости семейной жизни. Иметь с любимой общую веру, быть с ней в духовном единстве, в полном союзе

мыслей и чувств — вот его сокровенная мечта. Ещё в первый год после свадьбы он беседовал о том с мудрым священником, отцом Иоанном Кронштадтским, от которого услышал ободряющие слова: «Не торопитесь с этим делом, это сделается само собою со временем». Слава Богу, и да приблизит Он сей долгожданный час!

На следующий день, в праздник Покрова Богородицы, совершалось освящение церкви Святой Марии Магдалины. Новый храм производил сильное впечатление — возвышаясь на склоне Елеонской горы, он уже издали привлекал внимание пятью золочёными главами и шатровой колокольней. Внутри особенно примечательными были иконостас из белого итальянского мрамора с образами, написанными В. В. Верещагиным, и полотно художника С. В. Иванова «Мария Магдалина перед римским императором Тиберием». Елизавета Фёдоровна преподнесла в дар храму собственноручно вместе с сёстрами вышитый ковёр, положенный перед жертвенником. Кроме того, великокняжеская чета привезла драгоценные священные сосуды, воздухи и Евангелия (эти реликвии используют в мае 1982 года на Божественной литургии по случаю перенесения в храм мощей святых преподобномучениц Елизаветы и Варвары).

На освящение собралось более полутора сотен русских паломников. Прибыли сотрудники Русской духовной миссии и консульства, греческие дипломаты, турецкие власти. Оркестр почётного караула встретил Августейших богомольцев гимном «Боже, Царя храни!». Над Гефсиманским садом плыл колокольный звон, сопровождающий крестный ход. Богослужение возглавил иерусалимский патриарх Никодим, читавший молитвы по-славянски — Россия и православие торжествовали в самом центре христианства! И, может быть, именно тогда, после всех пережитых на Святой земле впечатлений и их обсуждений с мужем, многолетние размышления Елизаветы Фёдоровны о вере получили новый, важнейший импульс.

То, что в её душе царили тогда сильнейшие чувства, было очевидно. «Жена всякий раз плачет, когда бывает у Гроба Господня», — написал Сергей другу. И эти ощущения вели её гораздо дальше минутных эмоций, наполняя сердце незнакомой и необыкновенной силой, возвышающей и приближающей к чему-то светлому, близкому душе, но пока необъяснимому разумом. За два дня до отъезда из Иерусалима Елизавета написала письмо бабушке-королеве. Времени на корреспонденцию почти не было, но вот появилось свободное утро, и сидя в доме консула перед окном, выходящим в апельсиновый сад (его ароматы запомнятся ей

надолго), она пыталась передать увиденное и прочувствованное. «Это как сон — видеть все эти места, где наш Господь страдал за нас, а также огромное утешение — приехать в Иерусалим. Страна действительно прекрасная. Кругом все серые камни и дома того цвета. Даже деревья не имеют свежести окраски. Но, тем не менее, когда к этому привыкаешь, то находишь везде живописные черты и приходишь в изумление от прекрасных стен вокруг этого города. Это производит эффект мёртвого города. Но иногда встречаются те библейские фигуры в их красочных одеяниях, и они создают настоящую картину на этом спокойном фоне. Я рада, что страна соответствует настроению мыслей... и можно тихо молиться, вспоминая слышанное маленьким ребёнком, когда всё это воспринималось с таким благоговейным трепетом».

В те дни ей удалось побывать в Вифании, на месте встречи Христа с Марфой и Марией, посетить Вифлеем, где родился Спаситель, увидеть Сион, Иосафатову долину, Силоамскую купель, Крестный путь, Порог Судных Врат... Очарованная, переживающая религиозный подъём, Елизавета словно преображалась. На обратном пути они с мужем провели целую неделю в экзотическом Египте (Сергей даже взобрался на пирамиду), потом смогли полюбоваться в Афинах античным Парфеноном, а в любимой супругом Флоренции Элла разделила его восторг перед шедеврами Ренессанса. Ей открывались культуры и цивилизации, знакомые раньше только по книгам, перед ней предстал огромный потрясающий мир, но, радуясь встрече с ним, Елизавета оставалась под впечатлением от Святой земли, воспринимая новые диковины сквозь призму полученного там настроения...

Спустя месяц после возвращения в Россию Сергей получил письмо Государя. «Знаю, — писал Александр, — как тяготит тебя мысль, что жена твоя не принадлежит к нашей Церкви, но я вовсе не теряю надежды, что эта заветная моя мечта когда-нибудь сбудется, и именно с твоей милой Эллой, так как она не фанатична и нет причин для неё не сделаться когда-нибудь нашей действительно русской благоверной Великой княгиней. Я часто об этом думаю, и мне что-то внутри говорит, что Элла будет православной. Боже, как я буду счастлив и как я буду от души и глубоко благодарить Христа за эту благодать нашему семейству!» Ни автор послания, ни тот, кому оно было адресовано, даже не подозревали, как уже близко столь желанное обоими счастье.

Великий князь Константин Константинович сильно удивился, когда вечером 28 января 1891 года ему доложили о приезде двоюродного брата Сергея Александровича. Непривычное для визита время (около шести часов) и взволнованный вид кузена свидетельствовали о том, что произошло нечто невероятное. Но когда Сергей заговорил, от сердца отлегло. Оказалось, его жена решила присоединиться к православию. Эта мысль родилась у неё два года назад в Иерусалиме, а следующей весной она впервые призналась в своём намерении мужу. Потом наступила пауза, и речь о вопросах религии больше не заходила. Но месяц назад Элла объявила Сергею, что после долгих колебаний, серьёзных размышлений, сомнений и нерешительности она нашла в себе полную убеждённость в правоте русской веры, и теперь, по её словам, ни доводы, ни упрёки, ни угрозы не могут этого поколебать.

Константин искренне порадовался за брата, хотя в глубине души мог почувствовать некоторую горечь — его собственная жена-лютеранка (и тоже Елизавета) категорически не хотела менять вероисповедание, заставляя глубоко верующего мужа безмолвно страдать. В обоих случаях закон не требовал перемены конфессии, а делать такой шаг формально, «по традиции», в угоду чужому мнению ни та ни другая Елизавета не желала. И то, что произошло с супругой Сергея Александровича, можно смело назвать чудом, ибо её переход в православие был не внешним, а искренним и глубоко осознанным. Об этом свидетельствует вся дальнейшая жизнь Елизаветы Фёдоровны, всё её будущее мировоззрение, вся истинная преданность своей новой вере.

Накануне судьбоносного решения она много писала европейским родственникам, пытаясь объяснить непонятное им стремление. Её письма — крик души. Как не обидеть, не ранить самых дорогих людей, но вместе с тем убедить их в неизбежности и благодатности своего поступка? Обращаясь за благословением к отцу, Элла высказала всё, что наболело: «Вы должны были заметить, какое глубокое благоговение я питаю к здешней религии... Я всё время думала и читала и молилась Богу — указать мне правильный путь и пришла к заключению, что только в этой религии я могу найти всю настоящую и сильную веру в Бога, которую человек должен иметь, чтобы быть хорошим христианином. Это было бы грехом оставаться так, как я теперь — принадлежать к одной церкви по форме и для внешнего мира, а внутри себя молиться и верить, так как и мой муж. Вы не можете себе представить, каким он был добрым, что никогда не старался принудить меня никакими средствами, представляя всё это совершенно одной моей совестью. Он знает, какой это серьёзный шаг и что

надо было быть совершенно уверенной, прежде чем решиться на него. Я бы это сделала даже и прежде, только мучило меня то, что этим я доставлю Вам боль, и что многие родные не поймут меня. Но Вы, разве Вы не поймёте меня, мой дорогой Папа? Вы меня знаете так хорошо, Вы должны видеть, что я решилась на этот шаг только по глубокой вере, и что я чувствую, что перед Богом я должна предстать с чистым и верующим сердцем. Как было бы просто — оставаться так, как теперь, но тогда как лицемерно, как фальшиво это было бы, и как я могу лгать всем — притворяясь, что я протестантка во всех внешних обрядах, когда моя душа принадлежит полностью религии здесь. Я думала и думала глубоко обо всём этом, находясь в этой стране уже более 6 лет и зная, что религия “найдена”...

Я так сильно желаю на Пасху причаститься св. Тайн вместе с моим мужем. Возможно, что это покажется Вам внезапным, но я думала об этом уже так долго, и теперь, наконец, я не могу откладывать этого. Моя совесть мне этого не позволяет. Прошу. Прошу по получению этих строк простить Вашу дочь, если она доставит Вам боль. Но разве вера в Бога и вероисповедание не являются одним из самых главных утешений этого мира?»

Людвиг не понял дочь. «Дорогая Элла, — написал он в ответ. — Твоё сообщение принесло мне большую боль, так как я не понимаю необходимости этого шага... Я должен винить себя, что не предвидел этого раньше... Ты знаешь, что я против строгости и фанатизма, и сознаю, что каждый может быть религиозным в своей вере. Но я так страдал несколько ночей... То, что Сергей не был замешан в этом деле, меня успокаивает. Я знаю, что уговаривание и споры не изменят твоего мнения... Обдумай это серьёзно!» Не строгий и не фанатичный, по его собственным словам, герцог был всё-таки задет за живое. Как же так? Зачем, для чего? Забыть веру предков, традиции, совместные молитвы с родителями! И разве одиннадцать лет назад на своей конфирмации, специальном обряде западной церкви, Элла не принесла клятву верности лютеранской церкви? Разве совсем недавно на такой же церемонии в честь Алики она не радовалась за младшую сестрёнку? Нет, он решительно отказывался принимать её поступок и, не высказав ни одного довода, вернулся к эмоциям: «Это мучает меня так сильно, что я должен кончить это письмо. Пусть Бог тебя защитит и простит тебе, если ты поступаешь неправильно...»

Елизавета вновь попыталась достучаться до отцовской души. Снова просила прощения, снова говорила о невозможности раздвоенного

существования, уверяла в своей серьёзности и самостоятельности, подчёркивала благородство мужа: «Он знал очень хорошо, что это надо самому прочувствовать. Мы вместе много читали. Я сказала ему, что хочу по-настоящему узнать его религию, чтобы всё видеть открытыми глазами». Пусть «дорогой Папа» знает, что она продолжит любить свою первую церковь, пусть не волнуется насчёт незнакомых ему обрядов, а разницу в вероучении он поймёт из письменных разъяснений русского священника (Иоанна Янышева), который так доходчиво помогал ей самой.

Тщетно... Отец оставался глух к её мольбам, а брат Эрнст, хотя и выразил понимание, объяснил решение сестры эффектом красочных богослужений и стремлением угодить мужу. Елизавета поспешила его разубедить: «Не думай, что только земная любовь привела меня к этому решению, хотя я и чувствовала, как Сергей желал этого момента; и я знала много раз, что он страдал от этого. Он был настоящим ангелом доброты. Как часто он мог бы, коснувшись моего сердца, привести меня к перемене религии, чтобы сделать его счастливым; и никогда, никогда он не жаловался; и только теперь я узнала через жену Павла, что у него были моменты, когда он приходил в отчаяние. Как ужасно и мучительно сознавать, что я заставила многих страдать: прежде всего — моего родного, моего любимого мужа, а теперь — всех вас, дорогих. Всё же я тогда чувствовала, что в очах Господних я была права так же, как и теперь — в перемене веры... Ты называешь меня, дорогой, несерьёзной, и что внешний блеск церкви очаровал меня. В этом ты ошибаешься. Ничто внешнее не привлекает меня, и не богослужение, но — основа веры. Внешние признаки только напоминают нам о внутреннем... Пусть люди кричат обо мне, но только никогда не говори и слова против моего Сергея. Стань на его сторону перед ними и скажи им, что я обожаю его, а также и мою новую страну, и что, таким образом, научилась любить и их религию».

Супружеская любовь и семейное счастье стали для Эллы первыми ступенями на пути к новому исповеданию. Дальше её повели те неведомые устроительные силы, что зовутся Провидением. Они преобразили Елизавету ещё до совершения Таинства, и поддержку с их стороны она ощутила сразу. «Я чувствую внутри себя, — признавалась отцу, — что этот шаг приближает меня к Богу», а цесаревичу Николаю сообщила: «Я предпринимаю великий шаг, начинаю новую жизнь, но верю, что Господь благословит такое решение». О желании тётушки Николай уже знал из предшествовавших разговоров с дядей Сергеем и теперь радостно читал его отправленный вдогонку комментарий: «Я не ожидал, что она именно в эту зиму решится — но, слава Богу, что это так, и я бесконечно счастлив и

не знаю, чем, право, я заслужил такую благодать — я совсем не достоин».

Обряд назначили на 13 апреля, Вербную (Лазареву) субботу. Готовились к празднику. Но незадолго до намеченной даты Императорскую Фамилию постигло горе — скончалась Великая княгиня Ольга Фёдоровна. Записная «блюстительница нравов», острый язычок которой разносил многочисленные сплетни, стала жертвой собственного ампула. Её любимый сын Михаил тайно вступил в морганатический брак, опозорившись на всю семью. Сердце Великой княгини не выдержало, и погрузившийся в траур Царский Дом облачился в чёрное. Тем не менее праздничное торжество решили не переносить — в указанный день церковь Сергиевского дворца заполнили почётные гости, во главе с императором собрались почти все члены Династии. Не пригласили только двух великих княгинь, Марию Павловну (жену Владимира) и Елизавету Маврикиевну (жену Константина), остававшихся лютеранками — их присутствие посчитали неуместным.

«Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым...» — Тихий голос Елизаветы, произносившей Символ веры, звучал уверенно и спокойно. В белом платье, без обуви, с распущенными волосами, перед иконами и горящими свечами она выглядела подобно ангелу, приковывая к себе взгляды и заставляя прислушиваться к каждому слову. «Чаю воскресение мёртвых, и жизни будущего века. Аминь». Вторичного крещения не требовалось, но восприемница полагалась, и ею стала императрица Мария Фёдоровна. Благословив Великую княгиню, протопресвитер отец Иоанн Янышев совершил её миропомазание. «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа». Она сохранила своё имя, а её небесной заступницей стала праведная Елизавета, мать Иоанна Крестителя, память которой празднуется 5 сентября. Елизавета Фёдоровна всегда чтит эту святую и ежегодно со дня приезда в Россию отмечала её память, как свои именины. Приложившись к кресту и Евангелию, новая дочь Русской церкви причастилась по православному обряду. Отныне между ней и мужем не было преград ни на земле, ни на небесах.

Среди поднесённых подарков было и благословение Александра III — икона Нерукотворного Спаса, список с чудотворного образа из часовни возле Гостиного двора. Обрамленная в золотую ризу, украшенная венчиком и драгоценными камнями, она дополнялась золотой табличкой с надписью: «Вербная суббота. 13 апреля 1891 года». Император не скрывал своей радости. «Вся церемония на всех присутствующих произвела глубокое впечатление, — писал он находившемуся за границей наследнику, — я

должен сознаться, что был глубоко проникнут серьёзностью и знаменательностью этого события, и чувствовалась близость и участие чего-то таинственного и присутствие самого Господа! Элла очень хорошо читала молитвы, а некоторые говорила наизусть. Да, это отрадное событие, поразившее меня глубоко, и я придаю ему особую важность в настоящее время».

Памятные подарки последовали и от других родственников, в том числе и от уже покойной Ольги Фёдоровны, успевшей заказать тройной складень с иконами Сергия Радонежского и праведной Елизаветы и с надписью: «Спаси и сохрани их». Как это трогательно! Офицеры-сослуживцы Сергея Александровича (65 человек) поднесли икону Преображения Господня в серебряной раме, камер-пажи Елизаветы Фёдоровны (10 человек) — образ преподобного Сергия, члены Палестинского общества — икону Благовещения, графиня Блудова — образ Нерукотворного Спаса с жемчугом и бриллиантами, графиня Воронцова-Дашкова — Иверскую икону Божией Матери с жемчужным украшением...

Сергей Александрович подарил супруге исполненный в византийском стиле золотой медальон с изображением Спасителя и надписями на створках: «Аз есмь Путь и Истина и Живот» и «Не бойся, только веруй». Этим словам суждено будет стать жизненным девизом Елизаветы Фёдоровны.

*

Привычная жизнь в Петербурге оборвалась самым неожиданным образом. В свой сорок шестой день рождения, 26 февраля 1891 года, Александр III подписал рескрипт о назначении Великого князя Сергея Александровича московским генерал-губернатором. Решение застало врасплох. Этой должности Сергей вовсе не искал: командование Преображенским полком было куда спокойнее и ближе. Однако воля Государя неоспорима.

По мысли императора, управление Первопрестольной и окружающим её краем требовало решительных перемен. Четверть века важнейший регион России возглавлял князь Владимир Андреевич Долгоруков, сделавший немало хороших и добрых дел, но со временем превратившийся в такого барина, считавшего Москву личной вотчиной. Собственные интересы князя стали преобладать над государственными, всё больше и больше разрастались финансовые злоупотребления, процветала коррупция.

Многие вопросы проталкивались с помощью кумовства, нормой стало лоббирование. Как отмечал видевший всё это граф Сергей Дмитриевич Шереметев, генерал-губернатор сильно развратил Москву. Вместе с тем Владимир Андреевич слыл в Первопрестольной любимцем. Внешне тихий, хлебосольный, не чуждый «демократизму» старичок Долгоруков давно стал здесь «своим», а такое определение значило для москвичей немало. Каждый юбилей его руководящей работы Москва отмечала пышными праздниками: сотни депутатий и адресов, учреждение именных стипендий, груды подарков, еле разместившихся в Румянцевском музее.

Выбор императора многих озадачил: почему именно Великий князь Сергей? Ответ содержался в понимании Александром III значения Москвы в жизни страны и её роли в новом политическом курсе. Здесь ему был нужен надёжнейший помощник, истинный единомышленник. Кроме того, видя в Москве ядро государственности и оплот русского духа, Государь хотел вернуть ей блеск монаршей власти и тем самым подчеркнуть укрепление традиционных форм национальной политической жизни. Не переселяясь в древнюю столицу сам, император направлял туда облачённого властью брата. «Я решился, — писал он наследнику, — назначить дядю Сергея в Москву генерал-губернатором вместо Долгорукова, выжившего за последнее время совершенно из ума. Сергей доволен, хотя и страшится немного этого назначения, но я уверен, что он справится и, конечно, будет стараться послужить с честью».

Для Сергея Александровича это действительно огромная честь, знак особого доверия Государя. Но он прекрасно понимает и всю возлагаемую ответственность, всю тяжесть поручения. Его мысли и настроения тех дней частично передаёт одно из писем Елизаветы Фёдоровны отцу: «Мы не можем и представить себе, какие большие перемены может принести нам жизнь в будущем. Мы должны будем сделать так много для людей там, и в действительности мы будем там играть роль правящего князя — что будет очень трудным для нас, так как вместо того, чтобы играть такую роль, мы горим желанием вести тихую личную жизнь. Я думаю, что Сергей даже более опечален, чем я, так как он надеялся остаться в полку ещё на один год. Это ужасно тяжело для моего дорогого Сергея; он побледнел и похудел. Волосы становятся дыбом, когда подумаешь, какая ответственность возложена на Сергея. Староверы, купечество и евреи играют там важную роль — теперь всё это надо привести в порядок с любовью, твёрдостью, по закону и с терпимостью. Господи, дай нам силы, руководи нами, так как всё это будет таким трудным и тяжёлым». О себе она добавляет: «Я также надеюсь, что смогу помогать немного Сергею. Я

буду стараться исполнять отлично всё то, что выпадет на мою долю». В том же духе Елизавета поделилась новостями с бабушкой Викторией, заодно извинившись перед королевой за своё долгое отсутствие в Англии: «Я не могу оставить моего драгоценного Сергея; я никогда ещё не уезжала без него, а у него так много служебных обязанностей...»

Расставание с прежней жизнью окрасилось в чёрный цвет. 13 апреля, прямо в день перехода Елизаветы Фёдоровны в православие, скончался Великий князь Николай Николаевич, супруг несчастной «тёти Саши». Траурные тона упорно пытались вмешаться во все ключевые события, выпадавшие на долю Елизаветы, словно звуча отголоском печальной свадьбы её матери. Да и Сергею судьба не переставала посылать тревожные знаки — 29 апреля, когда он в последний раз отмечал в Петербурге свой день рождения (совпавший в том году с днём Пасхального поминовения усопших), находившийся в Японии цесаревич Николай подвергся покушению. Слава Богу, дело ограничилось ранением, и жизни наследника ничего не угрожало.

Через шесть дней после этого Великокняжеская чета прибыла в Москву. На Николаевском вокзале приняли положенные почести, выслушали рапорт командующего войсками Московского военного округа. Городской голова Н. А. Алексеев поднёс хлеб-соль на серебряном блюде с вензелем «С. А.» и гербом Москвы. «Добро пожаловать, Великий князь с Великою княгинею, — обратился он к новому генерал-губернатору. — С радостью и любовью встречаем мы тебя. Храни, Великий князь, заветы старины и полюби первопрестольную Москву так горячо, как любим мы и нашего Царя, и нашу родину».

В открытой коляске и во главе большого кортежа Великий князь с супругой направились в центр города. К их приезду Москва празднично украсилась, расцвятилась флагами. Возле Красных ворот высилась арка из гирлянд зелени, другая, около Мясницкой, являла громадный вензель Великокняжеской четы, составленный из роз. Окрестные дома были декорированы живыми цветами, возле некоторых стояли пальмы и оранжерейные растения. Но сильнее всего настроение праздника передавали радостные эмоции москвичей. Кланяясь народу, Сергей Александрович и Елизавета Фёдоровна отвечали на приветствия. Проезжая мимо церквей, крестились. Из некоторых храмов священники и прихожане выносили иконы, благословляя прибывших, а праздничный благовест не умолкал на всём пути их следования.

Въехали в Кремль. В Успенском соборе митрополит Иоанникий, напомнив Сергею Александровичу о трудности и ответственности его

нового служения, выразил от имени всей Москвы радость видеть своим генерал-губернатором Государева брата. После торжественного молебна Сергей и Елизавета приложились к древним образам и мощам московских святителей. «Господи, благослови!»

Вступление Августейшего генерал-губернатора в должность — событие важнейшее. Нового руководителя ожидают приёмы многочисленных deputаций и прочие мероприятия, положенные по такому поводу. Всё это неизбежно растягивается на несколько дней и требует немало сил. Между тем обрушившаяся на Великого князя публичность оказалась настоящей мукой, а необходимость постоянно быть в центре внимания совершенно измотала Сергея. Через три недели он пожаловался в письме Константину: «Друг мой, прости, но я был вконец затормошён всеми бесконечными приёмами. Думал, что им конца не будет, а в душе было так нехорошо, так ужасно тоскливо, и я был в скверном настроении — никогда в жизни не было мне так тяжело, как было всё это время. Приходилось с улыбкой на устах всех и вся принимать, а теперь ещё, как нарочно, нас приняли на славу — даже поразительно — я был как камень — ничего, кроме тоски, в сердце не испытывал. И теперь ещё настроение нехорошее».

Требовалось входить в текущие дела, подробнее знакомиться с Москвой. Кроме того, надо было готовить визит императора, приветствовать Французскую выставку и открывать выставку Среднеазиатскую, которую Сергей Александрович согласился принять под своё председательство. На ней он впервые соприкоснулся с московским купечеством, представлявшим экспортную продукцию и в свою очередь присматривавшимся к новому хозяину региона. Промышленники и торговцы сразу попали под очарование Елизаветы Фёдоровны, а вот сам генерал-губернатор впечатления не произвёл. Оно и не удивительно — уставший Сергей Александрович, по словам графа С. Д. Шереметева, имел в эти дни болезненно-измученный вид. А притворяться в угоду публике он не привык.

И ладно бы только купцы! Великокняжеская чета вызвала живейший интерес у всех жителей Москвы. Ажиотаж сопровождал любое её появление на официальных мероприятиях. Газеты следили за каждым их шагом, а «Московские ведомости» добились разрешения опубликовать серию очерков о подмосковном имени Сергея Александровича — широкая публика хочет знать о его частной жизни. Что делать, положение обязывает. «Играть вечно первую роль, — пишет он сам, обращаясь к цесаревичу, — и тут ещё представительно, всё это так противно моему

характеру, моей природе, что я из кожи ползу от отчаяния — и чем дальше будет, тем, вероятно, хуже. Конечно, не дело меня пугает — дело меня очень интересует, и, наконец, доверие Папа (Александра III. — Д. Г.) ко мне меня глубоко трогает — но тяжело ужасно! Приходится нам начинать новую жизнь, при новой незнакомой обстановке с совсем уж незнакомыми людьми. Но жребий брошен, и нужно жить и работать».

Работа началась с инспекционных поездок по ближайшим уездам. Перед сопровождавшей мужа Елизаветой предстали небольшие русские города, заводы и фабрики, повседневная жизнь рабочих. Больше всего генерал-губернатора интересовали вопросы социальной защиты населения, и вместе с женой он посетил ряд благотворительных заведений и земских больниц. Порадовали Мариинский приют для бедных детей в Коломне (юные мастерицы преподнесли Елизавете Фёдоровне шитый по бархату ковёр) и Кисловская богадельня в том же городе, заинтересовали бесплатные квартиры и клиника для рабочих Покровской мануфактуры в Дмитрове. Внимание к нуждам простых людей всегда будет присутствовать в деятельности Сергея Александровича, и, находясь рядом с ним, Елизавета Фёдоровна проникнется той же заботой, ставшей со временем одной из целей её жизни.

После первых месяцев на новом поприще супруги решили сделать небольшую паузу и отдохнуть в Ильинском. Но чего стоят все людские надежды по сравнению с неодолимой силой судьбы! Именно здесь, в самом надёжном убежище от житейских невзгод, она готовится нанести свой новый жестокий удар. В конце лета в имении гостила семья Павла Александровича, и дом хозяев с утра до вечера наполняла жизнерадостная суэта. Братья не могли наговориться после хоть и недолгой, но ощутимой разлуки. Дамы охотно присоединялись к их беседам. Особенно эти разговоры интересовали жену Павла, Александру Георгиевну, или, как её называют близкие, Аликс. Ей, жившей в браке всего два года, всегда хотелось узнавать что-то новое о детстве и юности ненаглядного мужа. Очаровательное юное создание! Дочь Королевы Эллинов Ольги Константиновны, то есть дорогой Оли, любимой кузины Сергея, умная и жизнерадостная. Возвращаясь из Иерусалима, Сергей и Елизавета останавливались в Греции и присутствовали на помолвке счастливой пары. «Они оба пришли к нам в комнату... — писала Великая княгиня императрице, — а Павел тогда уже сделал ей предложение. Это была такая радость, что вот они вошли, а мы вдвоём первые их поздравили и поцеловали. Я верю, что его женитьба не изменит нашей привычной совместной жизни, тем более, что у нас во многом одинаковые вкусы. Она

стала немного выше, тоньше, прекрасно сложена, очаровательна, как раньше, чуть румяней, что ей очень идёт, — просто душа, и оба они так счастливы, что одно удовольствие смотреть на их сияющие лица».

После свадьбы брат и невестка окружили молодых всей теплотой, на какую были способны. Аликс быстро подружилась с Эллой, и оба семейства назвали себя «квартетом». В Ильинском Павлу и его жене отвели утопающий в геранях домик, но по вечерам «квартет» собирался вместе. От имени Аликс была в восторге ещё с первого его посещения и так совпала с царившей в нём атмосферой, что Елизавета шутливо заметила: «Иногда даже не верится, что она жена Павла и навсегда останется с нами — какая восхитительная мысль». Однако сейчас утомлять Александру не следовало — Великая княгиня ожидала второго ребёнка.

Другой объект общей заботы — дочь Павла и Аликс, полуторагодовалая Мария, забавная непоседа и проказница. Маленькая княжна, которую здесь на английский манер называли *baby*, отрада не только для родителей. Не имеющие своих детей, Сергей и Елизавета тоже не чаяли души в этом ребёнке. Словом, блаженные дни покоя и радости в тесном семейном кругу. Даже сильнейшие грозы, вдруг обрушившиеся на Ильинское, не могли омрачить досуг, зловещего предвестника грядущей беды в них никто не видел.

Помимо душевных бесед отдых складывается из прогулок по парку, чаепитий на веранде, чтения книг и катания на лодках. Неожиданно одно из развлечений стало роковым. Во время праздника с танцами Александре стало плохо, и она лишилась чувств от сильных предродовых болей. 6 сентября в гостевой комнате Великая княгиня разрешилась от бремени недоношенным мальчиком. Её состояние резко ухудшилось, а усилия лучших врачей, срочно вызванных в имение, оказались тщетны. После нескольких дней страданий несчастная Аликс умерла. Только месяц назад ей исполнился двадцать один год.

Невозможно описать то потрясение, которое испытали все очевидцы. Горе, свалившееся на Павла, было непереносимо, но окружающие, сами подавленные внезапной трагедией, не знали, как и чем помочь ему в эти кошмарные дни. Местные крестьяне, любившие молодую Великую княгиню, устроили трогательное прощание. Её утопающий в цветах гроб они несли на руках до железнодорожной станции и цветами же устлали всю дорогу скорбного шествия. Более двенадцати километров! Отпевание совершилось в Москве, погребение — в Петербурге.

Страшные события в Ильинском стали для Сергея не просто ударом. Это была настоящая катастрофа. Великий князь распорядился наглухо

закрывать дверь той комнаты, где скончалась бедная Александра. Отныне туда никто не должен был заходить, там всё оставалось так, как было в тот трагичный момент. Место и даже время несчастья запираются, словно в ловушке. Но боль не проходит. «Я никогда не воображал себе, что это будет так невыносимо тяжело, — признался Сергей другу Константину, — что удваивает все страдания, — это жить здесь в Ильинском, где происходил весь этот шестидневный ад, — всё здесь об этом напоминает, и мы фатально привязаны к этому месту, ибо маленького нельзя будет перевезти ранее двух недель. Безвыходное положение Павла, его разбитое счастье, разбитая жизнь — это невыносимо, рой самых дурных мыслей бродит у меня в голове, и, увы, ничто мне не поможет; молюсь, молюсь, а не чувствую облегченья. Когда бабу, показывая на фотографию Аликс, кричит: “Мама, мама!” — у меня сердце разрывается, и я убегаю из комнаты... Что могу я говорить Павлу? Ничего! Можно только ужасаться его страшному положению и мучиться с ним». Видя страдания близких и также горько оплакивая Аликс, Елизавета писала императрице: «Её земная участь была сплошным счастьем, так что мы не вправе желать её возвращения, хотя жизнь без неё и ужасна — бедные дорогой Павел и мой драгоценный муж. До сих пор не верится, что мы больше не увидим её славной улыбки, не услышим весёлого смеха, который до самого дня её ужасной болезни освещал нашу счастливую жизнь в Ильинском».

Только одно обстоятельство помогло взять себя в руки: новорождённому мальчику, задержавшему отъезд из имения, требовался особый уход. Слабый, недоношенный младенец стал центром внимания, смыслом продолжающейся жизни. Все заботы о малыше Сергей взял на себя, и нежные отцовские чувства вдруг раскрылись в его душе, не знавшей ранее этого счастья. Самые важные процедуры он не доверял никому. Когда врачи прописали мальчику тёплые бульонные ванны, Великий князь сам купал в них племянника, предварительно измерив температуру жидкости.

29 октября младенца крестили и нарекли именем Дмитрий. Восприемницей стала, конечно, тётя Элла. Решено, что в ближайшее время малыш и его сестра будут жить в семье Сергея Александровича и Елизаветы Фёдоровны — так лучше для всех. В московском доме генерал-губернатора срочно приготовили детские комнаты: для Марии — на втором этаже, для Дмитрия — на четвёртом. Трогательные создания принесли с собой новые, незнакомые, но такие приятные хлопоты.

Однако беда, как известно, не приходит одна. Через шесть месяцев после кончины Аликс в Москве получили известие о тяжёлом состоянии Людвиг Гессенского. Он перенёс инсульт, и Елизавета с мужем

немедленно отправились в Дармштадт, где едва успели проститься с умирающим герцогом. Какое-то время казалось, что больному лучше, он узнал дочь и зятя, приподнялся, протянув руку, хотя и не мог говорить. Но через три дня его состояние резко ухудшилось, и 1 марта в третьем часу ночи отец Елизаветы Фёдоровны тихо скончался.

Теперь она осталась круглой сиротой. Навсегда ушли в прошлое былые годы семейного благополучия, родительского тепла, прежних радостей и печалей. Отчий дом лишился хозяина, а брат и младшие сёстры потеряли главную опору. Элла же простилась не только с отцом, она окончательно расставалась с тем прежним миром, где росла и воспитывалась, где получила первые представления об окружающей жизни, где всегда ощущала любовь и где предавалась мечтам. Этот мир исчез в тот же календарный день, что ровно одиннадцать лет назад сделал сиротой и Сергея, и, возможно, столь знаковое совпадение в очередной раз говорило о тесной связи их судеб, о взаимном предназначении. Но в те дни Елизавета больше размышляла о том, что отец так и не понял её духовного выбора, не благословив переход в православие. Горько и печально...

Великого герцога похоронили в парке Розенхёэ, рядом с женой Алисой. Сергей Александрович сразу после этого уехал в Москву, где было много дел, а Елизавета Фёдоровна ещё на несколько дней осталась, чтобы полностью прийти в себя, а также успокоить всех близких, и особенно сестру Алики, которую теперь чаще называли Аликс. «Бедняжка Аликс, — писала Великая княгиня императрице Марии, — совсем убита горем, и я не уезжаю в основном из-за неё, а то она останется совсем одна... Все вели себя спокойно и мужественно, но сердце разрывается от их отчаяния. Ты знаешь, как мы все любили папа, что это было за прекрасное, благородное, любящее сердце».

Подольше остаться и поговорить с младшей сестрой заставляла ещё одна причина, о которой Елизавета ни словом не обмолвилась. Это была их личная тайна, известная только четверым посвящённым. Тайна важная и судьбоносная.

*

Подведомственный край встретил Сергея Александровича не только почестями. На плечи нового руководителя сразу легла большая проблема — неурожай в Центральной России обернулся голодом, и в Москве уже летом 1891 года начались хлебные спекуляции. Немедленно предприняв шаги по

их пресечению, Великий князь продолжил контролировать ситуацию, а осенью, когда положение ухудшилось, создал Комитет по сбору пожертвований в пользу пострадавших от неурожая. Его адъютанты отправились в охваченные голодом районы, чтобы проследить за распределением благотворительных средств, а председательство в Комитете взяла на себя Елизавета Фёдоровна, ещё раньше включившаяся в столь важное дело.

Заседания организации проходили еженедельно. Средства в основном поступали от частных лиц, а дополнительным источником стали благотворительные концерты, выставки и базары. Комитет занимался закупкой, доставкой и распределением продовольствия, заготовкой сена и дров, отправкой одежды и обуви, организацией бесплатных столовых, помощью матерям с грудными детьми. Великая княгиня учредила за счёт личных средств ещё и Дамский комитет со складом для сбора пожертвований, куда помимо денег, вещей и продуктов принимались пошивочные материалы, используемые в специальной мастерской.

В декабре 1891 года Дамский комитет устроил благотворительный базар, разместившийся в фойе Императорского Большого театра. Ничего подобного Москва раньше не видела. Публику встречал оркестр лейб-гвардии Преображенского полка, и во всех залах, один из которых превратился в зимний сад, на столах и горках были выставлены для продажи всевозможные красивые предметы — от рукоделий женских монастырей до китайского фарфора и картин известных художников. Великий князь проводил на базаре многие часы, а Елизавета Фёдоровна, как главная устроительница, трудилась на нём ежедневно от открытия до закрытия. «На стол жены сыпались целые капиталы, — сообщал Сергей Александрович младшему брату, — но купцы умоляли, чтобы жена сама им передавала бы вещи, ими купленные». За пять дней мероприятие посетило тринадцать тысяч человек, а денежный сбор составил колоссальную сумму в 90 тысяч рублей.

К сентябрю следующего года Комитет собрал в общей сложности более миллиона рублей. Это было огромным достижением, а главный результат работы, реальная помощь людям во время бедствия, являлся просто неоценимым. Для Великой же княгини вся проведённая работа стала первым масштабным благотворительным делом. Во многом самостоятельным и очень ответственным. Справившись с трудной задачей, она уже никогда не свернёт с пути благодеяний. С главного пути её жизни.

5. «НЕВЫРАЗИМО ХОРОША»

Французский художник Франсуа Фламенг изрядно потешил всех обитателей усадьбы. Вот уже несколько дней он жил в Ильинском и никак не мог понять, почему столь важная персона — брат императора и руководитель огромной территории — обитает в таком скромном имении. Даже один из его адъютантов, то есть простой подчинённый, князь Феликс Юсупов, живущий в соседнем Архангельском, окружён почти версальской роскошью — дивный парк, дворец, наполненный шедеврами искусства, домашний театр.

Фламенг приехал по приглашению Великого князя Сергея Александровича, чтобы написать портрет его жены. Решили, что изображение будет выполнено в стиле ампира, которому художник мог так удачно подражать, и Елизавета Фёдоровна предстанет в соответствующем бальном платье, которое ей очень нравилось. Пять месяцев назад она танцевала в этом стилизованном под наполеоновскую эпоху наряде на костюмированном балу у Надежды Веригиной, а затем в нём же сфотографировалась. В середине июня 1894 года художник приступил к работе, но вскоре был вынужден прерваться — Великая княгиня простудилась, так что продолжать сеансы было невозможно. Заканчивался портрет уже в Москве, и вместе с загородным пейзажем на нём запечатлелись предметы мебели и даже паркет московского дома генерал-губернатора.

Произведение Фламенга было далеко не первым и не последним портретом Елизаветы Фёдоровны. Если не считать её детских изображений, миниатюр и рисунков, то после группового портрета семьи Людвига Гессенского кисти Генриха фон Ангели 1879 года, где Элла представлена рядом с родителями, сестрой Аликс и братом Эрни, живописный перечень откроет полотно немецкого художника Карла Рудольфа Зона. Заказанное Сергеем Александровичем в Германии на следующий после свадьбы, 1885 год, оно являет юную Великую княгиню стоящей в саду и держащей в руках цветущую ветвь яблони. Неизвестно, остался ли супруг доволен этой работой, но той же осенью он поручает подобный заказ Александру Петровичу Соколову, известному акварелисту и мастеру женских портретов.

Об этой задумке Елизавета подробно рассказала в письме бабушке-

королеве: «Мой портрет начали писать, и я думаю, что он будет очень удачный. Сергей и я надеемся, что он Вам понравится, и мы пошлём его Вам, как подарок к Рождеству и ко дню Рождения. Возможно, что Вам будет интересно знать, как меня пишат — платье из очень бледно-розового газа, много кружев, немного открытое так, чтобы видна была шея, и рукава не очень длинные. Я держу открытый зонтик в одной руке и в другой — большую белую соломенную шляпу с цветами, перевязанную розовой лентой. Всё выглядит так, как будто я гуляла в саду». Снова сад, снова природа, с естественным и великолепием которой так созвучна, так гармонична красота Елизаветы. Однако уловить и тем более передать с помощью красок удивительное очарование Великой княгини было не так-то просто. Соколову пришлось немало поработать над портретом, а вслед за ним трудность задачи признают и другие художники.

Акварель, масло, темпера... Что лучше позволит запечатлеть эту ускользающую красоту, что удачнее донесёт до зрителя это неповторимое обаяние? Лёгкие воздушные наброски, сложные парадные композиции, «мечтательные» романтические сцены, шикарный ампи́р, тонкий импрессионизм... Живописцы перепробовали почти все мыслимые варианты, порой приходя в отчаяние от невозможности добиться полного сходства с оригиналом. Вспомним ещё раз впечатление Великого князя Константина: «Как сон, как мечта»...

Племянница Сергея и Елизаветы, королева Румынии Мария всегда восхищалась тётей: «Красота её поразила меня, как дивное откровение. Её очарование было, что называется, ангельского типа. Глаза, рот, улыбка, руки, взор, манера говорить были невыразимы, почти до слёз изящны. Глядя на неё, хотелось воскликнуть вместе с Гейне:

Нежна, как цветок по весне.
Взгляну на тебя — и тревога
Прокрадётся в сердце ко мне.
И кажется, будто б я руки
Тебе на чело возложил,
Молясь, чтобы Бог тебя нежной,
Прекрасной и чистой хранил».

Другая племянница, Великая княгиня Мария Павловна, много лет

прожившая в семье Сергея Александровича и Елизаветы Фёдоровны, вспоминала: «Тётя Элла была... одной из самых красивых женщин, каких я когда-либо видела в жизни. Она была высокой и хрупкой блондинкой с очень правильными и тонкими чертами лица. У неё были серо-голубые глаза, на одном из которых было коричневое пятнышко, и это производило необычайный эффект».

Своё впечатление о прекрасной родственнице оставил и откровенно завидовавший браку Сергея Великий князь Александр Михайлович: «Редкая красота, замечательный ум, тонкий юмор, ангельское терпение, благородное сердце — таковы были добродетели этой удивительной женщины». Красоту, как видим, он всё-таки ставит на первое место. А вот свидетельство совсем, можно сказать, стороннего наблюдателя, государственного секретаря Александра Половцева: «Великая княгиня Елизавета Фёдоровна была прелестна, восхитительна, обаятельна, исполнена такта и грации, отуманена каким-то облаком нравственного света, как всегда, любезна со всяким, и притом не выработанною любезностью, а выражением доброго, снисходительного человеческого чувства». В этой характеристике всё взаимосвязано, всё неразрывно и гармонично, а самое неопределённое выражение про «облако нравственного света» оказывается самым главным, существенным, ключевым. Тем, что не могло передать ни одно изображение.

В 1888 году, возвращаясь из паломничества в Иерусалим, Сергей Александрович остановился вместе с супругой в родном для неё Дармштадте, откуда сообщил брату Павлу: «Увы, Каульбах не может писать портрета жены, ибо мы остаёмся слишком мало времени для этого — досадно». Заказ, вероятно, был заранее запланирован, но краткость визита не позволила его исполнить. Сама же идея понятна. Потомственный живописец Фридрих Август Каульбах был не только популярным автором женских портретов в стиле французского романтизма, но и являлся одним из любимых художников Елизаветы Фёдоровны. Задуманное удастся осуществить спустя четыре года. В том же Дармштадте художник напишет большой парадный портрет Великой княгини, и Сергей Александрович высоко оценит работу — «он очень хорош, по-моему, немножко идеализирован, и поэтому сходство немножко страдает, хотя, по-моему, прелестен».

На картине Елизавета Фёдоровна изображена в полный рост. Она стоит на террасе, застеленной ковром, рядом с креслом, на котором лежит меховая накидка. Великая княгиня одета в светлое жёлтое платье с поясом и шлейфом, на её груди жемчужное ожерелье, на голове зубчатая диадема с

жемчужинами. Правой рукой Елизавета касается накидки, в левой держит розу. Фоном служит открывающийся с террасы вид на парк. В марте 1893 года полотно доставят в Москву, и Великий князь разместит его в большом бальном зале генерал-губернаторского дворца. А в своём рабочем кабинете он вывесит погрудный вариант того же портрета, расположив его рядом с изображением матери, императрицы Марии Александровны. Красноречивый жест...

Каульбах ещё неоднократно обратится к образу Елизаветы Фёдоровны. В начале 1900-х годов он напишет, пожалуй, самый знаменитый её портрет, созданный в романтическом «средневековом» стиле и, как принято считать, изображающий Великую княгиню в облике святой Елизаветы Тюрингской. Той, которую она почитала с раннего детства и милосердие которой продолжало для неё оставаться вдохновляющим примером служения ближним.

Около того же времени появились два портрета, по-разному представляющие Елизавету Фёдоровну. Несколько вычурная работа Бенджамина Констана, написанная в Париже в 1903 году. Её заказала вдова Сергея Михайловича Третьякова для европейского зала Третьяковской галереи. Этот во многом дежурный портрет не говорит зрителю ни о чём. Полотно же Виктора Карловича Штемберга 1901 года получилось очень выразительным. Камерное по задумке и средних размеров, оно тем не менее создаёт некоторое ощущение парадности. Профильное поленное изображение выполнено на тёмном фоне, эффектно и даже несколько театрально направленный свет выхватывает фигуру из полумрака, сразу приковывая к ней внимание. Серебристое сияние и нежно-розовое платье, написанное в близкой к импрессионизму технике, неожиданно удачно сочетаются со строгой композицией и свойственной академизму чёткостью рисунка.

Изучение истории этого портрета, который, как и некоторые другие изображения Елизаветы Фёдоровны, до недавнего времени путали с изображением её сестры Александры, привело нас к неожиданному открытию. Оказалось, что он заказан самой Великой княгиней и предназначался в подарок её мужу. Скорее всего, портрет готовился к очередной годовщине их свадьбы, и тогда понятнее, осмысленнее становятся и простота композиции, и нежные тона картины, и уверенное спокойствие Елизаветы вместе с одухотворённым выражением её лица, и озаряющее фигуру сияние, и украшающее Великую княгиню бриллиантовое кольцо — подарок любимого Сержа. Словом, перед нами ещё одно свидетельство глубоких чувств, которые питала Елизавета к своему

супругу. Той любви, что приумножала и ещё ярче подчёркивала её природную красоту.

Даже в горе она оставалась по-своему очаровательной, словно ангел, посланный в утешение. Мария Румынская вспоминала о днях после кончины Великой княгини Александры Георгиевны: «Мы гостили у Эллы-красавицы, и это было совершенно чудесно. В глубоком трауре она казалась ещё прекрасней, и наши чувства к ней дошли до степени восторженного благоговения. Она была едва ли не слишком хороша, чтобы это было правдой. Ближайшая подруга Аликс, она тяжело переживала утрату, но на её долю выпало заботиться о сиротах...»

Елизавета постоянно приковывала к себе внимание окружающих. Взрослые восхищались ею, а детям она представлялась каким-то сказочным созданием. В воспоминаниях графини В. Клейнмихель есть примечательный эпизод из своего детства: «Однажды, бегая с Никсом по саду, вылезая из-под кустов, мы оба остолбенели, так как перед нашими глазами появилось неземной красоты существо в белом воздушном платье и белой шляпе, с двумя очень высокими красивыми офицерами... “Кто вы такие?” — спросили нас незнакомцы. Мы ответили: “Клейнмихели”. — “Вот как удачно. Мы ищем вашу маму и заблудились...” Неземное существо взяло Никса за руку, а я пошла рядом». Елизавета Фёдоровна (а это, разумеется, была она) буквально заморозила ребятшек, и особенно мальчика, который, забыв всё на свете, через некоторое время не ответил даже на прощальные слова императрицы. Мария Фёдоровна, продолжает мемуаристка, «поцеловала его в его кудрявую голову и спросила, куда он смотрит и что с ним сегодня. Мы хором ответили: “На Великую княгиню Елизавету Фёдоровну, Ваше Величество”. Она рассмеялась и сказала: “Тогда я понимаю, я ей скажу...”».

Воздушный, едва уловимый образ Елизаветы попытался запечатлеть в своих работах знаменитый скульптор Павел Трубецкой. В мае 1898 года он трудился над небольшим мраморным изваянием Великой княгини, позировавшей ему два раза в день, и постоянно что-то исправлял или менял. Вдохновлённый красотой модели, Трубецкой одновременно исполнил и живописный портрет Елизаветы, применив технику пастели. «Похожий и талантливо сделанный», — отметила Великая княгиня. Художник изобразил её в профиль, в лёгком голубом платье, обнажающем плечи, и с белой, напоминающей облако накидкой. Свойственный автору импрессионизм позволил передать хотя бы частицу той волшебной ауры, что окружала Елизавету Фёдоровну, того поистине неземного света, который излучал весь её облик.

Она выделялась в любом обществе, в любой обстановке. И запоминалась раз и навсегда. «Я так и вижу её такой... — вспоминал бывший французский посол в России М. Палеолог, — высокой, строгой, со светлыми глубокими и наивными глазами, с нежным ртом, мягкими чертами лица, прямым и тонким носом, с гармоническими и чистыми очертаниями фигуры, с чарующим ритмом походки и движений. В её разговоре угадывался прелестный женский ум — естественный, серьёзный и полный скрытой доброты». Примерно в то же время с уже овдовевшей Елизаветой Фёдоровной познакомился художник М. В. Нестеров. «Великая княгиня, — признается он, — с первых же слов очаровала меня своим прекрасным, ясным лицом, простотой, оживлённостью... Речь Великой княгини была живая, горячая, нередко с юмором. У неё были любимые словечки, одно из них — “мало-помалу” — я слышал часто. Говорила Великая княгиня с английским акцентом и почти свободно. Беседы с Великой княгиней оставляли во мне впечатление большой душевной чистоты, терпимости. Нередко она была в каком-то радостном светлом настроении. Когда она шутила, глаза её искрились, обычно бледное лицо её покрывалось лёгким румянцем».

Елизавета была самой заметной и привлекательной среди первых европейских красавиц. «Наша Великая княгиня была хороша и красива как день! — восхищалась ею Зинаида Юсупова на лондонских праздниках 1897 года в честь «бриллиантового» юбилея королевы Виктории. — Вообще она самая красивая из всех здешних принцесс, и наше сердце радуется». Далёкие от придворных кругов простые европейцы выражали чувства более непосредственно, а порой и необычно. «Однажды в Венеции, — вспоминал брат Елизаветы Фёдоровны, — я видел на рынке, как многие люди побросали свои товары и шли за ней в восхищении».

В Италии произошёл и другой примечательный случай. Как-то раз, гуляя по Флоренции, Сергей и Елизавета повстречали местного крестьянина. Увидев Великую княгиню, прохожий остановился как вкопанный и, не скрывая восторга, воскликнул: «Божья дочь!» «Вот любезный», — заметил про себя Сергей Александрович, явно польщённый таким неожиданным комплиментом жене. Но в бесхитростных словах флорентинца можно найти и нечто большее — с первого взгляда ему, совсем неискущённому человеку, открылась не только внешняя, но и внутренняя, духовная красота Елизаветы, и в самой краткой форме он смог выразить то, на что у других тратились длинные фразы.

Единство внешнего и внутреннего почувствовал в Елизавете и Великий князь Константин Константинович. «Она так женственна; я не

налюбуюсь её красотой... — записал он в дневнике. — Под такой прекрасной наружностью непременно должна быть такая же прекрасная душа». Вскоре эта не дававшая ему покоя мысль обернулась знаменитым стихотворением, вышедшим из-под его пера:

Я на тебя гляжу, любуюсь ежечасно;
Ты так невыразимо хороша!
О, верно под такой наружностью прекрасной
Такая же прекрасная душа!

Какой-то кротости и грусти сокровенной
В твоих очах таится глубина;
Как ангел, ты чиста и совершенна;
Как женщина, стыдлива и нежна.

Пусть на земле ничто средь зол и скорби многой
Твою не запятнает чистоту,
И всякий, увидав тебя, прославит Бога,
Создавшего такую красоту!

*

Восхищаясь характером супруги и гордясь её прославленной красотой, Сергей Александрович понимал, что такой дар требует дорогой «оправы», а потому не скупился на наряды жены и щедро одаривал её драгоценностями. Как человек с тонким вкусом, он всегда безошибочно выбирал и заказывал самое лучшее, изящное, высокохудожественное. Доказательством тому может служить изумительная парюра Елизаветы Фёдоровны из аквамарин и бриллиантов. Она состоит из диадемы, украшенной алмазными узорами в виде цветов и увенчанной пятью голубыми аквамаринами, ожерелья, выполненного главным ювелиром фирмы «Фаберже» Августом Вильгельмом Холмстремом, и бриллиантового браслета с шестью аквамаринами. Все предметы гарнитура изысканно великолепны, и не сложно вообразить, как восхитительно

хороша была в них Великая княгиня. Позднее, сменив несколько титулованных владельцев, эти украшения будут проданы на аукционе Сотбис неизвестному покупателю.

По-своему прекрасным являлось и подаренное Сергеем Александровичем бриллиантовое кольцо в форме цепи из двадцати девяти звеньев. При желании его можно было укорачивать или разделять на части, используемые как украшение для волос и браслет. Строгое и даже несколько простое, оно, видимо, очень нравилось Елизавете. В нём она неоднократно фотографировалась, в нём позировала для уже упомянутого нами портрета художника В. Штемберга. Портрета, передававшего то счастье, что обрела Елизавета рядом с любимым. На другом упомянутом полотне кисти Б. Констана Великая княгиня изображена с тем же ожерельем, но используемым в причёске и напоминающим диадему, а на груди Елизаветы Фёдоровны здесь хорошо видна огромная бриллиантовая брошь в форме лилии с большим сапфиром в центре. Эта же брошь, судя по фотографиям, могла крепиться и на голове владелицы.

Работе знаменитой фирмы «Фаберже» принадлежало ещё несколько украшений Великой княгини. Среди них роскошная бриллиантовая диадема в виде венка из цветов и ветвей (вес камней более 40 каратов) и великолепный корсаж, усыпанный изумрудами и бриллиантами. Последним ювелирным подношением супруга стала брошь из крупного аметиста, заказанная у «Фаберже» к двадцатилетию свадьбы в 1904 году (ныне она находится в зарубежном частном собрании). Тёмно-сиреневый сибирский самоцвет обрамляла полоска бриллиантов, из них же наверху были составлены монограмма Елизаветы Фёдоровны и римская цифра XX под великокняжеской короной.

Драгоценности Великой княгини были великолепны и смело могли соперничать с императорскими. На благотворительной выставке «Фаберже», проходившей в 1902 году в Петербурге под патронажем императрицы Александры Фёдоровны, украшения Елизаветы экспонировались в отдельной витрине, вызывая большой интерес. Но понятно, что их главным предназначением было подчёркивание красоты обладательницы. Для появлений на публике подбору драгоценностей уделялось особое внимание, а светский праздник предполагал уже целое искусство по дополнению нарядов ювелирными изделиями. Вспоминая один из московских балов, Н. С. Балужева-Арсеньева писала о Великой княгине, принимавшей гостей: «Она была дивно хороша в бледно-розовом платье с диадемой и ожерельем из крупных рубинов. Великий князь знал толк в драгоценных камнях и любил дарить их своей жене. Мы все с

восхищением смотрели на Елизавету Фёдоровну и восторгались её изумительным цветом лица, белизной кожи и изящным туалетом, рисунок которого она собственноручно набрасывала для портнихи».

О неподражаемой гармонии во всём облике «тёти Эллы» писала и Мария Румынская: «У неё были чудесные драгоценности, и дядя Серж, боготворивший её, несмотря на свои нотации, изобретал всевозможные предлоги и поводы подносить ей изумительные подарки. В том, как она одевалась, сквозил особый талант; хотя, конечно же, ей — с её ростом, стройностью, невероятным изяществом — шло всё, и ни одна румяная роза не могла соперничать с цветом её лица. Она напоминала лилию, так совершенна была её чистота. Невозможно было отвести взор, и, расставаясь вечером, ты с нетерпением ждал часа, когда снова сможешь её лицезреть».

Зная о впечатлении, которое производит её красота, Елизавета Фёдоровна уделяла своей внешности немалое время — ухаживала за лицом и руками, экспериментировала с окраской волос. Одеваться предпочитала у Надежды Петровны Ламановой (Андруцкой), хозяйки магазина модной одежды и пошивочной мастерской, располагавшейся на Большой Дмитровке. Работы мадам Ламановой так понравились Августейшей заказчице, что вскоре портниха была рекомендована императрице Александре и смогла в упрощённом порядке получить статус «поставщика двора Великой княгини Елизаветы Фёдоровны». Впрочем, фасоны многих своих платьев Великая княгиня придумывала сама, но соавтором её окончательного внешнего вида всегда оставался супруг. Он неизменно радовался, когда жена появлялась на праздниках в «античном», «ампирном» или «барочном» наряде или когда блистала в красивом платье, расшитом цветами. По просьбе Сергея Александровича знакомые подробно сообщали ему о последней парижской моде и присылали описания бальных туалетов петербургских дам. Всё это предназначалось Елизавете. Иногда Великий князь делал ей сюрпризы, в частности, заказав перед коронацией Николая II два расшитых трена для парадного придворного одеяния. Один — розовый, украшенный великолепным испанским кружевом, другой — тёмно-зелёный, исполненный златошвеями Новодевичьего монастыря.

Бриллианты, изумруды, сапфиры, шикарные туалеты, замысловатые причёски... Всего этого требовали статус Елизаветы Фёдоровны, её положение в обществе. И всем этим она пользовалась умело, творчески. Её брат отмечал, что она «очень любила красиво одеваться. Вовсе не из тщеславия, нет, а из любви к красоте во всём». Не наряды и драгоценности поражали встречавшихся с Елизаветой людей, и даже не столько её

природная красота, сколько поразительная одухотворённость во всём.

В ней было что-то неземное, что-то божественное, ангельское. И это, каждый по-своему, но так схоже, смогли передать и её талантливый родственник-аристократ, и бедняк из Флоренции, и старый русский крестьянин, пришедший на московский благотворительный базар лишь затем, чтобы увидеть ту, молва о которой дошла до его дальней деревни.

«Он долго на неё смотрел, а она — на него, — вспоминала графиня В. Клейнмихель, — потом перекрестился и сказал: “Слава тебе Господи, что сподобился повидать тебя, княгинюшка”. Великая княгиня наклонилась к нему и спросила: “Что ты хочешь купить, дедушка?” — “Я, матушка, ничего купить не могу. Ты мне подари что-нибудь сама, у меня денег совсем нет”». Елизавета Фёдоровна вручила крестьянину стакан в подстаканнике и, протянув на прощание руку, передала ему десятирублёвую купюру, принятую стариком не сразу. Потом он какое-то время ещё смотрел на вернувшуюся к своим делам Великую княгиню, после чего промолвил: «Когда она улыбается, то похожа на Ангела, которых пишут на образах».

6. БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

Переехав в Москву, Великокняжеская чета поселилась на первое время в Кремле, в Николаевском дворце. Здание входило в комплекс Чудова монастыря и было известно тем, что в апреле 1818 года в нём родился будущий император Александр II. В глазах жившего теперь в соседних апартаментах Сергея это место имело священный характер, а факт столь неожиданного и близкого соприкосновения с памятью об отце не мог не волновать.

Но какой бы приятной ни была жизнь в Кремле, сколько бы вдохновения ни приносила, Великий князь прекрасно понимал, что такое положение временно. Во-первых, Николаевский дворец был слишком мал и неудобен для новых задач, а во-вторых, Москва никогда бы не поняла и не простила, если бы старый генерал-губернаторский дом вдруг оказался не у дел. Построенный для графа З. Г. Чернышёва в 1782 году и с тех пор служивший официальной резиденцией для всех наместников Первопрестольной, трёхэтажный (вместе с цокольным — четырёхэтажный) особняк располагался на Тверской улице. Конечно, некоторые из восемнадцати его прежних хозяев вносили изменения во внутреннюю обстановку, но теперь пришло время для самых серьёзных перемен.

Реконструкция длилась около года, а меблировка некоторых комнат затянулась ещё на несколько месяцев. По распоряжению Сергея Александровича заменили пришедшее в негодность отопление, дом снабдили канализацией и полностью электрифицировали, проведя освещение даже в некоторые служебные и подвальные помещения. В надворном флигеле устроили квартиры для свиты, положенной Великому князю как члену Императорского Дома. Статус нового хозяина определил и главное направление в отделке: здание должно было стать дворцом, причём не только по названию, но и по сути. С этой целью производилась перепланировка комнат и полностью изменилось убранство. Генерал-губернатор лично утверждал проектные рисунки интерьеров, над которыми трудился архитектор Н. (второй инициал) Султанов, нередко что-то советуя ему, что-то рекомендуя. Наконец 11 февраля 1892 года Сергей и Елизавета переселились в новое жилище, где отныне им предстояло проводить немало времени.

В обстановке главенствовал ампир: он уже давно был не в моде, но по-

прежнему оставался непревзойдённым стилем при создании роскошных интерьеров, а именно такое впечатление и полагалось производить теперь дворцу, получившему небывалое значение. Но не будет ошибкой сказать, что в убранстве проявились и вкусы самих хозяев — стиль «империи» соответствовал эстетическим взглядам Сергея Александровича. Ряд смежных комнат превратился в парадную анфиладу, мебель для которой изготовили по образцам старинных гарнитуров. Сергей, большой знаток мебельного искусства, уделил немало внимания её подбору и расстановке, не забыв при этом и о других деталях — мраморных каминах, бронзовых канделябрах и хрустальных люстрах, выполненных по специальным эскизам... Но всё это предназначалось главным образом для публики. Личные апартаменты являли собой полную противоположность парадным. Простота отделки — отсутствие всего лишнего, показного.

Посетитель, явившийся по делу или приглашённый на публичное мероприятие, входил через парадный подъезд на Тверской площади и попадал в огромный, в ширину всего дома, вестибюль с высоким потолком. Отсюда две лестницы расходились в противоположные стороны. К Великому князю вела левая. Поднявшись по ней, гость оказывался в приёмной. Если Его Высочество оказывал честь принять в своём кабинете, следовало вначале пройти через примыкающую к приёмной малую столовую. Здесь Великий князь обедал в тесном кругу семьи, а иногда и с приглашёнными лицами. Убранство комнаты резко отличалось от общего стиля других покоев — оно имитировало домашнюю обстановку времён Петра Великого.

Кабинет занимал угловую комнату, расположенную вдоль Тверской улицы и Чернышевского переулка. Он был выдержан в зелёных тонах, что являлось характерным для деловых апартаментов, — такой цвет в кабинете имели драпировки и обивка мебели. Стены украшали многочисленные пейзажи, с которыми соседствовал портрет Екатерины II (кисти Д. Г. Левицкого), и фотографии некоторых родственников Великого князя. Позади рабочего места, рядом с окном, — овальный портрет императрицы Марии Александровны в последние годы её жизни — незабвенная матушка всегда рядом, точно ангел-хранитель. Здесь же и упомянутый выше малый портрет Елизаветы Фёдоровны работы Ф. А. Каульбаха, а в ближайшем углу — её скульптурное изображение, созданное Павлом Трубецким.

После смерти Александра III соседнее, самое почётное место займёт его огромный портрет, заказанный Сергеем Александровичем художнику В. А. Серову. В специальную витрину Великий князь положит мундир императора, создав в кабинете небольшой мемориал венценосного брата,

заветам и принципам которого он оставался верен всегда.

Справа от стола — деревянный шкаф, камин с зеркалом и бронзовыми часами. Другие часы, большие консольные, в деревянном коричневом корпусе и с тремя циферблатами, помещены на столике слева. Вещь старинная, английская, работы мастера Бенжамина Еайнама. Среди трёх мелодий часы могли играть Преображенский марш, что подкупило Елизавету Фёдоровну, приобретшую их в подарок мужу.

Другой подарок жены стоял в комнате на мольберте. Это была прекрасная картина с ликом Спасителя работы Виктора Михайловича Васнецова. Великая княгиня преподнесла её супругу на Рождество 1894 года, доставив тем самым огромное удовольствие. «Я в таком восторге от моего образа Спасителя Васнецова — совершенно блаженство», — записал Великий князь в дневнике. Изображение Христа он поставил в кабинете таким образом, чтобы оно постоянно находилось перед глазами...

Следующее помещение — уборная Его Высочества, за которой находился выход к собственному подъезду. Это новшество резиденции, дававшее целый ряд удобств. Однако такая вещь, сама собой разумеющаяся во дворцах Императорской Фамилии и хорошо знакомая петербуржцам, стала для москвичей неприятным сюрпризом. Собственный подъезд! Уж не хочет ли новый хозяин Первопрестольной подчеркнуть свою особенность? Не демонстрирует ли он горожанам некую дистанцию, которая отныне должна соблюдаться в отношениях с его персоной? Сегодня такие пересуды нам показались бы, мягко говоря, наивными. Тогда же отдельные нюансы, щедро приправленные подобными комментариями, могли стать для московского обывателя определяющими, создающими так называемое «общественное мнение». Если какие-то мелочи и пустяки не соответствовали укоренившимся здесь представлениям о том-то или том-то, они легко превращались в крепкие кирпичики предубеждения. А прочность возводимой из них стены была колоссальной.

Правая лестница в вестибюле считалась парадной и вела сразу на третий этаж. Из-за её крутизны рядом устроили подъёмную машину, которой, конечно, не пользовались во время праздников и приёмов. Сами же балы проходили в большом танцевальном зале, очень светлом и солнечном. Во время обновления дворца он не переделывался и по желанию Великого князя во многом сохранил свой прежний вид. Отсюда гости могли пройти в одну из двух больших столовых, возле которых устраивался буфет.

Далее располагались парадные гостиные, Белая и Красная. В первой стояли рояль для музыкальных вечеров и мебель с золочёными ножками,

знакомая по портрету хозяйки, написанному Фламенгом. В конце 1892 года здесь проходили домашние концерты, на которых Елизавета Фёдоровна из-за траура по отцу была в чёрном платье, резко контрастировавшем со светлой обстановкой. Возле окон стоял бюст Александра II, а соседние стеклянные двери комнаты выходили на балкон, где Великокняжеская чета могла появляться во время народных манифестаций.

Вторая предназначалась для более частных встреч и бесед. Главное значение в ней придавалось портретам Александра III и императрицы Марии Фёдоровны работы И. Н. Крамского, висевшим по обе стороны камина. На другой стене внимание сразу привлекало огромное изображение Александра I кисти Джорджа Доу, созданное в 1825 году, дополненное золочёным картушем в виде двуглавого орла и венка славы. Рядом висели старинные портреты других исторических лиц, включая жену Александра, императрицу Елизавету Алексеевну, запечатлённую Я. Ортом в 1801 году, и его бабушку, Екатерину II. Великая Екатерина была представлена в гостинной и великолепным, по праву считавшимся одной из жемчужин собрания, бюстом, исполненным выдающимся скульптором Ф. И. Шубиным.

Ещё один раритет коллекции, парадный портрет императрицы Елизаветы Петровны, украшал противоположную стену. Дополняли комнату, создавая в ней уют, большая развесистая пальма и мягкая мебель с красной, под цвет стен, обивкой.

За официальными помещениями разместились личные апартаменты Елизаветы Фёдоровны. Их открывала собственная гостиная Её Высочества, выдержанная в светлых тонах. На первый взгляд она выглядела весьма хаотично — столько всего в ней было смешано. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживался детально продуманный интерьер, полный удобств. Три гигантских зеркала — два между окон и одно у торцевой стены — расширяли пространство комнаты, наполняя её светом. Ближний угол с белым диваном и креслом предназначался для бесед с посетителями, в дальнем — возле окна, Елизавета Фёдоровна предавалась чтению. Гостиную наполняли многочисленные предметы мебели — столики, кресла, ширмы, комоды. Но главным её украшением являлись цветы. Они были расставлены повсюду, наполняя воздух душистым ароматом, и, словно для завершения образа цветущего сада, в высокой клетке на столике сидел с важным видом крупный попугай.

На стенах комнаты размещалось целое собрание произведений искусства. Картины, акварели, эскизы, работы по дереву, часы. Были здесь и антикварные вещи (Мадонна с Младенцем, портрет юноши, изображение

католической монахини), и подлинный шедевр Ренессанса (икона Божией Матери на троне, созданная неизвестным художником Сиенской школы в XIV веке), и современная живопись, подобранная хозяйкой с учётом личных вкусов и семейных мотивов. Среди прочего, к ней относился портрет младшей сестры, написанный Ф. А. Каульбахом в 1892 году и представлявший дорогую Аликс в трауре по отцу. Автор запечатлел её вполоборота, в чёрном платье и с увядающей розой, символом скорби. Заключённый в широкую чёрную раму портрет размещался рядом с входной дверью.

Гостиная Елизаветы Фёдоровны завершала анфиладу, протянувшуюся вдоль главного фасада дворца. Следующие комнаты Великой княгини располагались в боковой части дома с правой стороны, и первой из них был её кабинет. Небольшой, с двумя окнами в переулок, но очень уютный, он был предназначен для работы. Вишнёвого цвета палас устилал пол, вишнёвая скатерть — круглый стол. Письменный столик был покрыт белой скатертью и снабжён настольной лампой с белым абажуром. Здесь также красовалось много цветов, чаще — любимых Елизаветой ландышей. Светло-бежевые стены с растительным рисунком украшали картины, среди которых выделялась большая итальянская акварель с двумя девушками, сидящими на ступенях Дворца дождей и читающими письмо. Эту работу Сергей Александрович купил для жены в Венеции в 1896 году, а через шесть лет рядом с ней в кабинете появилась привезённая по его же заказу из Парижа картина французского художника Э. Ж. Попийона «Сон Богородицы». Полотно сразу приковывало взгляд настроением покоя, царящего под ярким солнечным светом, а также несколько загадочным сюжетом, переданным в сентиментальной манере. На картине — молодая женщина, сидящая под навесом. Вероятно, утомлённая работой в саду, она прислонилась к колонне. Это Святая Дева. Её глаза закрыты, руки сложены на коленях. На заднем плане — лужайка сада, на которой три ангела ухаживают за цветами. Скорее всего, здесь подразумевается Назарет, но к какому этапу земной жизни Богородицы принадлежит представленная сцена, определить сложно. Нельзя дать и однозначную трактовку происходящего — явь это или сновидение спящей Девы? В любом случае фантазия художника создала красивую легенду о трёх ангелах, пришедших на помощь уставшей Богородице, и выраженная в красках, она как нельзя лучше подходила для комнаты Елизаветы Фёдоровны.

Следующая дверь вела в собственную опочивальню Их Высочеств. Её ближний угол был превращён в своеобразную молельню — на стене, на специальном возвышении и на огораживающих его ширмах помещались

иконы, перед дубовым резным киотом постоянно теплилась лампада. На ширме красовался рисунок (католическая монахиня в белом одеянии), купленный Сергеем Александровичем жене во Флоренции. Отсюда можно было пройти в другие комнаты Великой княгини — её будуар и мастерскую, а также по специальной лестнице спуститься в кабинет Сергея Александровича.

Пока Великий князь решал административные задачи, на женской половине шла своя деловая жизнь. Здесь могли готовиться очередной музыкальный вечер или благотворительный базар, здесь принимались приезжавшие представляться московские дамы, сюда секретарь Великой княгини, Николай Владимирович Струков, доставлял корреспонденцию от многочисленных общественных организаций, ожидающих её помощи, и отсюда, ознакомившись с бумагами, Елизавета Фёдоровна спешила к своим подопечным. Домой она возвращалась к вечеру и тут же садилась за переписку. Времени не хватало — в восемь часов подавался обед, так что на возможность поделиться новостями с родственниками и знакомыми отводилось час-полтора. Быстрым летящим почерком, переходя с одного языка на другой, не выделяя абзацев, а порой не соблюдая и знаков препинания, Елизавета исписывала несколько листов с личным вензелем и всё равно иногда не успевала, спешно заканчивая или откладывая письмо. Следовало переодеваться, и фрейлины уже готовы были помочь.

Все они — милые девушки, в разное время взятые к Великокняжескому двору. Одни, как княжна Мария Трубецкая и княжна Людмила Лобанова-Ростовская, прослужат недолго, выйдя замуж стараниями хозяев. Другие, как Екатерина Козлянинова (Китти, тонкая натура и любимица Великой княгини), княжна Софья Шаховская и княжна Александра Лобанова-Ростовская (по прозвищу Фафка, вечная проказница и хохотушка), останутся на большее время. Но как бы ни складывалась дальнейшая судьба фрейлин, Великокняжеская семья всегда принимала в ней живейшее участие. То же самое относилось и к другим близким помощникам Сергея Александровича и Елизаветы Фёдоровны, считавших таких людей фактически своими домочадцами.

Даже из такого краткого обзора генерал-губернаторского дворца легко понять, что наибольшая часть здания, почти всё его внутреннее пространство, являла собой служебные и представительские апартаменты. То, что называется домашней жизнью, ютилось в этой официальной резиденции как нечто второстепенное и даже несколько неуместное. И всё-таки она здесь была, причём в сложившихся условиях её составляющие приобретали особую ценность. Не каждый вечер выдавался свободным, но

когда наступали такие долгожданные часы, когда затихал шум Тверской улицы, когда зажигались лампы в опустевших комнатах и опускались шторы, можно было уютно устроиться в одной из гостиных, где потрескивали дрова в камине и дремали на стульях два пушистых кота. А можно подняться в живописную мастерскую и расположиться напротив мольберта с незаконченной акварелью или отправиться в библиотеку, солидные шкафы которой предлагали духовную пищу на любой вкус.

Чтение — любимый вид отдыха в этом доме. Каждый из супругов читал что-то самостоятельно, причём Сергей часто подбирал книги для жены, что-то рекомендуя ей для общего самообразования, что-то — для лучшего постижения русской жизни. Он продолжал оставаться мудрым наставником, а она — послушной ученицей. Прочитанное обсуждалось, и увлечённая книга иногда приводила к другим по тому же вопросу. Предпочтение отдавалось литературе исторического и искусствоведческого содержания. В этих вопросах Сергей — большой знаток, он всегда интересовался выходящими новинками, давая им краткие и ёмкие оценки. Нравились ему и мемуары или биографии известных людей. Некоторые наиболее понравившиеся книги Великий князь любил перечитывать, а если жена ещё не была знакома с ними, он читал в её присутствии вслух. Также совместно они могли знакомиться и с новыми произведениями.

Чтение вслух — устоявшаяся домашняя традиция, сложившаяся ещё в первые месяцы после свадьбы. Теперь же без неё трудно представить досуг. У Сергея были прекрасные данные чтеца — приятный голос, актёрские способности, чувство стиля, и, похоже, он сам находил немало удовольствия в этом занятии. Иногда помимо Елизаветы слушателями становились гости — друзья или родственники, но такие публичные чтения устраивались, как правило, в других резиденциях, особенно в загородном Ильинском. В генерал-губернаторском доме не было условий для проживания гостей, а подобный досуг требовал нескольких вечеров, занятых неторопливым, вдумчивым погружением в книгу.

Когда Сергей читал, Елизавета, слушая его, могла заниматься каким-либо творчеством. Чаще всего она рисовала. Если имелись другие слушатели, то некоторые из них тоже брались за кисти и краски. Это гармоничное сочетание искусств создавало какую-то особую романтическую атмосферу, переносившую в мир мечтаний, иллюзий, чувств. Впрочем, реальность никуда не исчезала — наоборот, написанные акварели часто предназначались для благотворительных лотерей в пользу неимущих.

Не ослабевал интерес и к художественной литературе. Круг любимых

авторов оставался прежним — в основном русская классика, дополненная писателями недавнего прошлого. Сергей с удовольствием познакомил жену с «Князем Серебряным» А. К. Толстого, но вот произведения высоко ценимого Достоевского из числа читаемых вслух исключались — они слишком сложные и тяжёлые для такой подачи. Лучше послушать, что написал популярный В. В. Крестовский, или познакомиться с французским романом П. Бурже о Древнем Риме. Впрочем, современным авторам Елизавета предпочитала прежних, считая их произведения «более чувствительными».

Ещё интереснее было, когда дома устраивалась встреча с кем-нибудь из известных исследователей — историками или этнографами — и те рассказывали о своих открытиях. Такое случалось редко, но всегда производило большое впечатление. 4 мая 1893 года (правда, днём, а не вечером) с лекцией для семьи и гостей генерал-губернатора выступил известный путешественник П. Я. Пясецкий, поведавший о Закаспийском крае и Самарской губернии. Своё увлекательное повествование он сопровождал собственными акварелями, на которых запечатлел панораму Каспийской железной дороги, виды Амударьи, памятники Самарканда и Бухары. Сколько же удивительного таила в себе огромная и могущественная Империя! Сколько же интересного было в её настоящем и прошлом! В феврале 1901 года также, по-домашнему, хозяева и приглашённые внимали лекциям знаменитого профессора истории В. О. Ключевского. О древнем Киеве, о возвышении Москвы... Ключевский восхитил профессионализмом, эрудицией и талантом рассказчика. А когда разговор с историком продолжился за чаепитием, он открылся и как умный собеседник. Конечно, Елизавета далеко не всё понимала в этих беседах и лекциях (было много непонятных терминов, незнакомых названий и имён), но она тянулась к ним, постоянно открывая для себя уже давно полюбившуюся страну.

*

Постепенно в домашних заботах всё большее место занимал вопрос о племянниках. Лишившиеся матери, Мария и Дмитрий подолгу жили в семье дяди Сергея и тёти Эллы, доставляя ей заметную отраду. Но вскоре случилась беда. Она подкралась незаметно, коварно, нанеся свой ужасающий удар по самому дорогому, самому неприкосновенному. Вначале казалось, что раннее вдовство Павла, его кошмарная драма, которой так

горячо сопереживал Сергей, ещё прочнее соединит двух братьев, всегда шедших по жизни рука об руку. Но время и обстоятельства службы постепенно отдаляли их друг от друга, несмотря на постоянную доверительную переписку. Когда не состоялась задуманная помолвка Павла с одной из английских принцесс, его личная жизнь вдруг резко переменялась. К тому времени он уже близко сошёлся с очаровательной женщиной Ольгой Пистолькорс, в девичестве Карнович, женой адъютанта Великого князя Владимира. Последний, кстати, был сам неравнодушен к красивой супруге своего подчинённого. Павла же её чары пленили полностью. Вспыхнул бурный роман, продолжавшийся восемь лет и наделавший в свете немало шума.

Сергей тревожился, беспокоился за брата: «Ты должен одно знать, что любовь моя и дружба к тебе неизменны, но душа моя истерзана во всех её самых святых чувствах... Сохрани и вразуми тебя Господь святыми молитвами Мама и Аликс». Дошло и до серьёзных объяснений: «Я в разговоре с тобой всё решительно сказал — я думаю, что ты не можешь меня обвинить в узкости взглядов — я смотрю прямо с человеческой точки зрения, но есть положения, которых я допустить не могу, — именно твой случай... Конечно, это хороший урок, но он не должен был быть — тысячу раз не должен. Пока я не узнаю от тебя финала, не будет в душе моей ни мира, ни спокойствия, — да, ты должен это знать. Только во мне ты можешь найти опору и всегда, и во всём найдёшь, ведь это правда!» Казалось, на какое-то время увещевания помогли. Но того, что произойдёт затем, Сергею не могло присниться и в самом страшном сне.

Будучи матерью троих детей, Ольга сумела добиться развода и в сентябре 1902 года обвенчалась с Павлом в греческой церкви в Италии. Разразился грандиозный скандал. Николай II, возмущённый столь откровенным вызовом традициям и закону, занял крайне жёсткую позицию — Высочайшим повелением Великий князь Павел Александрович лишился званий, отчислся со службы и терял право на въезд в Россию. Над его детьми учреждалась опека.

В лице дяди Сергея император сразу нашёл безоговорочную поддержку. Почти год спустя после злополучной свадьбы в их переписке по этому вопросу сохраняется полное согласие: никаких уступок, необходимо проявлять твёрдость, отказ Павла от условий свиданий с детьми ничего не меняет. Он посягнул на устои, обманул Государя, затронул честь семьи. Какой позор, какая беда!

Но это лишь видимая часть трагедии. Брат «отступника» в Москве был потрясён и подавлен случившимся, как никто другой. За его внешней

принципиальностью скрывалась невыносимая боль, доводящая до отчаяния. Порой он даже отказывался верить в реальность. «Кажется, что это ужасный кошмар, и он скоро пройдёт», — пишет Сергей другу Константину в один из дней того страшного октября. В глубине души он жалел своего «дорогого Пица», пытался его оправдать, но убедительного оправдания не находилось. Разделяя подобные чувства, Елизавета глубоко переживала за мужа и подобно ему не находила покоя. «Бедный Павел настолько ослеп, что считает, что исполнил свой долг и успокоил совесть, женись на столь порочной и безнравственной женщине, — напишет она вдовствующей императрице. — А его прочие первостепенные обязанности по отношению к Государю и стране!..Сергей совершенно убит. Такое бесчестие страшнее смерти! В такое время — это ужасное пятно на нашей семье!..Одна беда за другой, и кажется, что им не будет конца, и никакого просвета впереди. Ощущение такое, словно ты в тумане и вокруг камни, о которые ты спотыкаешься на каждом шагу».

Время сгладит самые острые углы, постепенно восстановится былое доверие, возобновится откровенная переписка, но глубокую трещину уже никогда не удастся заделать. Только молитвы, свои и ближних, помогли тогда не сломиться, выстоять, достойно вынести тяготы жизненного пути. Однако нельзя было забывать и о земном. Как это ни ужасно, в своём поступке Павел не остановился перед, казалось бы, совсем непреодолимым препятствием — судьбой собственных детей. Несчастные полусироты теперь лишались отца. Дочери было двенадцать лет, сыну только что исполнилось одиннадцать. Что же с ними будет? После недолгого размышления Сергей Александрович и Елизавета Фёдоровна решили взять детей к себе. Теперь им, немного повзрослевшим, но ещё более беззащитным, предстояло переселиться в Москву окончательно, вплоть до начала самостоятельной жизни.

Принятые в семью дети придали ей законченный вид, и вскоре во всём, что касалось племянников, выявилось очевидное лидерство Сергея. Елизавета Фёдоровна испытала даже нечто вроде ревности к их повышенному вниманию дяде. А он находил на досуге время, чтобы почитать им детские книги, вывозил в театр, разрешал играть со сверстниками. Летом все вместе жили в загородном имении, где помимо прогулок в парке и катания на пони (дядин подарок) детей ожидали знакомство с обширным хозяйством, посещения больницы, хождения на ярмарку с первыми навыками самостоятельных покупок. Кажется, что Сергей Александрович не только стремился избавить своих воспитанников от ощущения сиротства, но и, помня о вынужденных лишениях в

собственном детстве, особенно о редком общении с отцом, пытался окружить племянников более тёплой домашней атмосферой. Порой он уделял детям внимание большее, чем принято в аристократических семьях. «Ему нравилось проводить с нами время, и он не жалел его для нас», — вспоминала Мария. При этом ни о каком баловании не могло быть, конечно, и речи, хотя после того как Сергей спас новорождённого Дмитрия от грозящей ему гибели, став фактически его вторым отцом, он постоянно уделял ребёнку повышенное внимание. Особую тревогу вызывало здоровье мальчика — у Дмитрия были слабые лёгкие. Тем не менее он рос весьма подвижным, стараясь не отставать от своей по-мальчишески бойкой сестрёнки, предпочитавшей куклам оловянных солдатиков.

Воспитание Марии и Дмитрия было поручено наставникам. При девочке состояла мадемуазель Элен (Евдокия Джунковская) — строгая, требовательная и властная дама; к мальчику, как будущему военному, приставили полковника Лайминга. За обучение детей наукам взялись учителя, а Сергей Александрович постоянно следил за их нравственным и религиозным воспитанием. Здесь не обходилось без трудностей. Подраставшие дети временами остро ощущали своё положение в семье и, продолжая помнить и любить родного отца, порой считали приёмных родителей излишне придирчивыми, несправедливыми. То им не нравился законоучитель, и пришлось вначале выслушать дядин упрёк в неуважительном отношении к священнику, а потом, после письменной жалобы отцу, строгий выговор за такие действия. То их утомляли сложности и условности придворного быта, уроки благородных манер и этикета. За столом их всегда сажали рядом с дядей, и он внимательно смотрел за тем, чтобы Дмитрий уделял внимание сестре как светской «даме», а та поддерживала бы общую беседу и правильно подбирала тему для разговора с гостем. «Он лично вникал в малейшие детали нашей повседневной жизни, — напишет Мария. — Он любил нас, несомненно, хотел нам добра, но, увы, его трогательные усилия часто имели прямо противоположный эффект».

Тётя Элла оценивалась ещё более пристрастно. Каждое её замечание, каждое указание на неуместные шалости воспринимались Марией в штыки, а получаемые наставления нередко возмущали. Великая княгиня хотела, чтобы племянница уделяла побольше внимания гимнастике, развивающей гибкость и грациозность, — девочке же казалось, что тем самым намекается на её полноту, а значит, на некрасивость. Тётя прививала ей навыки благотворительности, но Марии было неприятно подходить с деньгами к оборванному старику. Задевала и какая-то «холодность»,

отрешённость Елизаветы Фёдоровны, к счастью, разрешавшей иногда перед балами открывать коробочки с её восхитительными драгоценностями или перелистывать на досуге модные парижские журналы. Но разве этого достаточно? Мария никак не могла понять, что тётя убеждена в правильности «викторианского» воспитания детей. Того, в котором выросла и сама. Сдержанность, самоконтроль, достоинство и порядок ставились здесь во главу угла, дополняясь отсутствием излишней ласки, строгим распорядком дня, спортивными тренировками и трудовыми навыками. Искренне любимый ребёнок не должен был считать себя центром окружающего мира и рассчитывать на вседозволенность.

Никакой вины Елизаветы в том взаимонепонимании не было. И всё-таки надо сделать маленькую оговорку. В ранние годы рядом с Эллой жила и воспитывалась её сестра Аликс, будущая императрица Александра Фёдоровна. Ей прививались те же подходы, те же принципы, но в России она станет образцовой матерью, отдающей детям всё своё сердце. Да, она будет к ним требовательной, не проявляющей снисхождения к слабостям, и в то же время заботливо-нежной. В записке к десятилетней дочери Марии, чем-то обиженной и расстроенной, императрица напишет: «Моя дорогая Машенька!.. Милое дитя, ты должна пообещать мне никогда впредь не думать, что тебя никто не любит. Как в твою голову пришла такая необычная мысль? Быстро прогони её оттуда. Мы все очень нежно любим тебя, и только когда ты чересчур расшалишься, раскапризничаешься и не слушаешься, тебя бранят, но бранить не значит не любить. Наоборот, это делают для того, чтобы ты смогла исправить свои недостатки и стать лучше!» Говорила ли так со своей племянницей Великая княгиня? Мы этого не знаем... Но нетрудно понять, что воспитанница, даже при всей к ней любви, не могла сравниться с родной дочерью, к тому же приёмные дети наверняка оставались для Елизаветы ещё и горьким напоминанием о собственной бездетности, о невозможности подарить желанное отцовство дорогому Сергею.

Подлинную, не спрятанную за «викторианские» перегородки душу тётки Эллы девочка увидит во время своей болезни. Дифтерит! Елизавета Фёдоровна хорошо знала, чем это может грозить, тот же недуг отнял жизнь у её сестры и матери. Мария лежала в горячке, испытывая жуткие головные боли и порой бредя. Придя в очередной раз в сознание, она увидела склонившуюся над собой тётю Эллу. Лицо Великой княгини выражало такую тревогу и такое отчаяние, а в её добрых глазах светилась такая любовь!

Через некоторое время, когда у выздоровевшей Марии возникнет спор

с братом, утверждавшим, что по-настоящему их любит только дядя, а тётя лишь притворяется по его требованию, девочка, вспомнив тот эпизод у кровати, категорически не согласится — никто не может так притворяться!

*

Как бы ни складывался досуг, дворец на Тверской улице оставался, по мнению новых хозяев, малопригодным для частной жизни. К тому же расположение дома в центре гигантского шумного города, столь удачное для службы, создавало ощутимые неудобства для отдыха. Так что помимо традиционной главной резиденции требовалась и другая, более удачно сочетавшая в себе обе функции. Выбор пал на дворец в Нескучном саду.

Старая московская усадьба в Замоскворечье действительно отвечала требованиям генерал-губернатора. Представьте себе огромный парк, террасами спускающийся к Москве-реке, тенистые аллеи, пруд, павильоны. Конечно, не царские дворцы под Петербургом, не похоже и на Ильинское, но всё же здешняя тишина и чистый воздух создавали желанную атмосферу покоя.

Великий князь хорошо помнил эти места со времён своих первых, ещё детских посещений Москвы. А жене мог поведать их историю. С конца XVIII века считавшийся ещё пригородным район близ Большой Калужской дороги стал привлекать внимание богачей и аристократов. Демидовы, Голицыны, Щербатовы обустраивали здесь свои сады и дачи. Но настоящую славу Нескучному принёс граф Алексей Орлов, поселившийся в Первопрестольной на закате своей громкой жизни. Устроенный им парк сделался местом бесконечных увеселений, собиравших толпы гостей. Размах и роскошь праздников потрясали воображение: конные карусели в Манеже, пышные представления в Воздушном театре с аллегорическим прославлением Екатерины II и, понятно, самого чесменского героя, фантастические фейерверки. Единственная дочь графа, унаследовав имение, продала Нескучное Николаю I, который, прикупив к нему соседние дачи, распорядился создать здесь большую царскую усадьбу. В 1846 году в парке возвели новый дворец, названный Александрьинским, — Августейшая семья, приезжая в Москву, с удовольствием поселялась в нём «частным образом».

С. М. Савина

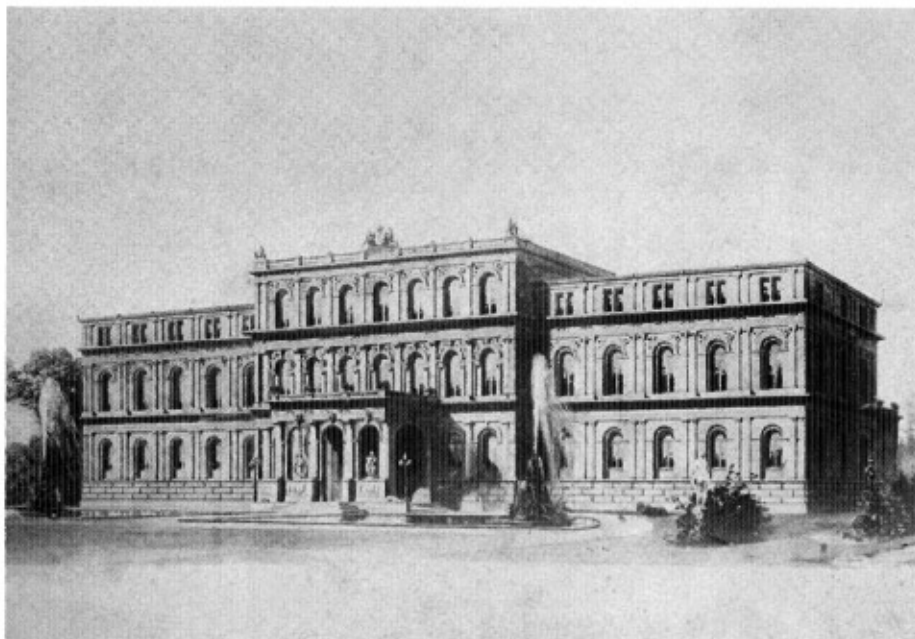
Принц Альберт,
дед принцессы
Елизаветы.
1840 г.

Королева
Виктория,
бабушка
принцессы
Елизаветы.
1901 г.

Великий герцог
Гессенский
и Рейнский
Людвиг IV
с супругой
Алисой,
родители
принцессы
Елизаветы.
1864 г.

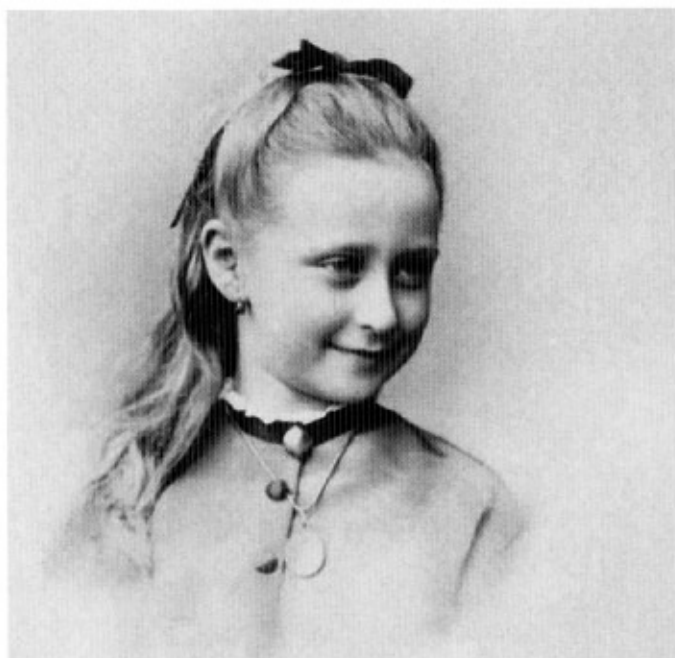

Дворец герцогов Гессенских. 1870-е гг.

Гессен. Вторая половина XIX в.

Принцесса
Елизавета.
1871 г.

Принцесса
Елизавета.
1883 г.

Император Александр III и императрица Мария Федоровна. 1880-е гг.

Великая княгиня Елизавета и Великий князь Сергей Александрович. 1884 г.

Великая княгиня
Елизавета
и Великий князь
Сергей Александрович.
1884 г.

Великий князь
Павел Александрович
(Папа)

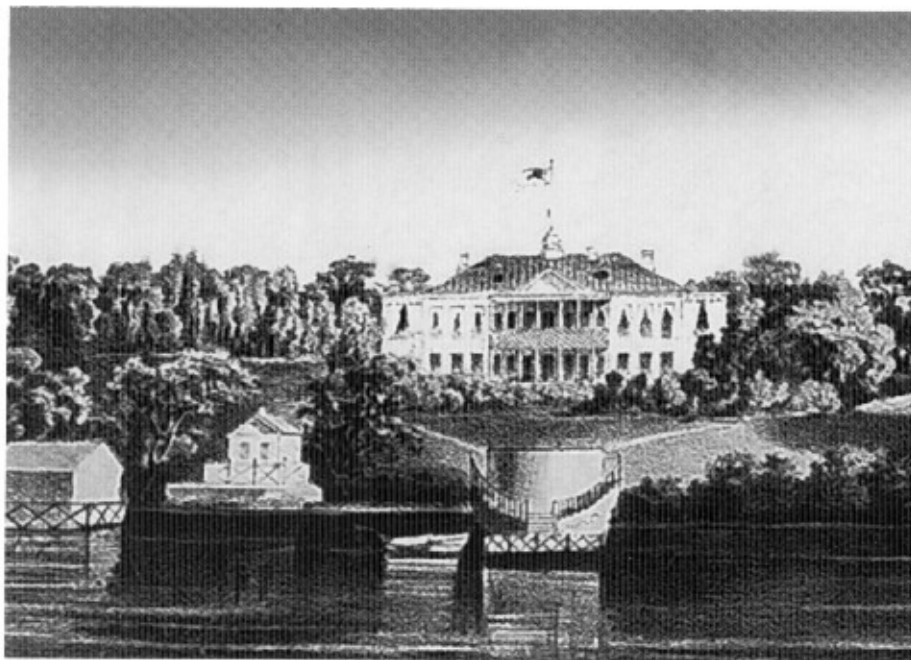

Великая княгиня
Елизавета
Федоровна
в образе Татьяны
и цесаревич
Николай
Александрович
в образе Евгения
Онегина. 1890 г.

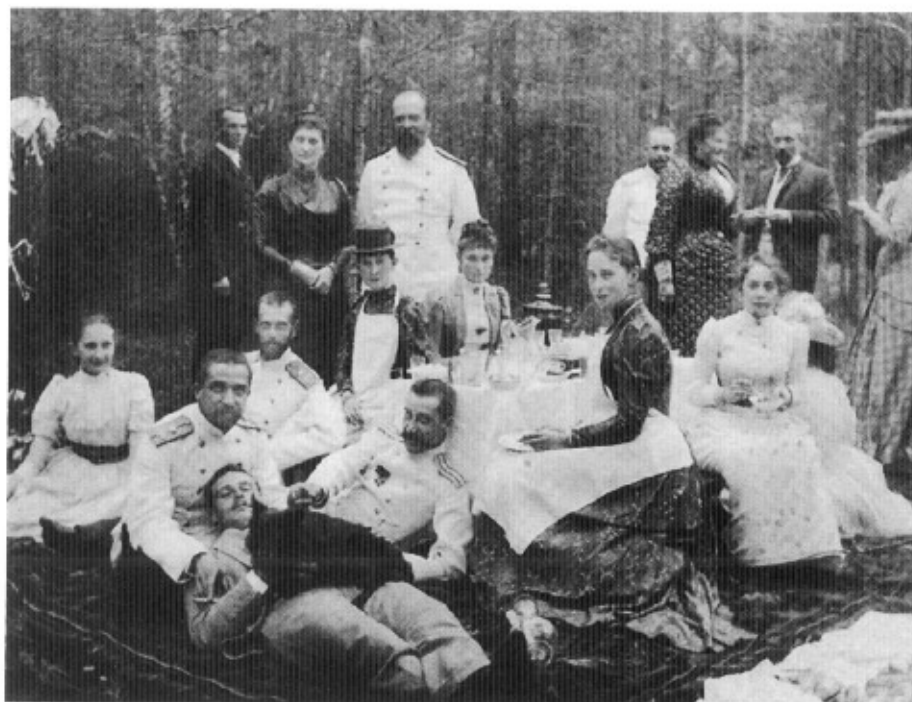
Великий князь
Константин
Константинович
(К.Р.) в образе
Гамлета. 1897 г.

Усадебный дворец в селе Ильинском, имении Великого князя Сергея Александровича. *Начало XX в.*

Пикник на природе. Елизавета Федоровна
в окружении великих князей

Сергей
Александрович,
Елизавета
Федоровна, Павел
Александрович
с его осиротевшими
детьми Марисей
и Дмитрием. 1892 г.

Птичник в селе
Ильинском. 1891 г.

*Васнецов В. М. Сирин и Алконост.
Песнь печали и радости. 1896 г.*

Лазарет в Ильинском

Генерал-губернаторский дом в Москве

Гостиная Елизаветы Федоровны в генерал-губернаторском доме в Москве. Акварель начала XX в.

Нескучный сад.
Павильон
Елизаветинского
благотворительного
общества.
Начало XX в.

Медаль Российского
Красного Креста.
1904 г.

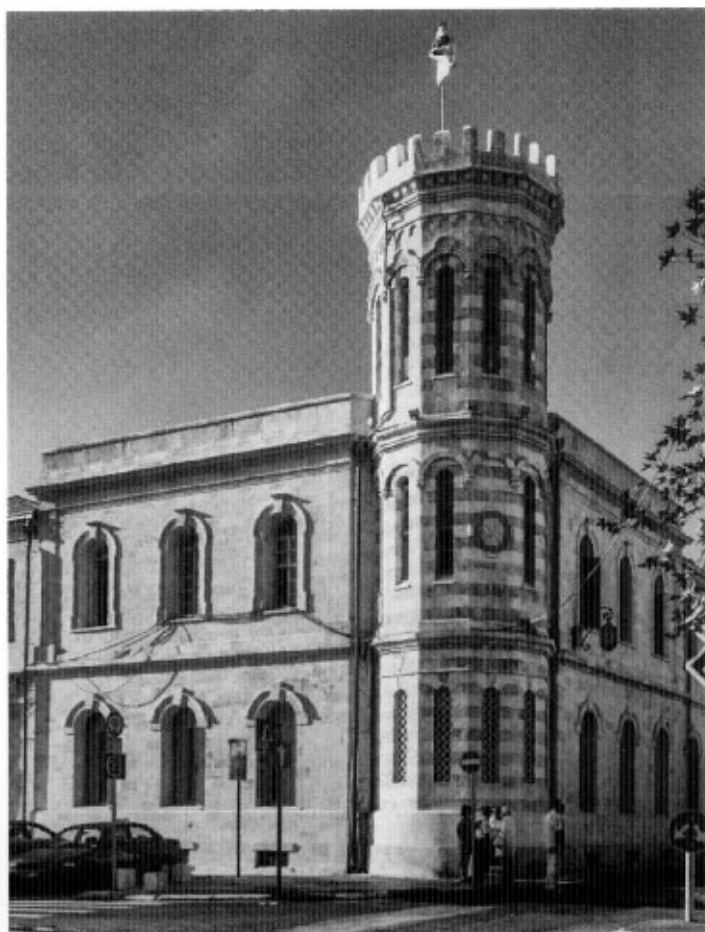
Русские
медицинские
сестры в Харбине.
1904 г.

Ф.-А. фон Каульбах.
Великая княгиня
Елизавета
Федоровна. 1892 г.

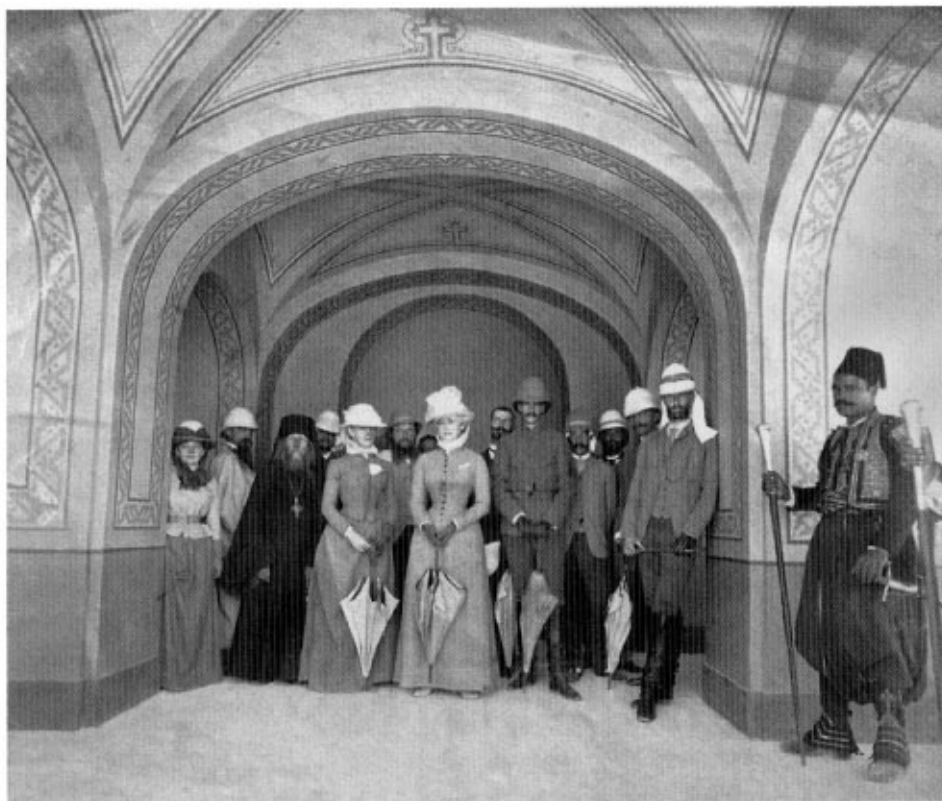
Сергиевское
подворье
в Иерусалиме.
Построено
в 1886—1889
годах.
*Вид второй
половины XX в.*

Троицкий
собор
в Иерусалиме.
Начало XX в.

Сергей Александрович и Елизавета Федоровна в Палестине. 1888 г.

Русские паломники в Палестине. Конец XIX в.

Церковь Марии Магдалины в Гефсимании. Иерусалим. 1888 г.

Теперь с разрешения императора дворцово-парковый ансамбль, официально именуемый Александрией, сделался второй резиденцией генерал-губернатора. Крайне сдержанный в эмоциях даже при ведении дневника, Сергей всё же сделает запись: в Александрии «особенно хорошо и приятно». Это многое значит! Однако все её достоинства, привлёкшие сюда Великого князя, его подчинёнными не воспринимались — наоборот, длительные пребывания начальника вдали от центра Москвы казались им большим неудобством. В среде обывателей тоже возникло неодобрение, переезд генерал-губернатора «за город» некоторые посчитали пренебрежением к Первопрестольной и очередной «царской замашкой».

Помимо уже отмеченных преимуществ, Александрия давала ещё одно — здесь можно было поселить гостей. Дворец в Нескучном считался менее официальным, так что приглашённые чувствовали себя в нём весьма уютно, кем бы ни приходились хозяевам. В такие дни — а их выдавалось немного — досуг скрашивали разговоры, чаепития, домашние развлечения. Зимой на специально устроенном здесь катке Сергей Александрович любил покататься в свободные минуты. Крепкий мороз только на радость — можно построить ледяную горку и вихрем скатиться вниз, ощутив полузабытый детский восторг!

В Нескучном праздновали Рождество. Иногда его встречали в доме на Тверской, но обязательно стремились попасть на эти радостные дни в Александрию. По традиции для каждого члена семьи наряжалась отдельная ёлка, тщательно подбирались подарки. Хотелось хоть ненадолго забыть о житейских проблемах, о неурядицах. «Без Павла Рождество для нас и для деток было грустным, — признавалась Елизавета императрице Марии Фёдоровне в начале 1902 года, — бедненькие — они плакали. Но в этом возрасте рождественский праздник — подарки, и все вместе украшают ёлку — развеселил их несмотря ни на что, и теперь они, визжа, носятся с Сержем в саду вокруг деревьев, играют в снежки — это такая радость».

Великая княгиня заранее писала и рассылала поздравительные открытки, тихо и молитвенно встречала Рождественский сочельник, а утром 25 декабря вместе с мужем выезжала на литургию в храм Христа Спасителя. Как правило, для этого подавалась парадная карета, чем подчёркивалось значение праздника. Церковная служба длилась очень долго (за литургией следовал благодарственный молебен по случаю годовщины победы в Отечественной войне 1812 года), но после трёхчасового богослужения Великокняжеской паре приходилось ещё и «раскланиваться». То есть отвечать на многочисленные поздравления после приложения к кресту. Всех надо было поблагодарить, всем улыбнуться —

такова московская традиция, нарушать которую невозможно. Вернувшись во дворец и поднявшись в комнаты по чугунной лестнице (напоминавшей о прежних жильцах, Демидовых), разговлялись в тесном домашнем кругу, обмениваясь подарками и погружаясь в волшебную атмосферу праздника.

Если в Александрии удавалось застать весну, хозяева наслаждались пробуждением природы. Старый парк постепенно оживал, наполняясь красками, ароматами, птичьими голосами. И тогда невозможно было не пройтись, оторвавшись от дел, по его аллеям и тропинкам, любуясь солнечными лужайками, водоёмом, декоративными постройками. Сергей и Елизавета неспешно прогуливались среди вековых деревьев, впитывая всё очарование весенней поры. Они с нетерпением ждали, когда появятся первые цветы, и, словно в награду, Нескучное щедро одаривало своих жильцов изобилием ландышей. Их здесь целое море! Таких чудесных, таких любимых. Елизавета их просто обожала: часто рисовала, украшала ими свои комнаты. Тот же цветок на одном её веере (подарок Павла), с ландышем она изображена на эмалевом портрете, что подарила мужу, в виде ландышей сделаны кофейные ложечки, выбранные ею для супруга. На десятилетие свадьбы Елизавета преподнесёт мужу нефритовую пепельницу в виде листа ландыша с цветком, а сама получит от Сергея вазу, украшенную теми же цветами, только выполненными из серебра. Ему также очень нравились эти незатейливые душистые вестники грядущего лета. Смотришь на них и вспоминаешь стихи милого друга Кости:

Вчера мы ландышей нарвали,
Их много на поле цвело;
Лучи заката догорали,
И было так тепло, тепло!

Собрав большие букеты, супруги присаживались на скамейку и, вдыхая дивный запах белого чуда, предавались сокровенным мыслям, воспоминаниям, мечтам...

Лето и начало осени семья генерал-губернатора проводила в подмосковных имениях. С любимым Ильинским мы уже хорошо знакомы. Распорядок жизни там почти не изменился — исчезло только беззаботное веселье первых лет супружества, да время от времени давали о себе знать старательно отгоняемые воспоминания о семейном несчастье. Поначалу

было особенно тяжело. Сергей Александрович, по словам адъютанта В. Ф. Джунковского, был «до такой степени грустный, что мы, как ни старались удалить от него грустные воспоминания, ничего не могли сделать. У Великой княгини был совершенно иной характер, она более владела собой». Справляться при посторонних с эмоциями Елизавету, вероятно, научило «викторианское» воспитание, которое проявится в ней ещё не раз.

Сказанное вовсе не означало, что образ юной Александры, так трагически ушедшей здесь из жизни, постепенно покрывало забвение. Наоборот, в память о ней в селе создали родильный приют, обошедшийся владельцам в 16 тысяч рублей и возведённый всего за четыре месяца. Во всех его комнатах развесили иконы святой царицы Александры, а в некоторых — и фотографии «дорогой Аликс». 15 сентября 1892 года в приюте родился первый малыш — по словам Сергея Александровича, «премиленький, толстенький мальчуган». Правда, несмотря на это, местных крестьян ещё долго приходилось убеждать в пользе и необходимости роддома, прибегая даже к материальному вознаграждению тех, кто воспользуется его услугами. Деньги, дрова, детское бельё — только приходи, не рискуя рожать по старинке, без медицинской помощи. В итоге приют получил доверие, и хозяева усадьбы с радостью становились крёстными родителями многих младенцев. Своё новое благодеяние, этот служащий людям памятник, созданный с подачи жены, Сергей назовёт «искренним утешением».

И всё же Ильинское не теряло прежнего очарования: какая-то живительная, целительная сила сохранялась в нём, всякий раз преображая Великого князя, успокаивая и ободряя. Только здесь Сергей позволял себе временно расстаться с доспехами Рыцаря долга и чести, расслабиться и немного побыть «нормальным человеком». И радуясь за него, Елизавета с удовольствием включалась в «деревенскую» жизнь. Привычный её распорядок теперь дополняла охота, к которой Великий князь приобщал подрастающего племянника. Елизавета Фёдоровна старалась не отставать — во время травли она лихо мчалась верхом, заставляя окружающих восхищаться изяществом и навыками наездницы. Дичи в местных лесах водилось мало, так что охота носила скорее спортивный характер, что Великой княгине было более по душе. Она любила физические нагрузки, занималась теннисом, и не только в Ильинском, но и в своём петербургском дворце, где устроила площадку в одном из залов. Любила она и животных. Выкармливала в имении маленького ослика, а когда во время прогулки собаки загнали зайца, взяла длинноухого пленника в дом.

В чередѣ развлечений, предлагаемых летней жизнью, не забывалось и

любимое занятие — чтение, благо в Ильинском имелась прекрасная библиотека. Она разместилась в красивом псевдоготическом здании в виде маленького замка с двумя зубчатыми башнями. Эта причудливая постройка XVIII века, задуманная первоначально как обсерватория, использовалась прежними хозяевами для бильярдной и карточной игры, и только вкусы Сергея Александровича превратили её в сокровищницу знаний. Среди томов с золочёными корешками и великокняжескими вензелями на экслибрисах встречались старинные фолианты и альбомы по искусству с великолепными гравюрами, редкие издания и новинки исторических трудов, увлекательные, но малоинтересные хозяевам французские романы в пёстрых переплётах «под ситец».

Точно так же в досуге Елизаветы оставалось и рисование. От уроков с учителем, приходившим два раза в неделю, она сразу переходила к практике. Расписывала двери и деревянную посуду, рисовала акварельные натюрморты, принимала участие в изготовлении декораций для домашних любительских постановок. Бралась и за портреты знакомых. Об уровне её способностей может свидетельствовать более поздний, 1897 года, графический рисунок, изображающий сестру Аликс. Строгий, классический и вместе с тем очень живой, передающий помимо сходства частичку внутреннего мира Александры Фёдоровны. Свои творческие силы Елизавета испробует в разных стилях и в разной технике. Когда в Москве в 1898 году над её образом трудился художник и скульптор Паоло Трубецкой (большую часть жизни проведший в Италии, автор знаменитого петербургского памятника Александру III), увлечённая его импрессионистской манерой, она возьмётся за подражание. О результатах напишет Сергею: «Пыталась нарисовать свой портрет, смотрясь в зеркало, а *l'impressioniste*, это оказалось вовсе не легко, хотя выражение лица схватывается быстро». Тем же летом в Царском Селе её заинтересует живопись пастелью, и уехавший по делам супруг станет получать доверительные сообщения: «Собираюсь рисовать портрет Элен (Шереметевой. — Д. Г.) пастелью, надеюсь, получится, хоть я и не слишком в себе уверена»; «Боюсь, выдающимся ему не стать. Я работала над ним сегодня, и думаю, фон, который подошёл бы для большой картины, будет слишком броским для головки в шляпке. Я поставила Элен у белой стены с виноградными листьями и гроздьями, там было столько солнца... Но, боюсь, любители всегда замахиваются на самое трудное»; «...Каждое утро рисую Элен, работать пастелью не так трудно, как я опасалась, и очень занятно». Ещё через два года в той же технике она попытается изобразить своего брата.

Сергей Александрович внимательно наблюдал за творческой работой жены. Что-то, как тонкий ценитель, одобрял, а что-то мог и раскритиковать. Законченный портрет Элен Шереметевой ему не понравился, и неудачу он объяснил тем, что Елизавета «работала лениво». Зато рисунки цветов на золотом фоне удостоились его похвалы, а смелый замысел супруги написать портрет своей фрейлины Екатерины Козляниновой масляными красками, равно как и первые успехи в этом деле вызвали его уважение.

Творческий дух в имении поддерживали и периодически гостившие здесь художники. По приглашению Сергея Александровича в Ильинском побывал его любимый русский живописец В. М. Васнецов, несколько акварелей создал здесь А. Н. Бенуа. Лучшие ученики Московского училища живописи, ваяния и зодчества, состоявшего под патронажем Великого князя, приезжали сюда на этюды, после чего на Рождественской выставке Сергей и Елизавета могли, в качестве поощрения, купить что-то из понравившихся работ.

Но вот скрашенные искусством и литературой вечера постепенно становились короче и холоднее, время отдыха неумолимо близилось к концу. Ильинское с грустью покидали, однако, если предоставлялась возможность, осенью вновь выезжали на природу, на сей раз в Усово — старинное, XVIII века, имение в том же, что и Ильинское, Звенигородском уезде. Из всех его прежних владельцев наиболее известны Хрущёвы, те, что построили на Пречистенке особняк, ныне занимаемый музеем Пушкина. И московский дом, и загородное имение для них спроектировал архитектор А. Григорьев, крупный мастер русского ампира. В 1867 году удельное ведомство купило Усово у генерал-майора Казакова для императрицы Марии Александровны, а в 1882 году оно перешло вместе с Ильинским в собственность Великого князя Сергея Александровича.

Старый деревянный дом разобрали. Взамен возвели большой каменный коттедж, в вестибюле которого Сергей, всегда относящийся с уважением к историческим местам, распорядился повесить изображение прежней постройки. Елизавета с нетерпением ожидала конца всех работ. «Дом в Усово продвигается очень быстро, — сообщала она императрице в мае 1890 года, — он очень красивый, ну просто большой английский загородный дом. Самое увлекательное начнётся, когда уже можно будет расставлять мебель». Ключевое слово — «английский». Сергей, кажется, хотел доставить жене особое удовольствие таким напоминанием о домах её юности. Даже стулья заказал по английским фасонам — дубовые для салона и кабинета Елизаветы Фёдоровны и сосновые для приёмной и библиотеки. Но до столь ожидаемой расстановки мебели внутри

возводимого здания жену не пускал, словно готовя сюрприз.

От дома во все стороны разбегались аллеи векового парка, могучие берёзы обрамляли ту, что служила въездной и вела к Московско-Звенигородской дороге. Другие манили в лесной массив с ухоженными тропами, к разделённым плотинами прудам, где плескалась рыба, к тенистому гроту среди зарослей акаций, к реке, за которой открывался вид на соседнее Архангельское, к старинной церкви... Весной яркая зелень французского сада и напоенный ароматами сирени воздух придавали имению неповторимую прелесть. Но и осенний пейзаж был очаровательным — многообразие лиственных пород создавало настоящее пиршество красок. Новый дом освятили 24 августа 1892 года.

Приезжавшие сюда гости оставляли в Великокняжеском альбоме автографы, забавные надписи, а иногда и незамысловатые стихи, воспевавшие прелести имения и радушие хозяев. Так, побывавший здесь в 1897 году бывший воспитатель Сергея Александровича, Дмитрий Арсеньев, закончил свой восторженный отзыв словами:

И всяк, кто счастье испытает
Под вашим кровом жить хоть раз,
Тот навсегда уж ощущает
Желанье снова быть у вас.

Сам же Великий князь иногда подводил пребыванию в Усове шуточный итог, под которым размашисто подписывался — «Хозяин». С неменьшим основанием он мог бы назвать себя и «устроителем», поскольку вложил в новый дом немало собственных идей.

Внутренняя обстановка коттеджа выглядела весьма скромно, однако некоторые вещи были особенно ценны для Сергея, поскольку принадлежали покойной императрице. Лишь в одной из тридцати комнат размещалась часть живописной коллекции Великого князя — итальянские картины религиозных сюжетов, да в зимнем саду красовались привезённые из Италии фрагменты античных сооружений. Впрочем, «скромность» — понятие относительное, и уж тем более, когда речь идёт о великокняжеском жилище. Интерьеры усовского дома украшали антикварные шкафы маркетри, персидские ковры, ампирный гарнитур, золочёная стенная этажерка, русский и европейский фарфор, венецианское стекло, каминные

часы, бронза. Но Сергей Александрович приезжал сюда не только любоваться художественными ценностями и красотами природы: в Усове он сочетал отдых с работой больше, чем в Ильинском. Отсюда, вдохнув напоследок ещё один глоток относительной свободы, генерал-губернатор вместе с семьёй возвращался в Москву, где вновь погружался в пучину административных дел.

*

Дел было много. Должность генерал-губернатора считалась в России очень высокой, важной и ответственной, понимаясь в первую очередь как наместническая. На неё назначались лица, пользующиеся особым доверием императора, и в случае болезни или отлучки полномочия такого руководителя не передавались без разрешения монарха. Генерал-губернатор всегда имел право непосредственно обращаться к Государю, давал заключения при любой попытке изменения в системе управления подведомственного края и был блюстителем неприкосновенности верховных прав самодержавия, государственной пользы и точного исполнения законов.

Московское генерал-губернаторство всегда имело исключительное значение. Включавшее в себя десять губерний, оно представляло собой экономическое и транспортное ядро Империи, требовало повышенного внимания и особого контроля. А нахождение в нём самой Москвы поднимало статус здешнего наместника на несравненную высоту. Заметим в данной связи, что нередко встречающееся именование Сергея Александровича «генерал-губернатором Москвы» в принципе не верно. Слово «Московский» в названии его должности относилось не к городу, а ко всему генерал-губернаторству, административный центр которого находился в Москве. Ещё более ошибочно говорить о Великом князе как о «градоначальнике» — это вообще другая должность.

Впрочем, хотя Первопрестольная управлялась непосредственно гражданским губернатором и местной городской думой, с появлением в ней Великого князя ситуация изменилась. По новому Городовому положению 1892 года вертикаль власти усиливалась на местах и генерал-губернатор получал функции прямого муниципального управления. Без его решений и координации теперь не делалось ничего. Но Сергей Александрович не только «утверждал» и «контролировал». Как настоящий хозяин он лично вникал в городские дела и, проявляя живой интерес ко всему

происходящему в Москве, стремился поднять её до уровня европейской столицы.

Невозможно найти в московской жизни такого вопроса, на который Великий князь не обратил бы внимания. Строительство, благоустройство, санитарная обстановка, водоснабжение, транспорт, электрификация, общественный порядок... Перемены к лучшему не заставили себя ждать. Причём столь разительные, что вызывали удивление. «Видел моего товарища Нарышкина, — писал состоящий при Великом князе полковник М. П. Степанов, — он был в Москве и очарован превращением Москвы в такой чистый и цивилизованный город. Он говорит, что много слышал о переменах там, но что виденное превзошло его ожидания: он исколесил всю Москву и везде нашёл чистоту, порядок, благоустройство и чудные новые здания».

Однако прежде всего Сергей Александрович видел древнюю столицу истинным сердцем России, неустанно трудясь над превращением её в образец, в неприступную твердыню всего русского и православного, в надёжную опору власти и порядка, в центр науки и культуры. Он активно сотрудничал с духовенством, поддерживал инициативы учёных, помогал художникам и артистам. Большое внимание генерал-губернатор уделял вопросам просвещения, духовно-нравственного воспитания, борьбе с общественными пороками. Руководя Императорским Историческим музеем (ныне Государственный исторический музей), Великий князь содействовал улучшению его материального положения, пополнению коллекции и превращению в крупный научно-просветительский центр, где стали проводиться конгрессы, общественные съезды, художественные выставки и познавательные лекции. Возглавив Комитет по устройству Музея изящных искусств им. Александра III (ныне ГМ ИИ им. А. С. Пушкина), он будет стремиться превратить задуманное учреждение в собрание мирового уровня. Историческое же прошлое самой Москвы Сергею Александровичу было крайне дорого, и потому в поле его зрения всегда оставались вопросы о сохранении её памятников, о реставрационных и археологических работах.

Огромное внимание уделялось социальным задачам. Они включали заботы о детских приютах, о бедных и престарелых, о семьях осуждённых... С 1893 года, когда до Москвы докатилась эпидемия холеры, под попечением Великого князя находился район Хитрова рынка, или знаменитая «Хитровка» — грязные трущобы с ночлежками и с самой подозрительной публикой от криминальных элементов до опустившихся бродяг. В этом мрачном месте, куда рисковал заглянуть не всякий

городовой, он побывает не единожды и будет регулярно выделять личные средства на содержание там дешёвых столовых.

Так о существовании «московского дна» узнает Елизавета Фёдоровна. Узнает и о других насущных проблемах Первопрестольной, требующих срочного решения. Оставаться в стороне она, конечно, не сможет. Супруг возглавлял или патронировал множество общественных организаций, стремившихся помочь нуждающимся, и уже летом 1891 года в названии одного из них (Московского приюта для добровольно следующих в Сибирь семейств ссыльных) появляются слова «Сергиево-Елизаветинское». Через некоторое время оба они посетят это учреждение, осмотрев и саму тюрьму вместе с её больницей. Перед Великой княгиней места заключения с их тяжёлой реальностью представляли впервые, Сергею Александровичу тюрьмы показывали ещё в детстве, во время обучения, но и он был вынужден признаться: «Вчера были в тюремном приюте, который носит наши имена, и в самой тюрьме; обошли всех и всё. Какое гнетущее впечатление производит звук кандалов!»

Важную часть в обязанностях генерал-губернатора составляли протокольные мероприятия, дополнявшиеся светскими обычаями и традициями. Следовало принимать представлявшихся людей, делать визиты, участвовать в праздниках. «Нас рвут на клочки буквально, — жаловался Сергей младшему брату, — то открывать какой-нибудь съезд, то посетить благотворительный базар, то праздновать 25-летие или 50-л. какой-нибудь школы, то быть на выставке кустарных изделий, то открытие школы ремесленно-художественной, то выставку старинных картин и вещей *et ainsi de suite* (и так далее. — *фр.*) и без конца! Признаюсь, это более чем утомительно, а впереди разные акты всевозможных училищ, благотворительный концерт и снова открытие какого-то съезда с неизбежными выставками — право, я ничего не преувеличиваю, всё это нас ожидает. Дела же важные идут и занимают меня очень много».

Порой приходилось идти наперекор личным желаниям, настроениям или обстоятельствам — когда в начале 1893 года потребовалось ехать на большой бал по случаю избрания нового предводителя дворянства, в доме Великого князя продолжали соблюдать траур по Людвигу Гессенскому, и Елизавета Фёдоровна оставалась в чёрном. Тем не менее долг службы требовал от генерал-губернатора присутствия на празднике, что рассматривалось московской знатью ещё и как знак уважения. Вопрос — придёт или нет — заинтриговал собравшихся в Колонном зале Благородного собрания. Но вот объявили о прибытии Великокняжеской четы, все взоры устремились к дверям, и в следующий миг раздался

одобрительный гул — Елизавета Фёдоровна появилась в белоснежном платье!

Рассказывая о том визите бабушке, Великая княгиня надеялась на понимание: «Все были так тронуты. Они не ожидали, что я приеду. Так как это было не развлечение, но простая вежливость... я уверена, что Вы тоже согласитесь, что я исполнила свой долг, поехав туда. Я была вся в белом, но в других случаях, на наших приёмах, конечно, я в чёрном. Это было первый раз, что мы появились на таком приёме, и люди здесь суеверны относительно чёрного цвета».

В середине зимы жизнь Первопрестольной вообще становилась сплошным праздником. И неудивительно: со встречи Рождества Христова и наступающего следом Нового года начиналась череда гуляний и увеселений московской публики. В круговороте всеобщего веселья одно развлечение сменялось другим. Что и говорить — Святки! Не успеешь оглянуться, как на дворе уже Масленица с её катаниями, ярмарками, балаганами.

В январе дворянская Москва открывала светский сезон и окуналась в поток бесконечных балов: больших, благотворительных, костюмированных... В большой моде оказались «пудренные», на которых дамам следовало появляться с причёсками в стиле XVIII века, что очень шло Елизавете Фёдоровне и потому нравилось её мужу. Но, конечно, гвоздём сезона считались балы генерал-губернаторские. Получить в такие дни приглашение во дворец на Тверской или в Нескучном — заветная мечта многих аристократов, генералов и крупных чиновников. Оставшихся без желанного билета охватывала досада, а счастливых обладателей такового — лихорадочная суэта. Ещё бы: праздники у руководящего краем царского брата были для Москвы фактически придворными, неписанные правила требовали от гостей появляться на них в полном блеске, к тому же дамам следовало учитывать не только нюансы моды, но и вкусы Августейшей хозяйки.

Сама Елизавета Фёдоровна, принимавшая активное участие в подготовке бала, согласовывала все основные детали с Сергеем Александровичем. Он же окончательно одобрял туалет супруги и подбирал к нему драгоценности. В них Великий князь разбирался превосходно и слыл, как мы уже отмечали, тонким ценителем ювелирного искусства. Чувство гармонии не подводило его даже в том случае, когда дело касалось большого количества украшений. На одном из праздников Елизавета, словно сказочная фея, появится в платье, обильно расшитом бриллиантовыми звёздами, и с такими же звёздами в причёске. Фурор

будет полный — восхищенные гости надолго запомнят эту ослепительную красоту, представленную так изящно и так эффектно. Но больше всего Сергею нравилось, когда жена надевала драгоценности его дорогой Мама. На первом месте здесь стояла изумрудная парюра Марии Александровны, состоявшая из диадемы работы ювелирного дома «Болин», большого ожерелья, серёг и крупной броши. Подарив эти вещи супруге, Великий князь, возможно, в очередной раз попытался воскресить перед глазами незабвенный образ матери, хотя и просто видеть Елизавету в столь роскошном уборе ему было очень приятно. Чего стоила одна лишь бриллиантовая диадема с семью огромными изумрудами «кабошон» — недаром ей предстояло стать гордостью двух королей, позднее владевших этим редким сокровищем. Иногда вынутые из неё самоцветы вставлялись в более скромный кокошник придворного наряда Великой княгини. Для этого туалета Сергей Александрович закажет другое изумрудное кольцо — повторяться его жена не должна.

Вежливо улыбаясь, хозяева встречали гостей. Великий князь обычно надевал парадный мундир: золотые эполеты с царскими вензелями под короной, аксельбанты, голубая Андреевская лента и соответствующая звезда. Иногда предпочтение отдавалось гусарской форме. Общее внимание сразу привлекал новый наряд Великой княгини, и дамы старались запомнить его детали, чтобы затем в подробностях описать петербургским или провинциальным подругам и восхитительное платье, и ожерелье из крупных рубинов, и алмазную диадему с подвеской.

В самом начале Сергей Александрович подзывал кого-то из адъютантов и напоминал о необходимости следить за поведением некоторых кавалеров, «известных своей нескромностью», — публика, особенно штатская, приезжала самая разная, и следовало оградить хозяйку бала от их «развязной учтивости». Впрочем, это предупреждение напрасно — Великокняжеская чета при всей своей любезности выглядела настолько царственной, что даже аристократы не решались заговорить с ней первыми. «Их Высочества — Сергей Александрович и его супруга — вызывали всеобщее внимание, — вспоминал один из очевидцев. — Высокие, восхитительно красивые, словно выточенные из слоновой кости. Я сравнивал их с шахматными фигурами, отбросившими положенные законы передвижения, — они пересекали залу в разных направлениях, иногда меняя линию внезапно, своевольно. Они ни к кому не примыкали. Напротив, к ним стремились, но будто разбивались о невидимую преграду, ещё не приблизившись вплотную. Ах, как они были хороши!»

Пройдя через убранные цветами комнаты, все попадали в Белый

танцевальный зал, слепящий ярким светом и оранжевой драпировкой окон. На стенах красовались серебряные блюда, на которых в разное время генерал-губернатору подносился хлеб-соль, а в конце зала — знакомый нам большой парадный портрет Елизаветы Фёдоровны, выполненный Ф. А. Каульбахом. Лучший московский оркестр под управлением С. Рябова занимал свои места на хорах, и торжественным полонезом начинаются танцы, в которых открывающая бал Великокняжеская чета должна была принимать активное участие. Сергей Александрович танцевал превосходно, с удовольствием включался в тур, но расслабляться не мог и на празднике, а потому с нетерпением ждал финала, когда появлялась возможность спокойно, укрывшись в своём кабинете от сотен глаз, поговорить с приглашёнными на бал старыми товарищами по полку.

Остальные же веселились вовсю — сменяли друг друга вальсы, мазурки, кадрили; мелькали мундиры и фраки, платья и веера. Сияло золотое шитьё, сверкали и переливались бриллианты. Пользуясь случаем, Елизавета Фёдоровна устраивала на некоторых балах лотереи. Вырученные средства шли на благотворительные нужды. К утру шумное веселье стихало, но через несколько дней всё повторялось сначала, а впереди восторженных гостей порой ожидал и третий бал у генерал-губернатора. Число приглашённых составляло обычно шестьсот-семьсот человек, но нередко оказывалось гораздо большим. Так, на балу, украсившем собой сезон 1902 года и данном 3 февраля в главной резиденции Его Императорского Высочества, присутствовало 1200 гостей!

Роскошь и великолепие этих праздников надолго становились темой для пересудов в светских гостиных Москвы. Что же касается самого Сергея Александровича, то его подобные мероприятия совсем не радовали, а скорее наоборот — угнетали. Для него они были трудной частью обязанностей, возлагаемых государственной должностью и положением в обществе. Блеск его балов виделся ему лишь отсветом величественного сияния верховной власти, которую он представлял, бликом от священного ореола Монарха, с которым он состоял в ближайшем родстве. Любившая балы Елизавета Фёдоровна давно поняла, что для них с супругом это не только праздник, но и своеобразная работа. Блистать в высшем обществе — такой же долг, как и бороться с эпидемией, с неурожаем, с тяготами народной жизни. «Я должен нам отдать справедливость, что мы из кожи лезли вон всю зиму для забавы первопрестольных жителей, — с облегчением признавался Сергей другу Константину по окончании долгого сезона 1894 года. — Приятно было отговорить на первой (неделе Великого поста. — Д. Г.) и сбросить, хотя — увы! — только на время — весь свой

греховный хлам».

Однако полностью ощутить столь желанное очищение и успокоение, приносимое постом, на сей раз не удалось. 2 апреля, сопровождая цесаревича Николая, Сергей Александрович с супругой, братьями Павлом, Владимиром и женой последнего, Марией Павловной, выехали из Петербурга и через два дня прибыли в Кобург на большие свадебные торжества. Принцесса Виктория Мелита, дочь Марии Александровны и племянница Сергея, выходила замуж за брата Елизаветы, герцога Гессенского Эрнста Людвиг. В столицу принадлежащего отцу невесты Саксен-Кобург-Готского герцогства съезжались по этому поводу самые именитые гости со всей Европы во главе с самой королевой Викторией, бабушкой обоих новобрачных.

Предстояла очередная великосветская суета, однако сейчас Сергей и Елизавета были озабочены иным вопросом — не «бабушка Европы» и не её титулованная родня влекли их в поездку. Хранители сердечной тайны цесаревича, они с волнением ждали окончательного решения вопроса о его возможном счастье.

7. ПЕСНЯ ВЕЩЕЙ ПТИЦ

Николай и Александра. Ники и Аликс... Их первая встреча произошла на свадьбе Сергея Александровича, невольно давшего, таким образом, начало будущему роману. Тогда двенадцатилетняя сестра невесты, прелестная принцесса Алиса Гессенская, очаровала русского престолонаследника. Симпатия оказалась взаимной, но настоящее сильное чувство вспыхнуло у обоих спустя пять лет, когда зимой 1889 года Аликс провела несколько недель в Петербурге, гостя у сестры и её мужа. Елизавета Фёдоровна очень растерялась, когда Ники признался ей в любви к Алисе, после чего решила посоветоваться с супругом. Тот сразу одобрил выбор племянника и высказался в поддержку. С этого времени дядя Сергей и тётя Элла стали для влюблённого Николая единственными советчиками и помощниками в непростом деле его сватовства.

Великий князь предпринял немало усилий, склоняя к нужному решению гессенского герцога и добиваясь через него благосклонности к такому союзу королевы Виктории. На венценосную бабушку пыталась повлиять и Елизавета. «Поддержи Аликс морально... — просила она своего брата. — Постарайся убедить бабушку в том, что у них получится счастливая семья, что ей не следует относиться к ним с таким предубеждением. Когда наступит решительный момент, это может явиться решающим фактором. Из-за идиотской чуши, которую печатают газеты, она получает невероятную картину происходящего и основывает свои аргументы на фактах, которые, возможно, никогда не существовали в действительности...» Королева и впрямь была склонна политизировать столь непонятный ей брачный план, опасаясь «неустойчивой обстановки в России» с возможностью «чего-то ужасного». Кроме того, её беспокоили перспективы «неблагоприятных впечатлений» в Англии и в Германии, раскола между семьями (родители Николая не приветствовали этот выбор) и несчастливой супружества (младшая дочь немецкого герцога и наследник великой державы — неудачный союз, с чем, видимо, согласен и сам император).

В конце лета 1890 года Аликс вместе с отцом, братом и сестрой Викторией гостила у Сергея и Эллы в Ильинском. Бабушка заранее запретила ей видаться с Николаем, а тому, в свою очередь, родители не разрешили поехать к тете. Тем не менее Великокняжеская чета активно

продолжила помогать влюблённым. Сергей поговорил с Людвигом, открыв ему глаза на всю серьёзность отношений и добившись его согласия на дальнейшие шаги. Елизавета же, убедившись из разговоров с сестрой в прочности и неизменности её чувств, поспешила сообщить влюблённому племяннику: «Я дам ей много книг, она хочет спокойно позаниматься, и будет верить, что Бог укажет ей правильный путь и придаст мужества — ведь надо будет преодолеть ещё много трудностей. Она завоевала все сердца, и, все, кто её видел, в восторге от её красоты и милых, обаятельных манер. Ты себе не представляешь, как она выросла, как мило и радушно со всеми беседует, каждое её движение изящнее некуда, просто радует глаз, она так женственна и очаровательна! Уверяю тебя, даже не будь она моей сестрой, я бы стремилась видеть её и наслаждаться её прелестными деликатными манерами и ангельской красотой. Все, кто видел её раньше, были поражены огромной переменной, и все у её ног, даже те, кто любит находить недостатки... Грустно, что всё складывается не так легко, как хотелось бы, но с молитвами и надеждой приобретается мужество. А она действительно любит тебя так глубоко, что, надеюсь, найдёт силы совершить всё, что должно».

Главная трудность — перемена принцессой вероисповедания, необходимая для невесты престолонаследника, — понималась всеми. «Я собрала всю силу, и любовь, и сестринскую привязанность, — писала Елизавета Фёдоровна Николаю, — чтобы убедить её, что она не может не полюбить ту религию, к которой и я хочу принадлежать (в ту пору Великая княгиня только готовилась перейти в православие. — Д. Г.), подлинную и истинную, единственную, оставшуюся неиспорченной за века и столь же чистую, какой она была изначально. Мы могли бы сделать этот серьёзный шаг вместе — к сожалению, она не может решиться. Нам остаётся только молить Бога помочь ей поступить правильно, и я так надеюсь на лучшее. Бедняжка, её терзает, с одной стороны, сильное чувство, а с другой, как она думает, долг. И всё же я надеюсь, так как не сомневаюсь, что мне удастся убедить её поступить правильно. И потом, в конце концов, любовь тоже святое чувство, одно из самых чистых чувств в этом мире». Не сомневался и Сергей Александрович. «Это препятствие будет преодолено, — уверял он племянника, — это можно заключить из её (Алисы) разговоров... Вообще ты можешь быть спокоен — её чувство слишком глубоко, чтобы могло измениться... Будем крепко надеяться на Бога...» Очаровательной принцессе он подарил книгу о православии.

Общение влюблённых продолжалось через Эллу. В целях конспирации она присвоила Ники и Аликс условные имена — сестра стала называться

Пелли, а племянник Пелли II, причём в переписке она подчас говорила об Алисе в мужском роде, а о Николае в женском. Объяснив шифрование опасностью просмотра её корреспонденции, Елизавета Фёдоровна перестраховалась — это было в принципе невероятно. Но и в таком случае беспокоилась она не о себе с мужем, при огласке императорский запрет мог полностью сорвать возможный брачный союз.

«Тебе придётся выдержать баталию, мой дорогой, — писала Великая княгиня цесаревичу, — не за её любовь, но чтобы придать ей храбрости и убеждённости». Ситуация действительно предвещала сражение. Людвиг Гессенский фактически уже капитулировал, но страшно боялся гнева королевы Виктории. А та, встревоженная «сводками», заняла прочную оборону. Религиозный вопрос её мало волновал, ведь ещё в случае с Эллой она неожиданно легко согласилась, сказав, что муж и жена должны принадлежать к одной Церкви. Правда, на сей раз королева затребовала себе подробную информацию о православии, но теперь её главным оружием стал довод о невозможности брака двух сестёр в одной зарубежной стране. Предлог был надуманным, на самом деле Виктория сама подбирала партию для любимой внучки, остановив свой выбор на собственном внуке Эдди, то есть Альберте Викторе, старшем сыне принца Уэльского, а значит, потенциальном короле Великобритании. Здесь её ждало поражение. Беспутный Эдди, чьи разгульные похождения давно будоражили Лондон, вызывал у Аликс лишь отвращение. Её твёрдое и решительное «нет» заставило бабушку отступить и вдобавок признать за Алисой «сильный характер».

Праздновать победу было рано, но надежд прибавилось. В конце 1891 года Николай записал в дневнике: «Моя мечта — когда-нибудь жениться на Аликс Гессенской. Я давно её люблю... Я долго противился моему чувству, стараясь обмануть себя невозможностью осуществления моей заветной мечты! Но теперь, когда Эдди оставил или был отставлен, единственное препятствие или пропасть между ею и мною — это вопрос религии! Кроме этой преграды нет другой; я почти убеждён, что наши чувства взаимны! Всё в воле Божией! Уповая на Его милосердие, я покорно и спокойно смотрю в будущее!» Спустя два долгих мучительных года он всё-таки не выдержал и, отбросив династические условности вместе с тёткиной конспирацией, прямо написал возлюбленной о своих чувствах, прося дать окончательный ответ.

Алиса отозвалась незамедлительно. Она уверяла дорогого Ники, что любит его, но умоляла понять свою твёрдость в вопросе вероисповедания. В её глазах измена Церкви, в любви к которой она воспитана, была

страшным грехом и к тому же грозила привести со временем к разладу в супружестве. «Я бы никогда не смогла найти мира в душе, — признавалась страдающая девушка, — и, таким образом, никогда бы не смогла бы быть тебе настоящим другом, который помогал бы тебе в жизни, потому что всегда что-то стояло бы между нами...»

Казалось, всё было кончено. Но Элла не собиралась сдаваться. «Можешь себе представить, как глубоко я сочувствую вам обоим, — воодушевляла она племянника, — ты прекрасно знаешь, как я всегда стремилась помочь вам и делала для этого всё возможное. О, если бы только твои родители разрешили тебе приехать, тогда... Между строк можно прочесть, что у неё не хватило бы духа отказать в Кобурге, а я сделала бы всё, чтобы привезти её сюда и научить вере. Она не узколобая и не фанатичная протестантка, но годами оставалась один на один со своей любовью к тебе, ей и поговорить было не с кем. В вечной тревоге изводила себя: “Перейти — разве это не грех? Я так люблю его — о, вот почему я должна быть вдвойне сурова к себе и не позволять сердцу собой управлять”. Это была многолетняя битва, и никто не помог ей, лишь иногда пара строчек от меня. Я боялась этого исхода; бедное дитя... О, ты не знаешь, через что ей пришлось пройти, в её глазах печать несказанной грусти — я и помыслить не могу, что так и будет, и жажду, и вопреки всякой вероятности надеюсь, что в конце концов Бог даст ей увидеть бедность протестантизма в сравнении с нашей Церковью».

Итак, по мнению дяди и тёти, Николаю следовало поехать в Кобург, где ему давался последний шанс. Для этого требовалось разрешение родителей, и было пора полностью перед ними открыться. Худшие опасения оправдались сразу — императрица была поражена закулисной историей сватовства и заставила Сергея Александровича объясниться. Великий князь занял прочную позицию — он, родной дядя, обеспокоен будущим наследника престола. Долг члена Династии велит ему содействовать лучшему выбору той, которая станет русской царицей: её ум, нрав и, главное, любовь к суженому есть ключевые качества, определяющие решение, а младшая гессенская принцесса отвечает им целиком и полностью. О разговоре с Марией Фёдоровной раздосадованный Сергей сообщил брату Павлу: «Просто страшно подумать — и мне делается нравственно и физически холодно! Всё это тем кончится, что Ники женится без любви на первой попавшейся принцессе... Вот уж именно “счастье было так близко, так возможно”, ибо, разумеется, при личном свидании любовь пересилила бы рассудок... Я глубоко скорблю и возмущаюсь».

В Кобург Николая всё-таки отпустили — мешать его порывам сочли, в конце концов, неправильным, да и отказ принцессы виделся неизбежным и более убедительным, чем любые доводы. Первый разговор с возлюбленной состоялся 5 апреля в апартаментах, отведённых дяде Сергею, второй — через три дня в гостиной дяди Владимира. Объяснение заняло двадцать минут, которые казались вечностью — нервы Сергея Александровича были на пределе. И вот дверь открылась... «Свершилось! Господи, благослови их!.. Они вышли сияющие...» — записывает он в дневнике. Как и предполагали Сергей с Елизаветой, любовь преодолела все преграды, соединив сердца влюблённых. Виктория Алиса Елена Луиза Беатриса Гессенская, милая Аликс согласилась стать женой своего любимого Ники — русского цесаревича Николая. Согласилась посвятить ему всю свою жизнь и вместе пройти нелёгкий земной путь. «О, если б ты только знала, — спешила сообщить Елизавета императрице, — какое невыразимое облегчение и радость мы все испытали, — ведь это была какая-то пытка, уверяю тебя, твои бедные дети жестоко страдали. Аликс просто не узнать, много лет я не видела её такой счастливой. Виктория спросила, как она теперь себя чувствует, и она сказала, что обожает Ники. Благослови их Господь, и пусть она будет достойной женой твоему дорогому мальчику...»

Их союз окажется идеальным, взаимная верность и неослабевшая с годами любовь создадут замечательную семью, подарят многие годы счастья и помогут, стойко перенеся тяжелейшие страдания, принять венец христианского мученичества. Они были предназначены друг для друга, и сегодня невозможно представить, что супругой Государя Николая Александровича могла оказаться другая женщина и что в нашей истории могло не быть светлого образа Государыни Александры Фёдоровны. Вот почему необходимо подчеркнуть ключевую роль Великого князя Сергея и Великой княгини Елизаветы в описанных событиях: именно они, сразу распознавшие в юной принцессе будущую русскую царицу, были избраны Провидением для исполнения предначертанного. Именно их упорные усилия помогли возникнуть той дивной Семье, праведная жизнь и святой подвиг которой столь высоко почитаемы русским народом и Православной церковью.

Из Кобурга Сергей писал Константину: «Слава Богу, что помолвка так удачно состоялась, — великое счастье. На Ники и его невесту приятно смотреть — они просто сияют счастьем». В те дни все много фотографировались, на одном из снимков Аликс (редчайший случай!) лучезарно улыбается. У Сергея Александровича на том же фото серьёзное, сосредоточенное лицо. Такое же выражение у него и на знаменитом

групповом портрете тридцати представителей правящих домов Европы, приехавших на свадьбу в Кобург. Наверное, это была обычная скованность Великого князя перед объективом. Однако в свете приближающихся печальных событий она приобретала смысл какого-то тяжёлого предчувствия.

*

В начале 1894 года император Александр III перенёс сильную простуду. Недуг удалось преодолеть, но вскоре появились признаки серьёзного заболевания почек. В сентябре по настоянию врачей царь переехал в Ливадию. Тем не менее его состояние продолжало ухудшаться, и через месяц, когда положение стало критическим, в Крым съехались члены Династии. На их глазах могущественный самодержец прощался с жизнью.

Отменив намеченную поездку в Англию, Сергей Александрович 8 октября срочно прибыл в Ливадийский дворец. Он давно с беспокойством наблюдал за болезнью брата, пытаясь, в частности, организовать его лечение в Греции. В Москве генерал-губернатору с трудом удавалось изображать спокойствие, чтобы пресечь тревожные слухи. Теперь же, когда по всей России служились молебны о здравии царя, он всё ещё не терял надежды, всячески стараясь приободрить и царицу. Подавленность и растерянность ощущали все, но Марии Фёдоровне приходилось гораздо тяжелее — вконец измотанная, практически не спавшая и почти не евшая, она была на грани душевного срыва.

Император попросил жену послать приглашение невесте сына. Чувствуя, что покидает этот мир, он спешил дать детям своё благословение. Со слезами на глазах императрица согласилась, и уже 6 октября Аликс была на пути в Ливадию. Через два дня в Александрове её встретила выехавшая из Москвы Элла, и оставшийся путь до Симферополя они проделали вместе. Там, 10 октября, прямо с вокзала сёстры направились в Алушту, где их встретили цесаревич и Сергей Александрович, а оттуда все вместе в двух открытых экипажах помчались в Ливадию. По дороге местное население встречало невесту престолонаследника хлебом-солью, вся её коляска была завалена цветами и виноградными лозами, но настроение принцессы было нерадостным. Из разговоров с сестрой она поняла, что предстоит пережить в ближайшие дни.

Около пяти часов вечера подъехали к дворцу. Алиса поднесла императору букет белых роз; он обнял и поцеловал принцессу, однако был

очень утомлён. Выходя из его комнаты, Аликс не сдержала слез.

20 октября стало ясно, что наступает конец. Началось прощание. Быстро таявшие силы император тратил на недолгие разговоры с отцом Иоанном Кронштадтским, приглашённым по его просьбе. В половине одиннадцатого он причастился, произнося молитву уверенным голосом, при этом все присутствующие стояли на коленях. Так случилось, что последний день жизни Государя совпал с днём рождения Елизаветы Фёдоровны: ей исполнилось тридцать лет. Император вспомнил об этом, поздравил её и Сергея Александровича. Отныне когда-то радостный для них день станет печальной датой, напоминающей о роковой безвременной потере и вновь воскрешающей в мыслях картину того поздравления-прощания.

Сердце Александра III перестало биться около трёх часов пополудни. Никто не сдерживал рыданий. Как в эту минуту, так и во время первой панихиды, состоявшейся тем же вечером, все отчётливо понимали, что случившаяся трагедия — далеко не только семейное горе: беда постигла всю Россию. Как писала в те дни двоюродная сестра почившего Государя королева Греческая Ольга Константиновна: «Нет души в России, которая не ощутила бы глубокой этой скорби; это собственная боль каждого русского человека».

О чувствах Елизаветы Фёдоровны говорит её письмо бабушке, где она описывает то, свидетельницей чему стала в Ливадии: «Несмотря на плохие новости, мы надеялись до последнего момента, и наше единственное утешение теперь то, что он умер, как настоящий христианин, каким он и всегда был... Как Вы знаете, это был день моего рождения. Он провёл такую тяжёлую ночь и был ужасно слабым. Мы пришли рано... Только подумайте, он позвал меня, чтобы поздравить меня и Сергея, и потом поцеловал нас всех одного за другим. Он говорил ясно и сознавал всё. Но мы заметили уже знак смерти в его глазах. Его дети и Минни стояли на коленях вокруг него, и Аликс, конечно тоже, которая была как маленький ангел утешения в продолжение всего того времени, а также и теперь. Потом мы оставались в соседней комнате... Был вызван священник, его личный духовник (протоиерей Иоанн Янышев. — *Д. Г.*), и мы все встали на колени. Он попросил причастить его Святых Тайн, после чего он отдыхал, а затем попросил другого священника, которого вся страна очень почитает (отец Иоанн Кронштадтский. — *Д. Г.*)... Потом этот батюшка помазал его святым Елеем... Двери открыли, и мы опустились на колени, чтобы услышать его последний вздох. Никакой агонии не было, и эта чистая душа отлетела на небо. О, когда умирают так, то чувствуешь присутствие Господа и то, что из

этого мира он призван к настоящей жизни. Если бы Вы знали, какое спокойствие и тишину это дало нашим душам, а в то же время наши сердца разрывались от горя! Пусть Господь благословит его. Никогда Он не имел более верного, более благородного слуги».

Для Сергея Александровича это была даже не трагедия, а новая сокрушительная катастрофа — лишиться брата, фактически второго отца, лишиться основы своего существования! 21 октября в его дневнике появляется запись: «Я знаю, что я потерял в нём! Весь смысл моей деятельности давал он! Я верил в него, в его идею всей своей душой, а теперь что!!» Тяжесть утраты Великий князь будет ощущать всю оставшуюся жизнь. Образ «дорогого Саши» станет для него путеводной звездой, примером, образцом в деле собственного служения. Недолгое, но такое значимое царствование брата явится идеалом. При всей своей любви к новому Государю и при всём их единомыслии по многим вопросам он никогда не сможет принять ни малейшего отступления от политики Александра III.

Но всё это ещё впереди, а пока, в последний день октября 1894 года, встретив прибывший в Москву из Крыма траурный поезд, генерал-губернатор отдавал от имени Первопрестольной последние почести почившему самодержцу. Несметные толпы людей встречали скорбную процессию на всём пути её следования в Кремль. Всю ночь люди шли в Архангельский собор, где был выставлен гроб Александра III, прощаясь с безвременно ушедшим императором, прощаясь с эпохой мира и стабильности. В траурном убранстве Москва превзошла даже Петербург, но и столица Империи, задрапированная чёрным, олицетворяла глубокое горе страны. От вокзала до крепости погребальный кортеж четыре часа двигался по Невскому проспекту среди тысяч простых людей и замерших в карауле воинских частей.

Маршировали полки лейб-гвардии, колыхались чёрные знамёна с гербами провинций России, шли придворные служители, делегации государственных учреждений, общественных организаций и всех сословий страны. Чёрный рыцарь с опущенным мечом, как и чёрное знамя с гербом Империи символизировали всеобщую скорбь, а ведомый под уздцы конь Александра III — страну без прежнего хозяина. И тут же белое гербовое знамя утешительно говорило о надежде на светлое будущее. На подушках несли награды почившего и государственные регалии, включая Большую Императорскую корону. За многочисленным духовенством следовала в окружении факельщиков печальная колесница с гробом, вслед за которой шёл новый царь. Сопровождали Николая II Великие князья, свита и

специально прибывший на похороны принц Уэльский. Далее тянулась вереница траурных карет.

Сидя в одной из них, Великая княгиня Елизавета Фёдоровна повторяла маршрут десятилетней давности, когда впервые она счастливой невестой въезжала в Петербург. Теперь как невеста сюда прибыла её сестра, но вместо праздничной процессии Алису ждала похоронная... А ведь как прекрасно всё планировалось лишь месяц назад. Элла задумывала привезти Аликс в Москву и поселить у себя в доме, готовя к переходу в православие, к восприятию русской жизни. При этом сестра лучше бы овладела языком новой родины (ещё в мае с ней стала заниматься та же Екатерина Шнейдер, что учила и Елизавету), заодно чувствуя себя гораздо ближе к Ники, чем находясь в далёком Дармштадте. Весной, как только Государю стало бы лучше, могла состояться свадьба. Торжественная, громкая, весёлая. И вдруг такое несчастье!

К Православной церкви Алиса присоединилась в Ливадии, став посреди семейного горя благоверной Александрой Фёдоровной, Высоконаречённой невестой Государя. Оттуда же Елизавета сообщила бабушке о дальнейших свадебных планах: «Эта свадьба будет семейной, как и свадьба Мамы. Это не только их (Аликс и Ники. — Д. Г.) желание, но желание всей семьи и всей России. Они смотрят на это как на свой долг и обязанность начать эту новую и трудную совместную жизнь, благословенную священным таинством брака». Как у мамы! Элла знала, при каких обстоятельствах и в каких условиях прошла свадьба её родителей. О том странном сочетании траура и праздника, горя и радости, отчаяния и надежды. Чёрного и белого. Но чувствовала ли она в нём какое-то «знамение», предостережение, связанное с печальной судьбой матери? Вряд ли — Эллу не отличали ни мистицизм, ни суеверие, проявлявшиеся порой в герцогине Алисе и в королеве Виктории. Однако сегодня, в свете событий, случившихся позднее, даже прагматику трудно не заметить зловещую тень в цепочке роковых совпадений. Трагическая участь Царской семьи хорошо известна. При печальных и вновь «черно-белых» обстоятельствах завершится история Гессен-Дармштадтского Дома. В октябре 1937 года скончается брат Эллы, правящий герцог Эрнст Людвиг, а спустя всего месяц его преемник Георг Донатус вместе с матерью, беременной женой и двумя детьми отправится в Англию на свадьбу своего младшего брата. По дороге их самолёт разобьётся над территорией Бельгии, задев в тумане фабричную трубу. Все пассажиры погибнут. Но на следующий день (!) намеченная свадьба всё-таки состоится, а женившийся в такой обстановке принц Людвиг, оставшись впоследствии бездетным,

передаст свои права на герцогство дальним родственникам.

Пушки Петропавловской крепости возвестили о прибытии процессии в собор. Ещё неделю там будут проходить ежедневные панихиды, после чего 7 ноября состоится погребение. В тот день столицу накроет густой туман, такой, что ближайшие здания будут едва различимы. В туман погрузится и сознание большинства присутствовавших на церемонии, ибо во всё происходящее не захочется верить. «Когда опускали моего Государя в могилу, — признается Сергей в дневнике, — мне всё казалось, что это не он. Он не может лежать в гробу! И снова приходится начинать жизнь — ужасно без него! Не для него жить и работать мне кажется невероятным».

*

Гессенская принцесса Алиса, милая Алики, прелестная Аликс стала Благоверной Всероссийской императрицей Александрой Фёдоровной 14 ноября 1894 года. Всего через неделю после похорон Александра III, прервав на один день череду заупокойных богослужений. Дату выбрали не случайно — начиналась последняя неделя перед Рождественским постом (далее пришлось бы ждать до нового года) и отмечался день рождения овдовевшей императрицы Марии Фёдоровны.

Чёрные наряды временно поменялись на белые. О том, какой отправится под венец невеста, Элла подробно сообщила бабушке: «Платье — из вышитой серебряной материи, — русский придворный наряд и выглядит очень красивым. Как у невесты, у неё будут спускаться два локона. В старое время только молодые девушки имели право носить волосы висячими локонами. Это выглядит очень прелестно и красиво обрамляет лицо. Законченное одеяние невесты, блеск бриллиантов и бархатная мантия (я должна сказать, что последняя — тяжёлая, и было бы гораздо красивее без неё), прибавляется немного цветов мирты к платью и к маленькой короне». Элла не уточняет, что корона на Аликс — та же самая, что венчала её собственную голову во время свадьбы с Сергеем. Это сделали впервые (обычно для каждой Великой княгини изготавливали новую), и в будущем будет выглядеть символично. «Хотя полный наряд и тяжёлый, — продолжала Елизавета, — но чудесные бриллианты идут всем, и Аликс, высокая ростом будет выглядеть очень красивой... Всё белое, и серебро сияет как от электрического света, и красивая мантия оживляет всё, хотя я бы и предпочла, чтобы она была белой. Все мы будем в наших русских костюмах белых или серебряных и в белых драгоценностях».

Венчание состоялось в церкви Зимнего дворца. Многочисленные именитые гости, прибывшие со всей Европы, внимательно наблюдали за церемонией — король Дании, король и королева Греции, король Сербии, принцы и принцессы. Английскую делегацию составляли два сына и внук королевы. Принц Джорджи (будущий Георг V) спешил поведать бабушке: «Дорогая Аликс выглядела на свадьбе прелестно, служба была очень красивая и впечатляющая, а пение просто великолепное, она прошла через всё это очень скромно, но вместе с тем была так грациозна и вела себя с таким достоинством, что произвела превосходное впечатление. Думаю, что Ники очень повезло с такой прелестной и очаровательной женой; признаюсь, я никогда не видел более любящую и счастливую чету, чем они. Когда после свадьбы они выехали из Зимнего дворца, огромные толпы на улицах встречали их овациями, аплодисменты были самыми сердечными и напоминали мне об Англии, громадная толпа в несколько тысяч человек собралась перед дворцом (Аничковым. — Д. Г.) и аплодировала всё время с 3 до 8, молодые несколько раз показывались в окнах».

Королева могла быть довольна. В тот же день она дала в Виндзоре парадный обед, на котором стоя выслушала русский гимн «Боже, Царя храни!» и провозгласила тост за новобрачных, своих «дорогих внучат». Среди прочего, её наверняка порадовало замечание о «достоинстве» и «превосходном впечатлении», произведённом Аликс. Первый экзамен внучка явно выдержала. Находящийся в Петербурге лорд-гофмаршал Ч. Каррингтон подтверждал в донесениях: «Она выглядела именно так, как должна, по общему мнению, выглядеть Русская Императрица, идущая к алтарю, и двигалась просто, с большим достоинством. Приветствуя кого-нибудь, она заметно наклоняла голову, и это было отмечено и оценено».

Вот оно, самое главное! Оценено, отмечено, одобрено, принято... Новая жизнь Александры Фёдоровны отныне должна была подчиняться неписаным законам придворного и великосветского мира. От неё постоянно ждали внешних знаков внимания, каждый её жест и каждый взгляд находились под прицелом множества глаз, каждое её слово передавалось из уст в уста с многочисленными комментариями. Она должна была играть свою трудную роль, доставлявшую ей сплошные мучения. На помощь пришла сестра. «Твоя улыбка, слово — и все будут тебя обожать, — наставляла Елизавета. — Улыбайся, улыбайся, пока у тебя губы не заболят, и помни, что все, покидая твой дом, уйдут с приятным впечатлением и не забудут твою улыбку». Великая княгиня в своё время прекрасно выучила этот урок. Она знала, чем живёт окружающий круг людей, чего он жаждет в первую очередь и как жесток, не получая

желанного. Сама вынужденная принять условия игры, Элла быстро освоилась, помогая своим успехом и мужу. Ради той же цели Аликс должна была постараться, и сестра советовала ей воспользоваться поначалу самым заметным даром: «Ты такая красивая, величественная и милая. Тебе так легко понравиться всем. Вспомни добрые улыбки тёти Алисы (принцесса Александра Уэльская. — Д. Г.) и Минни. Пусть твою улыбку тоже все знают. Весь мир говорит о твоей красоте, о твоём уме, а сейчас пусть они заговорят о твоём сердце, которое так нужно России и которое так легко угадать в твоих глазах».

Однако искренняя и цельная натура Александры противилась всему показному, лицемерному, фальшивому. Чувства она признавала только истинные и никогда не могла ими играть. На неизбежное в итоге светское одиночество обрекут её и глубокое христианское благочестие, и подлинное смирение, и безмерная любовь к мужу, и забота о собственных детях, и сострадание к простому народу, проявлявшееся без лишнего блеска. Интриги, ложь и коварство постепенно обступят её со всех сторон, но она всегда будет оставаться сама собою — чистая и величественная в вере, в любви и в страдании.

Окружив попавшую в незнакомую обстановку сестру своими заботами, Елизавета Фёдоровна взялась за обустройство в Зимнем дворце новых апартаментов для новобрачных. Ещё до их свадьбы она консультировала Ники по вопросам приобретения мебели и выбора стиля комнат. Особенно рекомендовала английскую обстановку, считая, что для Аликс она будет привычнее и уютнее. Штрих за штрихом, деталь за деталью Элла на протяжении года трудилась над дизайном «семейного гнездышка» сестры и племянника. «Библиотека почти закончена и действительно прелестна, — делилась она впечатлениями с мужем. — Такое утешение — до сих пор меня ничего не разочаровывало кроме ампирной комнаты, которую ещё легко можно переделать; они хотели всю её отделать зеленовато-белым с золотым орнаментом, а не ярко-белым блестящим, как у нас потолок и мебель... Чего я хотела, и как вижу, добилась: если открыть все двери, комнаты сливаются, переходят одна в другую и идеально гармонируют». В итоге кабинет Николая II выглядел классическим, будуар Александры Фёдоровны отражал готические мотивы, а её кабинет — стиль Людовика XVI. В нём, как и в петербургском доме Эллы и Сергея, поместили портреты родителей хозяйки, Людвиг и Алисы.

В Москве, в доме генерал-губернатора, также появилась художественная обнова. Побывав в гостях у Виктора Васнецова, Сергей Александрович увидел в мастерской живописца картину, сразу поразившую

его воображение. Полотно называлось «Сирин и Алконост, Песнь радости и печали». На фоне тревожного пейзажа на ветвях деревьев сидели сказочные крылатые существа с прекрасными женскими лицами. Одна из птиц лучезарно улыбалась, по щеке другой катилась слеза.

Эта работа привлечёт внимание многих. Вдохновлённый картиной девятнадцатилетний Александр Блок выразит впечатление зрителя в стихах:

Густых кудрей откинув волны,
Закинув голову назад,
Бросает Сирин счастья полный,
Блаженств нездешних полный взгляд.
И, затаив в груди дыханье,
Перистый стан лучам открыв,
Вдыхает всё благоуханье,
Весны невидимый прилив...
И нега мощного усилья
Слезой туманит блеск очей...
Вот, вот, сейчас распустит крылья
И улетит в снопах лучей!
Другая — вся печалью мощной
Истощена, изнурена...
Тоской вседневной и всенощной
Вся грудь высокая полна...
Напев звучит глубоким стоном,
В груди рыданье залегло,
И над её ветвистым троном
Нависло чёрное крыло...
Вдали — багровые зарницы,
Небес померкла бирюза...
И с окровавленной ресницы
Катится тяжкая слеза...

Великий князь долго смотрел на полотно и, наконец, выразил желание приобрести «Сирину и Алконоста» для личного собрания. Райские птицы явно затронули какие-то потаённые струны его души. 18 января 1896 года

картина была доставлена в генерал-губернаторский кабинет, и тем же вечером Сергей Александрович позвал жену полюбоваться шедевром. Что же ощутили они, что увидели в соседстве двух противоположных образов, создающих столь разительный контраст? Возможно, аллегория собственной жизни, а возможно, и тревогу перед наступающим веком, явно переданную художником. Веком таинственным, грозным, сулящим трагические перемены...

Новая эпоха открывалась коронацией — историческим национальным событием, олицетворяющим через соединение Церкви, Монарха и народа преемственность, законность и сакральность Царской власти, историческую память и национальное сознание русских людей. Усиленная подготовка к празднику началась после подписания Николаем II в первый день 1896 года специального Манифеста, определявшего временем коронации ближайший май. На Сергея Александровича свалилась масса новых забот. Москву реконструировали, подновляли, украшали. Многие вопросы приходилось согласовывать с Коронационной комиссией, Министерством-Императорского Двора и целым рядом других учреждений. Голова шла кругом. «Здесь в городе всё вверх дном из-за подготовки... — писала царю Елизавета Фёдоровна, — Серж с утра до вечера не разгибаясь занимается делами». Ничего нового не выдумывали — протокол всех торжеств полностью повторял церемониал коронации Александра III с небольшими поправками.

В апреле в Москву из Петербурга доставили Императорские регалии. Стали съезжаться высочайшие гости, которых почти ежедневно встречал Сергей Александрович — одна королева, три великих герцога, двенадцать наследных принцев, два владетельных князя, шестнадцать принцев и принцесс. Накануне приезда Царской четы праздничное настроение москвичей возросло до предела. Многие тогда не ложились спать, как будто в ожидании Светлого воскресенья.

Наконец 6 мая, в день своего рождения, император прибыл в Первопрестольную, встреченный и сопровождаемый в Петровский дворец Августейшим генерал-губернатором. Отсюда через три дня состоялся торжественный въезд в Кремль. Яркое майское солнце приветствовало пышную процессию, представлявшую цвет России: Великих князей, министров, лиц императорской свиты, генералов. Здесь же — прославленные войсковые части, депутаты многочисленных народов Империи. Государь восседал на белой лошади, кованной по традиции серебряными подковами, за ним следовали старинные золочёные кареты обеих императриц.

Под нескончаемое «ура» многих тысяч людей и 71 пушечный выстрел процессия двигалась по украшенным флагами и цветами улицам. Стараниями лучших художников на них выросли триумфальные арки, столпы и праздничные павильоны в виде то античной колоннады, то русского терема, а то и гигантской шапки Мономаха! Возле Иверской часовни царь спешил, чтобы приложиться к чудотворной иконе. Вторично он оставил седло возле Спасских ворот, перекрестившись, вступил в Кремль. Посетив три главных собора, император и императрица поднялись на Красное крыльцо, откуда по старинному обычаю в пояс поклонились собравшимся на площади.

Следующие дни Царская чета говела перед причастием, а участники церемонии повторяли свои роли. Сергею Александровичу досталась почётная обязанность ассистента императрицы Александры Фёдоровны, во время священного обряда он должен был постоянно находиться близ Государыни, помогая ей справиться со сложностями ритуала. Елизавета Фёдоровна тем временем согласовывала последние детали запланированного бала, дававшегося от имени генерал-губернатора. Число приглашённых вдвое превысило вместимость дворца, так что пришлось позаботиться о размещении части публики во внутреннем дворе.

14 мая торжества начались. Под праздничный благовест процессия вошла в Успенский собор. Стоя с правой стороны от царского помоста, Елизавета Фёдоровна могла видеть и слышать весь ход венчания: молитву Государя перед Владимирской иконой Богоматери, обряд рукоположения, возложение корон и вручение регалий, причащение и миропомазание из Августовой чаши. Ни с чем подобным Елизавета прежде не сталкивалась — размах действия потрясал, а его сакральное значение заставляло трепетать. С восторгом и одновременно со страхом взирала она на свою дорогую Аликс — что же та сейчас испытывает, что переживает, становясь императрицей самой могущественной страны? «Служба меня совсем не утомила, — признается Александра Фёдоровна другой сестре, Виктории, — скорее вдохновила сознанием того, что я вступаю в мистический брак с Россией».

В завершение коронации царь и царица под роскошным балдахином обошли со свитой Кремлёвские соборы, поклонились гробницам предков и вновь, поднявшись на Красное крыльцо, ответили на народные приветствия троекратным поклоном. Вечером Москва засияла праздничной иллюминацией, превратившей Кремль в сказочный город. Первопрестольная ликовала, начались балы и приёмы. По традиции, идущей с венчания царя Фёдора Иоанновича, в такой праздник было

принято устраивать народные гулянья. Во время коронации Александра III они прошли на Ходынском поле и сопровождались раздачей подарков и угощений. Такое же мероприятие готовилось и на сей раз, а его организация поручалась Министерству Императорского Двора. К назначенному дню, 18 мая, построили павильоны, завезли сувениры и гостинцы. Намечался приезд Государя.

То, что случилось на рассвете того злосчастливого дня, вошло в историю как ходынская катастрофа, или попросту «ходынка». Понятие станет расхожим, нарицательным, применяемым к месту и не к месту. Но нередко, превращаемое в мрачное клеймо, оно будет служить злобствующей части критиков и недобросовестных исследователей «неоспоримым» доводом в очернении Николая II и Великого князя Сергея Александровича. Имя последнего в наибольшей степени свяжут с трагедией, к которой он не имел и не мог иметь никакого отношения. Что и как произошло на поле за Тверской заставой, отошло для «прогрессивной общественности» на второй план, уступив место поиску виновных, причём результаты официального расследования ею сразу безоговорочно отвергались. Масла в огонь подлили представители высшего света, включая некоторых членов Династии, припомнивших старые счёты и попытавшихся использовать народную трагедию в своих интересах. Так постепенно правду о «ходынке» подменили растиражированные штампы, а в кровь несчастных жертв целое столетие бессовестно обмакивали перья, чтобы настроичить очередное обвинение режиму или нарисовать новый неприглядный портрет русской Монархии и её представителей.

Честный, подробный анализ происшедшего, даст Бог, ещё увидит свет. Мы отметим лишь главное: в то страшное утро на пустыре — плацу, использовавшемся для смотра войск, а теперь спешно переустроенном и заставленном буфетами, — собралось до полумиллиона человек. Многие здесь и ночевали в надежде первыми попасть к прилавкам из-за якобы малочисленности подарков. Далеко не все были трезвы. К рассвету с приходом из окрестных деревень новых многочисленных групп людская масса пришла в движение, обстановка накалилась. Кто-то пустил слух о начавшейся раздаче «налево», возникла давка. Каждый, кто хоть раз оказывался в волнующейся толпе (даже при посадке в общественный транспорт), знает, во что превращаются при этом люди. Возведите ситуацию в соответствующую степень, и вы поймёте весь ужас творившегося и всю тщетность попыток остановить это безумие. Две сотни полицейских сразу оказались смятыми, но будь их даже впятеро больше, результат оказался бы тем же. Люди гибли стоя, сдавленные окружающими,

падали целыми рядами, тут же затапываясь. Были и те, кто, придя лишь ради дармового угощения, рвался к ёмкостям с горячительными напитками, пытаясь зачерпнуть из них пригоршнями или картузом, опрокидывая бочки и захлёбываясь. Кошмар длился не более часа, пока подоспевшая полиция не рассеяла толпу.

К семи часам всё было кончено. Число погибших составило 1282 человека, раненые исчислялись сотнями. В восемь часов о случившемся доложили генерал-губернатору, ещё через полтора часа — императору. Масштаб трагедии раскрывался постепенно. В полдень Николай II поехал на Ходынское поле, встреченный там радостными приветствиями семитысячной толпы. Уже ничто не напоминало утренний кошмар, но по дороге царь встретил подводы с телами погибших и, выйдя из кареты, пытался узнать подробности. В тот же день Великий князь Сергей Александрович записал в дневнике: «Утром ко мне Воронцов (министр Императорского Двора. — Д. Г.) с известием, что на Ходынке... много подавленных. Я послал тогда Гадона (адъютант Сергея Александровича. — Д. Г.) узнать, а сам должен был поехать к Ники — тут же Власовский (обер-полицмейстер. — Д. Г.) подтвердил то же, но порядок водворён быстро — Ники сам его расспрашивал. В 2 ч. Цари были в павильоне... (на Ходынском поле. — Д. Г.). Я в отчаянии от всего случившегося. Около тысячи убитых и 4000 раненых. Увы! Всё падёт на одну полицию, когда распоряжалась там исключительно коронационная комиссия с Бером».

Как видим, его первое чувство — потрясение, второе — предвидение грядущих козней. Подтверждение не заставило себя ждать: «19, воскресенье. Вчерашнюю катастрофу раздувают, возможно, и враги и друзья. Ники спокоен и удивительно рассудителен. Обедня в Кремле и семейный завтрак у Царей. В 12 ч. жена и я сопровождали Царям в Екатерининскую больницу, где лежат 160 раненых, — обходили — говорили. Больно и обидно, что всё это бросает тень на это хорошее время... Устал нравственно и физически, но бодрюсь». Царская семья присутствовала на панихиде по жертвам трагедии. Государь распорядился выдать семье каждого погибшего по тысяче рублей (большие для того времени деньги) и похоронить несчастных за его счёт.

Тем временем вокруг катастрофы начала разворачиваться недостойная интрига: кто-то пытался свалить всю вину на генерал-губернатора, кто-то — на министра Двора И. И. Воронцова-Дашкова. Зная, что вдовствующая императрица Мария Фёдоровна глубоко уважает последнего, некоторые скандалисты, включая Великого князя Александра Михайловича, поспешили к ней за поддержкой в нападках на Сергея, но встретили

решительный отпор и возмущение таким поведением. Сыну Георгию Мария Фёдоровна напишет: «Теперь только и говорят об этом (случившемся на поле. — Д. Г.) в мало симпатичной манере, сожалея о несчастных погибших и раненых. Только критика, которая так легка после! Я была очень расстроена, увидев всех этих несчастных раненых, наполовину раздавленных, в госпитале... Они были такими трогательными, не обвиняя никого, кроме себя самих. Они говорили, что виноваты сами, и очень сожалеют, что расстроили этим Царя! Они как всегда были возвышенными, и можно более чем гордиться от сознания, что ты принадлежишь к такому великому и прекрасному народу. Другие классы должны бы были с них брать пример, а не пожирать друг друга, и главным образом своей жестокостью возбуждать умы до такого состояния, которого я ещё никогда не видела за 30 лет моего пребывания в России. Это ужасно, и семья Михайловичей везде сеет раздор с насилием и злобой, совершенно неприличными».

Вместе с императором, двумя императрицами и своим супругом Елизавета Фёдоровна посещала больницы, утешая пострадавших. Что творилось в её душе, как и в душе Сергея Александровича (бледного, «как полотно», по словам Джунковского), мы не знаем. Они никогда не проявляли на людях свои чувства и уж тем более не разыгрывали ожидаемых публикой сцен. Непоправимую беду приняли с христианским смирением перед Божией волей, приняли как новое испытание. Конечно, переживали, страдали и ещё долго делали, что могли. В частности, проявив внимание к судьбам детей, лишившихся на «ходынке» родителей, организовали под попечительством Елизаветы Фёдоровны особый приют.

Наконец торжества закончились. Императорская Фамилия переехала к Сергею и Елизавете в Ильинское, чтобы отдохнуть после всех церемоний. Усталость усугублялась неослабевающей жарой, стоящей все последние дни, — только 19-го над Москвой прошла гроза. Гости пили кофе в тени деревьев, Государь и Государыня впервые в России вместе катались верхом, мужчины купались, ловили рыбу, устраивали лодочные прогулки. Елизавета Фёдоровна с другими дамами оформляла в виде акварелей меню для обеда — названия блюд помещались среди садовых и полевых цветов. Все с удовольствием навещали Юсуповых в соседнем Архангельском, где разместились часть гостей, осматривали художественное собрание. После коротких тёплых дождей сады наполнились благоуханием, яркие краски живых пейзажей очаровывали. Сергей Александрович верно угадал, что сейчас необходимо самодержцу: в Ильинском царила простая семейная обстановка, никакого церемониала, никакого этикета. Государь постепенно

приходил в себя, восстанавливал силы, вновь казался бодрым и даже счастливым, что было так отрадно для всех собравшихся, а для гостеприимного хозяина являлось ещё и лучшим завершением собственной ответственной миссии в эти исторические дни.

Две недели блаженства пролетели мгновенно. Вернувшись в Петербург, Николай Александрович поспешил сообщить дяде Сергею, что покидал его, едва сдерживая слёзы, а теперь чувствует себя «как потерянный». Да, молодому императору часто будет не хватать общества чуткого, доброго и умного дяди. Его поддержки, его совета он будет ждать перед любым важным делом. А Великий князь, в свою очередь, станет по возможности оказывать племяннику посильную помощь, никогда не забывая при этом о своём подчинённом положении и об ответственности за порученный пост. Понятно, что завистников вокруг Великокняжеской четы становилось отныне больше, что интриги недовольных усиливались, задевая теперь и Елизавету Фёдоровну. Она заметила, как во время коронации окружающие зорко смотрели, поцелует ли она руку младшей сестре. Какая глупость! «Главное, — рассуждала Елизавета, — это иметь чистую совесть перед Богом, а Он может изменить злобу мира, а в этом случае — сеть завистливых интриг».

В конце того же года, поручая Сергею Александровичу специальным рескриптом руководство по созданию в Москве памятника Александру III, Николай II отметит в генерал-губернаторе «безграничную преданность высоким заветам почившего». Выраженное в такой форме доверие подбодрило Сергея и обрадовало Елизавету. «Не могу найти слов, — написала она в ответ, — чтобы выразить, как глубоко мы оба тронуты и как чудно ты обнаружил свою привязанность к Сержу, прислав ему этот трогательный и сердечный рескрипт. Он не мог читать его без слез, каждое слово глубоко проникало в наши сердца, как и всё, что ты написал о своём дорогом отце. Твои слова — драгоценность и утешение, которое смыло все скорби этого года».

К обязанностям Великого князя теперь добавилось и командование Московским военным округом, а Великая княгиня всё больше погружалась в дела благотворительности. По мнению её современника, московского чиновника Министерства внутренних дел А. В. Бельгарда, именно ходынская трагедия подтолкнула Елизавету Фёдоровну к широкой и активной деятельности. Согласиться с этим никак нельзя — мы уже видели её первые шаги на данном поприще и, разумеется, помним о заложенных в неё с детства идеях и принципах милосердия. Просто с началом нового царствования совпало расширение такой работы Елизаветы Фёдоровны,

стали заметнее её усилия и ощутимее результаты. По словам того же Бельгарда, «она начала усиленно ездить по приютам и другим учреждениям и проявила столько доброты и ласки, снисходительности и любви к людям, что не только очень скоро завоевала всеобщие симпатии, но даже повлияла в значительной мере на изменение отношения широких общественных кругов к её супругу».

Труды Елизаветы Фёдоровны украсят собой последние страницы истории Российской империи. Но вот что странно — почти с самого начала им будут сопутствовать какие-то вещи, мистические знаки. После одного благотворительного базара, с успехом прошедшего в марте 1895 года, дамы из оргкомитета, возглавлявшегося Великой княгиней, решили сделать своей руководительнице красивый подарок. Их выбор пал на стяг (полотнище в виде хоругви), вышитый по рисунку В. М. Васнецова и выставленный на базаре за 500 рублей. Сто женщин, участниц мероприятия, внесли по пять рублей каждая, и купленный стяг был торжественно преподнесён Елизавете Фёдоровне. Прекрасная вышивка, над которой трудилась соратница Елизаветы Фёдоровны, фрейлина императрицы Мария Ермолова, выглядела эффектно, но в то же время весьма загадочно. В тревожных тонах и на фоне мрачного пейзажа перед зрителем представала птица с чёрным оперением и женским лицом. Её взгляд был прикован к чему-то ужасному, но завораживающему, к чему-то неизбежному и заставляющему птицу пророчествовать. Через два года В. М. Васнецов повторит тот же образ в картине, названной «Гамаюн, птица вещая». Приобретённая Сергеем Александровичем, она займёт достойное место в великокняжеском доме, побывав ещё и на выставке. Посетители той экспозиции будут в восторге, а увидевший там полотно Александр Блок попытается разгадать пророчество «Гамаюна»:

На гладях бесконечных вод,
Закатом в пурпур облечённых,
Она вещает и поёт,
Не в силах крыл поднять смятенных...
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,

Но вещей правдою звучат
Уста, запёкшиеся кровью!

Вышитый стяг Елизавета Фёдоровна повесила над камином в своём кабинете, восхищаясь красотой произведения и нисколько не страшась зловещей песни. А где-то неподалёку, в другой комнате, живописные «Сирин и Алконост» продолжали вещать о двуединстве бытия, о белом и чёрном, о постоянном соседстве счастья и горя, света и тьмы, надежды и отчаяния.

Часть вторая

«НЕ БОЙСЯ, ТОЛЬКО ВЕРУЙ!»

1. КНЯГИНЯ МИЛОСЕРДИЯ

Лето 1897 года выдалось в Москве небывало жарким, к июлю столбики термометров показывали тридцать градусов в тени. Однако последние месяцы Елизавету Фёдоровну больше волновала погода на юге Европейского континента, причём не только природная, но и политическая.

Ещё в апреле началась греко-турецкая война за остров Крит. Россия выступила нейтральным посредником, а Великий князь Сергей Александрович, как председатель московского управления РОКК, послал на театр военных действий санитарный отряд. Великая княгиня не могла остаться в стороне. Испросив разрешение у Николая II и у вдовствующей императрицы, она отправила на фронт несколько сестёр милосердия и кровати для раненых от Дамского комитета Красного Креста. Примечательно, что помощь должна была оказываться как турецким, так и греческим солдатам. В мае боевые действия завершились, но в их районе вспыхнула эпидемия тифа, и султан попросил русский медицинский персонал задержаться. В июле санитарный отряд наконец вернулся. «Все эти месяцы они трудились, как рабы! — сообщала Елизавета императрице Марии Фёдоровне. — Один из врачей после пяти недель тифа вернулся совсем измождённым; его помощник тоже болел, а теперь старшей сестре пришлось остаться в Константинополе, у неё тиф, есть угроза для жизни. Джунковский и все остальные заразились тропической лихорадкой и вообще смертельно устали. Они сделали всё, что смогли, осыпанные благодарностями от тех, за кем ухаживали».

Для Великой княгини это был первый опыт деятельности такого рода. Спустя годы, когда военные конфликты затронут Россию, начавшись с русско-японского и завершившись мировым, она развернёт свою работу в делах помощи и милосердия в огромных масштабах, но даже когда вражеские орудия не угрожали стране, Российский Красный Крест, по её мнению, не должен был сидеть сложа руки. Ведь нужно готовить квалифицированные кадры, да и проблем в вопросах здравоохранения скопилось немало.

Как председатель Первого Санкт-Петербургского дамского комитета РОКК, Елизавета Фёдоровна ещё в 1895 году ходатайствовала о создании подведомственной РОКК общины сестёр милосердия. «У меня был Дамский комитет, — писала она мужу. — Заседание прошло по-

настоящему успешно, все принимали живое участие и просили позволения называться моим именем». Императрица Мария Фёдоровна, Высочайшая покровительница Российского общества Красного Креста, одобрила инициативу и согласилась дать новой общине название Елизаветинская. Николай II в ознаменование своего священного коронования пожаловал Елизавете Фёдоровне 150 тысяч рублей, которые вместе с пожертвованиями, собранными Комитетом в петербургских храмах, пошли на покупку места для общины. Его в районе Охты подыскал доктор С. С. Боткин, знавший, что в этих местах располагался открытый ещё в 1718 году знаменитый источник минеральной воды.

9 декабря 1896 года в присутствии Великой княгини Елизаветы Фёдоровны в трёхэтажном здании новой общины на Полюстровской набережной (бывшее имение Кушелевых-Безбородко) состоялось освящение амбулатории (получившей имя графини Е. Ф. Тизенгаузен в память об основательнице Дамского комитета) и аптеки. Молебен с водосвятием совершил отец Иоанн Кронштадтский, сказавший вначале назидательное слово. Затем все осмотрели помещения, отведённые десяти сёстрам милосердия, а уже на следующий день амбулатория начала приём посетителей. За работу взялись шесть врачей во главе с профессором Боткиным.

Спустя полтора года Елизавета возглавила Комитет, что дало общине дополнительные средства, очень нужные, поскольку в саду за амбулаторией велось строительство барakov для новой лечебницы. Доходы поступали Комитету от денежных и вещественных пожертвований (за особо крупные выдавались памятные жетоны), от лотерей и благотворительных балов. Дело продвигалось — вслед за хирургическим баракom на 30 кроватей были выстроены мужской и женский терапевтические, куда больные поступали с амбулаторного приёма общины, а также детское отделение на 18 кроватей. Для сестёр, которых требовалось всё больше, возвели четырёхэтажное общежитие. Сёстры дежурили в бараках, обязательно присутствовали на врачебных приёмах, ассистировали хирургам. Боткин утверждал, что в лечебнице «весь строй жизни, весь уклад её находится, в сущности, в руках сестёр, в руках добрых молодых девушек. Сёстры постоянно около больного, они всегда среди больных. Обходительные, заботливые и всегда готовые помочь больному человеку, они окутывают его какой-то мягкой атмосферой ласки, доброй души, нежной души... Как это нужно и как хорошо в деле врачевания, стоит ли об этом говорить?!».

Иногда сестёр посылали в частные дома на дежурства или для перевязок, периодически с ними проводились занятия по анатомии,

физиологии, частной патологии и терапии. По окончании курса им выдавали удостоверения квалифицированных сестёр милосердия. Не забывалась и возможная практика в военно-полевых условиях, пригодившаяся в июле 1900 года, когда по призыву Главного управления Красного Креста шесть сестёр общины направились на Дальний Восток, где Россия принимала участие в подавлении боксёрского восстания в Китае. А затем и во время Русско-японской войны, в которой примут участие сорок сестёр, шесть врачей и тридцать пять санитаров общины, снабжённые всем необходимым.

Но, конечно, их основная работа проходила в петербургской амбулатории и в лечебнице. Последняя, получившая название Мариинской в честь Великой княгини Марии Павловны-старшей (жены Великого князя Владимира Александровича, возглавлявшей Третий дамский комитет), продолжала расширяться. В 1903 году было создано отделение с каменным баракком для гинекологических больных, получившее имя Великой княжны Анастасии Николаевны. Его можно смело считать настоящим прорывом и первым подобным опытом. Трудившийся в нём известный врач Д. А. Парышев позднее отмечал, что Елизаветинская община «идёт далеко впереди других, так как является одною из немногих общин, в которой имеется для обучения сестёр уходу за больной женщиною специальное отделение для гинекологических больных». Через год на деньги, пожертвованные графиней Л. А. Мусиной-Пушкиной, был построен корпус для ещё одной мужской больницы общины.

Иногда просто диву даёшься, откуда у тех девушек-сестёр бралось столько сил. Их трудовой день начинался в восемь часов утра и продолжался до восьми вечера. На отдых выделялся лишь один час, с четырёх до пяти. Постоянно возраставший поток посетителей увеличил рабочее время до семнадцати и даже до девятнадцати часов в сутки, что лишало сестёр всякой передышки. Люди шли и шли. В течение года в амбулаторию обращались до тридцати пяти тысяч человек, из которых двадцать пять тысяч обслуживались бесплатно. Община находилась в рабочем предместье, являясь ближайшим медицинским учреждением для пятидесятитысячного населения, включая жителей окрестных финских деревень, так что нагрузка на ней лежала очень большая.

Стремясь поддержать духовные силы трудившихся в общине и находившихся на её попечении, Великая княгиня организовала на той же территории строительство церкви великомученика и целителя Пантелеймона. За два года по проекту архитектора Н. Ф. Пащенко был возведён храм в русском стиле, но с убранством, напоминающим

итальянскую базилику, и с иконостасом из искусственного мрамора. Половину средств на строительство собрал Комитет общины. 14 июня 1901 года в присутствии Елизаветы Фёдоровны и пятидесяти сестёр церковь, вмещавшая более тысячи прихожан, была торжественно освящена митрополитом Антонием.

В ряде вопросов Елизаветинской общине подчинялся работавший под председательством Великой княгини Московский Иверский комитет. Он относился к учреждениям РОКК, в состав которых вошла и одноимённая община сестёр милосердия, учреждённая при Московском дамском комитете общества в декабре 1894 года. Получившая своё название в честь столь любимого москвичами Богородичного образа, Иверская община состояла под покровительством Сергея Александровича и Елизаветы Фёдоровны. «Радуюсь открытию нового учреждения на пользу страждущего человечества, — телеграфировал Великий князь в ответ на такое предложение, — и с удовольствием Великая княгиня и я принимаем звание попечителей Иверской общины».

Созданное по идее председательницы Дамского комитета Агафоклии Александровны Констанды, это заведение не было ни первым, ни единственным среди подобных учреждений в Москве. Но необходимость в увеличении их числа являлась очевидной, да и организационный опыт попечительницы общины, Елизаветы Павловны Ивановой-Луцевичиной, мог принести немало пользы. Имена же Великокняжеской четы сразу привлекли к общине большое внимание, что позволяло надеяться на приток пожертвований и привлечение квалифицированных кадров. Такая практика давно сложилась во всей благотворительной деятельности, включая и медицинскую сферу. Среди почётных членов почти всех московских общин сестёр милосердия значились великие князья и великие княгини, сразу несколькими покровительствовала императрица, а Александровской («Утоли моя печали») император Николай II. Когда же в 1916 году группа энтузиастов попытается создать ещё одну, святого Пантелеймона, отклонивший проект Красный Крест укажет, в частности, на отсутствие среди намеченных руководителей «лиц, широко известных в Москве». Нет высокого или знаменитого покровителя — нет серьёзных возможностей.

Почётное покровительство со стороны Елизаветы Фёдоровны никогда не было формальностью, и случай с Иверской общиной не исключение. Считая её «своей», Великая княгиня сразу же задействовала сестёр в греко-турецкой войне, направив их на фронт с отрядом врачей и санитаров. Там, в районе боевых действий, в условиях тропической жары и вспыхнувшей эпидемии тифа, они трудились почти круглосуточно, ассистируя хирургам

и перевязывая раненых. Это за них так волновалась Елизавета Фёдоровна летом 1897 года, это о их самоотверженном труде она поведала вдовствующей императрице, прося Марию Фёдоровну так же поблагодарить девушек. Через три года Иверские сёстры милосердия вновь оказались в военно-полевых условиях в связи с подавлением восстания на территории Китая. Их лазарет разместился в Благовещенске, куда поступали многочисленные раненые, причём одновременно санитарный отряд, снискавший большую популярность, вёл и амбулаторный приём местного населения. Справившись с задачей, лазарет переместился в переполненный ранеными и больными солдатами Хабаровск, посвятив военной миссии в общей сложности полгода.

Общине в Москве принадлежал дом на Малой Якиманке. При ней работали аптека, хирургическая и терапевтическая клиника (с лучшими врачами города), а также вёлся амбулаторный приём. Бесплатная амбулаторная помощь в Москве была весьма распространена, к началу XX века число таких заведений достигло двадцати одного (из них четыре — при общинах сестёр милосердия). Сложнее дело обстояло с бесплатным лечением в стационаре, здесь требовались серьёзные денежные средства, которые шли в основном в городские больницы. К 1900 году эти клиники совокупно могли обеспечить бесплатными местами 1800 человек, но общинам сестёр милосердия подобная практика была не под силу. Иверская община оказалась исключением, выделив для пациентов четыре бесплатные кровати. За всеми без исключения больными был налажен квалифицированный уход, отличавшийся ещё и чутким отношением.

Сёстрам выдавалось жалованье от двух до пяти рублей в месяц, они могли пользоваться общим столом, получали бесплатную одежду и необходимые вещи. Многих привлекала возможность приобрести таким путём медицинское образование вместе с практическими навыками. Так в общине оказалась Мария Александровна Цветаева (урождённая Мейн), вторая жена профессора Ивана Цветаева и мать поэтессы Марины Цветаевой. Её младшая дочь Анастасия напишет в воспоминаниях: «И были мирные часы сидения возле мамы, читавшей томики немецких стихов или разбиравшей лекарства, взвешивавшей их на крошечных весах с роговыми чашечками (мама страстно интересовалась медициной, работала сестрой милосердия в Иверской общине). Пустые пузырьки (из-под лекарств) с заострённым носиком сбоку, чтобы капать, круглые и овальные коробочки с узором цветочков, аккуратные и изящные веера рецептов, гофрированные зонтики бумажных колпачков пузырьков, от которых пахло таинственно, нежно, и хотелось сохранить их навеки».

Следующим шагом Елизаветы Фёдоровны на пути милосердия стало создание в феврале 1899 года Дамского благотворительного общества попечения о приёмных покоях при полицейских домах Москвы. В задачи организации входила забота об облегчении участи попавших в эти покои больных и о правильной организации оказания первой медицинской помощи (включая доставку в больницу) в тех случаях, когда требовалось участие полиции. В сферу внимания общества попали также заблудившиеся или нуждающиеся в защите дети, старики или душевнобольные, оказавшиеся в полиции и ожидающие своей дальнейшей участи. Кроме того, благотворители обустроивали приёмные покои и арестантские помещения, следили за размещением больных соответственно их полу, званию и возрасту, проверяли качество их питания, обеспечивали нуждающихся бельём и одеждой, пеклись о скорейшем решении их вопроса, старались нравственно поддерживать страдающих.

Члены общества платили ежегодные взносы, принимали пожертвования и устраивали благотворительные мероприятия. Покровительство же Великой княгини способствовало уважительному отношению к организации со стороны властей. Однако Елизавета Фёдоровна принимала в работе общества и личное активное участие. Она знакомилась со всеми возникавшими по ходу деятельности проблемами, стараясь найти их решение. Как добиться новых финансовых поступлений и не объявить ли новый кружечный сбор? Не преобразовать ли Центральный приёмный покой, куда уже приглашён врач-психиатр, в специализированный для душевнобольных? Не приобрести ли обществу собственный экипаж для перевозки больных, чтобы не пересаживать их из кареты в карету, причиняя неудобства? Почему бы не создать при покоях библиотеку для больных и не снабдить персонал медицинской литературой? Все указанные вопросы будут благополучно претворены в жизнь.

Одновременно (с 1895 года) Великая княгиня занималась важной проблемой реабилитации бывших заключённых, возглавляя Дамский благотворительно-тюремный комитет. Это было давнее и традиционное направление в российской благотворительности. Ещё с двадцатых годов XIX века в обеих столицах существовали Попечительные о тюрьмах общества, находившиеся под покровительством императора и императрицы. В середине девяностых они были реорганизованы в благотворительно-тюремные комитеты (мужские и дамские), взявшие на себя заботы о вышедших на свободу осуждённых.

Московский дамский комитет содействовал женщинам, высылаемым

после освобождения из тюрем Москвы, а также опекал детей, чьи матери отбывали наказание. Организация создала приют и швейные мастерские для освобождённых из-под стражи женщин, где они получали жалованье и могли обеспечить одеждой себя и своих детей, а позднее открыло школу тюремных надзирательниц для воспитания большей гуманности к арестанткам. Выразившим добровольное желание Комитет оказывал юридическую помощь, устраивал подопечных на работу, в больницы, приюты, убежища, дома трудолюбия. Елизавета Фёдоровна помнила о том впечатлении, что оставило совместное с мужем посещение Пересыльной тюрьмы, помнила, как Сергей Александрович здоровался с каторжниками, как расстроился, увидев там бывшего моряка-гвардейца. Теперь важно было удержать оступившихся людей от рецидива, помочь им выйти на правильный жизненный путь, показать, что от них вовсе не отвернулись, как от потерянных элементов. Направленную на это деятельность Комитет отмечал знаком в виде синего эмалевого креста, в который был вставлен металлический круг с надписью: «Человеколюбием исправлять».

Делам человеколюбия Елизавета Фёдоровна уделил немало времени и сил. С первых же лет своего пребывания в Москве она активно включилась в благотворительность, постепенно расширяя и совершенствуя эту деятельность. В её письмах бабушке периодически звучат упоминания: «Здесь много дел и много людей, которых надо принять... Есть люди, которые приходят просто представиться, но есть и много членов благотворительных организаций, которые желают, чтобы я им помогала»; «Я очень занята. Целое утро занимает приём людей и различные более важные дела, касающиеся благотворительных учреждений... Мы все рисуем и выжигаем для базара, который я собираюсь устроить постом». За короткими фразами — большая работа, определявшаяся массой проблем, которых немало скопилось в Первопрестольной.

Одна из них — незаконнорождённые дети и подкидыши. Знаменитый Воспитательный дом, переполненный отпрысками беднейших семей, давно перестал справляться с вопросом. Требовалась срочная помощь, и она пришла. В первый же год своего генерал-губернаторства Сергей Александрович приехал вместе с женой в этот крупнейший московский приют и внимательно ознакомился с положением дел. Впечатление было тяжёлым. Особенно у Елизаветы, да и Сергей с щемящим сердцем мучился от вопроса: зачем рождаются эти несчастные? «Мы долго ходили повсюду, — напишет он Павлу, — при нас приняли, взвесили, обмыли и дали кормилице 2-х дневного мальчика — такой миленький, с большими чёрными глазами и длинными такими же волосами — так хотелось его

взять». Столь знакомое нам в Сергее нежное родительское чувство пришлось в тот раз, конечно, подавить. Однако всё увиденное супругами в Воспитательном доме и прошедшее через их души подвигнет обоих к решительному исправлению ситуации.

За дело при поддержке почётного опекуна Б. Нейдгардта взялась Великая княгиня. «Я виделась с Нейдгардтом, — информировала она императрицу Марию Фёдоровну, — по поводу того дела, о котором говорила тебе в Петергофе, и ты одобрила. Ужасно, что бедные малютки, которых теперь не имеют права усыновлять, продолжают выбрасывать на улицу, а матерям нечем их кормить. П(ротасов) Бахметев пришлёт тебе устав, будь добра, напрямую передай его Саше (императору Александру III. — Д. Г.) на резолюцию, чтобы быстро *mettre tout en train* (всё запустить. — фр.), я была бы тебе так благодарна».

Поскольку Императорская чета была в курсе проблемы, Государь быстро утвердил Устав Елизаветинского общества по оказанию помощи детям неимущих родителей. Его открытие состоялось в доме генерал-губернатора 18 апреля 1892 года, и уже через неделю в Столешниковом переулке заработали первые ясли для грудных младенцев. Дальше — больше. По благословению митрополита Леонтия Елизавета Фёдоровна разделила город на 11 благочиний, в которых образовалось более двухсот Елизаветинских комитетов, а ещё 14 таковых возникло на территории Московской губернии. Новым организациям поручалось создавать приюты, ясли, выплачивать пособия матерям-вдовам. Когда будет подводиться итог деятельности Общества за 25 лет, выяснится, что оно приняло участие в судьбе более девяти тысяч детей! Крошечный след былого можно увидеть в Москве и сегодня — здания по адресам Успенский переулок, 3 (строения 4 и 5) и Архангельский переулок, 17, не что иное, как бывшие Елизаветинские приюты.

Помимо приютов и яслей появились Елизаветинские очаги (для детей «интеллигентных тружеников и тружениц»), Елизаветинские временные убежища (для помещения на срок не более трёх месяцев детей, чьи родители были в отъезде, заболели или потеряли заработок) и Елизаветинские вакансии (большинство при монастырях). Все эти учреждения были тщательно организованы, располагаясь в просторных и отапливаемых помещениях и обслуживаясь добрым отзывчивым персоналом. Дети обеспечивались ежедневным четырёхразовым питанием, занимались пением, рисованием, лепкой, физическими упражнениями. В тёплое время они подолгу находились на свежем воздухе, некоторых на лето вывозили за город. И при каждом заведении обязательно работал врач,

снабжённый всеми необходимыми медикаментами.

Приняв под своё покровительство ещё одно учреждение, Общество попечения о неимущих и нуждающихся детях, Великая княгиня вдохнула в него новую жизнь. Задача давно существовавшей организации состояла в обучении детей профессиям, но теперь она дополнилась и защитой малолетних от жестокого обращения на производстве. Боль и несчастье другого человека Елизавета Фёдоровна всегда была готова понять, как собственные. Боль ребёнка рождала в ней стремление прийти на помощь, спасти слабое и беззащитное создание, уберечь его от страданий. Ни она, ни её супруг не искали на данном поприще чьей-либо благодарности. Для них это было естественным, само собой разумеющимся делом, хотя Москва и оценила такие труды весьма высоко. Но простые искренние чувства самих детей не могли их не тронуть. Однажды при посещении патронируемого приюта Великий князь получил от воспитанников стихотворное приветствие, несколько незамысловатых строф, растрогавших его и Елизавету Фёдоровну. Великокняжеская семья бережно сохранит у себя листочек с этим стихотворением.

В июле 1894 года под покровительство Великой княгини перешла женская гимназия при Доме воспитания сирот убитых воинов, получившая название Елизаветинской. Дом и гимназия появились в связи с жертвами Русско-турецкой войны 1877—1878 годов, относясь к Императорскому человеколюбивому обществу и к Обществу поощрения трудолюбия в Москве. В новых условиях, когда в эти учреждения поступали ученицы, уже никак не связанные с событиями той войны, главной задачей стала благотворительная направленность. Гимназия была в основном платной, но учредители и попечители старались увеличить число бесплатных мест, заодно выискивая средства на стипендии для бедных учениц и сирот.

Деньги вообще требовались постоянно. Многочисленные приюты, очаги, убежища, приёмные покои, учебные заведения, комитеты и общины нуждались в персонале, новых зданиях, оборудовании и в храмах. Конечно, поступали пожертвования от благодетелей (сама Великая княгиня только на Елизаветинскую гимназию одновременно пожертвовала пять тысяч рублей), проводились благотворительные концерты и лотереи. Среди многочисленных жертвователей можно найти имена московских дворян, купцов, интеллигентов. Что и говорить, традиции благотворительности в России и тем более в Москве были сильны испокон веков. Любая беда неизменно воскрешала дух соборности, сопричастности, рождая стремление справиться с ней «всем миром». Но здесь оказалось, что успеху Елизаветы Фёдоровны во многом содействует и какая-то необъяснимая

притягательность. «Её личность, — вспоминала графиня А. А. Олсуфьева, — была столь вдохновенной, что даже очень холодные люди загорались от контакта с её пылкой душой и посвящали себя делу благотворения».

Самым же популярным способом привлечения средств оказались благотворительные базары, регулярно проводившиеся супругой московского генерал-губернатора. Они привлекали своей яркостью, праздничностью и возможностью соучастия в делах высочайших особ. «Наберусь нескромности, — писала Елизавета вдовствующей императрице в феврале 1903 года, — и попрошу у тебя прислать мне подарочки или деньги на сувениры для моего базара. Он будет 28-го; каждые четыре года я устраиваю это большое мероприятие, и ты всякий раз любезно жертвовала что-нибудь».

Тот последний в её жизни базар вышел «на славу». Среди вещей, лично пожертвованных Великой княгиней, выделялся ларчик для женских перчаток, выполненный из сибирских камней, а Великий князь помимо четырёх ваз в помпейском стиле предложил серебряную трость и фарфоровое блюдо с рисунками. Оба они выступили и как покупатели, поощряя других дарителей, после чего сами встали за прилавки. «У Великой княгини Елизаветы Фёдоровны, — вспоминала графиня В. В. Клейнмихель, — был свой громадный стол, весь сплошь заставленный вещами её собственного производства. В запасе хранились вещи, которые она привозила из-за границы, пожертвованные её сёстрами и другими родственниками. Все вещи были красивы и практичны. Стол стоял во всю длину стены, и за столом находились два стула — для неё и её помощницы. На некотором расстоянии от её стола стоял большой садовый стол с открытым над ним зонтиком. На этом столе были разложены красивые мужские и дамские зонтики, которыми бойко торговал сам Великий князь. Он весьма быстро распродал свои товары, так как привозимые им зонтики из Вены и Лондона были очень высокого качества и красивы. На этот базар пускали поголовно всех, до крестьян включительно. Толпа так наседала на стол Великой княгини Елизаветы Фёдоровны, что иногда прижимала её к стене. Иногда этот стол не без труда надо было отодвигать. Я предложила двум-трём девушкам стать впереди стола, чтобы сдерживать людские волны. Так как мы были очень рослые и крепкие, то нам это удавалось, но зато к вечеру наши бока и спины были похожи на битки. Базар обычно длился три дня, но, конечно, первый день был самым бойким...»

В залах Дворянского собрания разместились причудливые павильоны. Один создавал впечатление ночи, другой напоминал китайскую беседку (в

нём продавали чай), третий, где проходила лотерея, являл собой сталактитовый грот, пасхальные яйца можно было приобрести в киоске, сделанном в виде огромного расписного яйца. От обилия и разнообразия товаров разбегались глаза — галантерея, парфюмерия, художественные вышивки, гравюры, фотографии, рамки, письменные принадлежности. На любой вкус и кошелёк. Цветы, кустарные изделия, абажуры, любительские акварели, картины известных московских художников...

«Нужно сказать, — продолжала Клейнмихель, — что вся торговля за нашим столом велась исключительно Великой княгиней, так как всякий хотел купить лично у неё и заплатить ей деньги. Цены были дешёвые, и почти все добавляли к стоимости покупки, за что Великая княгиня всех благодарила. Мы, помощницы, должны были принимать от неё деньги и передавать их с номеров в кассу, а затем заворачивать купленные вещи и уговаривать публику принять вещи от нас, вместо того, чтобы передавать их снова Великой княгине, что задерживало торговлю и вносило беспорядок. Её терпению не было предела, она всё сама показывала, выискивала подходящие вещи, хотя люди часто сами не знали, что они, в сущности, хотят купить».

*

Постепенно благотворительная деятельность Елизаветы Фёдоровны стала складываться в определённую систему. Со свойственной ей практичностью Великая княгиня сумела упорядочить работу опекаемых организаций, наладить взаимосвязь между схожими по функциям учреждениями, создав их разветвлённую сеть, ввести в их деятельность ценные новшества. Помимо прочего, ей приходилось преодолевать устоявшиеся стереотипы, изживать эгоистические взгляды. В Москве с её традиционным укладом и постоянным «фрондёрством» это было особенно трудно.

С определённой точки зрения Москва — целый мир, настоящий архипелаг со своей собственной географией и особым народом. Её отдельные острова формировались многочисленными местными особенностями с их неповторимыми чертами. Престижные районы центра и мрачноубогие окраины, напоминающие провинциальные городки и даже сёла. Чопорно-аристократические, деловые или торговые улицы и запутанные переулки. Тихое купеческое Замоскворечье, постепенно превращавшееся в промышленный район, нарядные бульвары по соседству

с трущобами, древние монастыри и средневековые башни в окружении театров, магазинов, модных ресторанов. И всё это удивительно соединялось в одном городе, смешивалось, вытекало одно из другого и на глазах меняло облик из-за растущего строительства. Расширялись предместья, тянулись ввысь многоэтажные доходные дома, создавались новые промышленные предприятия и торговые заведения, строились вокзалы. В конце XIX века в Москве проживало более одного миллиона человек (на двести тысяч меньше, чем в лидировавшем Санкт-Петербурге), но темпы роста населения были колоссальные — почти троекратное увеличение за последние тридцать лет. В последующее десятилетие число москвичей, пополняемое в основном миграцией, превысит полтора миллиона, что отразится и на росте социальных проблем.

Вместе с тем Москва всегда оставалась нелогичной, непредсказуемой и совсем непонятной при наблюдении со стороны. Только пропитавшись здешним духом, можно было найти общий язык с этим удивительным местом, только искренне полюбив Москву, следовало рассчитывать на успех в управлении её жизнью и в помощи её нуждам. Именно так, неподдельно и глубоко, любил Первопрестольную Великий князь Сергей, всегда ощущавший в ней русское начало. Именно так полюбила Москву и Великая княгиня Елизавета, постигавшая в ней разные стороны жизни своей новой родины. Обоим приходилось нелегко, поскольку «ворошить» что-либо в Москве было непростым делом. Касалось ли это правил строительства, проблем социальной помощи или просьб общественных организаций, везде задуманному грозили помешать укоренившиеся традиции, неписанные законы, чьи-то претензии, амбиции и капризы. Вдобавок не прекращались, а то и усиливались интриги завистников. Не удержавшись, в одном из писем бабушке Елизавета с горечью прокомментировала ситуацию: «Мы очень счастливы и стараемся исполнять наш долг, и я должна сказать, хотя это и звучит тщеславно, люди здесь любят нас и опять показали свою любовь тем, что принимали нас очень тепло, когда мы вернулись сюда несколько дней назад. А наши враги стараются доказать Ники и Аликс, что нас здесь не любят. Я бы хотела, чтобы они были невидимы для других, а судили бы только сами себя. Да, во всём плохом есть и хорошее. И у нас теперь открылись глаза — те же настоящие искренние друзья, и только немного врагов. Люди будут интриговать и лгать до тех пор, пока существует мир, и мы не первые и не последние, которые были оклеветаны. У нас здесь много дел, и с каждым годом нам это место нравится всё больше и больше».

Пробиваясь через преграды и предубеждения, Великокняжеская чета

смогла добиться в Москве очень многого, а в дела благотворительности принесла новаторские приёмы. Это и творческий подход, и привлечение разных ресурсов, и равнодушное отношение к опекаемым, и большое личное участие, и широкое разнообразие форм и методов. Руководствуясь христианскими принципами любви к ближнему, Сергей Александрович и Елизавета Фёдоровна призывали на тот же путь и других. Они задавали ориентиры, вовлекая в работу большие группы людей, и здесь особенно сказались организаторские способности Великой княгини, сумевшей придать делу небывалый размах. Сложность и противоречивость обстановки лишь усиливали её порывы, а многоплановая уникальность Москвы позволила ей реализовать свой дар благотворения во всей полноте.

Елизавета Фёдоровна всегда откликалась на самые острые нужды москвичей, на самые тяжкие беды. И если помощь в борьбе с угрозой голода или эпидемии носила временный, чрезвычайный характер, то забота о погорельцах стала одним из постоянных вопросов в её деятельности. Пожары приводили к страшным, трагическим последствиям. К гибели людей, к разорению семейств. Обер-полицмейстер А. Власовский в начале 1890-х годов значительно улучшил противопожарное дело в Москве, но от стихии огня не бывает стопроцентной защиты. Особенно страдали пригороды и деревни, где основная застройка оставалась деревянной. «Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елизавета Фёдоровна, — сообщала специально созданная в этой связи структура, — входя в нужды беднейшего населения Москвы и Московской губернии, изволила в 1898 году основать под своим Августейшим председательством Общество помощи погорельцам Москвы и Московской губернии... Почти во всех районах при отзывчивом участии местного населения удалось учредить свои отделы, в организации коих всегда принимали участие выдающиеся лица уезда и пользующиеся в уезде известным положением». Пострадавшим выдавались деньги, одежда, орудия труда, стройматериалы.

Для большинства москвичей, тех, кого судьба оберегала от тяжёлых невзгод, деятельность Елизаветы Фёдоровны долгое время оставалась малоизвестной. Из газет можно было узнать об открытии новых зданий для убежищ и приютов, о закладке и освящении при них храмов, о благотворительных акциях в пользу нуждающихся. Периодически, с целью привлечения новых людей, издавались отчёты о работе Елизаветинских учреждений, но собственная роль их попечительницы и покровительницы, как правило, была в тени. Великая княгиня не стремилась ни к славе, ни к популярности, она не жаждала рукоплесканий и не искала чьего-то одобрения. Её милосердие шло от искренних порывов души, соответствуя

тому, что сказано в Писании: «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди... Чтобы милостыня твоя была в тайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф. 6. 1.2.4). Так поступал и её супруг, так будет поступать и её сестра, императрица Александра. Конечно, в их положении, когда следовало постоянно находиться на виду, это было трудно. Но если имелась хоть малейшая возможность избежать публичности, Елизавета Фёдоровна пользовалась ею с радостью. Однажды, получив приглашение на собрание Красного Креста и понимая, что к её работе оно не имеет прямого отношения, Великая княгиня обратилась к императрице Марии Фёдоровне с вопросом: «Должная поехать или нет?.. Ты же знаешь, я ни при каких обстоятельствах не люблю вылезать вперёд».

Нахождение впереди становилось неизбежным, когда речь шла о массовых мероприятиях с целью получения дополнительных средств. К ним относились уже известные нам благотворительные базары, где присутствие Августейших устроителей являлось ещё и лучшей «рекламой», сюда же следовало отнести и красочные праздники цветов, подаренные москвичам в 1901 году. По форме идея не была новинкой — фестиваль цветов с выездом декорированных экипажей и «битвой букетов» регулярно проходил в Ницце с 1876 года. Однако, перенеся столь феерическое действие в Москву, Великокняжеская чета вложила в него иной смысл — красота на службе милосердия.

Для первого цветочного праздника выбрали День Святой Троицы, когда зеленью и цветами украшаются храмы и жилища. 20 мая 1901 года в четыре часа пополудни на дорожку бегового ипподрома выехала вереница экипажей, причудливо украшенных гирляндами и букетами. Открывала процессию карета, представленная Великим князем Сергеем Александровичем, — вся в ландышах и белых лилиях. За ней в собственном экипаже, украшенном розами, лилиями, незабудками и голубыми лентами, ехала Великая княгиня Елизавета Фёдоровна. Третьим следовал «детский шарабанчик», запряжённый пони и обвитый сиренью. Стоявшая в нём маленькая девочка ловко бросала в публику букеты, и восторженные зрители отвечали ей тем же. Одна за другой проезжали кареты, напоминающие нарядные клумбы, — их упряжь, оглобли и даже спицы колёс сплошь покрывали цветы. Затем началась цветочная «битва», когда все участники праздника принялись осыпать друг друга букетами. Зрелище получилось фантастическим и завершилось награждением

лучших экипажей, заодно подсчётом вырученных средств, предназначенных для благотворительных целей.

Эстетическая составляющая в трудах Елизаветы Фёдоровны проявлялась по-разному, но неизменно присутствовала в них, становясь заметной чертой новой культуры благотворения. Понятно, что в первую очередь это наблюдалось во всём, что принято относить к творчеству. Изобразительное искусство, музыка, театр — они содержали огромный потенциал, скрывая уникальные возможности и мощные силы, способные преобразовать людей. Лучших союзников милосердию нельзя было и придумать. Вот только сами они порой нуждались в защите, поддержке и помощи. Великокняжеская чета оказалась в авангарде и здесь.

Пожалуй, нигде личность Сергея Александровича не проявилась так ярко и многогранно, как в отношении к искусству. Будучи человеком высокой культуры, не лишённый творческих способностей и обладающий тонким вкусом, он с огромным удовольствием погружался в тот мир, где царили гармония, красота и совершенство. Со временем, поняв, сколь огромна преобразовательная сила искусства, Великий князь охотно соединил увлечение со службой и всегда с готовностью откликался на соответствующие запросы общества.

Нередко в генерал-губернаторском доме проводились музыкальные вечера, где помимо любителей могли выступать профессионалы. Среди таковых Великий князь особо выделял талант Леонида Собинова и Фёдора Шаляпина. Первый — сенсационное открытие Москвы. С 1897 года он блистал в Большом театре, поступив туда сразу по окончании музыкального училища. Второй воцарился на той же сцене двумя годами позднее, но его имя уже было известно в обеих столицах, а для москвичей (после громких успехов Ф. И. Шаляпина в частной опере С. И. Мамонтова) стало одной из главных тем в разговорах о театре. Именно их, величайших русских певцов, Сергей Александрович пригласит к себе для выступления перед Императорской четой 22 апреля 1900 года.

Выдающийся тенор Л. В. Собинов вообще очень нравился Великому князю и Великой княгине. Дивный голос, восхитительная игра! Словом, настоящий бриллиант! Немаловажное значение имела и общественная деятельность певца — он состоял действительным членом патронируемого генерал-губернатором актёрского общества, принимал участие в благотворительных вечерах и в итоге снискал в лице Сергея Александровича сильного покровителя. Вскоре это спасло артиста от серьёзных неприятностей. Случилось так, что после очередного ужина в Художественном клубе Собинов разговорился на политические темы.

Посетовал на положение народа, покритиковал деятельность властей. Непременные «доброжелатели» тут же сообщили «куда следует», информация быстро дошла до обер-полицмейстера, а тот доложил её генерал-губернатору. Великий князь растерялся — стоит ли придавать значение одиночному всплеску эмоций? Да и кто не скажет лишнего за бутылкой вина? Впрочем, наказать артиста, конечно, следовало, и Сергей Александрович выбрал для этого моральное средство — Великой княгине Елизавете он временно запретил при встрече с провинившимся всякие разговоры. Быстро поняв свою оплошность, Собинов раскаялся и тем самым восстановил пошатнувшийся авторитет.

Тонко чувствующий красоту во всех её проявлениях, Великий князь понимал как одно из высочайших искусств духовную музыку, неизменно ценя её мастерское исполнение. В частности, ему очень нравился знаменитый московский Синодальный хор, слушать который Сергею Александровичу и Елизавете Фёдоровне доводилось не только на богослужениях. Прославленный коллектив и его руководитель, регент Василий Орлов, будут не раз участвовать в концертах, организуемых генерал-губернатором с благотворительной целью, а в апреле 1900 года им будет оказана высокая честь выступления перед гостившим у Великого князя Государем. После знаменующих наступившую Пасху праздничных песнопений по желанию императора хор исполнит произведение П. И. Чайковского «Был у Христа-младенца сад», одинаково любимое Николаем II и Сергеем Александровичем. Через три года пасхальные дни порадовали грандиозным концертом духовной музыки. Для невиданного по масштабу мероприятия был предоставлен городской манеж, который едва вместил участников и слушателей. Перед Великокняжеской четой, митрополитом Владимиром и многочисленной публикой выступили все духовно-певческие хоры Москвы. В общей сложности, более двух тысяч человек!

Нередко вечерами Сергей Александрович и Елизавета Фёдоровна выезжали в Большой театр, где помимо Леонида Собинова в то время блистали Антонина Нежданова, Лаврентий Донской, а иногда и приезжавший из Петербурга Николай Фигнер. Генерал-губернаторская ложа располагалась возле сцены и соединялась с ней специальным проходом, так что после спектакля Великокняжеская чета могла пригласить к себе дирижёра Ипполита Альтани или кого-то из артистов, чтобы удостоить их своей похвалы.

Трудно сказать, был ли у них любимый оперный спектакль. Судя по всему, им нравились сочинения М. П. Мусоргского, Ж. Бизе, Р. Вагнера, С. В. Рахманинова и особенно П. И. Чайковского. На «Евгения Онегина» они

всегда отправлялись в театр с большим удовольствием, но ещё выше ценили «Пиковую даму». Как только состоялась её петербургская премьера, за две недели побывали на трёх спектаклях и остались в полном восхищении. Что касается Сергея Васильевича Рахманинова, то с ним посчастливилось не только познакомиться, но и сотрудничать. Гениальный композитор и музыкант не раз принимал участие в благотворительных концертах, которые устраивало Московское Филармоническое общество (МФО), находившееся под покровительством Елизаветы Фёдоровны.

Та же организация свела Великую княгиню с двумя театральными режиссёрами, Константином Сергеевичем Станиславским и Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко. Первого давно заметил Великий князь, заинтересовавшийся его новаторскими постановками на сцене Охотничьего клуба. Второй активно работал в состоявшем при МФО Музыкально-драматическом училище и высоко ценился покровительницей общества. «Елизавета Фёдоровна любила театр, — отмечал он, — привязалась к моим школьным спектаклям, конфузливо старалась бывать даже на моих простых классах». Так что не было ничего удивительного в том, что оба режиссёра обратились к семье генерал-губернатора за помощью, когда возникли сложности в их проекте. Задумывался принципиально новый театр, сначала называвшийся «общедоступным», а затем «художественным», однако бюрократические и финансовые барьеры сильно мешали продвижению вперёд. Тогда 11 февраля 1898 года с подачи и в доме Их Высочеств состоялся любительский спектакль, поставленный Станиславским и окончательно выпущенный (из-за болезни напарника) Немировичем-Данченко. При участии великокняжеского окружения и нескольких профессионалов решили сыграть сцены из пушкинского «Евгения Онегина», комедию А. Доде «Лилия», две картины из оперы А. Симона «Песнь торжествующей любви» и первый акт пьесы Э. Ростана «Романтики». Все части дивертисмента объединял романтический дух, усиленный множеством женских ролей и красотой костюмов, которые утверждала Елизавета Фёдоровна.

Спектакль готовился серьёзно, и Станиславского встречали очень тепло. Работа начиналась рано, так что Великая княгиня уже в четыре часа утра сама заботилась о завтраке для участников, поскольку прислуга в такое время отсутствовала. Режиссёра это весьма тронуло, а наличие среди друзей генерал-губернатора и его жены подлинных талантов приятно удивило. Зинаиде Юсуповой он даже на полном серьёзе предложил подумать об артистической карьере. Кроме неё свои роли достались князьям В. Голицыну и П. Волконскому, секретарю Елизаветы Фёдоровны

камергеру Н. Жедринскому, фрейлине Великой княгини Е. Козляниновой, камергеру А. Корнилову, жене обер-полицмейстера С. Треповой. К ним присоединились воспитанники Музыкально-драматического училища, оркестранты во главе с дирижёром Большого театра И. Альтани и адъютант Великого князя А. Стахович, разучивший баритональную оперную партию Муция в «Песне торжествующей любви». Для роли его слуги, немого малайца, пригласили артиста Большого театра В. Гельцера, выдающегося характерного танцовщика и мимического актёра. Сцена с его участием должна была стать «гвоздём» вечера, поскольку на недавней премьере оперы она, специально написанная для Гельцера, потрясла публику, сделавшись темой обсуждения московских театралов. Словом, представление обещало быть ярким, зрелищным, незабываемым. Таким оно в итоге и получилось, заменив гостям Сергея Александровича традиционный светский раут и став своеобразной сенсацией. «Американцы говорят, — напишет Немирович-Данченко, — “Трудно сказать, где и когда что начинается и откуда придёт развязка”. Спектакль вышел очень удачным и оказался первой зарницей нашего театра».

Цель была достигнута — узнав о столь высоком внимании к режиссёрам-энтузиастам, сразу семеро из директоров и членов попечительского совета Филармонического общества согласились финансировать их проект. Административные формальности уладились, и уже 14 октября того же года Художественный театр распахнул свои двери. На имя Их Императорских Высочеств в знак уважения и благодарности были направлены приветственные телеграммы. Спустя полтора месяца Великий князь с супругой посетят первую постановку МХТ, «Царь Фёдор Иоаннович» А. К. Толстого, а через год побывают там же на спектакле «Дядя Ваня» А. П. Чехова. О полученном ими впечатлении Немирович-Данченко сообщит автору пьесы: «В течение двух дней, за обедом, ужином, чаем у них во дворце только и говорили, что о “Дяде Ване”... Пьеса произвела на них такое громадное впечатление, что они ни о чём больше не могли думать».

Вдохновлённые изначальным интересом Великокняжеской четы к своей работе, Станиславский и Немирович-Данченко ещё не раз обратятся за помощью к Сергею Александровичу, а имя Елизаветы Фёдоровны будут порой использовать и без её ведома. Например, ища источники финансирования среди московского купечества, Владимир Иванович запросто скажет миллионеру и меценату К. К. Ушкову: «Ну что вам стоит пожертвовать какие-нибудь пятьсот рублей. Вот Великая княгиня зачастила ходить к нам — а на сцене какое-то тряпье». Далее, по словам режиссёра,

последовал диалог: «Хорошо, — говорит Ушков, — пятьсот, говоришь? (В весёлую минуту он любил с собеседником переходить на “ты”.) Я тебе эти пятьсот дам, но смотри — скажи обязательно Великой княгине, что это я пожертвовал, хорошо?» — «Хорошо, только давай». — «Смотри ж, не забудь, что от меня пятьсот рублей, от Константина Ушкова». Елизавета Фёдоровна наверняка улыбнулась бы, узнав о таком разговоре и о том, что даже заочно смогла помочь доброму делу.

Нелёгкая доля мастеров сцены всегда вызывала сочувствие Великокняжеской четы. В Москве Сергей Александрович принял на себя покровительство над Обществом призрения престарелых и лишённых способностей к труду артистов и их семей, при котором открылось убежище имени Александра III. Благотворительные вечера, устраиваемые в пользу этой организации, помогали собирать средства для тех, кто когда-то имел успех и снискал любовь публики, а ныне в полном забвении еле сводил концы с концами. Сознал Великий князь и другое — множество своих проблем артисты смогут решить лишь сообща, организованно. А потому он не только разрешил проведение в марте 1897 года I Всероссийского съезда сценических деятелей, но и согласился председательствовать на его открытии, придав мероприятию большой авторитет.

С некоторыми служителями Мельпомены семья генерал-губернатора была хорошо знакома лично. Прославленная Мария Николаевна Ермолова и знаменитая Надежда Михайловна Медведева удостаивались особых знаков её внимания, не оставались в тени и начинающие таланты. Ольгу Леонардовну Книппер Великий князь как-то удивил при встрече осведомлённостью о её семействе, но в ещё большее изумление была повергнута мать Ольги, Анна Ивановна, одарённая певица, преподававшая в Музыкально-драматическом училище при МФО. Однажды после концерта Великокняжеская чета спросила Анну Ивановну о здоровье писателя А. П. Чехова, с которым дружила её дочь, и заодно поинтересовалась, когда же состоится их свадьба. Певица была ошарашена — о том, что Ольга выходит замуж, она узнала впервые, жених и невеста скрывали от неё это намерение до последнего.

Другая восходящая звезда, Мария Фёдоровна Андреева, вызывала симпатии Елизаветы Фёдоровны, решившей даже написать портрет молодой актрисы и долго не подозревавшей, с какой личностью столкнулась. Супруга важного чиновника А. Желябужского, человека с тонким художественным вкусом и любовью к сцене, Андреева фактически оставила семью, окунувшись в бурный роман с Саввой Морозовым, а затем

вступила в гражданский брак с Максимом Горьким. К тому же эмансипированная дамочка прониклась идеями социал-демократии и, пользуясь положением в обществе, тайно помогала марксистам. Да, актёрский талант — инструмент многопрофильный, иногда он удачно прикрывает истинное лицо человека, вводя в заблуждение людей с чистой совестью. Но без плевел нет и зёрен.

Москва не просто любила сценическое искусство — она буквально болела им. Кружащий головы запах кулис, казалось, не оставлял равнодушным никого: театры легко становились клубами, клубы — театрами. Обсуждались премьеры, сравнивались таланты, пробовались собственные возможности. Сцена и зрительный зал могли возникнуть практически где угодно. Этот массовый театральный дилетантизм быстро сделался одной из форм общего образования и воспитания москвичей. Быть «московским театралом» значило быть человеком культурным, думающим, бережно относящимся ко всему, что облагораживает душу. Именно так и понимал значение театра Великий князь Сергей, именно такие задачи и привлекали здесь Великую княгиню Елизавету.

Познакомившись с театральными художниками, она заинтересовалась творчеством некоторых новаторов, и особенно Константина Коровина. Однажды Сергей Александрович спас его от неприятностей, грозивших в результате статьи-доноса, а Елизавета Фёдоровна со временем привлечёт художника к одному выставочному проекту. В области же театральной живописи она практиковалась и сама, работая, понятно, на любительском уровне. Вместе с подругами писала декорации для домашних постановок, к ним же создавала эскизы костюмов.

Обладая способностями к рисованию, Елизавета Фёдоровна поначалу весьма слабо разбиралась в изобразительном искусстве. Правда, отсутствие знаний компенсировалось хорошим вкусом, тонким пониманием и ощущением гармонии. Это замечали многие. Устроители московского Музея изящных искусств, трудившиеся под руководством Сергея Александровича, нисколько не сомневались, что лучше Великой княгини никто не подберёт цветового оформления колоннады парадной лестницы. Но рядом с супругом, глубоко и серьёзно увлечённым всем, что касалось прекрасного, Елизавета постепенно возрастала, открывая для себя неведомый ранее мир и находя в нём место для своих забот.

Детство Великого князя прошло во дворцах, наполненных шедеврами живописи и ваяния, и уже в ранние годы он внимательно присматривался к творениям прославленных мастеров. Высокое искусство всегда было рядом. Даже одну из царскосельских комнат маленького Сергея,

Рафаэлевскую, украшали копии знаменитых ватиканских плафонов. Тогда же царевичу очень повезло с учителями рисования, а в пятнадцать лет он начал серьёзно изучать художественные коллекции Эрмитажа, став со временем их прекрасным знатоком. Полученные знания Сергей продолжил пополнять самостоятельно. Увлечение быстро переросло в нечто большее, и уже вскоре он достаточно профессионально разбирался в европейском искусстве. Здесь его интересовало всё, но особенно привлекала итальянская живопись, в первую очередь флорентинцы. Занявшись изучением этой школы, он будет стремиться ознакомиться с произведениями её мастеров в русских собраниях и, уж конечно, при поездках в Италию. «Вся эта древняя живопись, — признается он другу, — открыла мне новый, совсем ещё неизвестный мне горизонт — это особый мир и мир хороший, я с ним сживаюсь и нахожу в этом большую прелесть».

К немалой радости Великого князя, его жена проявила здесь и понимание, и отклик. Как всегда, она чутко прислушивалась к мнению супруга. Шаг за шагом, постигая с его помощью нюансы творчества прославленных мастеров, погружаясь с ним в атмосферу времён Медичи или проникая в тайны Ватикана, посещая знаменитые галереи или перелистывая роскошные альбомы, Елизавета Фёдоровна становилась в вопросах искусства его единомышленницей. В октябре 1892 года он повёз её в свою любимую Флоренцию, потом показал восхитительный Рим, где помимо прочего супруги посетили русских живописцев Г. И. Семирадского и С. В. Бакаловича, позднее познакомил с художественными сокровищами Венеции.

Искусство, как мы видели, окружало Великокняжескую чету и в её собственных домах в России. Елизавета Фёдоровна жила среди прекрасных картин, составлявших коллекцию Сергея Александровича, — французские пейзажи, полотна на историческую тему, старинные портреты кисти А. Антропова, Д. Левицкого и век В. Боровиковского соседствовали в её петербургском и московском дворцах с работами современных русских и зарубежных художников. Там же можно было увидеть большую копию статуи Персея Бенвенуто Челлини, скульптуру Богоматери с Младенцем и Иоанном Крестителем, отлитую по модели Якопо Сансовино, и множество других произведений музейного уровня.

Некоторые работы владельцы с удовольствием предоставляли на выставки, прежде всего благотворительные.

Так, ещё в 1892 году генерал-губернатор с супругой отправили хранившийся у них знаменитый портрет «Лизынька и Дашинька»

Боровиковского на выставку в пользу пострадавших от неурожая. В апреле 1901 года для экспозиции художественных произведений старины, устроенной для нужд приюта имени Великой княгини Елизаветы Фёдоровны, они передали уже ряд ценных произведений. Сергей Александрович в основном царские портреты, а его жена рисунки Ф. Буше, бронзовую скульптуру Клодиона (Спаситель с Богоматерью и евангелистом Иоанном), резное Распятие, предметы, декорированные эмалью, перламутровый веер королевы Марии Антуанетты и старинные кружева. Организационный комитет, созданный по инициативе Великой княгини, возглавляла её гофмейстерина, графиня А. А. Олсуфьева. Не приходится сомневаться и в активном участии самой Елизаветы Фёдоровны. Их стараниями к выставке, проходившей в Императорском Строгановском училище, удалось привлечь представителей дворянства и купечества, из частных собраний Москвы и Петербурга поступило более тысячи экспонатов, в результате чего благотворительное мероприятие стало ярким событием культурной жизни Москвы.

Продолжая пополнять свою коллекцию, Сергей и Елизавета покупали на вернисажах картины современных живописцев. В этом тоже была определённая помощь. Меценатская, филантропическая. На одной из ученических выставок Московского училища живописи, ваяния и зодчества Елизавета Фёдоровна приобрела картину «Майские цветы» начинающего художника В. Э. Борисова-Мусатова. Для автора это стало истинным благодеянием — другие коллекционеры ещё не скоро обратят на него внимание, а вырученные от продажи деньги были так нужны для поездки в Крым и на Кавказ. Училище и стоявшее над ним Московское художественное общество патронировал Сергей Александрович, привлекавший в него лучших преподавателей. Следуя примеру мужа, Елизавета Фёдоровна в 1901 году взяла под своё покровительство Императорское Строгановское училище технического рисования.

В ту пору оно переживало заметный подъём, входя в число важных культурных центров Москвы. Решив привлечь его учеников к делам помощи ближним, Елизавета Фёдоровна взялась вместе с ними за изготовление всевозможных декоративных вещей, предназначенных для благотворительной продажи. Искусство могло и должно было служить практическим целям. Училище открыло магазин, где продавались изделия учеников, в Московской губернии возникли филиалы «Строгановки» и рисовальные школы, но важнейшим достижением стало создание при училище новых мастерских. В 1902 году возникла высшая художественно-живописная, где в ходе четырёхгодичного курса ученики овладевали

техникой иконописи, наложения золотых фонов и эмалировки. Выпускникам присваивалось звание художника-иконописца с предоставлением работы в артели для исполнения правительственных и епархиальных заказов. Спустя два года открылась мастерская художественной вышивки, предназначенная для девушек. Ученицы её старших классов работали над изделиями для храмов и бытовых нужд, применяя порой сложнейшую технику. Позднее в училище появится мастерская по обработке кости и рога, изделия которой будут высоко оценены на международных выставках.

Увлечение русской национальной культурой, возникшее у Елизаветы Фёдоровны с самого начала пребывания в России, получало всё новые и новые импульсы. Интерес к возрождению различных народных промыслов и искусства вышивки позволил ей возглавить Главный комитет по устройству отдела кустарных изделий и рукоделий Русского павильона на Всемирной выставке в Париже. Престижный мировой смотр открылся в феврале 1900 года. Восхищенные парижане поспешили в сказочной красоты павильон, представлявший Россию. Рядом с его башнями, зубчатыми стенами и резными крылечками протянулась так называемая «Кустарная улица», состоявшая из барских хором, крестьянских изб и деревянной сельской церкви. Сколько же здесь было диковинок, сколько шедевров! Согласно официальному отчёту, по предложению Великой княгини «собранные предметы были пополнены группами: церковною — из художественных работ церковного облачения и обихода, и историческою — объединявшую художественные коллекции вышивок и предметов домашней утвари». Августейшая попечительница отдела подключила к работе и питомцев своего милосердия. Так на выставке появились изделия воспитанниц монастырских приютов, созданных Елизаветинским благотворительным обществом. Одно из них — омофор, выполненный Елизаветинским приютом в Новодевичьем монастыре, Великая княгиня одобрила лично.

Строгановскому училищу, по её мысли, предстояло продолжать и развивать начатое возрождение ремёсел, формировать бережное отношение к наследию. С этой целью Елизавета Фёдоровна заботилась о пополнении его библиотеки соответствующими книгами, привлекала к просветительской деятельности самих учащихся. Не забывала она и о их нуждах. Выделяла деньги на летний отдых, поощряла талантливых учеников. Однажды к дому директора училища подъехала карета с гербами, но прибывший камердинер Великой княгини, к всеобщему удивлению, спросил не о начальстве, а о квартировавшем здесь студенте Н. Я.

Тамонькине. Передав ему благодарность Её Высочества за хорошую работу, посыльный вручил и подарок — Евангелие с рисунком самой Елизаветы Фёдоровны. Выходец из бедной крестьянской семьи, Тамонькин удостоится благотворительной стипендии и будет получать заказы от Августейшей покровительницы.

С началом Русско-японской войны «Строгановка» окажет помощь в создании походной церкви Великомученика Пантелеймона для Иверской общины. Той самой, о которой мы рассказали выше. Круг замкнётся. Разные сферы деятельности Великой княгини вновь соединятся, польза в очередной раз переплетётся с красотой и будет, как всегда, неразрывно связана с духовностью.

2. ЗОЛОТЫЕ КУПОЛА

Утро обещало жаркий солнечный день. Выйдя на перрон в ожидании царского поезда, Сергей и Елизавета торопили время — хотелось поскорее присоединиться к Государю и отправиться в столь долгожданную поездку. Наконец, следовавший из Петергофа состав подошёл к платформе. Ники, Аликс, вдовствующая императрица и её дочь Ольга со своим мужем Петром Ольденбургским радостно встретили новых пассажиров, после чего все вместе продолжили путь.

День разгорался, в вагоне стало жарко, но путешественники чувствовали себя превосходно. Разговорам не было конца, а праздничное настроение лишь усиливалось с приближением цели. Поездку следовало рассматривать как паломничество, причём паломничество необычное, важное, знаковое. В сопровождении родственников император ехал на прославление высокочтимого подвижника Серафима Саровского.

К тому времени Елизавета Фёдоровна успела многое узнать об этом удивительном человеке, молитвеннике и чудотворце, давно считавшемся святым в русском народе. Супруг рассказывал ей и о том, как почитала память отца Серафима покойная императрица Мария Александровна, приобщившая к этому и детей, о том, какой чудесной помощи Божиего угодника была удостоена их семья. Дивная история! В середине сентября 1860 года императрица готовилась разрешиться от бремени. Роды (на свет появится Павел) предполагались трудные, и близкие беспокоились. В те же дни тяжело занемогла её дочь Мария, врачи поставили пугающий диагноз — у шестнадцатилетней девочки грудная жаба, то есть стенокардия. Во дворце становилось всё тревожнее. 21 сентября в десять часов вечера фрейлине А. Ф. Тютчевой доложили о приходе монахини Дивеевской обители Лукерьи Васильевны. Прослышавшая о беде инокиня принесла полумантию батюшки Серафима и поведала о творимой по молитвам к нему помощи. Сам батюшка Серафим часто молился, покрытый этой полумантией, была она на нём и в последний день его земной жизни. Теперь же святыню хранил хорошо знавший Саровского чудотворца старец О. Назаров, настоятель дворцового храма в Гатчине, от которого её и привезла матушка Лукерья.

Как только Великую княжну покрыли священной реликвией, состояние больной заметно улучшилось, дыхание выровнялось, а уже 23

сентября Мария встала с постели. Однако вскоре тяжёлый недуг поразил вдовствующую императрицу Александру Фёдоровну, и 19 октября стало ясно, что дни её сочтены. Срочно примчавшийся из Варшавы в Царское Село Александр II сам возложил Серафимову полумантию на тело страдальцы. И волнение больной улеглось, императрица успокоилась, смогла попрощаться с детьми и тихо оставила этот мир на следующий день без лишних мук и страданий. С тех пор чудотворная святыня принадлежала Великой княжне Марии, исцелившейся её благодатной силой. Но когда в связи с замужеством Мария уехала в Англию, полумантию оставила у себя её мать — императрица Мария Александровна, после кончины которой реликвия стала собственностью Сергея Александровича.

Великий князь относился к этому сокровищу с благоговением, но прекрасно понимал, что не может, не имеет права постоянно скрывать его от людей. Ещё до отъезда в Саров, заботясь о том, чтобы москвичи, не имеющие возможности участвовать в прославлении святого, смогли приобщиться к столь великой радости, он распорядился выставить хранившуюся у него реликвию для всеобщего поклонения в Успенском соборе Кремля.

Поезд не спешил. Останавливались в Коломне, задержались в Рязани, где была торжественная встреча. Вечером полюбовались красивым закатом и на следующее утро, 17 июля 1903 года, в одиннадцать часов прибыли в Арзамас. Здесь, в специальном шатре Августейших паломников встретили депутаты дворянства, земства, городов и крестьян Нижегородской губернии. Далее отправились в экипажах по хорошей, но очень пыльной дороге. Елизавета Фёдоровна, давно привыкшая к таким условиям в поездках, не обращала на них внимания. Куда привлекательнее были проезжаемые сёла и стоявшие вдоль пути крестьяне. «Как много красивых и здоровых впечатлений, — напишет Елизавета старшей сестре. — Мы ехали шесть часов в экипажах до монастыря. По дороге в деревнях красивые, здоровые люди были живописны в ярко-красных сарафанах и рубахах». На границе Тамбовской губернии ожидала новая официальная встреча от представителей всех сословий, причём крестьянки, как русские, так и мордовские, выделялись яркими праздничными нарядами. В шесть часов вечера под колокольный звон въехали в Саровскую обитель.

«Ощущалось какое-то особое чувство при входе в Успенский собор и затем в церковь Св. Зосимы и Савватия, где мы удостоились приложиться к мощам святого отца Серафима», — записал в дневнике Николай II. Те же эмоции овладели и Елизаветой Фёдоровной. Выразить словами их было трудно, но с первых же минут пребывания в Сарове они не оставляли

Великую княгиню, постоянно усиливаясь. Расселение вместе с Сергеем, Аликс и Ники в доме, окружённом толпой богомольцев, семейный обед у императрицы Марии Фёдоровны и даже вечернее посещение храма — всё отошло на второй план, уступив место предчувствию чего-то особенно важного, великого, светлого. Чего-то незнакомого, ещё невиданного и вместе с тем такого близкого по духу.

*

Её духовное становление, её усердие в постижении православия, ставшего основой жизни, долго носили характер ученичества. Елизавета была послушной ученицей. Внимательной, прилежной, вдумчивой. Постепенно раскрывая для себя глубину христианского мировоззрения, она и сама становилась его носителем, понимающим и принимающим жизнь в полном соответствии с основополагающими заповедями. Это касалось всего, включая, разумеется, и таинство брака. «Самый лучший земной дар Божий — это любовь между мужем и женой», — напишет Великая княгиня в одном из писем. И удостоенная такого дара будет счастлива. Думается, мы не преувеличим, сказав, что переход Елизаветы в православие стал для неё и Сергея второй свадьбой. С того дня их семья сделалась согласно учению Святых Отцов настоящей маленькой Церковью, налагающей на них ещё большую ответственность, большую требовательность к себе. Чистый образ Спасителя они пронесут в своих сердцах через всю жизнь, и для обоих никогда не будет большей истины, чем Он.

Своеобразным тайным символом духовного единства Сергея и Елизаветы станет подарок, присланный со Святой земли отцом Антонином Капустиным ко дню новообращения Великой княгини. Это был перстень, найденный среди других вещей при раскопках в Иерусалиме. Рисунок на нём изображал Спасителя с двумя предстоящими, но ни сам даритель, ни Великокняжеская чета не смогли правильно истолковать смысл и предназначение предмета. По мнению сегодняшних специалистов, перстень явно относился к типу византийских обручальных колец VI—X веков, на которых изображался Христос, благословляющий жениха и невесту. Так что раскрывающий смысл христианского брака подарок неожиданно и промыслительно стал зримым олицетворением семейного союза Сергея Александровича и Елизаветы Фёдоровны. Знаком их совместного пути, что освещался верой, что укреплялся абсолютной преданностью заветам, чувством взаимной любви возносился к Небесам.

«Любовь святая и чистая соединяется в вере», — скажет Великая княгиня, познавшая это счастье. И рядом с обожаемым супругом она всегда будет чувствовать себя любимой, защищённой и постигающей под его руководством смысл жизни. Через четыре года после гибели мужа Елизавета напишет Государю: «Сергей, который знал свою веру и жил по ней настолько истинно, насколько может настоящий Православный Христианин, и меня возрастил». Пожалуй, к этому нечего добавить.

Каждый год начинался для Великокняжеской четы с молебна в ночь на 1 января. Заметим, что такая встреча праздника не была распространена в Москве, но вскоре пример генерал-губернатора подхватился и посещение новогодней церковной службы стало для многих традицией, а сам молебен вошёл в обычай всех приходских храмов. Склоняясь на пороге грядущего года перед неведомой волей Всевышнего и прося Его защиты, Сергей Александрович и Елизавета Фёдоровна уединялись вместе с домочадцами в маленьком храме Александрийского дворца. Созданный на верхнем этаже в 1835 году, он посвящался святой Царице Александре, небесной покровительнице жены Николая I. Здесь всегда было как-то особенно, домашнему уютно. Из большого потолочного окна свет падал на одноярусный иконостас с иконами итальянской живописи. Слева находился в киоте более поздний образ, написанный в память о спасении Александра II при покушении 1879 года, а справа всегда привлекавшая внимание Елизаветы Фёдоровны икона апостола Павла, святой царицы Александры и святителя Димитрия Ростовского. Надпись под ней сообщала, что образ поставлен усердием Великого князя Павла Александровича в память о совершившемся в этом храме миропомазании его сына Дмитрия. Печальные события тех дней никогда не забывались.

Но главной в повседневной жизни семьи можно по праву назвать церковь в генерал-губернаторском дворце на Тверской. Созданная в 1807 году архитектором И. В. Егоровым, она первоначально посвящалась святому Александру Невскому, заступнику правившего тогда Государя Александра I. В 1892 году Сергей Александрович решил обновить храм, поручив работу знатоку древнерусского зодчества Н. В. Султанову. Удачно имитируя строительные приёмы прошлого, архитектор создал подобие старинных сводов, которые были расписаны по золотому фону. Обильное золочение удачно гармонировало с малиновым ковровым покрытием пола, что придавало церкви особую торжественность. Трёхъярусный иконостас был устроен несколько необычно — над Царскими вратами размещались иконы только Деисусного чина. Сами врата тоже уникальны — резные, старинной работы, они перенесены из обветшавшей подмосковной церкви

и как нельзя лучше соответствовали размещённым вокруг древним образам. Идею преемственности подхватывали и новые детали убранства, вплоть до выполненных в древнерусском стиле светильников. Арочные своды напоминали те, что образуют интерьеры храма Василия Блаженного, клиросы были спроектированы по образу псковских церквей, поразивших воображение Великого князя ещё в юности, а в основе росписи лежали копии с фресок Преображенского собора Новоспасского монастыря. При повторном освящении церковь получила новое название — Святых Александра Невского и Сергия Радонежского, то есть во имя небесных заступников Великого князя и его царствующего брата. В двойном посвящении прочитывалось и явное желание сохранить прежнее имя (вместе с престольным праздником) для соединения настоящего с прошлым, что было очень характерно для Сергея Александровича.

В домовой церкви совершались обедни, задравные и благодарственные молебны, панихиды по ушедшим близким. Молитвенное место хозяев находилось справа от солеи и представляло собой нишу, зайти в которую из коридоров дворца можно было через отдельную дверь, не привлекая к себе внимания других молящихся. Здесь располагалось специально изготовленное парное кресло, обитое тёмно-пунцовым бархатом, однако Великокняжеская чета пользовалась им редко, обычно выстаивая всю службу. Иногда Великий князь становился перед аналоем и внимательно следил по книгам за ходом священнодействия. Великой княгине такое было ещё не по силам, и, молясь, она обращала свой взор к древним образам.

Настоятелем храма ещё со времён прежнего генерал-губернатора, князя В. А. Долгорукова, был протоиерей Константин Николаевич Зверев. Елизавете Фёдоровне он сразу очень понравился. И неудивительно — батюшка, по словам Джунковского, «был прекрасной жизни человек, поразительной скромности, все знавшие его глубоко его уважали и почитали». Тепло отзывался об отце Константине и знакомый с ним Юрий Бахрушин (сын знаменитого мецената и коллекционера), отмечавший, что К. Н. Зверев «был одним из наиболее уважаемых священников Москвы... и состоял исповедником московского двора. Это был человек исключительной доброты. Вечно он о ком-то хлопотал, кого-то защищал, за кого-то предстательствовал. Причём делал он всё это так, словно не он благодетельствовал, а ему благодетельствовали... Святой был человек!».

Отец Константин прослужит в домовой церкви до самой гибели Сергея Александровича, а затем, всецело преданный его памяти, станет настоятелем храма преподобного Сергия в Чудовом монастыре —

усыпальнице Великого князя. Ему же, как верному спутнику духовной жизни Великокняжеской семьи, достанется честь вместе с протоиереем Митрофаном Серебрянским сослужить митрополиту Владимиру на Божественной литургии 10 апреля 1910 года в новосозданной Марфо-Мариинской обители, когда на Великую княгиню Елизавету Фёдоровну возложат крест настоятельницы. Спустя два года в больнице той же обители он скончается после перенесённого инсульта, и Великая княгиня, несколько дней почти не отходившая от его кровати, отдаст батюшке последний долг, проводив до самой могилы.

Нет сомнения в том, что Елизавета Фёдоровна хорошо знала сына Константина Зверева, Василия (в иночестве — Петра), пошедшего по стопам отца. А возможно, и следила за его духовным возрастанiem. Окончив Московский университет, юноша поступил в Казанскую духовную академию, где принял постриг, и в 1903 году был назначен первым настоятелем Князь-Владимирской церкви при Московском епархиальном доме. Со временем он достигнет высокого архиерейского сана, будет возведён на кафедру воронежского архиепископа, а в 1929 году, находясь в Соловецком лагере, примет крест мученичества. Ныне владыка Пётр прославлен в лике святых.

Будучи человеком глубокой веры, Сергей Александрович хорошо понимал значение и силу молитвы, всегда творя её с особым усердием. До конца жизни он неукоснительно соблюдал все правила и каноны Церкви, часто исповедовался и причащался. Понятно, что при этом у него, как и у его супруги, всегда было желание услышать наставнические слова от высокодуховного человека, получить ответы на важные вопросы от того, чей авторитет считался безоговорочным. Многие годы Великокняжеская чета была знакома с отцом Иоанном Кронштадтским. Они неоднократно встречались, беседовали на волновавшие темы, обсуждали насущное. Отец Иоанн не раз появлялся рядом в очень трудные минуты, всегда поддерживая, утешая и благословляя. Как уже отмечалось, он успокоил Великого князя в раздумьях о принятии Елизаветой Фёдоровной православия, пророчески сказав, что к новой вере она придёт сама. Сочувствовал и воодушевлял во многих испытаниях — при кончине Александра III, ходынской катастрофе, студенческих беспорядках, начале Русско-японской войны. Вместе с мужем Великая княгиня радовалась каждой новой встрече с батюшкой. «Сегодня к нам заезжал о. Иоанн, — сообщает Сергей Александрович в одном из писем, — мы были ему очень рады — он завтракал у нас; такое светлое ощущение он по себе оставляет».

Фрейлина Елизаветы Фёдоровны, Екатерина Козлянинова, прислала

Великокняжеской семье молитву Иоанна Кронштадтского: «Господи! Имя Тебе — Любовь: не отвергни меня, заблуждающегося человека. Имя Тебе — Сила: подкрепи меня, изнемогающего и падающего. Имя Тебе — Свет: просвети мою душу, омрачённую житейскими страстями. Имя Тебе — Мир: умири мятущуюся душу мою. Имя Тебе — Милость: не переставай миловать меня». Без сомнения, Великая княгиня не раз повторяла эти слова праведника и, конечно, с большой благодарностью принимала его поддержку своим благотворительным делам. В 1903 году, когда в Москве будет находиться Царская семья, отец Иоанн совершит литургию в Иверской общине сестёр милосердия, в которой являлся почётным членом. Помимо Великой княгини на службу приедет императрица Александра Фёдоровна.

Духовная жизнь требовала больших усилий. Постоянно ведя борьбу с неизбежными страстями, Великокняжеская чета в первую очередь прибегала к покаянию, этому «жертвеннику Божию», по словам преподобного Ефрема Сирина. В 1896 году её духовником стал протоиерей Николай Васильевич Благоразумов, благочинный Московских придворных соборов и церквей. Позднее, уже после гибели Великого князя, он вспоминал об искренности Сергея Александровича во время исповеди и, хотя её тайну раскрыть, разумеется, не мог, упомянул о его раскаянии в порой проявляемой вспыльчивости.

Боролся Сергей Александрович и с искушениями, в частности, с теми, которые возникали из-за его общественного положения. Высокий титул и происхождение, занимаемая должность и полученные звания требовали воздания Великому князю многочисленных почестей, что было чревато распространением вокруг него подобострастия, угодничества, лести. Отсюда возникала опасность того, что Сергей называл «духом прелести», то есть прельщения гордыней. Позднее Елизавета Фёдоровна в одном из писем императору расскажет, что угроза этого соблазна очень беспокоила её супруга, они часто беседовали на данную тему, и Великий князь, знающий, сколь тяжело подобное испытание по собственному опыту, предостерегал и наставлял жену. Она всё прекрасно понимала и очень старалась. Да и сам характер Елизаветы во многом помогал ей не оступиться в таком скользком вопросе. «Все вы знаете, — писала она императрице Марии Фёдоровне, — что если у меня есть недостатки, честолюбие к ним вовсе не относится, наоборот, я никогда бы не стала лезть вперёд — не могла бы при всём желании, так как это совершенно противно моей натуре».

Покаяние усиливалось с началом Великого поста. На первой неделе,

когда в храмах читается канон Андрея Критского, Августейшие супруги приезжали в кремлёвский Вознесенский монастырь. Основанный в 1407 году вдовой Дмитрия Донского, Великой княгиней Евдокией (в иночестве — Евфросинией), он всегда считался главной женской обителью на Руси и служил усыпальницей для жён её правителей. Войдя в огромный собор, Елизавета Фёдоровна могла видеть гробницы знаменитых Великих княгинь и цариц, чьи имена так много говорили русскому человеку — Софья Палеолог, Елена Глинская, Анастасия Романова, Ирина Годунова, Наталья Нарышкина... У южной стены покоилась сама основательница обители, преподобная Евфросиния Московская, на то время единственная женщина в пантеоне святых древней столицы. Понятно, что уже по одной этой причине она особенно почиталась Елизаветой Фёдоровной, но постепенно образ благоверной супруги национального героя, милосердной и любимой народом, рано овдовевшей, воспитавшей детей и в конце жизни принявшей постриг, стал восприниматься ею как более понятный и очень близкий.

Сёстры обители славились своим рукоделием, и Великая княгиня не раз обращалась к их помощи, когда требовалось создать шитьё для церковных нужд, иногда включая и те работы, над которыми трудилась сама. У неё, как и у мужа, сложились очень тёплые отношения с игуменьей монастыря, матушкой Евгенией (в миру — Екатерина Алексеевна Виноградова), возглавлявшей Вознесенскую обитель с 1893 года и быстро превратившей её в образцовую для всех женских монастырей епархии. С матушкой всегда было приятно поговорить, послушать её добрые советы, поделиться мыслями. Её исключительная энергия и богатый духовный опыт особенно помогут Елизавете Фёдоровне в первые годы вдовства. В 1911 году, когда будет отмечаться 25-летие настоятельства игуменьи (в 1896 году она возглавила в Москве Страстной монастырь), Великая княгиня преподнесёт ей икону мученицы Евгении в старинном серебряном окладе, а четырьмя годами ранее примет активное участие в праздновании 500-летия Вознесенской обители и блаженной кончины преподобной Евфросинии.

В соседнем Чудовом монастыре Елизавета Фёдоровна и Сергей Александрович молились перед мощами святителя Алексия, митрополита Московского, чей светлый образ был близок Великому князю с юных лет. Елизавета знала и то, что ещё младенцем отец мужа, будущий император Александр II, был во время крещения возложен на мощи святителя, с тем чтобы славный угодник Божий стал одним из его восприемников от купели. Знала и о дорогой для Сергея Александровича иконе святого Алексия, которой благословил его в детстве митрополит Филарет. И потому не

случайно изберёт со временем Чудов монастырь местом упокоения супруга, поместив его гробницу непосредственно под ракой святого. «Знаю, что душа моего любимого, — признается она императрице Марии Фёдоровне, — обретает помощь у мощей святителя Алексия. Какое утешение, что он покоится в этой церкви, куда я могу постоянно ходить и молиться». Заступничеству славного чудотворца она вверит и свою Марфо-Мариинскую обитель.

Но, конечно, самым почитаемым святым был для Великой княгини преподобный Сергей Радонежский. Небесный покровитель мужа всегда вызывал её глубочайшее преклонение, а в годы вдовства сделается и главным её утешителем. Его Троицкую обитель она станет посещать регулярно, вызывая сочувственное понимание и восхищение у свидетелей её молитв. В одном из писем архимандриту Арсению (Жадановскому) упомянутая выше игуменья Евгения напишет в сентябре 1906 года: «Как торжественен был праздник в Лавре, какие трепетные были чувства при поднятии св. мощей Преподобного] Сергия! — трудно их передать. А милая Великая Княгиня со своими детьми (племянниками Дмитрием и Марией. — *Д. Г.*) так и упала на колени. Что за верующая душа у неё. Народу было ужасно много, и нас чуть всех не передавило, несмотря [на то], что охраняла полиция. У В[еликой] Княгини всё-таки зонтик сломали вдребезги!» «Приложившись к мощам Преподобного Сергия, — вторит газета «Московские ведомости», — Великая Княгиня коленопреклонённо отстояла молебен, а затем панихиду по князе-мученике Великом Князе Сергее Александровиче».

Понятно, что искренней большой любовью к образу Сергия Радонежского Елизавета Фёдоровна прониклась ещё при жизни мужа. Великий князь усердно молился святому, всецело отдавая себя под его покровительство, носил на груди рядом с золотым нательным крестиком крест с частицей его мощей, делал пожертвования в Лавру. И не случайно именно в обитель преподобного он привёз жену сразу после свадьбы. По вступлении в генерал-губернаторскую должность Сергей Александрович принял активное участие в подготовке торжеств по случаю пятисотлетия преставления святого Сергия. Праздник оставит в душе Елизаветы неизгладимое впечатление — торжественные богослужения, крестный ход вокруг обители с остановками и молебнами, яркая проповедь молодого архимандрита Антония (Храповицкого), обратившегося к народу со словами: «Вспоминайте о нём, вспоминайте в славе преподобного Сергия и побеждайте ею искушения суеты светской». И эти тысячи богомольцев, что и днём и ночью неиссякаемым потоком тянулись к мощам святого! Они

пришли из Москвы огромным крестным ходом, к организации которого Великий князь, опасаясь за людей, поначалу отнёсся настороженно. Но, увидев идеальный порядок и трогательное благоговение народа, очень обрадовался, отметив, что такое может быть только в России.

Когда тяжело заболел Александр III, Великокняжеская чета специально ездила в Троице-Сергиеву обитель, где молилась о здравии Государя и освятила на мощах святого образ, посланный затем императору. Они были там и в дни коронации Николая II, когда новые Венценосцы возложили на раку покров, изготовленный под руководством Сергея Александровича, и на следующий год, и ещё не единожды, стремясь побывать в Лавре на день преставления святого — 25 сентября. В последний раз они совместно посетили монастырь в сентябре 1904 года, в разгар Русско-японской войны. «По нашему желанию, — записал Великий князь в дневнике, — после обедни был отслужен молебен преподобному о даровании побед! Молились горячо — чудесно было!» Елизавета Фёдоровна осмотрела ризницу, а Сергей Александрович собор в связи с вопросом о его ремонте. Затем оба посетили монастырскую больницу для раненых и больных солдат и в середине дня отправились в обратный путь. С собой увозили образки, предназначенные для знакомых.

Неоднократно Великокняжеская чета бывала и в обители другого подвижника, почитавшегося Сергеем Александровичем с детства, в Звенигородском Саввино-Сторожевском монастыре. Паломничества к мощам святого и в пещеру его скита супруги совершали как частным порядком, так и официальным, по случаю больших торжеств. Через полтора месяца после коронации Николая II они приехали в монастырь для благодарственного молебна и исполнения обета Сергея Александровича — к раке святого им была пожертвована лампада. Та самая, о которой уже говорилось, с надписью «молитвеннику о царях богоизбранных». «Молились тепло... — отметил Великий князь в дневнике. — Рад, что удалось исполнить обет! Господи помилуй!»

Два года спустя Саввино-Сторожевский монастырь отмечал своё пятисотлетие. Торжества приурочили к храмовому празднику, Рождеству Пресвятой Богородицы, а их своеобразной прелюдией стало за день до начала молитвенное пение духовенства преподобному Сергию и праведной Елизавете по случаю только что прошедшего тезоименитства Елизаветы Фёдоровны. Сама она вместе с мужем приехала в монастырь на предпраздничную вечерню, и, конечно, в главный день торжества они оба присутствовали на литургии. Когда началось богослужение, Елизавета Фёдоровна словно перенеслась на несколько веков назад — перед ней

выносились древние реликвии, употреблявшиеся в монастыре по особым случаям: Евангелие в золотом окладе с драгоценными камнями, золотые сосуды, украшенные изумрудами и сапфирами (дар царя Алексея Михайловича), плащаницы, шитые золотом, шелками и жемчугом царицей Марией Ильиничной. Всё это вместе с крестным ходом вокруг монастыря и полученной в благословение от обители иконой Казанской Божией Матери оставило у Великой княгини огромное впечатление. Но главным было чувство духовной радости, чувство приобщения к глубоким корням русской жизни и русской веры.

Ни лютеранская Германия, ни англиканская Британия не знали ничего подобного. Реформация запретила поклонение мощам, отменила культ святых и упразднила монастыри вместе с монашеством. Приехав в Россию, Елизавета Фёдоровна соприкоснулась с совершенно неведомым ей благочестием, с древними обрядами и традициями. Поначалу, ещё многого не понимая, она отнеслась к ним с уважением, а когда приняла их в своё сердце и горячо полюбила, то открыла для себя новый воодушевляющий мир, новый путь, ведущий человека к истине. Вокруг всё словно озарилось светом, а то, что раньше казалось лишь русской церковной экзотикой, явилось твердынями духа, образцами христовлюбия и вратами спасения.

Подлинная, внутренняя красота православия была гораздо выше его великолепной внешней стороны, и это открытие отразилось во впечатлениях Елизаветы Фёдоровны от посещения центра римско-католической конфессии. В Ватикане она оказалась в октябре 1892 года, сопровождая Сергея Александровича в их совместной итальянской поездке. Супруг уже бывал в Вечном городе, хорошо знал многие его достопримечательности и даже встречался с папой Львом XIII. Великая княгиня попала сюда впервые, так что вполне можно представить охватившие её эмоции. Чего стоили хотя бы посещение церкви Святого Иосифа с находящейся под ней темницей, где томился апостол Пётр, и знаменитого Колизея, на арене которого погибали первые христианские мученики. Этот памятник Елизавете Фёдоровне захотелось осмотреть ещё раз при лунном свете, после чего было трудно устоять перед желанием увидеть ночью собор Святого Петра, которым накануне она любовалась при ослепительном солнце. Со своей колоннадой Бернини и куполом Микеланджело он просто потрясал. На площади перед базиликой били фонтаны, в ночной тишине прозвонили куранты, и казалось, что Рим изо всех сил старается очаровать высоких русских гостей.

Чем ещё он мог их удивить? Особое впечатление оставили катакомбы Святого Калиста, сильно заинтересовавшие Великую княгиню,

понравились многие церкви, Форум. Наконец состоялась встреча с понтификом. Для аудиенции Елизавета Фёдоровна выбрала тёмное платье, дополненное чёрной вуалью — протокол запрещал появляться перед папой в белом, что было бы ей так к лицу. Белое в Ватикане — цвет самого папы. Сергей Александрович счёл по такому случаю уместным прикрепить на груди Мальтийский крест, полученный ещё в юности.

Лев XIII принял Августейших визитёров очень любезно. В свои восемьдесят два года он держался бодро, хотя, как отметил Великий князь, заметно похудел со времени их прошлой встречи. Завязалась тёплая беседа, продлившаяся три четверти часа. Говорили о многом, но, казалось бы, частный разговор был по существу диалогом двух христианских миров, двух мировоззрений, представленных с обеих сторон достойными фигурами. Между прочим, возник небольшой спор о числе пап, носивших имя Сергей. Великий князь утверждал, что таковых было четыре, однако понтифик не соглашался и не желал уступать доводам собеседника. В конце концов Лев XIII покинул комнату, чтобы свериться с документами, а когда вернулся, признал своё полное поражение. «Извините, — сказал он, улыбаясь, — хотя и говорят, что папа непогрешим, но на этот раз он впал в ошибку». По благословению понтифика Великокняжеская чета, спустившись в подземелье, смогла приложиться к части Животворящего Креста, наконечнику Копья, плату Вероники (Нерукотворному образу Спасителя) и главе апостола Андрея. Надо ли говорить, какие чувства испытали тогда Сергей Александрович и Елизавета Фёдоровна!

Через десять лет они вновь побывают в Риме, встретятся с тем же папой-долгожителем и поклонятся чтимым святыням. Но и на сей раз все красоты и диковины этого центра европейской цивилизации, все его исторические и художественные богатства оставят, как и прежде, лишь эстетическое впечатление, а сакральные ценности и памятники воспримутся, как и должно, вне связи с конкретной конфессией. Того, что называется «духом веры», в Риме не ощущалось, зато его так много было в России — веющего повсюду, царящего в каждом монастыре, в каждом храме. Небольшая сельская церковь в Ильинском при таком понимании имела в глазах Елизаветы Фёдоровны ничуть не меньшее (а то и большее) значение, нежели знаменитые европейские соборы.

Великая княгиня любила этот старинный «намоленный» храм. Посвящённый Илье-пророку, он высился на границе великокняжеского парка и собственно села, крестьянские дома располагались совсем рядом с его восточной стороной. В своё время церкви благодетельствовала императрица Мария Александровна, чей сын Сергей, став хозяином

усадьбы, продолжил заботы: распорядился установить в храме водяное отопление, велел отштукатурить стены, сделать новые росписи. Вместе с женой он не раз дарил сюда иконы, утварь и облачения, причём Елизавета Фёдоровна сама создавала рисунки для вышивок на ризах и стихарях. Служил в церкви священник Николай Орлов, которого всегда в большие церковные праздники вместе с дьяконом и двумя псаломщиками приглашали к великокняжескому столу.

Помимо престольного праздника хозяева и гости усадьбы встречали в этом храме тезоименитства Сергея Александровича и Елизаветы Фёдоровны. Обычно в день преподобного Сергия, 5 июля, Великий князь был рад оказаться вдали от Москвы, где в честь его именин вывешивались флаги, служился молебен в Успенском соборе Кремля и устраивался церковный парад. Куда радостнее и приятнее было отметить событие вместе с близкими и хорошо знакомыми людьми, сходяв накануне ко всенощной. Утром все отстаивали литургию и молебен, после чего именинника поздравляли и спешили в сад к праздничному угощению. Разговоры чаще всего касались воспоминаний, дополняемых шутками, любительскими стихами и пением романсов. Воздух наполнял благоухание цветов, а слух собравшихся услаждали вальсы и польки в исполнении приглашённого военного оркестра. Веселясь, никогда не забывали о благотворительности — главным событием дня становилась лотерея в пользу местных крестьян. Многие из них приходили поздравить Сергея Александровича, и он, обходя собравшихся, беседовал с каждым. 5 сентября наступал день ангела хозяйки. И вновь, если он отмечался в Ильинском, главным составляющим были богослужения в сельской церкви.

Если праздника не было, дорога к храму всё равно не забывалась. «По воскресным дням, — вспоминал Джунковский, — все должны были собраться ко дворцу со стороны аллеи в церковь и ожидать выхода Их Высочеств в церковь около 10 ¹/₂ ча[сов] и затем сопровождать их. Для Великого князя и Великой княгини в церкви было особое место справа. Мы, лица свиты, становились по левую сторону возвышения, которое занимали Их Высочества. Ко всенощной нам не обязательно было приходить, но Их Высочества никогда не пропускали ни одной службы».

Спасский храм в соседнем Усове выделялся высокой двухъярусной колокольной, аккуратным ухоженным видом и богатым убранством. Стоявший в семидесяти метрах от господского дома, он пользовался большим вниманием со стороны владельцев усадьбы, опекавших и его приходскую школу, созданную стараниями императрицы Марии

Александровны. Священник церкви, отец Константин Георгиевич Махаев, говорил, что приход всегда видит в Великом князе Сергее Александровиче «непрестанного тщательнейшего попечителя, своего ревностнейшего украсителя и щедрого благотворителя». Великокняжеская семья посещала эту церковь, как правило, поздней осенью или зимой, приезжая на несколько дней в усовский коттедж. Особенно ей нравилось бывать здесь на празднование Казанской иконы Божией Матери 22 октября.

Константин Махаев, пользовавшийся огромным уважением всех прихожан, представлял уже пятое поколение духовенства Спасского храма, да и женат был на дочери местного священника. Все пятеро его сыновей получили духовное образование, а старший, Сергей, сподобился пройти особый, жертвенный путь. Ранние страницы послужного списка Сергея Константиновича, ныне прославленного в лике новомучеников и исповедников Российских, говорят о явном покровительстве со стороны Елизаветы Фёдоровны — с 1900 года он являлся священником церкви при Московской Иверской общине сестёр милосердия, для которых станет затем духовником и законоучителем. Потрудится отец Сергей и в рядах Московского управления РОКК, и в составе Императорского Православного Палестинского общества. Получит большое признание, удостоится наград. В ноябре 1937 года настоятель Богоявленского храма в городе Богородске протоиерей Сергей Махаев будет арестован и 2 декабря расстрелян на Бутовском полигоне. За неделю до этого там же подвергнется расстрелу его младший брат Александр, в своё время служивший директором школы для глухонемых детей, состоявшей под попечительством Великой княгини Елизаветы.

*

Совершать дальние паломничества не позволяли многочисленные обязанности Сергея Александровича и работа Елизаветы Фёдоровны. Но иногда, особенно в первые годы генерал-губернаторства, выручали инспекции Великого князя, дававшие возможность посетить духовные места подведомственного края. Вначале подмосковные — Коломна (с молитвой в Тихвинском соборе и приездом в соседние обители), Бронницы (с поклонением чудотворной Иерусалимской иконе Божией Матери), Клин (с посещением Влахернского и Деденевского монастырей), Волоколамск (с присутствием на празднике в Иосифо-Волоцкой обители)... Потом соседние губернии — Рыбинск, Романов, Углич. Большое впечатление произвёл

Ярославль, восхитил Ростов Великий. «Мы в восторге от Ростова! — писал Сергей Александрович младшему брату. — Ты себе представить не можешь, что за прелесть, — какие идеальные церкви, какой музей... Но день был ужасно жаркий — мы изжарились, и жена слегка изнемогала. Были мы и в Спасо-Яковлевском монастыре, где покоятся мощи святителя Димитрия».

Святой Димитрий Ростовский почитался в Великокняжеской семье сугубо. Его имя получил племянник и крестник Елизаветы Фёдоровны, родившийся в Ильинском при столь трагических обстоятельствах, и Сергей Александрович вскоре испросил для мальчика частицу мощей святителя. В июне 1904 года подрастающего воспитанника вместе с его сестрой дядя и тётя привезли в Ростов, чтобы он помолился своему небесному заступнику. Поездка оказалась насыщенной. «После поклонения ростовским святыням Успенского собора, — сообщает официальный источник, — прослушивания ростовских звонов, осмотра Музея церковных древностей и прослушивания кантов святителя Димитрия Ростовского, исполненного учениками Димитриевского духовного училища, Их Высочества отбыли в Спасо-Иаковлевский Димитриев монастырь, где молились за молебном святителям-чудотворцам Иакову и Димитрию». Судя по всему, образ ростовского подвижника (духовного писателя, историка и просветителя) стал очень близким Великой княгине. В годы Первой мировой войны она ещё дважды совершит паломничества в его обитель и тогда же проиллюстрирует посвящённые ему страницы благотворительного сборника рассказов для детей «Под благодатным небом».

Однако при всей значимости таких поездок главную роль в постижении Елизаветой Фёдоровной православной жизни всегда играла Москва. Почти постоянное нахождение среди святынь и древностей Первопрестольного города, ощущение сопричастности с его историей, обычаями и традициями, вскоре ставшими почти родными, стремление соответствовать здешним устоям и приобщение к местному благочестию помогали не только лучше понять русскую духовность, но и, радостно приняв, сделать её основой своего бытия.

Ежегодным апогеем церковного календаря было, конечно, празднование Светлого Христова Воскресения, проходившее в Москве с особым колоритом. В доме Сергея Александровича и Елизаветы Фёдоровны к нему готовились тщательно. Усиленно молились, исповедовались, читали духовную литературу. И с волнением ждали несравнимого ни с чем настроения Пасхальной ночи, когда многотысячная масса людей соберётся в Кремле в ожидании первого удара колокола! За

рекой сияет Замоскворечье, незримая рука зажигает огоньки на Иване Великом, а на решётке под Успенским благовестником вспыхивает белый яркий крест. Стихают все разговоры, загораются пасхальные огни, и богомольцы вынимают припасённые свечи. Чувство напряжённого ожидания охватывает каждого. Отблески и тени на стенах собора, алеющие внизу грани Ивановского столпа — всё создаёт удивительную и в чём-то сказочную картину. Приближается полночный час. Староста звонарей в красном кафтане с позументом и муаровым поясом, с золотой медалью на шее и медалями на груди занимает свой пост у большого колокола. Первого удара в Кремле ждут во всех московских храмах, чтобы уже со второго подхватить праздничный звон, разносящий благую весть. В ту же минуту небо расцветивается ракетами и «римскими свечами».

Великокняжеская чета прибывала в Успенский собор около полуночи, а затем вместе с крестным ходом шествовала вокруг храма под орудийный салют в семнадцать выстрелов и оглушительный гул колоколов. «Нет таких слов и красок речи, — писал один из очевидцев, — которыми можно было бы изобразить величественный пасхальный звон в Кремле... В этой силе исчезает всё: и начавшаяся пушечная пальба, и пение хоров в появившихся крестных ходах, и вздохи волнующейся массы тысячей людей. Только слышен один звон, видны разом море свечей и как бы огненные змеи, выющиеся между свечами многотысячной толпы. Этих движущихся огненных потоков разом шесть... Сущее торжество!»

Затем начинались поздравления. По свидетельству Джунковского, «в самый день Пасхи утром Великий князь и Великая княгиня христосовались с прислугой, не только своей, но и лиц свиты». Днём Великий князь делал несколько визитов, а вечер тихо проводил с женой. На следующее утро первую семью Москвы поздравляло дворянство (приходило до пятисот человек), специально приезжал московский митрополит. Потом наступала очередь военнослужащих, городских дам и многих других. «Великий князь, — вспоминал его адъютант, — с каждым христосовался, Великая княгиня подавала руку... Было очень интересно наблюдать за всеми подходившими, некоторые давали Великому князю и Великой княгине по красному яйцу».

Зимой 1900 года Сергей Александрович и Елизавета Фёдоровна были ошарашены известием о том, что предстоящую Пасху царь собирается встречать в Москве. Как же прекрасно, если Государь, подобно своим далёким предшественникам, испытает радость праздника в самом сердце Отечества, если здесь, на родной исторической почве станет ещё ближе к своему народу и почувствует то, что ощущала в Москве Великокняжеская чета — биение сердца Православной России! И вот уже приехавшие в

Первопрестольную император Николай II и императрица Александра Фёдоровна всю Страстную седмицу ежедневно присутствуют на богослужениях в Кремлёвских храмах, говеют, приобщаются Святых Тайн. По словам Государя, он, объединяясь в молитве со своими подданными, молится, чтобы Господь помог ему в служении России, в служении к её славе.

В Страстную пятницу Сергей Александрович написал брату Павлу: «Сегодня ночью в 3 ч. мы пошли с Царями в Успенский собор на вынос и хождение за плащаницей! Это было что-то удивительное — никто Их не ждал — фурор громадный — общий народный восторг, ибо Они стояли с народом в соборе и с народом же ходили кругом собора!.. Они сами остались в восторге». Апофеозом события становится Пасхальное богослужение. «Ещё в 9 часов вечера, — сообщают «Московские церковные ведомости», — вереницы празднично разодетой публики потянулись в Кремль, в котором ярко освещёнными окнами, бросавшими большие снопы света, резко выделялось грандиозное и величественное здание Большого Кремлёвского дворца. Народ с каждой минутой прибывал, и к 11 часам весь Кремль представлял одно сплошное море голов. Через полчаса сильными раскатами пронёсся над Москвою пушечный выстрел. К этому времени вся официальная и знатная Москва была во дворце».

Ровно в полночь, когда на площади появился крестный ход с иконой Воскресения Христова, подаренной собору Сергеем Александровичем, царь с пышной свитой направился в дворцовую Верхоспасскую церковь. На нём, как в день коронации, был Преображенский мундир, на царице — шитое золотом белое русское платье и жемчужный кокошник. В древнем храме перед византийским образом Нерукотворного Спаса, привезённым в Россию Софьей Палеолог в XV веке, они выстаивают Светлую заутреню, и многим кажется, что в эту ночь воскресла сама Святая Русь!

Около трёх недель император находился в Москве, встречаемый при каждом появлении на улице громадными толпами. Люди стеной выстраивались вдоль маршрутов его кортежа, простаивая порой долгие часы, чтобы выразить свой восторг. Газеты пестрели характерными заголовками: «Царь и Москва», «Царь и народ». Подсчитано, что за всё послепетровское время такое случилось лишь в пятый раз. «Русский листок», оценивая происходящее, восклицал: «Царь встречает пасхальную заутреню в Кремле среди народа... Царь запросто христосуетя со своими слугами и с нижними чинами... Царь посещает митрополита... Представляется ли, что строки эти написаны по поводу событий, только

вчера совершившихся на глазах счастливой Москвы? Так и кажется, что мы переживаем страничку из истории древней Патриархальной Руси, когда и жизнь была проще, и люди больше любили друг друга... Есть что-то глубоко трогательное в этом возвращении к старине. Трогательное, а вместе с тем возвышающее душу и наполняющее её верой в будущее».

О сердечном народном радушии, «которое росло с каждым днём» и «выливалось в подлинное ликование любви и восторга перед правящей четой», Елизавета Фёдоровна с радостью сообщала вдовствующей императрице: «Ты видела и знаешь, как это благотворно и как полно возмещает тяготы жизни Государя. И это вошло в сердце Аликс, а нас осчастливило — она должна была почувствовать, как любят русские, ни в одной стране так не умеют любить и являть всю свою теплоту и преданность! Ники с его милыми глазами... толпа называла “наш светлый ангел”. Его обезоруживающая скромность, глубокая вера и любящая улыбка внушили безмерную любовь, ибо это больше, чем восхищение; в воздухе, казалось, витали радость, “мир и благоволение”».

Венценосные гости и радушные хозяева посетили московские монастыри, совершили поездку в Троице-Сергиеву лавру и отдали должное светскому веселью. По части последнего Елизавета Фёдоровна приготовила сюрприз — «исторические танцы» пяти эпох в соответствующих костюмах. Ещё задолго до праздника её гостиная и мастерская стали напоминать ателье — повсюду лежали куски материи, а Великая княгиня с фрейлинами и подругами суежилась между ними, что-то рисуя, раскраивая и подшивая. Сергей Александрович не мог сдерживать улыбки — этих женщин «хлебом не корми, а подавай им копытца над материями, рисунками, костюмами». Однако за результатами следил придирчиво и, заинтересовавшись, хвалил точность некоторых деталей. Для помощи обратились в театральные мастерские, пригласили балетмейстеров, выбрали и необходимую музыку, нашли танцоров. По замыслу постановщиков, танцоры представили эпохи Владимира Святого, Ивана Грозного, Петра Великого, Екатерины Второй и, наконец, Александра Первого. Всем увиденным Государь остался очень доволен, а в ходе репетиции особо заинтересовался нарядами X века.

Вскоре после возвращения в Петербург император направил дяде Сергею письмо, в котором поделился своими общими с женой чувствами: «Мы оба живём под полным обаянием Москвы и всего пережитого вместе с вами в эти три Светлые недели. Тебя и Эллы нам страшно недостаёт, вечера нам кажутся скучными и длинными, и мы себя чувствуем, право, совсем осиротевшими». Было решено, что Царская семья вновь приедет в

Москву на Пасхальные праздники, но осуществить желание удалось лишь через три года.

За месяц до нового визита произошло ещё одно яркое событие, обращавшее участников в прошлое, к истокам и корням. Знаменитый костюмированный бал, организованный в феврале 1903 года в Зимнем дворце. В соответствии с задумкой все приглашённые должны были появиться на нём в роскошных костюмах XVII века, изображая двор царя Алексея Михайловича. Специально для императора из Оружейной палаты Кремля привезли подлинные драгоценности той далёкой эпохи, причём в их отборе непосредственное участие принимал Сергей Александрович. Первейшее значение он уделил посоху — символу власти, с которым Тишайший выходил к боярам. Пригласили выступить Ф. И. Шаляпина, музыканты подготовили русский репертуар, группа офицеров и фрейлин разучила русские танцы.

Стилизованные под старину балы практиковались и раньше, но ничего, кроме внешней экзотики, в них раньше не вкладывалось. На сей раз во главе угла стояли серьёзные размышления Николая II о роли национальной эстетики в различных сферах жизни. Необычный праздник должен был открыть дорогу всему отечественному на самый верх, и рискнём предположить, что мысль о подобном действе могла возникнуть у Государя с невольной подачи дяди Сергея и тёти Эллы. Как тут было не вспомнить хорошо поставленные и удачно исполненные «исторические танцы» в Москве и, главное, как не вдохновиться теми чувствами, что подарили Пасхальные дни в Первопрестольной три года назад — с их потрясающей духовной силой, с их доказательствами живой реальности того, что казалось давно ушедшим. «На Пасху в Москве, — говорила о переживаниях императрицы её фрейлина, — ей казалось, что она чувствует настоящую душу России... Здесь она чувствовала себя единой со Святой Русью, с русским народом в его простой и пылкой вере».

Теперь, словно по мановению руки волшебника, в Кремлёвские палаты времён первых Романовых предстояло превратиться парадным петербургским залам. Сергей Александрович, сопровождаемый адъютантом Джунковским, и Елизавета Фёдоровна со своей гофмейстериней Олсуфьевой и фрейлиной Шаховской, прибыв на праздник в соответствующих костюмах, увидели незабываемую, фантастическую картину — ожившая наяву сказка! «Мужчины и женщины из высшего общества, — вспоминала баронесса Буксгевден, — соперничали друг с другом на этом балу. Из частных коллекций специально для этого случая извлекли великолепные посохи, драгоценности и меха. Офицеры

нарядились в мундиры того времени, а придворные оделись в платья, принятые при дворе царя Алексея. Великие княгини были одеты подобно своим прародительницам, а их наряды создавались лучшими современными мастерами». Добавим, что иные, рассчитывая на эффект, переусердствовали с драгоценностями — ведь так трудно удержаться, чтобы не щегольнуть лишний раз фамильными изумрудами и сапфирами. Напротив, Елизавета Фёдоровна, признанная на этом балу первой красавицей, являла собой образец гармонии и вкуса. Она представляла русскую княгиню: шитый золотом спереди и по подолу светлый летник с длинными рукавами, также расшитыми и отороченными мехом, меховое ожерелье, лежащее на груди и плечах, огромный украшенный жемчугом и самоцветами кокошник. Когда вместе с княгиней Юсуповой она вышла солировать в русском танце, от великолепного зрелища было невозможно отвести глаз.

Сергей Александрович оделся русским князем. На нём ладно смотрелись бархатный кафтан, почти лишённый украшений, богатые оплечья с драгоценными камнями, высокий стоячий воротник и широкий пояс с роскошной золотой пряжкой. Нет сомнения в том, что Великий князь лично продумывал детали своего костюма, созданного по эскизам художника С. Соломко, и уж тем более позаботился о том, как будет выглядеть его жена. Пожалуй, как никто из сотен приглашённых на тот последний в России костюмированный придворный бал, он мог почувствовать стиль изображаемой эпохи, так как хорошо разбирался не только в исторических деталях, но и в национальном искусстве, понимая русское видение красоты. Рядом с ним постигала этот мир и Елизавета Фёдоровна.

Как и все участники праздника, «московские гости» сфотографировались для памятного альбома, но позднее решили сделать свой отдельный снимок в Кремле. Интерьеры Теремного дворца Алексея Михайловича как нельзя лучше подходили для выхода в таких нарядах. В одной из палат Сергей и Елизавета представили перед объективом «живую картину»: он сидит на стуле в важной, но слегка непринуждённой позе, она с необыкновенным изяществом подносит ему чашу, возможно, взятую для такого случая из Оружейной палаты.

29 марта, в Лазареву субботу, Государь вновь приехал в Москву на празднование Пасхи. И опять огромный энтузиазм москвичей сопровождал пребывание Помазанника Божия среди великих национальных святынь. Как и в прошлый раз, Царская семья застаёт знаменитое Вербное гулянье с его базарами у Спасских ворот и модными катаниями в экипажах по

Красной площади и по Тверской улице. Теперь, когда где-то рядом с предпраздничной суетой находится русский царь, традиции и обряды седой старины приобретали большую яркость, понятность, значимость.

Утром Вербного воскресенья Николай II направился на богослужение в Успенский собор. Для увековечения события торжественный выход с Красного крыльца снимался на киноплёнку. Кадры сохранились до наших дней: император и императрица ведут за руку дочь Ольгу, следом идут Великий князь Сергей, немного щурясь от ослепительного солнца, и Великая княгиня Елизавета. Это единственная хроника, где она запечатлена в светском платье и рядом с мужем, а его самого мы не увидим больше ни на одном кинокадре. Все отвечают поклонами на приветствие народа. Третью пару составляют юные Дмитрий и Мария, за которыми следует свита. Эпизод снимают фотографы, а художник Н. Матвеев вскоре изобразит его на заказанной генерал-губернатором акварели.

Снова члены Императорской Фамилии (кроме венценосцев в Москве гостили их дочери и брат императора, Великий князь Михаил) активно знакомились с Первопрестольной. Посещали монастыри и храмы, музеи и выставки, осматривали исторические достопримечательности. Елизавета Фёдоровна познакомила Государя с работами своих подопечных из Строгановского училища, а в один из дней вместе с ним и племянниками совершила прогулку по Кремлёвским стенам. Вскоре снизу их заметили москвичи, и когда император спустился на Сенатскую площадь, чтобы обойти Никольскую башню, его и сопровождающих обступила плотная толпа, моментально собравшаяся у ворот. Люди теснили друг друга, пытались приблизиться к Государю, благодарили Бога за ниспосланное счастье, выкрикивали приветствия. Охрана совершенно растерялась, и Сергей Александрович бросился выручать племянницу Марию, едва не раздавленную народом. К счастью, всё закончилось благополучно, хотя в возникшей суматохе у царя оторвали от сапога шпору.

Для ближнего паломничества в тот раз выбрали Воскресенский Новоиерусалимский монастырь, величественное создание патриарха Никона. Елизавета Фёдоровна уже побывала здесь в первый год своего замужества, для императора же необычная обитель стала открытием. К тому же, в отличие от тёти Эллы и дяди Сергея, он не был на Святой земле, так что соприкосновение с точной копией иерусалимских святынь, которую и представлял собой монастырь, имело для него особый характер. От железнодорожной станции ехали медленно, наслаждаясь необыкновенно тёплой погодой. Со стороны реки Истры открылся живописный вид на окрестности, но не менее поразительным выглядело огромное скопление

народа, вышедшего встречать своего царя. Людей никто заранее не предупреждал, однако прослышав о приезде Государя, около пяти тысяч местных крестьян собрались возле монастыря, а земские старшины приготовили хлеб-соль.

В обитель вошли крестным ходом. Молебен был совершён в часовне Гроба Господня, после чего Августейшие богомольцы обошли пределы грандиозного Воскресенского собора. Поднялись на Голгофу, посетили темницу, осмотрели «Камень помазания», спустились в придел Святого Иоанна Предтечи, где похоронен патриарх Никон, ознакомились с собранием ризницы. Елизавета Фёдоровна приложилась ко всем чудотворным святыням, внимательно выслушала рассказ архимандрита о монастырских реликвиях. К ним вместе с мужем она добавила ещё три, привезённые в качестве дара, — «сучец» из монастырского сада в Гефсимании, камень от Гроба Господня и камень от Гроба Божией Матери.

После знакомства с дворцом и библиотекой проследовали в музей обители, где задержались дольше намеченного. Императрица и Великая княгиня внимательно рассматривали исторические предметы, задавали вопросы, делали комментарии. То же самое было и в ризнице, что приятно удивило дававшего пояснения графа П. С. Шереметева, большого знатока церковных древностей: «Они обе очень интересовались, особенно в ризнице, тканями, рипидами, воздухами и крестами. Мне пришлось вместе с архимандритом много перебрать риз, и они действительно любовались некоторыми. Елизавета Фёдоровна выразила удивление, как никто не интересуется из монахов, что нужно брать образцы, издавать».

Пасхальные праздники завершились, а всего через четыре месяца Елизавету Фёдоровну ждало событие, которое многие назовут «Пасхой посреди лета» — прославление преподобного Серафима Саровского.

*

В Сарове Великокняжеская чета приняла участие во всех церемониях. «Митрополит Антоний встречал — лития в соборе, — отметил Сергей Александрович в дневнике 17 июля. — Ходили потом в другую церковь. Прикладывались к мощам преподобного Серафима. Мы живём в доме с Ники. После обеда жена, Ольга, Петя и я к источнику Преподобного пешком и искупались под струёй. Удивительное чувство!!! Красота местности. Много было чудес эти дни! Господи, благослови. Аминь». Его запись, как всегда, лаконичная и сдержанная, несмотря на переполняющие

эмоции. И можно только догадываться, сколько впечатлений, сколько чувств и мыслей скрывается за этими строчками, сколько незабываемых картин.

Огромные толпы народа, нескончаемые крики приветствия, дивный молебен, благоговение перед святыми мощами. Вечером, в десятом часу, Сергей Александрович с Елизаветой Фёдоровной, сестра Государя, Великая княгиня Ольга Александровна, и её муж, принц Пётр Ольденбургский, отправились к источнику. По пути заглянули в небольшую церковь, где шла исповедь, потом, спустившись с холма, пошли вдоль широкой дороги, по обочинам которой тесно расположились богомольцы. Пришлось немного поплутать, пока молодой монах не показал направление — через густой хвойный лес. Уже совсем стемнело, но в фигурах идущих навстречу людей было не трудно распознать калек, опиравшихся на костыли и палки. За очередным поворотом неожиданно вспыхнул свет — он лился из дверей часовни над источником, и Августейшие паломники с умилением испили воды, поднесённой старым монахом. Затем тот же инок подвёл их к купальне, зажёл три свечи и удалился. Первой под струю зашла Ольга Александровна, за ней Елизавета Фёдоровна. Потом поочерёдно искупались мужчины. Холода совсем не чувствовалось. Но было ощущение свежести, чистоты, радости...

На обратном пути решили зайти в ту часовню, где ранее был похоронен святой Серафим. В это время иноки принесли старый гроб, мощи из которого переложили в раку. Архимандрит Сергей вспоминал: «Мы с отцом Никоном крышку принесли немного пораньше гроба, минуты на две-три. В часовне было несколько монахов, иереев... Пришли офицеры из охраны... Вдруг сюда же входят военные генералы, дамы, барышни... Я стоял у крышки и не обратил сначала особенного внимания... Но всматриваюсь... И что же? Это — Великий князь Сергей Александрович с Великой княгиней Елизаветой Фёдоровной, и Великая княгиня Ольга Александровна с принцем Петром Александровичем Ольденбургским. Тронули они всех нас до глубины души... Когда им ответили, что принесли гроб, в котором лежал в земле преподобный, они преклонились перед крышкой гроба (а гроб опускали в могилу), целовали её. В гробу, от ветхости его, есть нечто вроде праха, пыли.. Они брали эту пыль, заворачивали её в бумажки и уносили с собой... А Великий князь Сергей Александрович даже помогал опускать гроб в могилу...»

На следующее утро Елизавета Фёдоровна вместе с мужем встала в шесть часов и присутствовала на литургии, где причащались император и императрица. Великий князь пока воздерживался, считая себя недостойным

приобщиться Святых Тайн в такие дни. Днём состоялось посещение двух ближайших пустынь. Царская семья со свитой ехала в экипажах, и только Сергей Александрович с Государем проделали все десять вёрст пешком. Вечером, после всенощной, они вместе с другими лицами перенесли в сопровождении крестного хода гроб с обрётёнными -мощами чудотворца в Успенский собор.

Как в эти величественные минуты, так и во время посещения расположенных поблизости святых мест Елизавета Фёдоровна видела тысячи и тысячи паломников. Люди со всех концов России — немощные, больные, сильные, богатые, знатные, нищие... Какова их искренность, какова духовная сила! «Какую немощь, какие болезни мы видели, но и какую веру, — напишет она сестре Виктории. — Казалось, что мы живём во время земной жизни Спасителя. И как они молились, как плакали — эти бедные матери с больными детьми, и, слава Богу, многие исцелились. Господь сподобил нас видеть, как немая девочка заговорила, но как молилась за неё мать!»

19 июля наступила кульминация праздника. В восемь часов с четвертью началась литургия перед мощами преподобного Серафима, положенными в поднесённую императором в дар святому серебряную раку. Одна из возжжённых над ней лампад — подношение Сергея Александровича. Выполненную в византийском стиле, её украшали прекрасные жемчужины, принадлежавшие покойной императрице Марии Александровне. «Молились как никогда», — признавался Великий князь. Во время обедни он подал записку с именами тех, о чьём здравии просит Всевышнего и Его прославляемого угодника. В дальнейшем Елизавета Фёдоровна бережно хранила среди своих бумаг этот листок с собственноручной записью супруга: «О здравии Павла, Владимира, Дмитрия, Константина, Елизаветы, Марии, Елизаветы. Сэров, 19 июля 1903 года». Заметим, что первым упомянут наказанный и изгнанный младший брат, доставивший годом ранее столь мучительную боль. Но с истинно христианским смирением Сергей Александрович прощает отступника и в первую очередь молится именно о нём. Далее назван старший брат Владимир Александрович, племянник Дмитрий и любимый кузен Константин Константинович. Среди женщин на первом месте супруга, затем племянница и жена Константина.

По окончании службы мощи святого Серафима обносят крестным ходом вокруг собора. Сергей Александрович вновь, как и накануне, несёт гроб, шествуя вторым с правой стороны. Первым перед ним идёт император. Оглушительно звонят колокола. Великий князь низко склоняет

голову: «Преподобный отче Серафиме, моли Бога о нас».

Вечером, взяв с собой сестру и пригласив племянницу Ольгу, Елизавета Фёдоровна вновь направилась к святому источнику. Чуть позади шёл император, сопровождаемый Сергеем Александровичем. «Был такой тёплый вечер, — вспоминала Ольга Александровна, — и было почти светло, так как луна освещала тропу. С левой её стороны темнела опушка леса, а с правой стороны речка, вдоль которой мы шли, журчала и кое-где блистала в лучах луны. Вода источника была до такой степени холодная, что как бы обжигала тело, будто кипяток, зато потом оставалось приятное чувство бодрости». Возвращаясь, уже около полуночи, пришли в келью преподобного Серафима, чем весьма удивили схимника Симеона, никак не ожидавшего в столь поздний час встретить царственных посетителей, желавших исповедоваться. После молитвы первой пошла к исповеди Елизавета Фёдоровна, за ней Ольга Александровна. Исповедался и Сергей Александрович. Все сомнения отпали — следующим утром вместе с женой он причащался в храме Святых Зосимы и Савватия.

Это был день отъезда. После молебна у мощей преподобного отправились в обратный путь, но по дороге посетили Дивеевскую обитель, где навестили игуменью Марию, побеседовали с блаженной Прасковьей Ивановной и повстречались с Еленой Ивановной Мотовиловой, хорошо помнящей батюшку Серафима. Впечатления переполняли!

Дома, в Ильинском, ждал сюрприз — дети, догадываясь, в каком настроении приедут дядя и тётя, иллюминировали подъездную аллею. И они не ошиблись. Светлые, праздничные, радостные чувства долго не оставляли Великокняжескую чету. Все разговоры с родственниками и знакомыми неизменно сводились к рассказам о Саровских торжествах. Сергей Александрович приступил к их подробному описанию в отдельных тетрадях, заказал для окрестных храмов иконы преподобного Серафима, дарил окружающим привезённые из Сарова образки. Сильный душевный подъём переживала и Елизавета Фёдоровна. «Мы всё ещё будто во сне, — признавалась она вдовствующей императрице спустя неделю после возвращения. — О, какое время! Все эти разнообразные впечатления малопомалу прорастают, и чувствуешь себя там, и жаждешь вернуться. И так трудно снова жить обыденной жизнью, когда часть тебя не здесь! Такое чувство, что душа твоя там, и хотя сердце и мозг не в состоянии работать, как всегда, но нечто пребывает в лучшем мире — ближе к Богу, чем прежде».

Саровские торжества оставили в душе Великой княгини неизгладимый след, а образ святого Серафима стал для неё особенно дорогим и близким.

К нему она будет часто обращаться в трудные минуты, на его поддержку станет уповать в тяжких испытаниях, его молитвам доверит своих родных в сложных и опасных ситуациях. То, что открылось в Сарове, всё увиденное и пережитое в те дни, помогло ей ещё выше подняться в духовном росте, но время обретения нового небесного заступника оказалось промыслительным в её дальнейшей судьбе. Ибо с этого момента Елизавета Фёдоровна вступала на свой тернистый путь.

3. НА КРАЮ БЕЗДНЫ

Новый век начался с потерь. 22 января 1901 года в Осборне скончалась королева Виктория. Как и положено, при Дворе в Петербурге объявили траур, носивший, впрочем, формальный характер — по случаю военноморского праздника император даже посетил Мариинский театр. Давали «Евгения Онегина», и, пользуясь возможностью вновь услышать одну из своих любимых опер, к Государю присоединился Сергей Александрович. Елизавета Фёдоровна не поехала на спектакль. Она искренне переживала смерть дорогой бабушки, с которой теперь, увы, не могла попрощаться. Нахлынули воспоминания о детстве, о ранней юности, о родителях и о милом Осборне, где всегда было так уютно, так спокойно, так радостно. И надо же, именно там, в доме свадьбы бедной мамы, в этой бухте утешения для юных гессенских сирот, остановилось сердце той, кто уделял им столько внимания и дарил столько любви!

Бабушка гордилась Эллой и, что гораздо важнее, старалась её понять. Она единственная из всей европейской родни не только приняла, но и поддержала решение внучки о смене религии. Она всегда интересовалась жизнью Елизаветы в России, а та регулярно сообщала ей о своих новостях, неизменно подписываясь «ваша любящая», «ваша послушная», «ваша преданная». Не забывала и о подарках для бабушки. Как-то на Рождество отправила в тот же Осборн собственноручно расписанный веер. Иногда, очень редко, они встречались в Англии или в Германии на очередных семейных или государственных торжествах. В июне 1897 года увиделись на «бриллиантовом» юбилее царствования Виктории. Бабушка сияла в своём величии!

В день похорон Царская семья присутствовала на молебне в местной англиканской церкви. Внучки покойной, Элла и Аликс, были в чёрном. В самой Англии родня, провожавшая королеву в последний путь, согласно её воле, оделась во всё белое. Переворачивалась страница истории. Англия прощалась с королевой-символом, Европа с целой эпохой, а Елизавета Фёдоровна с последним из того, что связывало её с прошлой жизнью.

Петербургу же не было никакого дела ни до скорби англичан, ни до переживаний Великой княгини Елизаветы. Началась Масленица, и столица Империи с головой окунулась в веселье. Сплошной чередой пошли маскарады, балы, спектакли. Открылись новые экспозиции, прогремел

творческий юбилей балетмейстера М. Петипа, стартовали бенефисы знаменитых артистов. Императрица Мария Фёдоровна впервые за семь лет вдовства выехала в театр, после чего стала посещать почти все представления в Мариинке, словно желая наверстать упущенное. Избежать развлечений большого света не представлялось возможным — от Сергея Александровича и Елизаветы Фёдоровны ждали участия в праздничном круговороте, в итоге вынудив посетить несколько выставок (включая вернисаж «Мира искусства»). О танцах, разумеется, речь не шла, да они уже и так перестали радовать. Ровно год назад Великая княгиня признавалась в письме императрице Марии: «О, если бы ты знала, как нам грустно на этих балах, на которых мы последний раз танцевали (в Петербурге. — Д. Г.) девять лет назад — сейчас это кажется грустным, грустным сном. Хоть мы и участвуем в веселье, но любим-то прошлое, а его, увы, не вернёшь». Ныне, соблюдая траур, она грустила ещё сильнее.

Некоторое утешение принесло возвращение из Лондона брата, Эрнста Людвиг. С собой он привёз шестилетнюю дочку, чем вызвал, прежде всего, восторг у детей императора. Маленькая Елизавета, получившая имя в честь своей прекрасной тёти и крёстной, была очаровательным созданием. Резвая, весёлая, обаятельная, она вызывала у Великой княгини нежную улыбку и чувство радости за дорогого Эрни, души не чаявшего в своём единственном ребёнке. Но кто бы мог подумать, что этот лучик света угаснет всего через два года! И так внезапно, так непостижимо... Гостившая у Царской семьи на территории Польши девочка внезапно почувствует себя плохо, проболеет три дня и умрёт на глазах у потрясённого отца. Злой рок вновь ударит по Гессенскому Дому сближением счастья и беды — в последний раз Елизавета Фёдоровна увидит несчастную малышку всего за месяц до трагедии, когда приедет в Дармштадт на свадьбу другой племянницы, Алисы Баттенберг.

Раздавленному горем брату Великая княгиня напишет проникновенное письмо, в котором попытается сказать, что досылаемые людям тяжёлые испытания и потери укрепляют их на жизненном пути и духовно возвышают: «Я знаю, что твоя настоящая христианская вера и спокойствие дают тебе силы, которые никакие слова сочувствия не могут дать. Но всё же я хотела бы быть в том доме, где и ты, чтобы помочь тебе хоть немного в каждодневных заботах... Я была помилована от тех ужасных моральных переживаний, которые вошли, увы, в твою жизнь. Несмотря на это, основа в наших характерах — сходная. Но ты стоишь на высшей ступени лестницы в небо, а я всё ещё ниже тебя. Я так сильно стараюсь подняться вверх, но, кажется, всегда скольжу вниз опять». Это будет сказано за

пятнадцать месяцев до собственного страшного горя, за шаг до новых крутых ступеней, что поведут Елизавету Фёдоровну ввысь.

Тем временем среди насущных проблем, требовавших внимания московского генерал-губернатора, оказалось студенческое движение. Вопрос зрел давно, с появления нового Университетского устава 1884 года, ограничившего автономию в высшей школе. Николай Павлович Боголепов, ректор Московского университета, а затем попечитель Московского учебного округа, активно поддерживал просветительскую политику, сложившуюся при Александре III. Продолжит он этот курс и на посту министра народного просвещения, дополнив его идеей «Сердечного попечения о студентах». Но страсти в молодёжной среде разгорались нешуточные, и Сергею Александровичу трижды пришлось принимать меры, когда пьянящее чувство вседозволенности охватывало московские вузы. Каждый раз либералы выражали подстрекательское сочувствие молодёжи, революционные агитаторы толкали её в политику, но самое печальное состояло в том, что в правительственных кругах находились сторонники компромисса. Узнав об этом в самый разгар беспорядков 1899 года, Сергей Александрович испытал подобие шока: разве трудно понять, что уступки во время волнений ведут лишь к осложнению ситуации, а сокрытие истинного положения дел от Государя вообще недопустимо? Безрезультатно прождав целый месяц хоть каких-нибудь указаний, генерал-губернатор самостоятельно взялся восстанавливать порядок в Москве. Аккуратно и в то же время твёрдо.

В те тревожные дни Елизавета Фёдоровна не находила себе места. Видя, как переживает дорогой Сергей, она всячески старалась ему помочь — поддержать, успокоить, приободрить. В её голове никак не укладывалась картина происходящего — студенты всегда казались ей благонадёжными, безбидными и симпатичными. Великий князь заботился о их нуждах и когда вместе с женой приезжал на ежегодные университетские акты 12 января (в знаменитый Татьянин день), учащиеся одаривали Елизавету Фёдоровну массой букетов. Затем, по сложившейся традиции, каждый просил у Великой княгини цветок на память и на удачу в экзаменах, так что в конце праздника она оставалась почти с пустыми руками. Что же с ними произошло? Кто их использует и почему бездействует верховная власть? Наконец в один из дней Елизавета решительно взялась за послание Государю. Зная, что серьёзно рискует, поскольку супруг категорически запрещал ей вмешиваться в политику, она, обрисовав (конечно, со слов мужа) те ошибки, что допустило правительство, предостерегала племянника от излишнего доверия царедворцам: «Ты так чист и добр, и не

веришь, что кто-то посмеет извлечь выгоду из этой ситуации, но увы! мир так испорчен». Николай II с благодарностью ответил «тете Элле», а вскоре отдельно поблагодарил и «дядю Сергея» — за правильный взгляд, за твёрдость и за преподанный урок. Через несколько месяцев на открытии нового университетского общежития Великокняжеская чета по просьбе студентов сфотографируется в окружении радостной молодёжи.

Но это было лишь началом. С наступлением XX века над Россией вновь стали сгущаться тучи. Медленно, но верно на страну надвигалась грозная опасность, предчувствие которой всё чаще вызывало у Сергея Александровича тяжёлые думы. С горечью в сердце наблюдал он, как разваливается государственный механизм, падает авторитет власти и накаляется политическая обстановка. В первый же год столетия вновь заявил о себе террор. Изгнанная, казалось, раз и навсегда ещё двадцать лет назад кровавая бесовщина явилась теперь в облике эсеровских боевиков и готовилась разгуляться в полную силу. 14 февраля 1901 года в Петербурге террорист-одиночка смертельно ранил министра народного просвещения Н. П. Боголепова. Потрясённый произошедшим, Великий князь поделился размышлениями с братом Павлом: «Нет сильной направляющей воли, как было у Саши (Александра III. — Д. Г.), и теперь мы шатаемся, как в 70-х годах. Зачем? И даже ответ на вопрос не получишь».

Одновременно в Москве поднялась новая, ещё более мощная волна студенческих беспорядков, вызвавшая ответные меры полиции. Обстановка накалялась. «Ведения нехорошие, — сообщал Сергей Александрович императору, — проявления прямо революционные — нужно называть вещи их именами, без иллюзий. Время, напоминающее мне скверные времена моей молодости! Твёрдо, круто, смело нужно вести дела, чтобы не скользить дальше по наклонной плоскости». Однако в петербургских кабинетах на дело смотрели иначе, что едва не привело к добровольной отставке московского генерал-губернатора. Когда же всё-таки ему удалось пресечь волнения, в столице случился новый теракт, жертвой которого стал министр внутренних дел Д. С. Сипягин. Этот милый, добрый, глубоко верующий человек был очень симпатичен Николаю II и Сергею Александровичу, высоко ценившим его за твёрдость убеждений и искреннюю преданность. Терять таких людей всегда тяжело. Но причинённая утратой боль могла оказаться для Великого князя ещё большей, ибо, вполне вероятно, до него дошли подробности убийства. Оказалось, что переодетый в военную форму боевик вошёл в здание Государственного совета под видом... адъютанта московского генерал-губернатора! Там, подойдя к Сипягину, он сказал: «Срочный пакет от Его

Высочества», — и когда министр протянул руку за конвертом, террорист выхватил револьвер и произвёл выстрел. Жестоко, коварно, цинично...

Нервы Елизаветы Фёдоровны оказались на пределе. После недолгих сомнений она решила снова написать императору, высказав всё, что наболело в последние дни: «Милый мальчик, дражайшее дитя, позволь мне называть тебя так и позволь старому сердцу излить перед тобой все свои мольбы... Серж не знает об этом письме; наверное, оно выйдет непоследовательным и слишком женским, но я набралась ума-разума от других — не затыкая ушей, можно многое услышать от людей преданных, глубокого ума, опытных, любящих своего государя и отчизну. Я подумала: кто знает, может ведь и женщина пригодиться в трудные времена... Ники, дорогой, ради Бога, будь сейчас деятелен, может статься, нас ждут и другие убийства — и как положить конец террору? Прости, я пишу без обиняков, не выбирая выражений, и словно бы отдаю приказания; но я вовсе не жду, что ты будешь поступать по моей указке, просто излагаю эти мысли на случай, если они окажутся тебе полезными. Я бы без промедления назначила нового министра, каждый потерянный день приносит вред — почему бы не Плеве, у него есть опыт и он честен... Складывается впечатление, что ты опять отступаешь. Понимаешь, что я имею в виду: противная партия торжествует потому, что объясняет всё именно таким образом — и так оно и выглядит. Твёрдое решение, за которым следует обратное, хуже, чем ничего, это пагубно. А теперь ещё это новое несчастье. О, неужто этих скотов нельзя судить военно-полевым судом? И пусть вся Россия знает, что за такие преступления карают смертью... В случае, если ты сочтёшь, что Серж может быть полезен, можно ему написать, он ответит. Я знаю, он писал к бедному Сипягину и в день его смерти получил ответ, в котором мысль Сержа признавалась удачной. Она состоит в том, чтобы не публиковать фамилий тех, кто совершил покушение или преуспел в подобных преступлениях. Это помешает им выглядеть героями, и у них пропадёт желание рисковать жизнью и идти на преступление. (Я бы предпочла, чтобы преступник заплатил своей жизнью и исчез.) Кто он и что он, осталось бы неизвестным, а ведь им придаёт мужество мысль о том, что они станут героями и о них узнает весь мир. Хорошо бы ты прямо сейчас проявил всю необходимую твёрдость и ни малейшего сострадания по отношению к тем, кто сам не проявил его».

Сказано прямо, чётко и откровенно. В отдельных фразах звучат даже довольно жёсткие ноты, объяснимые всплеском эмоций, но в приведённых строчках Елизавета Фёдоровна, без сомнения, предстаёт сильной натурой, человеком деятельным и дальновидным. Здесь есть над чем призадуматься

и сегодня...

С беспорядками постепенно справились, обстановка несколько разрядилась. Беспокойство Великой княгини переключилось на семейные проблемы — последствия развода Эрни, странные, с её точки зрения, визиты к Аликс и Ники загадочного «доктора Филиппа», скандальный брак Павла, душевная болезнь одной из фрейлин. И вдруг всё резко изменилось, переведя жизнь на другие рельсы. В январе 1904 года началась Русско-японская война. В Успенском соборе Кремля огласили императорский Манифест, отслужили молебен о даровании русским войскам победы, перед генерал-губернаторским дворцом толпа москвичей с царскими портретами выразила свой патриотический подъём приветственными выкриками и пением национального гимна. Однако вскоре в Москву стали поступать неутешительные вести с фронта. Правда, первоначально военные неудачи приглушал русский героизм. 14 апреля Москва торжественно встретила команды крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец». На всём пути от Курского вокзала моряков приветствовали толпы людей и выстроенные в знак особой почести войска, а на следующий день офицеров двух славных кораблей приняла в своём доме семья генерал-губернатора.

Елизавета Федоровна в дверях Марфо-Мариинской обители. 1910 г.

Сергей Александрович и Елизавета Федоровна
на придворном маскараде. 1903 г.

Зинаида Юсупова, подруга Елизаветы Федоровны, танцует русский танец на маскараде 1903 года в Зимнем дворце. *Современная компьютерная реконструкция на основе исторических фотографий*

Групповое фото придворного маскарада 1903 года

Елизавета
Федоровна, 1905 г.

Террорист
И. П. Каляев, 1904 г.

Убийство Великого князя Сергея Александровича. *Открытка. 1905 г.*

Военный парад перед памятным крестом на месте гибели
Великого князя Сергея Александровича

Усыпальница
Сергея
Александровича
в Чудовом
монастыре
Московского
Кремля.
*Фото
начала XX в.*

Великая
княгиня
Елизавета
Федоровна,
императрица
Александра
Федоровна
и император
Николай II

Елизавета Федоровна в облачении настоятельницы. 1910 г.

Сестры Марфо-Мариинской обители.
В центре — Елизавета Федоровна. 1910 г.

Елизаветинское попечительское общество. Начало XX в.

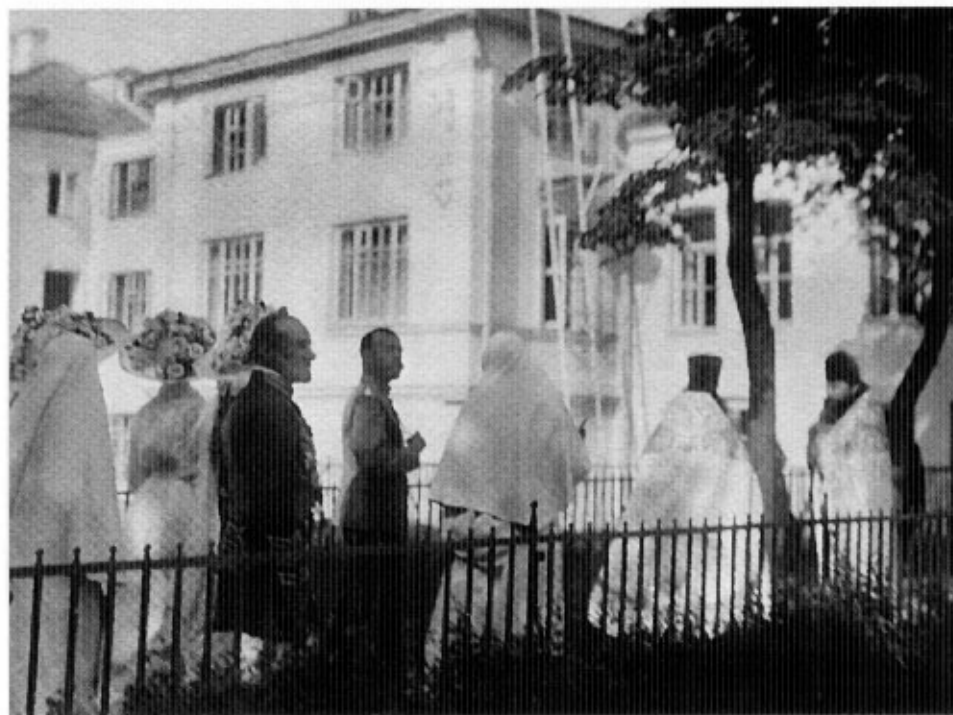

Марфо-Мариинская обитель. *Общий вид. 1910 г.*

Посещение Марфо-Мариинской обители Николаем II. *1910 г.*

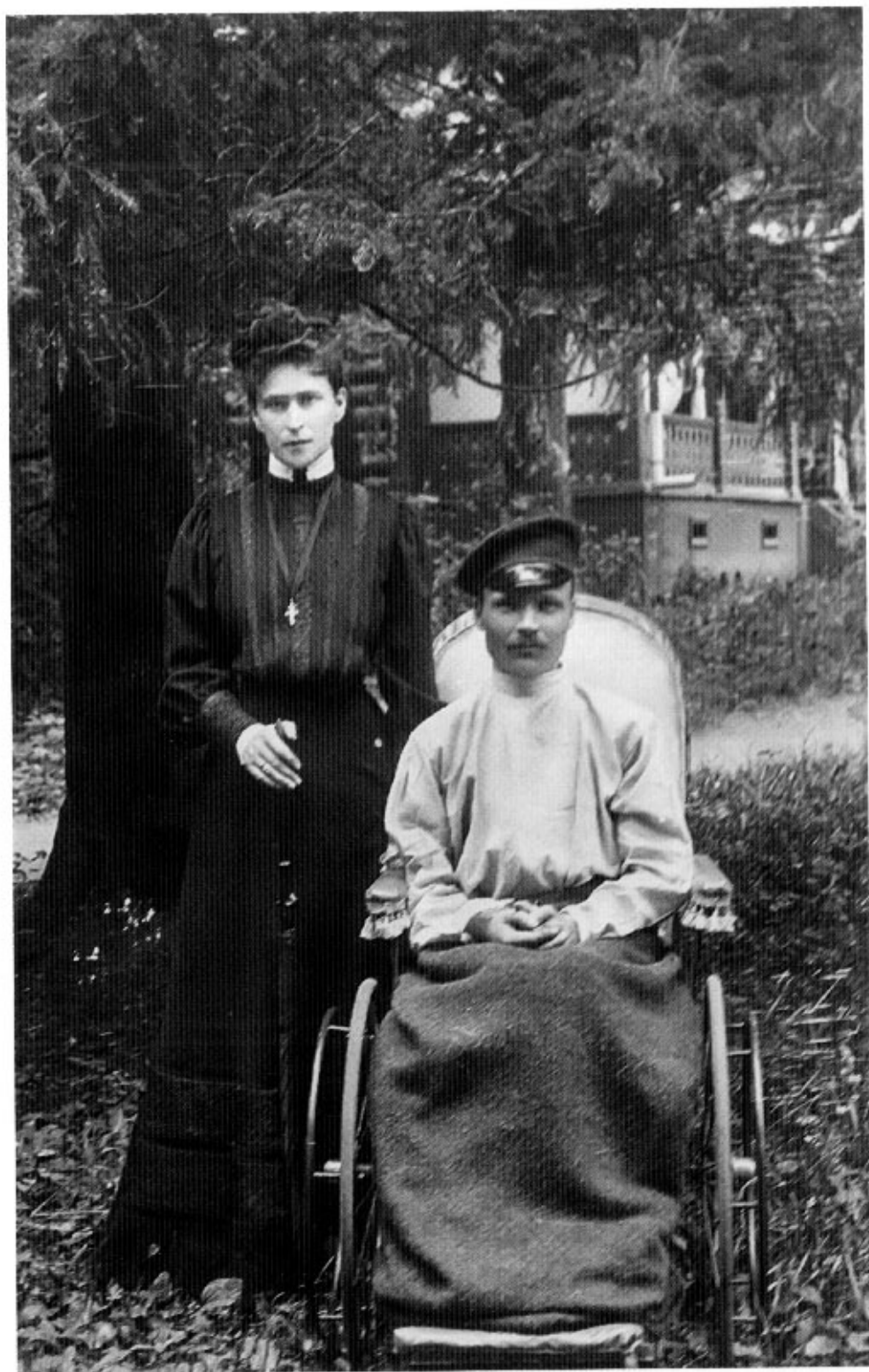

Вид Марфо-Мариинской обители еще до строительства
Покровского собора. 1909 г.

Покровский собор Марфо-Мариинской обители. Современный вид

Елизавета Федоровна с раненым солдатом в Ильинском. 1905—1906 гг.

*М. В. Нестеров.
Христос у Марфы и Марии.
Фреска для Покровского собора
Марфо-Мариинской обители. 1910 г.*

*М. Ф. Нестеров.
Елизавета Федоровна
в Марфо-Мариинской обители.
1910 г.*

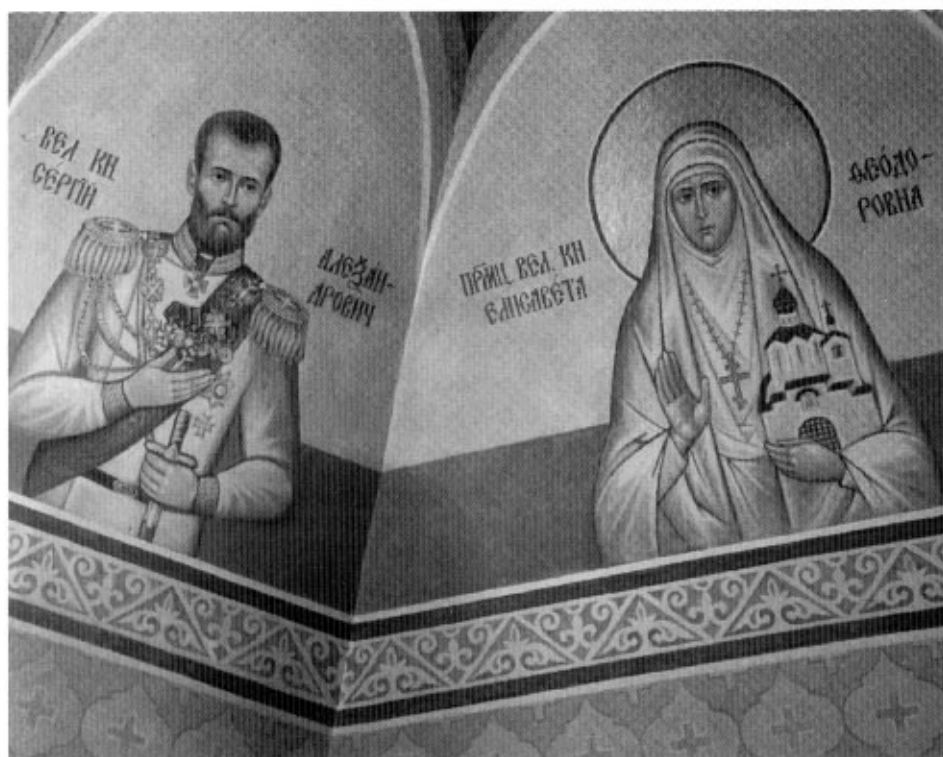

Ф.-А. фон Каульбах. Великая княгиня Елизавета Федоровна

М. Ф. Нестеров. Путь ко Христу. Фреска для Покровского собора
Марфо-Мариинской обители. Фрагмент. 1910 г.

Святая Елизавета
Федоровна
и Сергей
Александрович.
Современная фреска

Убиение святой
преподобномученицы
Елисаветы
и иже с нею.
Современная икона

Здание Напольной школы в Алапаевске. *Начало XX в.*

Восстановление памятного креста на месте убийства Великого князя
Сергея Александровича. *Москва. 2017 г.*

Святая преподобномученица Елисавета Фёдоровна. Современная икона

И всё же чаще с Дальнего Востока приходили сообщения о неудачах и потерях. Откликаясь на нужды воюющей армии, Сергей Александрович приобрёл на личные деньги и отправил на фронт дополнительное оборудование для госпиталей, а Елизавета Фёдоровна развернула широкую благотворительную деятельность. Уже в феврале, откликаясь на просьбу императрицы Марии возглавить в Москве сбор средств на нужды Красного Креста, она обратилась к населению с патриотическим воззванием: «Я решила образовать при мне Особый комитет из лиц по выбору моему, список коих будет безотлагательно опубликован, на каковой и возложить обязанности помочь мне оказать содействие всем учреждениям и всем добрым людям Москвы в их заботах об облегчении страданий воинов, несущих беззаветно кровь свою на защиту Отечества. Главной задачей комитета будет выяснение потребностей данного времени, снабжение жертвователей всеми необходимыми для них справками и сведениями, содействие к доставлению всего жертвуемого на места и к тому, чтобы желания и указания жертвователей были в точности выполняемы. Летопись России преисполнена доказательств отзывчивости Москвы ко всяким страданиям Отечества, и теперь с дерзким вызовом врага на далёкой окраине сказалось обычное доброе сердце древней столицы».

Но ещё раньше по собственной инициативе Елизавета Фёдоровна создала склад по сбору пожертвований, устроив при нём мастерские для помощи солдатам. Сначала он располагался в Румянцевском музее, а вскоре с разрешения Государя разместился в Большом Кремлёвском дворце. Этому начинанию Великая княгиня посвящала почти всё своё время, иногда проводя на складе целый день. Поднявшись по парадной лестнице в вестибюль дворца, она садилась за столик и начинала принимать пожертвования. Москва, по воспоминаниям графини А. А. Олсуфьевой, «выражала признательность ежедневным приношением к ней множества подарков для её солдат. Количество посылок, отправляемых на фронт из её рабочих комнат, было колоссальным». Ни один жертвователь, принёсший хоть 35 копеек, не остался без внимания Елизаветы Фёдоровны, а когда маленький мальчик принёс — как трогательно! — живую курицу (пусть несёт солдатам свежие яйца), она заверила малыша в том, что его птица обязательно попадёт на фронт.

Затем направлялась в парадные залы. Все они, за исключением Тронного (Андреевского), были уставлены швейными машинками и рабочими столами, за которыми сотни женщин из самых разных социальных слоёв создавали тёплые вещи, бельё, бинты. «С утра до вечера, — замечает А. А. Олсуфьева, — в течение всей войны этот трудовой улей

работал для армии, и Великая княгиня с радостью видела, что огромные вызолоченные салоны едва вмещают работающих... Все её дни были заняты этой работой, которая достигла огромных размеров. Это было целое министерство, целый департамент, отличавшиеся от большинства министерств тем, что сотрудники никогда не имели праздничного времени». Готовые изделия упаковывались, снабжались ярлыками и отправлялись на фронт.

Одновременно упомянутый выше Особый комитет Великой княгини взялся за формирование летучих санитарных отрядов, предназначенных для оказания срочной помощи раненым сразу после сражения. В Петербурге их создавали Красный Крест и учреждения императрицы Александры Фёдоровны; в Москве девять отрядов, каждый из которых включал двух врачей, четырёх фельдшеров и двенадцать санитаров, сформировались под патронажем Елизаветы Фёдоровны. Первый из них был отправлен на театр военных действий 22 апреля 1904 года. В Потешном дворце в присутствии Великокняжеской четы отслужили напутственный молебен, после чего Елизавета Фёдоровна пожелала отряду успешной работы и благословила образочками каждого из его сотрудников.

К этой и без того колоссальной деятельности прибавятся отправка в действующую армию походных церквей, работа в Исполнительной комиссии по бесплатному размещению больных и раненых воинов, эвакуированных с Дальнего Востока, снаряжение плавучих (на баржах) и этапных лазаретов для перевозки раненых, создание отряда для борьбы с заразными болезнями. Заботы о получивших ранения на фронте отразятся и в открытии на берегу Чёрного моря «Елизаветинской санатории», построенной в кратчайшие сроки и оборудованной всем необходимым. Забегая вперёд скажем, что Великая княгиня не оставит без внимания пострадавших на войне даже после гибели мужа, создав во время личного траура Комитет по оказанию помощи жертвам Русско-японской войны и Сергиево-Елизаветинское трудовое убежище для увечных воинов, возведённое на средства, завещанные Сергеем Александровичем. Несколько солдат она поместит на излечение у себя в Ильинском, а для трудоустройства уходящих в запас воинов маньчжурской армии учредит специальное Бюро.

Между тем ход военной кампании принимал всё более неблагоприятный оборот, настроения в обществе заметно ухудшались и вскоре вылились в почти поголовное недовольство государственной политикой. Елизавета Фёдоровна с тревогой наблюдала, как сложившаяся ситуация угнетает супруга, как ужасает его очевидная растерянность

правительства. Сергею Александровичу было ясно, что приближается страшная катастрофа, предотвратить которую в одиночку он попросту не в силах. Необходимого же подкрепления не предвиделось. «Один в поле не воин, — написал он младшему брату ещё в год убийства Боголепова. — При Саше было другое дело; я чувствовал, что мог быть полезен, а теперь кому и чему?? Один вздор выходит, да и устал я, и нервы расшатались». Уже тогда Великий князь стал серьёзно задумываться об оставлении административной службы, но вначале теплилась ещё какая-то надежда на выправление положения, а затем чрезвычайные условия военного времени заставили его мобилизовать свои последние силы. Теперь и они подходили к концу.

15 июля в Москву пришло сообщение о новом теракте в Петербурге. На сей раз жертвой злодеев стал министр внутренних дел В. К. Плеве, а орудием убийства — разрывной снаряд, брошенный под его карету. Погибший сановник был весьма яркой личностью — жёсткий, бескомпромиссный политик, убеждённый консерватор, активный борец со всякого рода крамолой. Не случайно за его назначение так ратовал Сергей Александрович, а Елизавета Фёдоровна так радовалась согласию императора. «Он понял твою миролюбивую, святую натуру, — писала она Государю о новом министре, — и в то же время желание сражаться как честный солдат под высоко поднятым знаменем». Так что выбор боевиков был вполне понятен, как понятно и то, что среди следующих фигур, намеченных ими к ликвидации, одно из первых мест занял Великий князь Сергей Александрович.

«Мы живём на вулкане, — сообщала Елизавета Фёдоровна княгине З. Н. Юсуповой, — извержение будет — когда-то оно разразится и на кого падёт? Никогда, никогда не думала, что доведётся жить в такое ужасное тревожное время. Война, Бог даст, придёт своим чередом, в конце концов, к славе и славному миру; но ко всем подвигам и крови, пролитой за честь, за любовь к Государю и к отчизне, дай Боже, чтобы не примешалась ещё и другая кровь. Внутреннее брожение зреет с ужасающей быстротой, и остановить его уже невозможно. Давно ощущалось, что это надвигается — но чтобы так скоро!»

К «стрелкам» на пути Российского государства срочно кинулись неопытные люди, чьи поспешные действия грозили уже опрокинуть «состав». Совещания, дискуссии, заигрывание с либеральной оппозицией, разговоры о конституции... «Иногда думается, что все мы с ума сошли», — восклицал в дневнике Великий князь. Да и как иначе объяснить все эти попустительства антиправительственным собраниям, провокационным

речам, подстрекательским статьям? И это в разгар тяжелейшей войны, когда так необходима сплочённость общества вокруг престола! Безумие, настоящее безумие! По мере сил и возможностей он ещё пытался противостоять проникающим в политику и грозящим безопасности государства тенденциям, но вскоре понял, что при таком положении дел оставаться и далее на своём посту не может. Это было бы равносильно согласию с начинающимся «новым курсом», а, следовательно, предательству собственных убеждений. Не желая мириться с попранием того, что он сам так долго и старательно укреплял, Великий князь окончательно принимает трудное решение об отставке.

Эта мысль созрела давно, хотя первоначально была скрыта даже от близких. Теперь же пора пришла. После тяжёлого объяснения с императором прошение Сергея Александровича было принято, с 1 января 1905 года он освобождался от обязанностей генерал-губернатора, но оставлялся на посту командующего Московским военным округом. Вторая должность в сложившейся обстановке была более значительной, и Николай II вновь подчеркнул своим решением полное доверие дяде Сергею. Надежда оставалась. Всей душой болея за страну, вверенную любимому племяннику, Великий князь, даже отстраняясь от роли государственного человека, всё ещё пытался спасти Государя от опрометчивых, с его точки зрения, шагов: «Только и молюсь, чтоб Господь сжалился над нами! Умоляю тебя, не поддавайся либеральным влияниям с вызыванием без разбора людей для совещаний». Заметьте, ратуя за «твёрдый курс», Сергей Александрович никогда и никого не призывал к насилию. Не желая признавать, что альтернативой компромиссу при политическом кризисе могут быть только репрессии, он оставался убеждённым противником кровопролития. Но в те самые ноябрьские дни, когда решался вопрос об отставке московского генерал-губернатора, из Парижа в Москву выехала группа террористов, тщательно прячущих под одеждой солидный запас динамита. Впрочем, запланированный взрыв должен был оказаться сокрушительным не столько по мощности, сколько по значимости. Ибо своей новой целью боевики избрали Великого князя Сергея Александровича.

*

2 января для согласования нового порядка управления в Москве бывший генерал-губернатор отправился в столицу. Попрощавшись с

проводящими лицами на Николаевском вокзале, Великий князь вошёл в вагон и в тот же момент услышал раздавшиеся на перроне выстрелы. Поспешив назад, он увидел, что охрана схватила какого-то юношу, который, как объяснили очевидцы, только что стрелял в генерала Д. Ф. Трепова. Недавний обер-полицмейстер не пострадал, но Великий князь счёл необходимым лично осмотреть соратника и, лишь убедившись в том, что ни одна из трёх выпущенных негодеем пуль не задела Трепова, вернулся в вагон.

Случай на вокзале подействовал на Сергея Александровича удручающе, но отнюдь не напугал. И в сам момент покушения, и в последующие дни им проявлялась смелость, граничащая с риском для жизни, демонстрировались несгибаемость и решительность. Самообладание не покинуло его и после того, как у полиции появились основания предполагать, что январский теракт был направлен непосредственно против Великого князя и лишь случайность — генеральская форма Трепова — сбила злоумышленника с толка.

Прозвучавшие на перроне выстрелы стали, очевидно, попыткой реализовать высказанные за месяц до них угрозы московской организации эсеров — её ультиматум предостерегал генерал-губернатора и обер-полицмейстера от силовых действий против намеченной на 5—6 декабря манифестации. Действительно, в указанный срок перед резиденцией Сергея Александровича на Тверской улице собралась толпа молодёжи. Шумели, кричали антиправительственные лозунги, вели себя крайне вызывающе. Стремясь не допустить массовых беспорядков, полиция до поры не вмешивалась в происходящее и только внимательно наблюдала. Тогда демонстранты прибегли к провокации — кто-то швырнул камень в окно генерал-губернаторского дворца. Звон разбитых стёкол привёл толпу в восторг, после чего стражи порядка поспешили разогнать хулиганское сборище.

Именно на это и рассчитывали эсеры, получившие теперь, по их мнению, «право на месть». Не ведая о прибытии из зарубежного центра специальной группы боевиков, действующей по собственной схеме, местные энтузиасты террора начали вынашивать планы покушения на Великого князя. Идеи выдвигались одна ужаснее другой. Кто-то из активистов вызвался совершить злодеяние в праздник Крещения Господня и с террасы памятника Александру II бросить бомбу в... крестный ход к Москве-реке, в котором обычно принимал участие Сергей Александрович. Обсуждение подобных замыслов вскоре дополнилось новым тактическим приёмом — запугиванием. В адрес Великого князя стали поступать письма

с угрозами, а по некоторым данным, анонимное предупреждение получила и Елизавета Фёдоровна — её просили не сопровождать мужа, если она хочет остаться в живых.

После трагических событий, произошедших 9 января в Петербурге, ситуация в Первопрестольной обострилась до предела. Теперь на Сергея Александровича, как представителя Царской Фамилии, ополчилась и либерально-дворянская фронда. «Вся Москва, — вспоминал С. Ю. Витте, — представляла собою или явную, или скрытую крайнюю оппозицию». Конечно, именитые вольнодумцы не выходили в своих планах за рамки рассудка, но постоянным ворчанием, критикой и требованиями коренных перемен они упорно раскачивали правопорядок, будоражили московскую общественность и волей-неволей подталкивали экстремистов к действию.

Брошенный ему вызов Сергей Александрович принял по-рыцарски — с отвагой и благородством. Его адъютант В. Ф. Джунковский вспоминал: «Великий князь выезжал в определённые часы или в карете, или в одиночных санях. С того времени, как стали поступать сведения о готовящихся покушениях, Великий князь не изменил своих привычек, а только перестал брать с собой адъютантов, к нашей большой обиде... и ездил всегда один, никогда заранее не говоря, куда едет. Много мне пришлось говорить с ним по этому поводу и убеждать не выезжать всегда в определённое время, тем более что его выезды резко бросались в глаза... Великий князь оставался непреклонен и как бы нарочно бравировал, выезжая ежедневно в те же часы». Это и впрямь следовало понимать как демонстративный ответ врагам. «Я не боюсь!» — заявлял Сергей Александрович столь подчёркнутым игнорированием опасности. «Кто посмеет?» — читалось в каждом его проезде по городу.

Сочтя невозможным занимать после отставки генерал-губернаторский дворец, Великий князь вместе с семьёй переселился в Александрию. Впрочем, резиденцию на Тверской он посещал почти ежедневно — разбирал книги, документы, личные вещи. В такие часы мысли невольно возвращали Сергея Александровича в прошлое, и то ощущение, которое он сам определил как «странное чувство», снова овладевало его душой. Приезжала в свои бывшие комнаты и Елизавета Фёдоровна, желавшая найти что-нибудь полезное для Кремлёвского склада. В Нескучном же они погружались в столь милый сердцу домашний уют. Привычки и вкусы оставались прежними: встречи с желанными гостями, вечерние чаепития с обсуждением посещённого накануне театрального спектакля или концерта. Немалая часть свободного времени отводилась чтению для себя и для детей — в последнюю зиму Великий князь знакомил племянников со своей

любимой книгой Гончарова «Фрегат “Паллада”».

Однако превращаться в затворников не собирались. Разгулявшийся над Россией ветер грозил превратиться в сокрушительный смерч, и сидеть при такой обстановке сложа руки для Сергея Александровича было немыслимо. Несмотря на то, что обязанности командующего военным округом не требовали его постоянного пребывания в Москве, Великий князь не покидал город, понимая, как нужен и важен сейчас накопленный им опыт, как необходимы его твёрдость и решительность. Каждое утро он подолгу совещался с сотрудниками, стремясь защитить Первопрестольную при любых условиях.

С известиями о петербургской провокации, получившей название «Кровавое воскресенье», беспорядки в Москве пошли по нарастающей. Уже на следующий день здесь бастовало 24 промышленных предприятия, через сутки их число почти удвоилось, а когда к стачке, начавшейся в Замоскворечье, присоединилось большинство заводов и фабрик Пресни, ситуация стала критической. Появилась и угроза безопасности Великокняжеской четы — занимаемый ею дворец в Нескучном оказался совсем рядом с охваченным волнениями районом. Однако покинуть любимую резиденцию Сергей Александрович согласился только после нажима подчинённых, да и руководствовался при этом больше тем, что контролировать положение дел из Кремля будет гораздо удобнее. 10 января в одиннадцать часов вечера стали спешно готовиться к переезду. Дети уже спали, их разбудили и, наскоро одев, посадили в карету. Рядом разместились Великий князь и Великая княгиня. Окна экипажа плотно занавесили, фонари погасили. Черной тенью выпорхнула карета из ворот старинного сада и стремглав помчалась по Калужской дороге. Покружив некоторое время по заснеженным улицам спящей Москвы, она влетела в Кремль и остановилась перед подъездом Николаевского дворца. Какая горькая ирония — ведь именно сюда, под сень куполов Чудова монастыря, без малого четырнадцать лет назад Сергей Александрович, подобно триумфатору, въехал под колокольный перезвон и приветствия ликующих москвичей. Именно отсюда начал он своё руководство Москвой и вот теперь именно здесь должен был найти нечто вроде убежища... Господи, да что же такое творится!

Долго пустовавший, а потому неотопливаемый дворец встретил прибывших холодом и сыростью. Для ещё ранее простуженного Сергея Александровича подобные условия были совершенно непригодны и даже опасны, но царившая в апартаментах стужа с лихвой компенсировалась раскалённой обстановкой в городе, заставляющей забыть и об отсутствии

комфорта, и о больном горле. Изразцовые печи только начали наполнять комнаты теплом, а работа у Великого князя уже кипела вовсю — приём докладов, отдача распоряжений, обсуждение планов. Обстановка напоминала фронтовую. При этом коварный невидимый враг тоже не бездействовал — подготовка покушения на Сергея Александровича вступила в завершающую стадию.

Вот уже два месяца в Москве разворачивалась работа боевой организации эсеров: отслеживались выезды Великого князя, уточнялись места его пребывания, изучалась система охраны. Группа состояла из пяти человек, каждый из которых получил самостоятельное задание. Борис Савинков — координатор всех действий. В свои двадцать девять лет он уже опытный террорист, и его двухлетний стаж включает активное участие в убийстве В. К. Плеве. Впереди у него ещё не одно громкое дело подобного рода, но задуманное и осуществлённое зимой 1905 года навсегда окажется непревзойдённым. Исполнителями назначены Пётр Куликовский (наблюдатель и бомбист), Дора Бриллиант (изготовление и хранение снарядов), Борис Моисеенко (сбор информации в центре города под видом извозчика) и, наконец, Иван Каляев (наблюдатель под видом извозчика и основной бомбист). Однако весь этот отряд убийц — всего лишь последнее колесо в механизме задуманного. Вертящие его шестерёнки и уж тем более рычаги управления были, как подобает, надёжно сокрыты. Только очень немногие посвящённые (включая исполнителей) знали имя главного инициатора покушения.

Евно Фишелевич Азеф, легендарный и безоговорочно авторитетный среди эсеров, один из организаторов и руководителей партии, глава боевой организации. Но... в 1908 году разразится огромный скандал. Кумир социалистов-революционеров окажется, к их ужасу, платным осведомителем полиции! Дальше загадок становится ещё больше. Опытные кукловоды, заказчики и спонсоры преступления смогли не только замести все следы, но даже исказили саму суть произошедшего, а странные игры спецслужб, оказавших им в этом неожиданное содействие, ещё накануне злодеяния оставили Сергея Александровича абсолютно беззащитным.

Покушение было назначено на 2 февраля. В тот вечер в Большом театре устраивался благотворительный сборный спектакль в пользу организованного Елизаветой Фёдоровной склада. Ожидалось присутствие Их Высочеств. Упустить такой случай террористы не могли — ведь точная информация о времени и маршруте проезда Великого князя давала им шанс действовать наверняка.

Вечером великокняжеская карета выехала из Кремля. Её известные всей Москве белые фонари вновь горели демонстративно ярко. Проехав мимо Иверской часовни, экипаж повернул направо. В следующий миг возле его дверцы возник чёрный силуэт подбежавшего убийцы. Секунда — и боевик отскакивает назад, занесённая рука с бомбой опустилась: в карете, помимо Сергея Александровича, едут его жена и племянники. Растерявшийся Иван Каляев упустил свой шанс, но уже через несколько минут, оправдываясь перед товарищами («Разве можно убивать детей?»), предложил в случае решения о ликвидации всей семьи повторить покушение при отъезде Великого князя домой. Однако террористы ещё надеялись на возможность «точечного удара». Потолкавшись возле театра и убедившись в том, что Сергей Александрович действительно приехал в одной карете с семьёй, они ждали окончания спектакля.

Тем временем не догадывающийся о страшной опасности Великий князь вместе с женой был всецело поглощён происходящим на сцене. Представление открыли две картины из оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин», причём главную партию в первый (как окажется, и в последний) раз исполнял Фёдор Шаляпин. Успех был полнейший, публика долго рукоплескала и потребовала повторения сцены в саду «на бис». Кто знает, может быть, в те минуты Елизавета Фёдоровна вспомнила, как много лет назад тот же эпизод она разыгрывала вместе с молодым цесаревичем, как, сидя на скамейке, с трепетом слушала обращённые к ней слова: «Учитесь властвовать собою...» Сколько же времени прошло с тех пор, сколько событий! После антракта давалась опера «Алеко». За дирижёрским пультом стоял автор, Сергей Рахманинов, а среди артистов, помимо Шаляпина, выделялся и другой замечательный бас, Василий Петров. Завершился спектакль сценой в корчме из «Бориса Годунова» М. П. Мусоргского.

После представления Великокняжеская семья оставалась ещё какое-то время в театре и во время чаепития оживлённо обсуждала увиденное. Все были очень довольны, особенно дети, которых просто переполняли впечатления. Около полуночи Их Высочества отбыли во дворец. Сергей Александрович вновь садится в карету вместе с Елизаветой Фёдоровной, Марией и Дмитрием — наблюдавшие за выходом боевики откладывают теракт на два дня.

Утром 4 февраля Великая княгиня посетила свой склад. Планов на день было много, так что в мастерских она не задержалась и быстро вернулась домой. На улице ощущался лёгкий мороз, около шести градусов. Чувствовалось, что зима вот-вот начнёт отступать, и эта близость первого

весеннего тепла невольно преображала людей. «В этот день, вспоминала одна из очевидиц, — Елизавета Фёдоровна была особенно свежа и красива в светло-голубом платье: около 12 часов, простившись с нами на складе, она пошла в Николаевский дворец». Среди намеченных ею дел значился визит к графине М. А. Менгден, жене управляющего Великокняжеским двором, которая недавно перенесла тяжёлую операцию. У бедняжки было слабое сердце, её оперировали без наркоза, и тогда Великая княгиня, придя в операционную, держала её за руку, постоянно успокаивая. Сейчас ещё не до конца поправившуюся графиню следовало навестить и приободрить. Затем планировалось заехать в генерал-губернаторский дом и помочь супругу разобраться с некоторыми вещами.

Сергей Александрович уже собирался туда отправиться, и в два часа к подъезду была подана его карета. Перед самым выходом он сделал последнее частное распоряжение — воспитатель племянников получил его согласие на покупку для Великой княжны Марии столь желанной ею мандолины. Однако приподнятое настроение мужа Елизавете Фёдоровне не передалось. С самого утра её не покидало странное чувство, которое она назовёт «безотчётной тоской». Это ощущение дополнялось смутной тревогой, мучившей в последние дни, предчувствием какой-то опасности. Ещё накануне Великая княгиня, сама не зная почему, отговаривала супруга от его намеченной поездки в Петербург.

Было без четверти три. Готовясь к отъезду, Елизавета Фёдоровна находилась в своих комнатах, дети занимались с учителями. Внезапно на улице прогремел страшный взрыв. Он был очень сильным, но каким-то глухим. «Как будто снег сбросили с крыши, — скажет потом Великая княгиня, — только гораздо громче». Она сразу поняла, что случилось. Воскликнув: «Это с Сергеем! Сергея убили!» — кинулась вниз, выбежала в одном платье на улицу и вскочила в сани. На ходу кто-то успел накинуть на неё шубу. Вдогонку бросилась Элен Джунковская, схватившая первое попавшееся под руку пальто. Сани помчались в объезд Чудова монастыря и моментально оказались перед Никольскими воротами, где уже начала собираться толпа.

Нет таких слов, что могли бы передать чувства Елизаветы Фёдоровны в те ужасные минуты. Полиция, сначала попытавшаяся не пропустить её к месту взрыва, отступила, и глазам Великой княгини открылась жуткая картина — груда искорёженных обломков, окровавленный снег.. «Тело Великого князя, — сообщит позднее официальный источник, — оказалось обезображенным, причём голова, шея, верхняя часть груди с левым плечом и рукой были оторваны и совершенно разрушены, левая нога переломлена с

раздроблением бедра, от которого отделилась нижняя его часть, голень и стопа. Силой произведённого злоумышленником взрыва кузов кареты, в которой следовал Великий князь, был расщеплён на мелкие куски...» Елизавета Фёдоровна упала на колени. Молча, с окаменевшим лицом, на которое боялись взглянуть стоявшие вокруг, она стала собирать частицы разорванного тела мужа. Что-то из найденного складывала в платок. Вдруг она заторопилась: «Скорее, скорее, Сергей так ненавидел беспорядок и кровь!» Эта мысль, как позднее расскажет Великая княгиня, была единственной в её сознании.

Некоторые попытались ей помочь — передавали найденные в разных местах площади кольца, медальоны, обрывки мундира... Кто-то поднял уцелевший бумажник. «Крест, — взмолилась Елизавета Фёдоровна, — найдите крест!» Когда же, наконец, ей поднесли изорванную цепочку с образами и золотой нательный крестик, повреждённый взрывом и залитый кровью, Великая княгиня крепко зажала их в своей руке, как самое дорогое сокровище. Вероятно, она так и держала крест мужа, пока к Никольским воротам спешили лица свиты, пока останки Сергея Александровича перекладывали на принесённые со склада носилки и покрывали их чьей-то шинелью, пока в полной тишине она шла рядом с этой скорбной ношей во дворец...

Носилки, с которых ещё долго продолжала капать кровь, принесли в Алексеевский храм Чудова монастыря и поставили возле раки святителя Алексия. Тотчас над останками мученика была отслужена первая панихида, и под сводами древней церкви Великому князю Сергею Александровичу впервые провозгласили вечную память. Присутствовали только самые близкие, многие стояли на коленях. Привели племянников, Дмитрия и Марию, которым запретили появляться на месте убийства, и теперь, глядя на покрытые носилки, они впервые ощутили весь ужас происшедшего. Великая княжна на всю жизнь запомнила эту страшную картину — плачущие люди, дрожащий голос священника и отрешённый пугающий взгляд Елизаветы Фёдоровны.

В семь часов вечера останки Великого князя, облачённые в мундир, переложили в гроб, и спустя час в том же храме епископом Дмитровским Трифоном была отслужена вторая панихида, на сей раз официальная. В скорбном молчании застыли лица свиты, представители московской администрации, штаба военного округа, сословных учреждений и общественных организаций. Покидая по окончании службы Кремль, многие из них заметили, что в Николаевском дворце не зажигают свет. О происходящем за тёмными окнами было страшно подумать...

В тот вечер Елизавета Фёдоровна отказалась от ужина и, не найдя в себе сил оставаться одной в своей общей с мужем спальне, направилась после совершённой вместе с детьми молитвы в комнату Марии. Здесь она провела всю ночь в разговорах о Сергее Александровиче, постепенно приходя в себя. Напряжение чуть отпустило, и Великая княгиня впервые за долгие часы после катастрофы разразилась рыданиями.

Девочка уснула, а её тётя Элла всё ещё продолжала плакать. На ней по-прежнему было светлое платье, в котором она успела ещё после первой панихиды посетить умирающего в Яузской больнице кучера Андрея Рудинкина, много лет прослужившего Великому князю, — несчастный возникший не должен был видеть супругу хозяина в трауре. До последней своей минуты, наступившей спустя три дня, он оставался в уверенности, что Сергей Александрович не пострадал. Воздавая последний долг, Елизавета Фёдоровна накануне похорон мужа приедет на отпевание верного слуги и, поддерживая его вдову, пешком пойдёт за катафалком до Павелецкого вокзала. Похоронят Рудинкина на его малой родине в Подмосковье. Каким-то чудом могила великокняжеского кучера в селе Ивановском Серпуховского района сохранилась до сих пор, цел и поставленный стараниями Елизаветы Фёдоровны надгробный камень. На одной из граней памятника высечены слова из Евангелия: «Добрый и верный раб! В малом ты был верен, над многими тебя поставлю; войди в радость господина твоего».

*

Адский план террористов осуществился. В день покушения Каляев долго дежурил у Воскресенских ворот близ Красной площади в ожидании выезда Сергея Александровича. Нервничал, периодически смотрел на вывешенную картину, в стекле которой отражается идущая от Кремля дорога. Вскоре, заметив суету городских, предвещающую скорый проезд Сергея Александровича, бомбист направился к Никольской башне. Одновременно с противоположной стороны, повернув от Чудова монастыря и набирая скорость, великокняжеская карета вынеслась на небольшую площадь между Арсеналом и Сенатом.

От Никольских ворот экипаж отделяло около тридцати метров, когда подбежавший террорист кинул бомбу в левое окно кареты. Через секунду мощный взрыв потряс весь Кремль. В соседних зданиях вылетели стёкла, а люди в кабинетах бросились на пол, опасаясь, что сейчас рухнут стены. На

месте кареты взметнулся высокий столб густого дыма, который ещё долго не мог рассеяться. Оглушённый взрывом Каляев некоторое время оставался возле задних колёс кареты. Он бросал бомбу с предельно близкого расстояния, однако остался невредим. Немного опомнившись, убийца медленно пошёл к воротам, но тут его задержал городской Леонтьев. Наконец-то подбежали пришедшие в себя охранники, боевика разоружили и отправили в участок. Он не сопротивлялся.

Поскольку убийца отказался себя назвать, полиция занялась выяснением его личности. С трудом, через несколько недель узнали: Иван Каляев, уроженец Варшавы, двадцать восемь лет, наполовину поляк, не доучился последовательно в трёх университетах, побывал в тюрьме и в ссылке. На вопросы следователей он не отвечал, зато удивил жандармов страстным желанием узнать, что пишут о нём в газетах. Сергей Александрович и Елизавета Фёдоровна оказались правы, говоря о мотивах, движущих фанатиками террора, — резонанс, всеобщее внимание, след в истории. Сидя в тюрьме, преступник продолжал разыгрывать героя, не догадываясь, что является всего лишь орудием в чужих руках, одноразовым инструментом, разменной монетой, пешкой... На третий день около восьми часов вечера Каляева из Якиманского арестного дома повезли в Пятницкую полицейскую часть. Там его ввели в помещение канцелярии, где оставили под наблюдением жандармского ротмистра. Вскоре в комнату, сопровождаемая каким-то генералом и другими лицами, вошла дама в чёрном платье и с траурной вуалью. На вопрос преступника: «Кто вы?» — прозвучал ответ, заставивший его вздрогнуть. Перед ним стояла Великая княгиня Елизавета Фёдоровна.

Этот её шаг удивит многих. Поехать к убийце ещё непогребённого мужа! Зачем, для чего? Те, кто находился рядом, поймут сразу. И будут потрясены столь высоким проявлением милосердия, столь ярким примером христианской жизни. «Такое мужество, — скажет, узнав о поступке Эллы, Великий князь Константин Константинович, — такая высота души прямо невероятны. Она — святая». Решение Елизаветы Фёдоровны возникло во время одной из её молитв. Как вспоминала одна из близких к ней дам, она «почувствовала, что Великий князь от неё чего-то просит. Она поняла, что ей нужно снести Каляеву прощение Великого князя, которое он не успел дать». Никто из полицейского начальства не осмелился отказать ей в такой встрече, градоначальник А. А. Волков сам вызвался присутствовать на свидании, а Великая княгиня взяла с собой адъютанта мужа В. С. Гадона и свою бывшую фрейлину Е. Н. Струкову (Козлянинову).

Поначалу разговор не складывался. Елизавета Фёдоровна спросила

террориста о его мотивах, на что он, впервые за время встречи поднявшись со стула, ответил: «Про то знают те, которые поручили мне это сделать». Тогда Великая княгиня заговорила о доброте Сергея Александровича и высказала своё прощение. Затем она попросила оставить её с преступником наедине. Все остальные послушно удалились, затворив дверь. Никто в точности не знает, о чём около двадцати минут говорила с убийцей вдова его жертвы. По её собственным скупым словам об этом диалоге, преступник пытался убедить собеседницу в своём благородстве, рассказав, что сохранил ей жизнь при первой попытке покушения. «Вы не поняли, что всё же убили меня», — сказала Елизавета Фёдоровна. Она простила террориста от имени Великого князя и протянула ему иконку. Он взял.

Через несколько дней вездесущие журналисты, проведав об этой истории и выманив у жандармов какие-то детали, раструбили в газетах то, что было сугубо личным делом Великой княгини. Разумеется, она никак не отреагировала (если вообще узнала), зато, не отделяя своих слов от дел, обратилась к императору с прошением о помиловании преступника, которое в итоге было отклонено. Но Каляев пришёл в бешенство. Ещё бы, получалось, что в глазах общества из героя он превращается в банального уголовника да к тому же в слабака. О свидании с Елизаветой Фёдоровной товарищам по партии боевик написал, как о своём торжестве, уверяя, что визит вдовы Сергея Александровича был актом её покаяния (!) и благодарности. В припадке ярости мерзавец послал письмо и Великой княгине, обрушив на неё грязный поток оскорблений. До самого эшафота он подчёркивал, что не раскаивается в содеянном.

*

Москва прощалась с Сергеем Александровичем. «Было возложено много венков, — вспоминал Джунковский, — гроб утопал в зелени, народ ежедневно (с 5 по 10 февраля), в известные часы, допускали поклониться праху; пропускали зараз по 100 человек. Панихиды служились всё время, почти без перерыва, с утра до вечера. Великая княгиня пожелала, чтобы народу не делали какие-либо стеснения, и Кремль был открыт для свободного прохода всем; только когда съезжались на официальные панихиды, проезд частным лицам прекращался...»

Длинной вереницей тянулись желающие проститься. Как и два с половиной года назад, когда молящиеся шли поклониться выставленной в Кремле полумантии преподобного Серафима, очередь выстраивалась в

конце Красной площади, и многие простаивали в ней по пять-шесть часов. Войсковые части и группы гимназистов пропускали вперёд. Депутации от учреждений и обществ, а также некоторые частные лица возлагали серебряные венки, число которых ко дню похорон достигло восьмидесяти шести.

В Москве отменили все развлекательные мероприятия, на генерал-губернаторском доме вывесили траурные флаги. В газетах был опубликован подписанный в день трагедии Высочайший манифест: «Провидению угодно было поразить Нас тяжёлою скорбью: Любезный дядя Наш Великий Князь Сергей Александрович скончался в Москве в 4-й день сего февраля на 48 году от рождения, погибнув от дерзновенной руки убийц, посягнувших на дорогую для Нас жизнь его. Оплакивая в нём Дядю и друга, коего вся жизнь, все труды и попечения были беспрерывно посвящены на службу Нам и Отечеству, Мы твёрдо уверены, что все Наши верные подданные примут живейшее участие в печали, постигшей Императорский Дом Наш, и соединят тёплые молитвы свои с Нашими об упокоении в Царстве праведных души усопшего Великого Князя».

При Дворе объявили трёхмесячный траур, но на похороны в Москву Царская семья не поехала. Такое решение выглядело странным, труднообъяснимым. А между тем оно имело весьма резонные причины, ибо страшное событие в Первопрестольной при неясности масштабов и механизмов заговора показывало ту степень опасности, которой подверглась бы Династия в случае приезда. «Аликс, конечно, хочет ехать, — записала в дневнике сестра Государя, Великая княгиня Ксения Александровна, — Мама тоже, но мы им отсоветовали — нельзя так рисковать, хотя ужасно оставлять бедную Ella одну — просто больно думать о ней».

В Петербурге к вопросу активно подключился генерал Д. Ф. Трепов, слишком хорошо знавший положение дел в Охранном отделении и уже не доверявший никому.

«Говорят, — писал позднее Джунковский, — что в первый момент Государь хотел ехать в Москву на похороны своего дяди, но благодаря влиянию Трепова не поехал. То же было и с Великим князем Владимиром Александровичем, старшим братом Сергея Александровича, который, как говорят, со слезами на глазах умолял Государя отпустить, но Государь не позволил ему ехать». Адъютант был явно не согласен со столь серьёзными мерами безопасности и полагал, что присутствие императора в Москве «произвело бы колоссальное впечатление и подняло бы ореол Царя среди народа». В принципе это, конечно, так, однако «впечатление» и угроза

жизни вряд ли соизмеримы на общих весах.

Единственным, кого Николай II решился отпустить в Первопрестольную, был Великий князь Константин Константинович, чью легкоранимую душу известие о гибели друга потрясло несказанно. И в первый же день пребывания в Москве он поспешил на панихиду: «Под сводами храма, арками отделённого от церкви, где покоятся мощи святителя Алексия, посередине стоял на небольшом возвышении открытый гроб. Видна была только грудь мундира Киевского полка с золотыми эполетами и аксельбантом; на месте головы была положена вата, задёрнутая прозрачным покрывалом, и получалось впечатление, что голова есть, но только прикрыта. Сложенные накрест пониже груди руки, а также ноги были закрыты серебряным парчовым покровом; гроб дубовый, с золочёными орлами. Подле него на коленях стояли Элла, Мария и Дмитрий, все в белом». В той же дневниковой записи Великий князь особо отметил, что народ шёл поклониться чинно и благоговейно. Ниже продолжал: «На месте гибели бедного моего Сергея 5-й гренадерский Киевский полк поставил железный крест с образом преподобного Сергия, преображенцы соорудили лампаду. Место огорожено деревянной решёткою. Ужасное событие представляется мне каким-то сном».

Вслед за Константином в Москву стали съезжаться родственники, проживающие за рубежом: сестра Елизаветы Фёдоровны принцесса Виктория Баттенберг с дочерью, герцог и герцогиня Гессенские, сестра Сергея Александровича Мария Эдинбургская с дочерью Беатрисой. Из Парижа приехал Великий князь Павел. Опальному изгнаннику Государь разрешил проститься с братом, чья мученическая смерть послужила толчком к постепенному примирению «дорогого Пица» с Императорской семьёй. Все родственники отметили ту стойкость, с которой Елизавета Фёдоровна переносила происходящее. «Никто не мог понять, — напишет её племянница Мария, — откуда у неё берутся силы так стойко переносить горе... Только глаза и напряжённо застывшее лицо выдавали её страдание». И вместе с тем приходилось серьёзно опасаться за её состояние, усугубленное деталями происходящего. Сила взрыва была так велика, что частицы тела Великого князя продолжали находить и на крыше здания Судебных установлений, и на часовне по другую сторону Кремлёвской стены. Адьютант Джунковский складывал эти страшные находки в специальные ёмкости, которые затем были поставлены в гроб.

Некоторые из окружающих становились очевидцами тяжёлых эпизодов. Будущий жандармский генерал, а в то время курский вице-губернатор П. Г. Курлов писал, вспоминая о своём участии в траурных

мероприятиях в качестве бывшего секретаря Великой княгини по делам Красного Креста: «Я никогда не забуду той ужасной по своей простоте минуты, когда в 3 часа ночи накануне погребения, во время одного из моих дежурств при гробе, в церковь из соседней комнаты вошла Великая княгиня. Она двигалась автоматической походкой, видимо, не вполне сознавая свои действия. Медленно подошла она к усопшему и, приподняв покров, стала что-то поправлять в гробу, где лежало изуродованное тело. Мы, дежурные, замерли, боясь шевельнуться. Быстрыми шагами к Великой княгине приблизился состоявший при ней гофмейстер Н. А. Жедринский и увёл её во внутренние покои».

Днём или ночью Великая княгиня приходила в церковь и клала в гроб какие-нибудь вещи — то, что было при муже в момент смерти (кольца, образки, ладанки), икону праведной кончины преподобного Серафима, Георгиевский орден, медальон со своим детским портретом, клочья мундира и аксельбантов Сергея, бережно завернутые в ткань, сохранённую с их свадьбы. К ним же поместила полученный в день миропомазания золотой медальон с надписью «Не бойся, только веруй» — заветом, которому всегда будет верна. Наконец, она положила к супругу своё обручальное кольцо. В знак вечной преданности, в знак безмерной любви, не разрушимой ничем! В знак неизменного единства и постоянного присутствия рядом, даже по другую сторону жизни!

Погребение состоялось 10 февраля. Кремль был закрыт, но множество простых людей, желающих проститься с Великим князем, собралось на Красной площади, молясь об упокоении его души. «Невыразимо тяжело, — писали в тот день «Московские ведомости», — расставаться с тобою нам, москвичам, свидетелям счастливых дней твоего детства и зрелого возраста, когда ты вступил на самоотверженное служение Царю и Родине и так сроднился с твоею Москвой... Ты был верен до самой смерти своему долгу и запечатлел своею кровью верность твою святым исконным заветам Земли Русской, оставив нам высокий пример непоколебимой веры в Бога, преданности святой Церкви и Престолу и служения ближним, не жалея себя... Вечная память тебе на Святой Руси, наш дорогой, горячо любимый Великий князь! Не забывай нас в твоих чистых молитвах перед Престолом Всевышнего, да ниспошлёт Господь мир и тишину Земле нашей, о которой ты столько болел душою и печалился, живя между нами».

Родственники Сергея Александровича, сослуживцы и официальные лица с утра собрались в Алексеевском храме Чудова монастыря. Адъютанты и офицеры стояли в почётном карауле — навытяжку и с обнажёнными палашами. Службу совершал митрополит Московский и

Коломенский Владимир в сослужении двух епископов и многочисленного духовенства. «Литургия началась в 10:30, — записал Великий князь Константин. — Церковь была полна народа, еле можно было двигаться, и митрополиту было трудно проходить с кадилом. В церкви стояла жара и духота. Павел уже в самом начале обедни сел на стул; вскоре маленькой Марии стало дурно, и он её вывел и вернулся только к отпеванию. Чем дальше, тем становилось жарче, дышать было нечем. Элла несколько раз садилась и должна была снять закрывавшую ей лицо креповую вуаль. Синодальные певчие превзошли себя — их пение было бесподобно. Как чудесно гудел большой колокол Ивана Великого... Раздирающие минуты последнего целования не стану описывать. Мы вынесли гроб через западную дверь в Алексеевскую церковь и из сеней повернули направо в небольшую Андреевскую церковь, где наглухо запаянный гроб останется, пока не будет решено, где хоронить...»

Тот монастырский храм Елизавета Фёдоровна будет часто посещать в течение года, пока сооружалась усыпальница Великого князя. «Так много страждущих сердец его друзей тоже обрели силу, молясь здесь, — напишет она вдовствующей императрице. — Рано утром и поздно вечером, кроме дневных молитв, я прихожу сюда и после этого живу с новыми силами». В следующем письме она выскажется полнее и душевнее: «Господь в Своём великом милосердии даровал мне безграничное утешение жить близ маленькой церковки, где такая атмосфера мира и покоя... Там я начинаю и заканчиваю свой день, и, кажется, нерушимый покой осеняет меня в дневные часы, словно я прихожу из другого мира выполнить свой долг, утешить других, и это не я живу, а кто-то другой, тогда как моя душа почиет на небесах подле той чистой и честной души, что руководила мной, помогала во всём и без которой меня больше нет. Я даже не могу плакать, я не здесь, а там наверху. Конечно, жизнь идёт, со своими нуждами, скорбями, тревогами, и надо работать... Только бы мне жить по правде, так, как желал бы мой Серж. Я бы хотела когда-нибудь стать достойной того, что была его женой».

*

Едва закончилось прощание москвичей с Великим князем, как за стенами Кремля вновь начал проявляться охвативший общество недуг. Умолкли печальные песнопения, завершились устроенные на средства Елизаветы Фёдоровны поминальные обеды для неимущих, прошла

растерянность первых дней, и на авансцене московской жизни опять закружилась дикая пляска. Забыв об элементарной порядочности, некоторые обыватели охотно взялись муссировать сплетни и кривотолки, возникшие вокруг трагедии. Разношёрстные молодые нигилисты шли ещё дальше — с радостью и даже зубоскальством они одобряли в своих кругах действия террористов и выражали надежду на скорое крушение порядка.

Однако те, кого не покинул здравый рассудок, искренне скорбели, прекрасно понимая значение и тяжесть утраты. Давая оценку произошедшему, автор брошюры «За что его убили?», изданной в те месяцы, писал о причинах злодеяния: «Лишить Россию не только в настоящее время, но и на будущий период её возрождения сильных и убеждённых защитников — вот гнусная цель наших подпольных и “легальных” революционеров. Вот почему они с ожесточённой злобой накинута на Великого князя Сергея Александровича, чуя в нём человека, не только бывшего, но и будущего времени». Ближайшие события показали всю правоту этих слов.

В конце весны активизировались московские земцы, готовившие съезд либералов и агитировавшие за конституцию. Вновь напомнил о себе и не собиравшийся исчезать террор. На Пасху Елизавета Фёдоровна вместе с племянниками уехала в Царское Село, где узнала, что полиция успела обезвредить двух боевиков, планировавших под видом церковных певчих (!) проникнуть в храм и во время праздничного богослужения (!) взорвать всю семью императора. В Москве 28 июня эсер П. Куликовский (из недавнего отряда Савинкова) пришёл на приём к градоначальнику и произвёл в него несколько выстрелов. От полученных ранений глава полиции, граф П. П. Шувалов (в своё время управляющий Двором Сергея Александровича), скончался на месте. «Увы, все мы несём такие скорби, — напишет через неделю в Петербург Елизавета Фёдоровна, — и знать, что мой дорогой, наконец, близ Бога, вдали от всех страданий, даёт силы терпеть».

О душе любимого она молилась неустанно. Помимо храмов посещала место его гибели, где за оградой стоял белый крест. Её спальня в Николаевском дворце стала напоминать монашескую келью — белые стены, иконы, горящие лампы, а в углу деревянное распятие, в котором находились обрывки одежды, бывшей на Сергее Александровиче в тот страшный день. «Теперь по вечерам, — признавалась Великая княгиня императрице Марии Фёдоровне, — перед тем, как лечь спать, я говорю “спокойной ночи”, молюсь и засыпаю с миром в сердце и душе». Дорогой супруг постоянно, хоть и незримо оставался рядом, продолжая

поддерживать и укреплять. Бросив вызов безжалостной смерти, Елизавета Фёдоровна отныне жила и трудилась за двоих — за себя и за Сергея.

Лето она провела в Ильинском, создав там госпиталь для раненых, а осенью вернулась в Москву. Комитет Великой княгини по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну, начал готовить благотворительную выставку картин под девизом «Помощь семьям богатырей». Продолжалась забота и о самих героях. Арендовав дом вблизи Кремля, Елизавета Фёдоровна устроила в нём ещё один госпиталь, который стала часто посещать и в котором, из-за общей нехватки медперсонала, иногда ассистировала врачам. А ситуация в городе становилась всё напряжённее, и работать в таких условиях было всё труднее. Ещё летом на одном из докладов московских властей Николай II начертал резолюцию: «Где мои верноподданные слуги?» После гибели Сергея Александровича в Первопрестольную назначался то один, то другой генерал-губернатор, но остановить нараставшую крамолу не удавалось. В начале октября по призыву революционных партий Москву охватила политическая стачка. В считанные дни, начавшись на транспорте, она парализовала весь город — остановились фабрики, заводы, электростанции, был отключён водопровод, не работали почта и телеграф, закрылись магазины. Царский Манифест 17 октября о политических свободах и о созыве парламента не остудил горячие головы — напротив, почуяв запах победы, экстремисты бросили клич о свержении строя, и защититься от них казалось невозможным. «В Москве полная анархия власти», — докладывал царю глава правительства С. Ю. Витте.

Елизавета Фёдоровна отдавала себе полный отчёт в том, что происходит вокруг. «Всё идёт от худшего к худшему, — писала она брату, — и не надо строить иллюзий, что через несколько месяцев наступят лучшие дни. Мы живём во времена революции. Как всё обернётся — не знает никто, потому что правительство слишком слабое, кажется, его нет вовсе. Физически мы себя чувствуем очень хорошо, у нас крепкие нервы, мы не думаем переезжать. Ничто не может заставить меня покинуть это место. Конечно, если случится самое худшее, я всегда смогу отправить детей Павла туда, где безопасно. Но сама я или буду жить или умру здесь. Я как будто выросла в это место, и мне не страшно. Я вполне спокойна и счастлива, да, счастлива сознавать, что мой дорогой находится близко к Богу и что он не переживает это ужасное время». Своих намерений она не оставила и когда закрыли Кремль, введя пропускную систему, и когда Николаевский дворец заполнили солдаты охраны, способные в любой момент направить штыки на жильцов, и когда на улицах начали раздаваться

одиноким выстрелам. Со всей серьёзностью, заботясь прежде всего о племянниках, Великая княгиня вместе с генералом Леймингом рассматривала возможности укрыться в кремлёвских подземельях или покинуть крепость через тайные ходы. О собственной безопасности не тревожилась. В том же письме Эрнсту есть и такие строки: «Наша жизнь готовит нас к следующей, и мы должны быть готовы так, как только наши слабые души могут, — чтобы идти в наше Настоящее жилище».

Однажды вечером неожиданно для всех Елизавета Фёдоровна отправилась в свой ближайший госпиталь — требовалось её участие в срочной операции. Отказавшись от кареты, чтобы не привлекать к себе внимания, она пешком покинула Кремль и сопровождаемая только Леймингом погрузилась в темноту московских улиц. Прошло довольно много времени, но она не возвращалась. Оставшиеся дома дети не знали, что и подумать. При всеобщем озлоблении в городе с представительницей правящей Династии могло случиться всё что угодно, к тому же на ночных улицах всюду орудовали бандиты и мародёры. Наконец Великая княгиня вернулась, и возбуждённая племянница, забыв обо всех нормах, принялась её отчитывать за безрассудство, за неоправданный риск, за чрезмерную привязанность к раненым. Тётя молчала, но когда Мария добавила, что дядя Сергей не одобрил бы такого поступка, она заплакала. Как объяснить девочке-подростку то одиночество и отчаяние, что переполняли душу и отступали только в заботах о других, ту отзывчивость к чужому горю, что всегда жила в сердце и сейчас требовала большой активности? Тем не менее доводы о взгляде супруга оказались убедительными. Посещать госпиталь Елизавета Фёдоровна стало только в светлое время суток.

С наступлением зимы появилась возможность выехать с детьми в Царское Село на именины Государя. Провидение хранило Елизавету Фёдоровну. Временно покинув Москву, она избежала, как оказалось, огромной опасности, подошедшей уже вплотную. Праздник святителя Николая (тезоименитство императора) Первопрестольная отметила торжественным богослужением в Кремле, после чего на Красной площади при массовом стечении народа состоялся молебен. Везде соблюдался порядок, в театрах публика пела гимн «Боже, Царя храни!». Но буквально со следующего дня город залихорадило. Возобновились забастовки, начали возводиться баррикады, зазвучали выстрелы. Новый генерал-губернатор, адмирал В. Ф. Дубасов решительно взялся за пресечение бунта; в ответ по призыву большевиков началось давно подготовленное вооружённое восстание. Завязались уличные бои, отдельные районы стали напоминать театр военных действий, счёт жертв с обеих сторон шёл на десятки, а затем

на сотни.

Елизавета Фёдоровна была вынуждена остаться под Петербургом. «Революция грянула во всю мощь, — сокрушалась она в письме вдовствующей императрице, — а моя задержка очень и очень некстати, ведь нужно продолжать труднейшее дело... О, какое жестокое время для нашей дорогой родины, какая повсюду ужасная скорбь! Если бы давно были приняты энергичные меры, может быть, меньше было бы пролито крови. А теперь это неизбежно. В будущее не заглянешь, но мы можем молиться и надеяться, что доживём до лучших времён». Однако просто ждать она не могла, это казалось пыткой. Обращаясь к управляющему своим Двором графу Г. Г. Менгдену, Великая княгиня с горечью восклицала: «Я себя чувствую здесь как за границей, я порываю связь с Москвой, а между тем мой долг заняться теперь помощью несчастным жертвам восстания. Я попросту считаю себя подлой, оставаясь здесь, предпочитаю быть убитой первым случайным выстрелом из какого-нибудь окна, чем сидеть тут сложа руки... Москва — настоящая, не анархисты, меня не поймёт, если я не вернусь, и будет права... Я принадлежу Москве». Обратно до полного восстановления порядка её не пускали по просьбе Дубасова. Слишком рискованно! Заочно ему, отвечая и благословляя его энергию и труды, Елизавета Фёдоровна в том же письме напишет свою знаменитую фразу: «Не надо бояться смерти, надо бояться жить».

4. ОБИТЕЛЬ

Сегодня это место в Москве знают многие. И в столице, и далеко за её пределами. Несколько строений на улице Большая Ордынка образуют спрятанный за воротами тихий двор с маленьким садом. В нём — необычная для здешних мест церковь в стиле древнепсковской архитектуры и современная мраморная фигура женщины в одеянии, схожем с монашеским. Это — Марфо-Мариинская обитель милосердия, которую создала Великая княгиня Елизавета Фёдоровна, проведшая здесь в заботах о страждущих девять лет своей жизни.

Когда же и как возникла у неё такая мысль? Что привело к подобному решению? Оно складывалось постепенно и в то же время появилось почти сразу со вдовством, став итогом постоянных размышлений о собственном долге и предназначении, о беспокойном стремлении сердца. «Не знаю, когда, — скажет она Государю, — кажется, мне с самого детства очень хотелось помогать страждущим, прежде всего тем, кто страдает душой. Желание это во мне росло, но в нашем тогдашнем положении, когда мы должны были принимать у себя, делать визиты, устраивать приёмы, ужины, балы и т. п., это не могло целиком заполнить мою жизнь — в первую очередь надо было исполнять другие обязанности».

Окружающие сразу увидели её преображение. «Великая княгиня, — вспоминала Н. С. Балужева-Арсеньева, — появлялась в чёрном, похудевшая, побледневшая, одухотворённая... Через некоторое время мы заметили в Великой княгине некоторую перемену: она стала живее интересоваться делами склада, взгляд её стал не таким напряжённым и далёким от жизни, как будто она нашла какой-то интерес и какую-то цель жизни. Говорили, что она хочет удалиться от света и посвятить себя богоугодным делам».

Но вначале следовало увековечить память незабвенного супруга. Так в Москве появился храм русской скорби во имя Ватопедской иконы Божией Матери «Отрада и Утешение». Его построили в районе Ходынского поля (ныне улица Поликарпова, дом 16) между Солдатенковской (Боткинской) больницей и казармами как полковую церковь 1 -го Донского казачьего полка и 1 -й гренадерской артиллерийской бригады. Спроектированный архитектором В. Д. Адамовичем в византийском стиле и заложенный в день пятидесятилетия Сергея Александровича, он посвящался памяти Великого князя и «всех верных долгу и присяге царских слуг, павших за Царя и

Отечество от руки злодеев-революционеров крамолою 1905 года». В храме установили мемориальные доски белого мрамора с именами 1850 лиц, убитых в 1904—1907 годах по политическим мотивам в 73 губерниях и городах России. Только вдумайтесь в эти цифры! Они сопоставимы с людскими потерями на Русско-японской войне, и Елизавета Фёдоровна всегда помнила про них. Когда памяти Сергея Александровича задумают посвятить новый храм в Петербурге, она согласится лишь при условии сделать его местом молитвы по всем жертвам недавнего террора.

Мемориальный характер приобрела и построенная ещё в 1892 году во имя святых апостолов Петра и Павла полковая церковь подшефных Сергею Александровичу гренадер, куда Великая княгиня передала некоторые из его вещей. А имя Великого князя получил в Москве один из народных домов, при котором образовалась антреприза, дававшая оперные и драматические спектакли. Другим своеобразным памятником генерал-губернатору стало основанное Елизаветой Фёдоровной в феврале 1906 года Сергиево-Елизаветинское трудовое убежище для увечных Русско-японской войны. Эта проблема волновала ещё самого Сергея Александровича, решившего направить на нужды покалеченных солдат пожертвованные ему благотворительные деньги.

Закладка убежища состоялась во Всехсвятской роще 5 июля 1907 года, в день тезоименитства Сергея Александровича, а спустя пятнадцать месяцев в рассчитанном на сто человек корпусе поселились первые подопечные. Убежище располагало сапожной, перчаточной и портновской мастерскими; солдаты-инвалиды обучались грамоте, арифметике, разучивали молитвы, занимались пением, слушали чтение книг. Для них была устроена домовая церковь во имя Преподобного Сергия и Праведной Елизаветы.

При создании Палестинской части мемориала не осталась забытой и заслуга Великого князя в деле организации раскопок 1883 года, увенчавшихся столь важными результатами. Близ найденного в ходе их проведения порога Судных врат в память о погибшем был сооружён мраморный киот (проект академика М. Т. Преображенского) с образом преподобного Сергия Радонежского. Доставленную к нему «неугасимую» лампаду зажгла в Москве Елизавета Фёдоровна.

Среди больших и малых, печальных и светлых памятников, дающих духовные силы и призывающих к милосердию, заметно выделялся один, установленный на месте гибели Великого князя. По православной традиции «на крови» мучеников всегда возводились храмы или часовни. На сей раз (с учётом окружающей застройки) было решено поставить большой

поклонный крест. Идея принадлежала 5-му Киевскому гренадерскому полку, шефом которого был Сергей Александрович, а теперь становилась Елизавета Фёдоровна. Она поддержала как саму идею, так и предполагавшееся авторство проекта Виктора Михайловича Васнецова, художника, всегда любимого и ценимого Великокняжеской четой. С Васнецовым они лично познакомились в начале 1890-х годов, после чего живописец неоднократно бывал в гостях у генерал-губернатора, присутствовал на богослужениях в его домовый церкви, подносил Августейшим супругам свои работы. Во время Русско-японской войны Виктор Михайлович пожертвовал несколько своих произведений для благотворительной деятельности Великой княгини, а после гибели Сергея Александровича создал эскиз покрыва на его гробницу.

Теперь проектируемый им памятник должен был отразить глубокую скорбь и христианское прощение, обличить ужас насилия и призвать к покаянию, став предостережением в новое Смутное время. Композиция включала в себя Распятие и образ скорбящей Богородицы на лицевой стороне, а на оборотной — представляла фигуру преподобного Сергия Радонежского под иконой Нерукотворного Спаса. Особое величие придавали кресту огромные изображения херувимов, попарно расположенные над перекладиной: два скорбных лика на фасадной части и два подчеркнута строгих — на противоположной. После одобрения проекта Елизаветой Фёдоровной его утвердил император, а сам художник помогал в изготовлении и установке креста, приняв затем участие в его торжественном открытии 2 апреля 1908 года. Бронзовый, расписанный эмалями и украшенный позолотой памятник сразу стал одной из достопримечательностей Москвы, являясь образцом русского церковного модерна и замечательным произведением литейного искусства. Через месяц после его освящения Великая княгиня написала автору благодарственное письмо: «Виктор Михайлович, посылаю Вам на память портрет масляными красками незабвенной памяти мужа моего, Великого князя Сергея Александровича. Не нахожу слов достаточно выразить Вам, как глубоко и сердечно благодарна Вам за Ваши труды по составлению проекта рисунка Памятника-креста на месте мученической кончины Великого князя и за работы по наблюдению за постановкой его в Кремле. Вам должно быть утешением, что Вы поработали для того, кто так искренно Вас всегда уважал, ценил и восхищался Вашим талантом».

Но, конечно, главное место в мемориале принадлежало храму-усыпальнице Великого князя. Церковь во имя преподобного Сергия Радонежского соорудили в Чудовом монастыре, в нижней палате под

храмом Святителя Алексия. В толще стены сделали нишу — так, чтобы надгробие Сергея Александровича оказалось расположенным как раз под стоящей в верхнем этаже ракой московского святителя. К работам привлекли видных мастеров: архитекторов В. П. Загорского и Р. И. Клейна, художников К. П. Степанова и П. В. Жуковского. Последний создал прекрасный иконостас, состоявший из колон и арок белого мрамора, разработал эскизы для мозаик и настенных росписей. В итоге усыпальница явилась настоящим произведением искусства. «Она устроена, — писал Великий князь Константин Константинович, — под высоким синим с золотыми и разноцветными звёздами сводом, склон которого начинается немного выше старого, с красноватой каймой мраморного пола... По стенам тянется кайма синего цвета по золоту с белыми и малиновыми обрамленьями. В северной стене — полукруглая выемка под пологим золотым мозаичным полусводом; под ним приготовлена могила Сергею, а рядом Элла устроила место для себя. Эта церковь бесподобно хороша, в ней таинственно укромно».

В ризнице разместились шедевры иконописи XVI — XVII веков из собрания Великого князя, однако наибольшая часть реликвий носила мемориальный характер — иконы, сопровождавшие Сергея Александровича с самого детства, иконы-благословения, Евангелие, принадлежавшее императрице Марии Александровне и содержащее её автограф. Возле стены стоял широкий четырёхконечный дубовый крест, увешанный образами. Перед ним теплилась лампада, оправленная в золотой браслет с крупным сапфиром — тот самый, который Великий князь подарил невесте в день помолвки. Отныне он превращался в символ верности, вечной благодарности и безутешного горя вдовы. В крест были вставлены санитарные носилки, на которых останки Великого князя перенесли в храм с места гибели, и шинель неизвестного гренадера, которая покрывала их в тот страшный день.

4 июля 1906 года, около полуночи, накануне дня именин Сергея Александровича, его останки предали земле. Возле Чудова монастыря медленно двигалась, сопровождая тяжёлый гроб, скорбная процессия, возглавляемая духовенством. Торжественно маршировал взвод киевских гренадер, рота того же полка развёрнутым строем стояла на площади, воздавая последние почести своему шефу. Была тёплая безветренная ночь. Тихое пение, печальный звон Ивана Великого, свечи, образующие в полумраке тревожные тени, — всё создавало ощущение чего-то таинственного, сакрального, полного глубокого смысла. Пройдёт время, и в такую же ночь на 5 (18) июля 1918 года в далёком Алапаевске Великому

княгиню Елизавету Фёдоровну повезут на смерть. Перед этим её разбудят в тот же самый час, в который двенадцать лет назад гроб её супруга опускали в склеп...

*

В Троицком соборе пылали свечи и мерцали лампы. Главный праздник обители святого Сергия — память её основателя. «Умилительное зрелище! — отмечал приехавший из-под Перми иеромонах Серафим (Кузнецов). — Масса духовенства и народа всякого звания и состояния у мощей преподобного Сергия, печальника российского и благодатного воспитателя русского патриотизма. Тут же стоит среди народа в чёрном одеянии Августейшая усердная молитвенница, возносит свои пламенные слёзные молитвы с твёрдой верой и надеждой в силу молитвы. Она молит Бога об упокоении души своего незабвенного супруга жизни, положившего душу свою за дорогое Отечество своё».

Ежегодно Елизавета Фёдоровна приезжала в Лавру, поминая мужа у гробницы его небесного покровителя. На сей раз, 5 июля 1909 года, она была здесь накануне важнейшей перемены в своей жизни. Всё уже решено. Распущен почти весь личный двор, продана часть драгоценностей, а на вырученные деньги куплен участок земли на Большой Ордынке с четырьмя зданиями, где устроена больница и заложен храм. В этом тихом уголке Москвы открылась Марфо-Мариинская обитель, задуманная Великой княгиней как дом милосердия, помощи и христианской любви. Как новое собственное предназначение, как смысл дальнейшего существования на земле. И кто знает, может быть тогда, возле мощей святого игумена Русской земли она прощалась со своим прошлым, прося благословения на будущие труды и заботы. На выбранный путь подвижничества.

Её не понимали. Сестра, императрица Александра, удивлялась тому, что Элла, всегда такая открытая для мира и для общества, решила вдруг замкнуться в своих переживаниях. Подруга Елизаветы Фёдоровны, княгиня З. Н. Юсупова, была уверена в её скором постриге и лихорадочно искала доводы для отговоров. «Люди не верят, что я сама, без какого-либо влияния извне, решилась на этот шаг, — объясняла Великая княгиня своё желание Николаю II, — многим кажется, что я взяла неподъёмный крест и либо когда-нибудь пожалею об этом и сброшу его, либо рухну под его тяжестью. Я же приняла это не как крест, а как дорогу, полную света, которую указал мне Господь после смерти Сержа и которая много-много лет назад

забрехала в моей душе... Пойми — для меня это никакой не переход, это мало-помалу росло, а теперь обрело форму. Очень многие из тех, кто знал меня всю жизнь и хорошо знают сейчас, вовсе не удивились, а [считали] это лишь продолжением того, что началось раньше, и я сама поняла это так. Я была поражена, когда разразилась целая буря: меня пытались удержать, запугать трудностями, и всё это с такой любовью и добротой — и с полным непониманием моего характера... В моей жизни было столько радости, в скорби — столько безграничного утешения, что я жажду хоть немного уделить [его] другим... Я жажду благодарить, каждую минуту благодарить за всё, что мне дал Господь. Я жажду принести Ему мою ничтожную благодарность, служа Ему и Его страждущим детям».

Ещё подробнее она выскажется в письме статс-даме А. Н. Нарышкиной, откровенно, почти как на исповеди, доверив ей мысли о своём прошлом, настоящем и будущем: «Моя жизнь сложилась так, что с блеском в большом свете и обязанностями по отношению к нему покончено из-за моего вдовства; если бы я попыталась играть подобную роль в политике, у меня бы ничего не получилось, я бы не смогла принести никому никакой пользы, и мне самой это не принесло бы никакого удовлетворения. Я — одинока, люди, страдающие от нищеты и испытывающие всё чаще и чаще физические и моральные страдания, должны получать хотя бы немного христианской любви и милосердия — это меня всегда волновало, а теперь стало целью моей жизни. Говорят, что есть люди, которые хотят уйти из мирской жизни, покинуть её, я же, наоборот, хочу войти в неё. Одну сторону этой жизни я узнала благодаря моим прежним обязанностям — это то, что называется светом, “обществом”; я делала для них, что могла, возможно, я плохо выполняла свои обязанности, я пыталась помочь своему мужу в той жизни, которой он жил, в тех обязанностях, которые он выполнял, — блеск, праздники... Я искренне верила, что должна ему помогать, я делала это с радостью, с чувством, что мы приносим радость другим, наши вечера всем нравились, я видела на них много счастливых лиц. Вы думаете, что я хочу осудить свет или уже осуждаю его? Ведь я и раньше понимала и видела, что богатые, молодёжь, честолюбивые люди, думающие только о развлечениях, не страдают, а если и страдают, то утешить их сложнее всего — поклонение золотому тельцу, собственной персоне — какое же это беспросветное страдание! Возможно, я ошибаюсь (я знаю, что надо мной будут смеяться из-за того, что хочу переместить своё существование в нищенскую среду), но я верю, что иногда в мою сторону кто-нибудь посмотрит и придёт мне помочь и оставит на несколько часов пустые развлечения, если хоть раз

увидит, какую безграничную радость дают доброе слово, поддержка, пусть даже небольшая, помощь в поиске работы или утешение в страданиях.

Вы можете вслед за многими сказать мне — оставайтесь в своём дворце в роли вдовы и делайте добро “сверху”. Но если я требую от других, чтобы они следовали моим убеждениям, я должна делать то же, что они, сама переживать с ними те же трудности, я должна быть сильной, чтобы их утешать, ободрять своим примером; у меня нет ни ума, ни таланта — ничего у меня нет, кроме любви к Христу, но я слаба — истинность нашей любви ко Христу, преданность Ему, мы можем выразить, утешая других людей, именно так мы отдадим Ему свою жизнь... Я знаю, что я не на высоте, и всё же одна монахиня с большой верой и огромной любовью к Господу сказала мне: “Положите свою руку в руку Господа и идите без колебаний”. Мой добрый друг, молитесь, чтобы у меня всегда была эта единственная поддержка, чтобы я всегда знала, куда мне идти».

Фактически обитель начала действовать с октября 1907 года, а в ноябре 1908-го был утверждён её первый устав. Однако Великой княгине предстояло ещё решить несколько вопросов, завершающих прежний этап жизни. Прошрое не перечёркивалось, но старательно очищалось от всего теперь лишнего, ненужного. Ценнейшие произведения искусства из коллекции Сергея Александровича, кроме тех, что подарила родственникам, она безвозмездно передала в музеи. В Третьяковскую галерею (несколько картин), в Императорский Эрмитаж (в основном миниатюры и декоративные предметы), в Музей Александра III (собрание старинных портретов). В усадьбе Ильинское был затеян капитальный ремонт — в доме всё переделывалось, перестраивалось, перекрашивалось. Изменения коснулись даже интерьера сельской церкви. Тех, кто отныне будет здесь жить (имение переходило племяннику Дмитрию), окружит совсем иная обстановка, ничем не напоминающая мир Сергея Александровича и Елизаветы Фёдоровны. Мир, по желанию Великой княгини навсегда исчезающий и никому не доступный, как легендарная Атлантида. Он останется лишь в её памяти — сугубо личным, дорогим, неприкосновенным — и окончательно уйдёт вместе с ней самой.

В мирской суете задержала намеченная свадьба племянницы Марии. Жених, шведский принц Вильгельм, девушке понравился. Иногда ей казалось, что она влюблена, хотя к согласию на брак её больше толкали желание свободы и тётина настойчивость. Не сомневаясь в том, что замужество воспитанницы будет удачным, Елизавета Фёдоровна радовалась признакам сердечного согласия: «Раз уж эти двое действительно так глубоко полюбили, я, право же, надеюсь, они будут по-

настоящему счастливы». В мае 1908 года состоялось венчание в Царском Селе, после чего молодые покинули Россию. Через год у Марии родится сын, но семейная жизнь не сложится. Супруг окажется настолько скучным, настолько ограниченным в познаниях и в интересах, что принцесса не выдержит. Через шесть лет брак будет расторгнут.

Среди всех этих забот (духовных, хозяйских, матримониальных) Елизавете Фёдоровне пришлось серьёзно заняться своим здоровьем. Её организм всегда был достаточно крепким, хотя без болезней, конечно, не обходилось. Порой она простужалась, но климат Петербурга (благо жила там недолго) переносила хорошо. Помогали и спортивные занятия, прогулки на воздухе, верховая езда, лыжи, коньки. Дважды, в 1895 и 1900 годах, Великая княгиня ездила на воды во Францесбад. В Москве она перенесла свинку и больше серьёзных болезней не испытывала. Новый недуг, скорее всего, был вызван перенесённым стрессом — потрясением от гибели мужа и страшной тяжестью первых лет вдовства. Констатируя доброкачественную опухоль (фибромиому) по части гинекологии, врачи настаивали на операции. В январе 1908 года в больнице Марфо-Мариинской обители Елизавету Фёдоровну, почти до последнего дня скрывавшую болезнь даже от самых близких, прооперировали академик Г. Е. Рейн и профессор С. С. Боткин.

Всё прошло успешно, однако летом по настоянию врачей Великая княгиня прошла ещё курс лечения на грязевом курорте в Еапсале, а затем провела несколько недель в Крыму. Наконец можно было вплотную заняться делами обители. Начиналась другая жизнь, открывалась новая дорога, и, прощаясь с минувшим, Елизавета Фёдоровна послала поклон Императорской чете: «Простите меня оба. Увы, я знаю и чувствую, что огорчаю вас и, может быть, вы не совсем меня понимаете, пожалуйста, простите и потерпите меня. Простите мои ошибки, простите, что живу не так, как вам, может статься, хотелось бы, простите, что не смогу часто приезжать из-за своих теперешних обязанностей. Просто от доброго сердца простите и от всей христианской души помолитесь обо мне и моём деле».

*

То, что задумала и организовала Великая княгиня, не имело прямых аналогов в России. Создаваемая обитель, по её мысли, не была монастырём, хотя и подразумевала некоторые принципы монашества. Задача состояла в объединении на практике двух путей спасения: любви к

Богу и любви к ближнему. Традиционно их символизировали образы святой Марфы и святой Марии, двух сестёр, у которых остановился Христос, идущий в Иерусалим. Сидя у Его ног, Мария внимала словам Спасителя, забыв обо всём на свете, в то время как Марфа хлопотала по хозяйству и готовила пищу, чтобы накормить Путника.

Российский опыт милосердия знал оба эти проявления, причём иногда они даже пересекались. Так было с «послушническими монастырями», общинами бывших послушниц из упразднённых по указу Екатерины II женских обителей, открывавшими лечебницы и приюты. Их насельницы жили по монастырскому уставу, но монашеских обетов не давали. Так было с персоналом вдовьих домов и с институтом «сердобольных вдов», созданных императрицей Марией Фёдоровной (супругой Павла I) в начале XIX века и ставших прообразами общин сестёр милосердия. Они занимались благотворительностью, уходом за больными и подготовкой женского медперсонала, подчиняясь строгим, почти монастырским правилам. Возникновение новых подобных организаций поставило вопрос о придании им церковного статуса, что привело к дискуссии, а с открытием в России деятельности Красного Креста сестринское движение окончательно приобрело сугубо светский характер. Конечно, работа Общества привела к большим и важным результатам, однако отсутствие в нём духовной основы (несмотря на благочестие отдельных сотрудников) неизбежно вело к кризису самой системы. Со временем в её адрес зазвучала критика, не без оснований указывалось на упадок нравственных критериев и появление корыстных интересов, на исчезновение духа сплочённости. Правда, достойной альтернативы РОКК не называлось.

В свою очередь структуры Церкви подходили к проблеме с осторожностью. В самом деле, должны или не должны вершиться в монастырях благотворительные дела, испокон веков называвшиеся богоугодными? Основав свою обитель в Киеве, Великая княгиня Александра Петровна (в иночестве Анастасия) нисколько не сомневалась в том, что практика милосердия — прямая обязанность монахинь. При её Покровском монастыре действовала оборудованная по последнему слову техники больница, рассчитанная на более сотни стационарных мест и способная принимать до пятисот амбулаторных больных в день. «Когда мы сподобляемся приблизиться к болящему, — говорила настоятельница, — то мы невидимо приближаемся к Христу, и если при служении болящим храним на уме, в сердце и творим устами Иисусову молитву, то это те живые чётки, та идея, за которую радостно можно гореть на костре, за которую радостно можно принимать всякое поношение!» Но так считали не

все. Игуменья Страстного монастыря в Москве матушка Евгения, критикуя позицию Александры Петровны, высказывалась за абсолютный приоритет молитвенного служения: «Суетные дела благотворительности — школы, ясли, то есть хождение за крошечными детьми, больницы, приём больных, занятия в аптеках — отнимают всё время, умучивают донельзя, так, что о молитве или внутреннем своём состоянии и подумать некогда да и невозможно». Соединение монастыря и общины сестёр милосердия виделось ей чем-то несуразным: «Подумайте, может ли быть мир, где в одном и том же заведении два разнородных учреждения?»

Елизавета Фёдоровна нашла третий путь, впрочем, давно известный и относительно успешно используемый в Европе. Путь диаконис. Странное, забытое в России слово вызвало удивление, а между тем само понятие восходило ко временам становления христианства, к истокам Церкви. Изначально диаконисами называли женщин, помогавших в обучении основам веры, ассистировавших при крещении лиц женского пола, но, главное, заботившихся о бедных и больных. Во время гонений на христиан они служили мученикам в темницах. Из постановлений первых Вселенских соборов видно, что таковые подразделялись на рукоположенных диаконис (прислуживали в храмах) и диаконис по одеянию (занимались делами милосердия). Но с XII века православная церковная практика прекратила поставление диаконис, сделав этот термин почётным званием. Но на Западе же чин сохранился, дополнившись предписанием строгого безбрачия или вдовства. Впрочем, на фоне духовно-рыцарских орденов и католических монастырей деятельность его обладательниц становилась всё менее заметной, пока совсем не исчезла накануне Реформации. Однако история, эта любительница парадоксов, совершила очередной кульбит — именно в лютеранской Германии, ревностно отвергавшей любые проявления «папизма», институт диаконис возродился в начале XIX века. Инициатором движения стал пастор Т. Флиднер, после чего оно, получив поддержку по всей стране, перекинулось в Англию и нашло своих последователей от Америки до Ближнего Востока.

Гессенская принцесса Элла познакомилась с такой деятельностью благодаря бабушке Елизавете, основавшей дом диаконис в родном для внучки Дармштадте. Мы не можем с точностью утверждать, посещала ли девочка это заведение, когда обходила вместе с матерью городские больницы, но то, что идея такого служения Богу и людям не могла не запасть ей в душу, очевидно. В России ничего подобного она не увидела, хотя справедливости ради следует сказать о залетавших сюда порой отголосках западных тенденций. Так, московский святитель митрополит

Филарет (Дроздов) в своё время отнюдь не чурался подобного служения женщин, посвятив настоятельницу Спасо-Бородинского монастыря Марию (Маргариту Тучкову) в сан игуменьи по чину диаконис. Примерно в то же время в Петербурге начала работу Свято-Троицкая община сестёр милосердия, основанная дочерями императора Николая I Марией и Александрой при участии принца П. Г. Ольденбургского и его жены Терезии. Организация, имевшая целью «попечение о бедных больных, утешение скорбящих, приведение на путь истины лиц, придавшихся пороку, воспитание детей бесприютных и исправление детей с дурными наклонностями», не скрывала, что берёт пример с общин диаконис. Зачем? «Чтобы, с одной стороны, избежать неудобства чисто светского общежития, с другой стороны, не подчинять сестёр милосердия строгостям монашеского устава». Носившие форменную одежду сёстры трудились как в самой общине, так и в городских лечебницах, заодно посещая дома «бедных страждущих». Учреждение имело собственную богадельню, женскую и мужскую больницы, домовую церковь.

На западе России (Седлецкая губерния, Царство Польское) возникли общины, уже прямо действующие по принципам диаконис. Местная церковная власть поддержала начинание, стремясь укрепить позиции православия в католико-униатском крае, а возглавившая дело игуменья Екатерина (графиня Евгения Борисовна Ефимовская) проявила себя прекрасным организатором. Она основала Свято-Богородицкий Леснинский монастырь, открывший больницу, амбулаторию, приюты и школы, а поскольку такое устройство было не совсем обычным, матушка Екатерина предварительно съездила в Оптину пустынь и обратилась за благословением к старцу Амвросию. «Новый монастырь — по-новому и устрой», — благосклонно отозвался подвижник. Благословил начинание и протоиерей Иоанн (Сергиев) Кронштадтский, оказывавший затем Леснинскому монастырю всестороннюю помощь. Дело двинулось вперёд — обитель создала четыре общины с медицинскими пунктами, аптеками и школами, по её примеру возникло ещё пять монастырей с широкой благотворительной практикой. Вот этому расширявшемуся движению игуменья Екатерина и хотела придать статус работы диаконис, для чего неоднократно обращалась к высокому духовенству. «Я глубоко убеждена, — писала она, — что, несмотря на менее строгие монашеские обеты, требуемые от диаконис, множество девушек и вдовушек откликнется на призыв к новому деятельному служению Церкви и Отечеству». В начале XX века её предложения по восстановлению забытого церковного чина серьёзно обсуждались архиереями, находя у некоторых поддержку, правда,

с оговоркой, что диаконисы были бы полезнее не в монастырях, а в приходах. Продолжая добиваться решения и обладая серьёзными богословскими знаниями, в 1908—1909 годах (как раз когда Елизавета Фёдоровна размышляла над тем же вопросом и создавала свою обитель) игуменья Екатерина опубликовала в журнале «Христианин» собственный труд «О диаконисах первых веков христианства».

Как видим, начинание Великой княгини возникло не на пустом месте, идея, что называется, «витала в воздухе» и ждала воплощения. Казалось, дело за малым — положения разработаны, место определено, учреждения созданы, желающие потрудиться найдены — и надо лишь соответствующим образом оформить благой почин. Но именно на этом этапе Елизавета Фёдоровна столкнулась с непониманием, а точнее, с нежеланием понимать того, что она затевала. Сразу насторожился Синод: обитель диаконис? Слишком напоминает протестантство... Правда, отложив вопрос о наименовании сестёр, высший орган Русской церкви признал, что «учреждение сей обители имеет важное религиознопросветительское значение», и в декабре 1910 года согласился с фактом её существования. Пришлось пока довольствоваться таким решением, хотя слово «диаконисы» имело для Великой княгини принципиальное значение — только оно соединяло два начала в задуманном служении, только оно позволяло приносить обеты без монашеского пострига и оказывать милосердие, живя по монастырским правилам. Добиться его признания не помогли ни симпатии отдельных архиереев, ни личный авторитет Елизаветы Фёдоровны, который она, впрочем, и не использовала. Как вспоминал епископ Анастасий (Грибановский), «стремясь быть во всём послушной дочерью Православной Церкви, Великая княгиня не хотела воспользоваться преимуществами своего положения, чтобы в чём-нибудь, хотя бы в малом, освободить себя от подчинения установленным для всех правилам или нарочитым указаниям церковной власти... Она серьёзно думала о возрождении древнего института диаконис, в чём её горячо поддерживал митрополит Московский Владимир; но против этого, по недоразумению, восстал епископ Гермоген (в то время Саратовский, после он был в Тобольске, где мученически окончил жизнь), обвинил без всяких оснований Великую княгиню в протестантских тенденциях (в чём потом раскаивался сам). Он заставил её отказаться от взлелеянной идеи».

С последним утверждением согласиться трудно. Елизавета Фёдоровна, человек твёрдого характера и сильной воли, продолжала бороться. В начале 1911 года, изучив массу исторических документов, она писала секретарю

Императорского Православного Палестинского общества и члену Предсоборного Присутствия А. А. Дмитриевскому: «Диаконисы в древности жили обителями, а не только как отдельные личности при церквях... Я принципиально против монахинь, выходящих на служение ближнему в мир, в чём со мной согласны некоторые иерархи. Мне бы также не хотелось обращать мою обитель в обыкновенную общину сестёр милосердия, так как, во-первых, там только одно медицинское дело, а другие виды даже не затронуты, и, во-вторых, в них нет церковной организации, и духовная жизнь на втором плане, тогда как должно быть совершенно наоборот». В пояснительной записке Синоду Великая княгиня ссылалась на историю Церкви, на примеры русского подвижничества, на авторитетные мнения первосвятителей в прошлом. Тщетно! Даже Государь склонялся на сторону верхов духовенства. Тогда весной 1911 года был разработан новый временный устав обители, а третий, на который сегодня ориентируются историки, появился в 1914 году. Окончательно вопрос о диаконисах отложат на запланированный Поместный собор, но когда он соберётся в Смутные годы революции, подготовленный доклад так и не рассмотрят...

Тем не менее обитель, получившая в знак объединения двух заявленных путей наименование Марфо-Мариинской, начала работу, и к 1909 году в ней сложился определённый уклад. «Те несколько сестёр, что живут у меня, — сообщила Елизавета Фёдоровна императору, — хорошие девушки, очень верующие — ведь и всё наше служение основано на вере и живёт ею. Батюшка их наставляет, три раза в неделю у нас бывают замечательные лекции, на которые приходят и гости. На утреннем правиле батюшка читает из Евангелия и говорит краткую проповедь и т. д. Я опекаю их, мы разговариваем. Едят они без меня — кроме как в праздники, на Пасху, может, чаще. Чай пьём все вместе, и священник с матушкой тоже, разговор бывает о духовном. Потом у нас будет большая трапезная, как в монастырях, с чтением житий, а я как настоятельница буду иногда выходить и смотреть, чтоб всё было по моему установлению. В нашей жизни очень много от монастыря, я нахожу это необходимым. У нас даже несколько бывших сестёр милосердия, рекомендованных их начальницами, и девушки, которых прислали старцы, и т. п.

Ну а свои старые обязанности я тоже не оставляю — комитеты и все мои прежние дела остались. Это всегда было на мне, и только со смертью Сержа приёмы, ужины и т. п. кончились и никогда больше не возобновятся. Я принимаю мало, только если на то есть причины... Я стараюсь, чтобы другие смогли отдохнуть в моём старом доме в Москве (в Николаевском

дворце. — Д. Г.) и в то же время чтобы начатое мной дело не страдало от того, что я провожу с гостями по несколько часов. Что до путешествий, то, во-первых, это дорого, а, главное, было бы неправильно “возложивши руки на свой плуг, озираться назад”!»

Посетивший Первопрестольную почти в то же время философ и писатель В. В. Розанов опубликовал в газете «Новое время» статью под названием «Великое начинание в Москве», где со слов художника М. В. Нестерова рассказал о поразившем его деле: «Великая княгиня Елизавета Фёдоровна, потерявшая мужа таким ужасным образом, пережив невыразимое душевное потрясение, — положила всю энергию души на такое начинание, которое удивительно по своей новизне, мысли и глубине... Скорбная княгиня-вдова вложила всю свою душу и употребила все материальные средства, которыми располагала лично, в устройство Марфо-Мариинской обители милосердия — деятельного полумонастыря исключительно с назначением практической помощи населению...

Вопрос был в имени “сестёр”, которые суть монахини и не монахини, живут и в миру и вне мира: для людей, находящихся вне обители. Ясно, что они стоят в церкви, как некоторый чин её, как ступень в слоях церковного жития; но в современной церкви для такого особенного чина и этой своеобразной ступени нет имени и примера. Тогда своеобразно было бы вспомнить о древнем и забытом потом чине “диаконис”... Этот цветок духовной жизни никогда не вырывался из церковной почвы, но он только не поливался...

Учреждение прямо великое! С этими религиозными оттенками и в этой сказывающейся с первого шага широте замысла — это совершенно ново на Руси! Предприятие, которое давным-давно ожидает русский народ, недостаток которого в церкви русской отогнал от этой церкви или расхолодил к ней множество пламенно веровавших душ, ставших даже в антагонизм с церковью, в борьбу с ней! Сколько раз приходилось слышать, читать: “Бога молют, а человека бросают без помощи. В таком случае любят ли они и Бога? И чиста ли их молитва?”... Нужно заметить, что Великая княгиня не учреждает только на свои средства эту обитель, но основывает её как личное своё дело, и становится во главе её, как деятельница, подвижница, труженица. Я спросил у Нестерова, какова же форма будет у новых диаконис? — Белая... Нельзя не сказать, что добрая и благородная княгиня, и всегда пользовавшаяся большой и всеобщей любовью в Москве, — с осуществлением её замысла войдёт в нашу историю, как дорогое светлое лицо, которое никогда не померкнет. Дай Бог всему пути разума и силы». Елизавету Фёдоровну всё-таки слышали.

Поняли!

Созданной обители для духовного окормления сестёр и совершения богослужений требовался священник. Великая княгиня нашла его в городе Орле, в своём подшефном 51-м драгунском Черниговском полку. Уроженец Воронежской губернии, сын священника, выпускник духовной семинарии и Варшавского ветеринарного института, Митрофан Васильевич Серебрянский с 1897 года служил настоятелем Покровского полкового собора и славился в Орле прекрасными проповедями. Елизавете Фёдоровне он был представлен в Сарове во время прославления преподобного Серафима, производя на неё самое благоприятное впечатление. В Русско-японскую войну отец Митрофан был вместе с полком на фронте и за проявленные там пастырские заслуги удостоился с возведением в протоиереи наперсного креста на Георгиевской ленте. Узнав о задуманной в Москве обители, он разработал собственный проект её устройства, который так понравился Великой княгине, что вопрос о духовнике решился сам собой. Осенью 1908 года, приняв приглашение Елизаветы Фёдоровны, священник переехал в Первопрестольную, причём перед этим ему пришлось преодолеть не только свои сомнения, но и нежелание орловцев отпускать любимого батюшку. Для отправки поезда, задержанного толпами горожан на шесть часов, пришлось даже вызывать конную полицию.

Оказавшись в обители, отец Митрофан сразу же принялся за дело, отдаваясь ему всей душой. Часто служил, наставлял сестёр. «Он исповедует меня, окормляет меня в церкви, — говорила Великая княгиня, — оказывает мне духовную помощь и подаёт пример своей чистой простой жизнью, такой скромной и высокой по её безграничной любви к Богу и Православной Церкви». Вторым священником был назначен отец Евгений Константинович Синадский.

Наконец пришло время посвящения сестёр обители и возведения в сан настоятельницы самой Великой княгини. Накануне столь важных шагов Елизавета Фёдоровна обратилась к Государю: «Дражайший брат, дорогой, прошу твоего благословения, молитв и прощения перед приближающимся торжественным днём. Да поможет мне Господь быть достойной дела, которое приносит мне глубокую радость и душевный мир. Да призрит Господь на мои скромные труды, а ты, дорогой, как мой земной повелитель, да получишь малую помощь в своём служении, которую с Божьей помощью постараюсь приносить, утешая твоих чад. Пожалуйста, пожалуйста, будь уверен: как бы трудно или греховно ни сложилась моя убогая земная жизнь, я твоя верная подданная, мои устремления всегда направлены к добру и к вере, даже если я спотыкаюсь на этом пути и

бесконечно ошибаюсь».

Большой радостью стал приезд на церемонию младшей сестры Ирены, принцессы Прусской. С некоторых пор она очень хлопотала о «дорогой Элле», хотя в своё время не понимала и очень переживала её переход в православие; плакала, когда это всё-таки произошло, и никак не хотела смириться с возможностью такого же поступка Алисы. Потом успокоилась, сочувствовала сестре в её страшном горе и старалась оградить Елизавету от лишних переживаний. Племянницу Марию она буквально подталкивала к браку с Вильгельмом, говоря, что отказ «убьёт тётю Эллу». А когда узнала о предстоящей операции, то примчалась в Москву и ухаживала за сестрой в клинике. И всё же благодарной за такое внимание Елизавете Фёдоровне было во многом приятнее увидеть Ирену под сводами православного храма в день своего посвящения, в момент принятия креста, давно желанного всей душой. Далёкое прошлое, олицетворяемое принцессой, соединялось в те дни с неведомым будущим.

9 апреля 1910 года семнадцать прошедших испытание сестёр милосердия предстали перед алтарём маленькой больничной церкви Святых Марфы и Марии. Распахнулись Царские врата, и епископ Трифон (Туркестанов) строго спросил: «Чего ради пришли есте, сёстры, в сию обитель милосердия, припадающие к престолу Милосердного Владыки нашего Христа Бога?» Стоя на коленях со свечами в руках, женщины дружно ответили: «Симо притекли есмы, желающие по заповедям Спасителя нашего послужить Богу. Его же всей душой возлюбили есмы в ближних наших, через си же поработали и вечному спасению нашему». Тогда последовал вопрос о готовности нерушимо хранить веру, соблюдать уставы Церкви, сохранять целомудрие, нестяжание и послушание настоятельнице и отдавать все силы избранному служению. Во всём этом посвящаемые принесли обет, уповая на помощь Христа, Божией Матери, святых Марфы и Марии и святых диаконис Фивы и Олимпиады. В знак нового положения каждой был вручён кипарисовый крест с образами и с надписью «Возлюбиши ближнего твоего, яко сам себя». На следующий день в том же храме совершилось возведение Елизаветы Фёдоровны в сан настоятельницы обители. Обряд провёл митрополит Московский Владимир (Богоявленский), изначально выражавший сочувствие задуманному. Среди духовенства был и отец Митрофан Серебрянский, которому досталась честь благословить Великую княгиню иконой святителя Николая и святой царицы Александры, специально присланной Царской четой. Во время литургии Елизавета Фёдоровна, стоя перед амвоном, обещала, как и требовал чин поставления, все силы души и тела принести на служение

Богу и ближнему, управляя Марфо-Мариинской обителью милосердия по крайнему своему разумению и совести. Присутствующие не скрывали слез. «Аксиа!» — возгласил митрополит, возлагая крест настоятельницы. «Достойна!»

*

О жизни обители написано немало. Но, думается, будет правильным прежде всего обратиться к словам самой Елизаветы Фёдоровны, первое время сообщавшей о распорядке и текущих делах в Царское Село. «Утром мы вместе молимся, — рассказывала она Николаю II, — одна из сестёр читает в церкви в полвосемь; в восемь часы и обедня, кто свободен, идёт на службу, остальные ухаживают за больными, или шьют, или ещё что...

У нас немного больных, так как мы берём пациентов, чтобы на практике учиться лечить разные случаи, о которых идёт речь в лекциях докторов, и для начала взяли только лёгких больных, сейчас уже всё более и более трудные случаи, но, слава Богу, больница наша просторная, светлая, сёстры очень преданы своему делу, и больные прекрасно идут на поправку. В полпервого сёстры во главе с госпожой Гордеевой садятся обедать, а я ем у себя одна — это мне по душе, и, кроме того, я нахожу, что, несмотря на общежитие, некоторая дистанция всё же должна быть». Замечание весьма показательное. Великая княгиня никогда не забывала о своём положении в обществе, о том, что она сестра императрицы и вдова царского дяди. Сёстры обители только между собой называли её «матушкой», обращаться к настоятельнице надо было со словами «Ваше Высочество». Даже окно её собственной молельни формой и наличниками напоминало императорскую корону. Личный двор Великой княгини хоть и был сокращён, но сохранил существование и теперь возглавлялся гофмейстером А. П. Корниловым. Ей также полагалась фрейлина, а при выездах в город её экипаж (позднее автомобиль) сопровождал специальный лакей в униформе. Но в этом не было никакой гордыни, никакого культивирования своей личности. Елизавета Фёдоровна оставалась членом царской Династии, и все элементы «дистанции» относились к престижу правящего Дома, к авторитету монархии и тех персон, что её представляли. В глазах народа Императорская семья стояла на недостижимой, Богом определённой высоте, спуститься с которой не позволял весь миропорядок. Вместе с тем такое положение налагало и совершенно особую ответственность — Великая княгиня навсегда запомнила

основополагающий принцип, в своё время озвученный мужем: «Кому много дано, с того много и спросится». Её она придерживалась и в обители.

«В посты, — продолжала рассказ Елизавета Фёдоровна, — по средам и пятницам у нас подаётся постное, в другое время сёстры едят мясо, молоко, яйца и т. д. Я уже многие годы не ем мяса, как ты знаешь, и у меня всё тот же вегетарианский стол, но те, кто к этому не привык, должны есть мясо, особенно при тяжёлой работе.

Спим свои восемь часов, если кто не засиживается позже положенного; у нас хорошие кровати и чудесные комнатки с яркими обоями и садовой мебелью. Мои комнаты большие, просторные, светлые, уютные, тоже летние, все, кто у меня был, в восторге от них. Мой дом стоит отдельно, потом больница с домовою церковью, дальше дом врачей и лазарет для солдат и ещё дом батюшки = 4 дома. После обеда некоторые выходят подышать воздухом, потом все берутся за работу; чай подаётся в четыре, ужин в полвосьмого, потом вечерние молитвы в моей молельне в 8 и спать в 10.

Теперь о лекциях: три раза в неделю батюшка, три раза — врачи, между лекциями сёстры читают или готовятся. Пока у них медицинская практика только в больнице; я их посылаю в дома бедных от случая к случаю и лишь для того, чтобы собрать сведения; понимаешь, сначала они должны выучиться. Батюшкины лекции очень интересны, просто исключительны, ведь он не только глубоко верующий, но ещё и необычайно начитанный человек. Он начинает от Библии, а заканчивает церковной историей, указывая сёстрам, как и что они могут сказать и чем облегчить душевные страдания... Скольких он вернул к вере, наставил на путь истинный, от скольких я слышу благодарность за великое благо иметь возможность посещать его. Никакой экзальтации — но ты довольно меня знаешь, я люблю спокойную, глубокую веру и никоим образом не могла остановить свой выбор на священнике-фанатике...

Я сплю свои 8 часов, ем с удовольствием, физически чувствую себя удивительно здоровой и сильной (небольшая простуда, ревматические боли или подагра, от которой страдали все в нашей семье, — от них никуда не денешься). Ты знаешь, у меня никогда не было румяных щёк и всякое глубокое чувство тотчас отражается на моём лице, так что в церкви я часто выгляжу бледной, ведь я, как и вы с Аликс, люблю богослужение и знаю, какую глубокую радость может доставить хорошая служба... Я совершенно спокойна, а совершенный покой — это совершенное счастье. Мой милый Серж почиет в Бозе со многими, кого он любил, с теми, кто ушёл туда к

нему, а мне Господь дал прекрасную работу на этой земле. Исполню ли я её хорошо или плохо, один Он ведает, но я буду стараться изо всех сил, и я влагаю свою руку в Его и иду, не страшась тех скорбей и нападков, которые приуговил для меня этот мир, — мало-помалу моя жизнь повернула на этот путь».

То, чем жила обитель, весьма интересовало Великую княжну Ольгу Николаевну. Старшая дочь императора, обладавшая очень живым умом и рассудительностью, всегда тянулась к тете Элле, а та отвечала ей взаимностью. Несмотря на разницу в возрасте, они прекрасно понимали друг друга, могли доверительно общаться, на равных обсуждать новости, делиться впечатлениями. И понятно, что внимание племянницы к делам Елизаветы Фёдоровны на Большой Ордынке было далеко не праздным. «Я очень рада, что тебе это интересно, — писала ей тётя. — Удивляешься, что у нас так много сестёр и так мало больных; видишь ли, сёстры пока учатся, и нельзя так скоро всем позволить ухаживать за больными, можно навредить пациентам. А, кроме того, одни работают по дому как прислуга, другие занимаются бельём, третьи — кухней, четвёртые — больными, пятые — в храме, но все равны перед Богом в этом труде и все ходят на беседы нашего священника, а когда свободны, сидят с больными, пока остальные заняты на регулярных уроках с врачами. Все должны уметь ухаживать за больными, но большая часть сестёр обучается на специальных медицинских занятиях. Понимаешь, когда они пойдут к бедным, то должны будут уметь их поуютнее устроить там, где те живут, нельзя же всех бедных больных забирать из дому, где они нужны домашним, но можно их упокоить телесно и душевно...

Старец, который живёт в монастыре неподалёку, старенький святой священник — затворник, он выходит только по субботам и воскресеньям исповедовать... Подумать только, в молодости он служил дьяконом рядом с моим домом, на соседней улице, потом стал священником в Кремле, потом монахом, а теперь — отшельник. Прекрасная жизнь! Мало-помалу, под покровом Церкви он возрастал в святости, так что, зная людей, он полон милости и понимания... Я рада, что он благословил мой труд и указал мой долг как Великой княгини и как начальницы обители».

Старец, о котором говорит Елизавета Фёдоровна и который, по её словам, внешне напоминал ей икону преподобного Серафима, — отец Алексей (Фёдор Алексеевич Соловьёв), инок Свято-Смоленско-Зосимовой пустыни. Смиренный, но внутренне сильный, он пользовался огромным авторитетом, привлекавшим в монастырь массу людей. «Особой чертой характера о. Алексия, — писал о нём архиепископ Арсений (Жадановский),

— является общительность, доступность и внимательность ко всем. Старый и малый, образованный и простой, говоря с ним, чувствует, что батюшка не тяготится, а проявляет живой интерес к судьбе каждого. Больше того, он как бы берёт на себя скорби ближнего». Отец Алексей стал духовником Митрофана Серебрянского, да и сама Великая княгиня не раз приезжала к нему за советом и духовной поддержкой. Порой они проводили в беседах наедине до четырёх часов, после чего в храме удивлённые паломники могли видеть Елизавету Фёдоровну стоявшей на молитве прямо, не шевелясь («как свечечка!»), и только истово клавшей глубокие поклоны.

Но вернёмся к письму. «Приводят в порядок сад, но пока он, конечно, выглядит ужасно. Церковь и вправду будет прекрасная, а дома потихоньку расширяют и красят... Сейчас я собираюсь устроить небольшое заведение для девочек-нищенок, где их будут готовить в “прислуги за все”. Во всех приютах, кроме тех, что для девочек, есть учитель военного дела, который учит гимнастике, маршировке и т.п., приготавливая к будущей солдатской жизни. Мои сёстры умеют работать, и мы все делаем с верой. Великое назначение нашей обители и сестёр — оказывать христианское милосердие именем Православной Церкви».

Число сестёр постепенно возрастало. В 1910 году их было уже пятьдесят, а к 1914-му девяносто семь. Согласно уставу в обитель принимались «лица, достигшие 21 года и до 40 лет, православные, грамотные, достаточно крепкого здоровья и желающие посвятить во имя Господа все свои силы служению страждущим, больным и неимущим». Дела милосердия соединили здесь и представительниц дворянства, и женщин из средних сословий, и простых крестьянок. Пройдя подготовку, они трудились в больнице, в аптеке, в приюте, в столовой для бедных; работали в рукодельной, на кухне, в трапезной. Важные задачи возлагались на казначею, которой стала Валентина Сергеевна Гордеева, пришедшая в обитель одной из первых. Ровесница Елизаветы Фёдоровны, дочь самарского губернатора С. П. Ушакова и вдова курского губернатора Н. Н. Гордеева, умершего в 1906 году, Валентина Сергеевна сразу откликнулась на предложение Великой княгини стать её помощницей в новом деле. Казначейские обязанности потребовали от Гордеевой наблюдения за всей хозяйственной частью обители, ведения счетов, производства текущих расходов, надзора за порядком и чистотой. В отсутствие настоятельницы следовало исполнять её обязанности. Фактически Валентина Сергеевна стала ближайшей сотрудницей Елизаветы Фёдоровны, её правой рукой. «Вся в работе, — говорила о ней Великая княгиня, — энергична, хорошо

разбирается в делах, а характер до того лёгкий, что меня понимает с полуслова. Она умеет сделать так, чтобы её все любили, но при этом не проявляет слабости, так как очень ответственна. Это просто дар Божий, а для меня огромная помощь».

К 1914 году Марфо-Мариинская обитель располагала больницей на двадцать две кровати (расширения не предполагалось, поскольку главной задачей сестёр оставалось посещение бедных и больных вне обители), аптекой, бесплатно отпускавшей лекарства беднякам, амбулаторией в шесть кабинетов, приютом для восемнадцати девочек-сирот, воскресной школой для девушек и женщин, работающих на фабриках. Работала столовая для неимущих, отпускавшая обеды на дом (за год около ста сорока тысяч) преимущественно многодетным семьям. Несколько лет просуществовал дом для чахоточных женщин (закрыт с появлением в Москве специальной туберкулёзной лечебницы), где стационарно лечилось несколько десятков человек. «Это заведение тяжело посещать, — признавалась Елизавета Фёдоровна племяннице Ольге, — потому что выздоравливают здесь немногие: их уже умирающими привозят из какого-нибудь убогого угла, где они жили впроголодь, — так грустно. Раз в неделю наш священник ходит к ним, служит молебен и разговаривает с ними. Они часто причащаются и соборуются...»

За стенами обители (в Николаевском дворце) был открыт кружок «Детская лепта», в котором каждое воскресенье после краткой проповеди отца Константина Зверева дети из состоятельных семей заготавливали бельё и одежду для своих неимущих сверстников. К работе подключились и взрослые, стали поступать пожертвования деньгами, материей, готовыми изделиями. Только за 1910 год таким способом удалось одеть около шестисот человек. Однако главное внимание уделялось целевой помощи «низам» Москвы. На имя Елизаветы Фёдоровны поступали сотни прошений, и она отправляла сестёр по адресам нуждавшихся. Кроме того, обитель занялась самостоятельным выявлением тех, кому требовалась срочная социальная помощь. Вначале была обследована ближайшая Якиманская часть, затем сёстры милосердия отправились в другие районы, а с осени 1913 года стали осваивать Хитров рынок. В этом жутком криминальном районе они обходили ночлежные дома, делая прививки или перевязки больным, искали не до конца опустившихся «на дно» и подбирали им место работы. В чайной Общества трезвости (организованной ещё Сергеем Александровичем) проводили чтения для подростков. И, конечно, пытались вытащить из злочного места детей, распределяя их по приютам.

То в одном, то в другом уголке города москвичи могли видеть идущих обычно парой женщин в непривычном одеянии. По праздникам и воскресеньям на них было белое, а в остальные дни серое платье, сшитое по покрою рясы, наглухо закрытое спереди и с застёжками сбоку. Вскоре они перестали удивлять — сёстры милосердия Марфо-Мариинской обители влились в повседневную жизнь Москвы, став её неотъемлемой частью. Некоторые из них выделялись белыми апостольниками монашеского покроя и серыми шерстяными покрывалами. Это были «крестовые», то есть посвящённые сёстры, носившие на груди кипарисовый крест. Точно так же выглядела их настоятельница. Правда, новый облик Елизаветы Фёдоровны не сокрыл её красоты — ни внешней, ни внутренней. Увидевший тогда Великую княгиню французский посол Морис Палеолог с восхищением отметил: «Её лицо, обрамленное покрывалом из белой шерстяной материи, поражает своей одухотворённостью. Тонкость черт, бледность кожи, глубокая и далёкая жизнь глаз, слабый звук голоса, отблеск какого-то сияния на её лбу, — всё обнаруживает в ней существо, которое имеет постоянную связь с неизреченным и божественным».

*

Большая Ордынка была тихой улицей Замоскворечья. Проезжая по ней, не всякий мог обратить внимание на невысокие белокаменные ворота, стоявшие в ряду типичных построек. И только хорошо знавший, что скрывается за ними, и пришедший сюда специально останавливался перед аркой, крестился на образ Богоматери «Неувядаемый Цвет» и, пройдя через калитку, попадал на территорию Марфо-Мариинской обители. Первое, что открывалось взору, — большой сад. Множество деревьев, кустарник, клумбы с белыми цветами. Весной их дополняли незабудки, самостоятельно пробивавшиеся на газонах и голубыми искорками славшие приветствие от русских полей. Направо тянулись главные строения, включая дом настоятельницы, и если посетитель направлялся именно к ней, то поднимался на второй этаж и ждал в приёмной. Дальше могли проходить лишь те, кого Великая княгиня приглашала лично. Для бесед с таковыми предназначалась её личная гостиная, небольшая, но очень светлая угловая комната с плетёными креслами и простой кушеткой. Три столика были покрыты скатертями, над центральным низко свисала лампа под белым абажуром. Дверь в конце левой стены вела в кабинет, где

Елизавета Фёдоровна работала в одиночестве, а завершала покои настоятельницы её маленькая спальня с простой железной кроватью.

Ежедневно после вечерней службы в больничном храме настоятельница приходила в свою молельню. Эта комната всем своим видом напоминала храм — роспись внизу стен, паникадило, множество икон, среди которых на правой стене выделялся большой образ Серафима Саровского. В проёме окна было изображение стоящего Спасителя. Совершив молитву, Великая княгиня в половине одиннадцатого ложилась спать, с тем чтобы в семь утра вернуться к работе.

Дел было много. Определить послушания сёстрам, разобраться с их проблемами, а подчас и показать пример. Однажды она поразила поступком, о котором в обители долго вспоминали: «Как-то картошку перебирать, сёстры заспорили, никому не хочется — матушка молча оделась и пошла сама. Тогда уж за ней все побежали». Затем требовалось выслушать отчёты и разобраться с хозяйством. Елизавета Фёдоровна вникала практически во всё. Как пишет игумен Серафим Кузнецов, в обители «не было деревца, которое не было бы посажено по её указанию, не было гвоздя, вбитого не по её распоряжению». Много времени занимала работа в больнице, куда Великая княгиня приходила даже поздно вечером. «Если кто-то из больных давал повод для беспокойства, — вспоминала графиня А. А. Олсуфьева, — она садилась возле его кровати и просиживала так до утра, стараясь облегчить страдальцу изнурительные ночные часы. Благодаря исключительной интуиции ума и сердца ей удавалось найти слова утешения, и больные уверяли, что само её присутствие облегчало боль, они чувствовали, как от неё исходит целительная сила, дающая терпение и спокойствие в страдании, боязливые смело шли на операцию, укрепившись её утешительным словом». Этим словам вторит и Н. С. Балужева-Арсеньева, также говорившая о поступлении тяжёлых больных в личное ведение Елизаветы Фёдоровны: «Она, как правило, выполняла ночные дежурства при них, утешала, ободряла их и молилась с ними». Кроме того, Великая княгиня нередко ассистировала хирургам, отмечавшим её самообладание и умение.

Когда кто-то из пациентов умирал, настоятельница наравне с другими сёстрами бралась за чтение Неусыпной Псалтыри в маленькой часовне, притаившейся в глубине сада. Зато как она радовалась, когда удавалось спасти практически безнадежного. Поразительный случай приводит та же А. А. Олсуфьева (он подтверждён рассказом одной из сестёр, так что полностью достоверен). По словам графини, в обитель привезли кухарку, «которая получила ожоги, опрокинув керосинку; площадь ожогов была

слишком велика — кожа уцелела лишь на ладонях и ступнях, и врачебная наука не могла ей помочь. У несчастной уже началась гангрена, когда её доставили из городской больницы. Великая княгиня сама делала перевязки; они были чрезвычайно болезненны — приходилось ежеминутно прерываться, чтобы успокоить и утешить пациентку, — и продолжались по два с половиной часа дважды в день. После них платье Великой княгини нужно было проветривать, чтобы избавиться от ужасного гангренозного запаха, но она упорно продолжала лечение до тех пор, пока, к изумлению докторов, отказавшихся от больной, та не поправилась».

Часто после литургии Елизавета Фёдоровна отправлялась по делам в город, а иногда выходила к ранней обедне в церковь Иоанна Воина на Якиманке. Каждая её отлучка из обители вызывала тревогу полиции, отвечавшей за безопасность Августейшей персоны. Конечно, у неё была личная охрана, организованная ещё в апреле 1905 года, — за каретой Великой княгини постоянно следовали агенты, а для пущей безопасности маршруты проезда всё время менялись. Новая проблема спецслужб состояла в том, что, переселившись в обитель, Елизавета Фёдоровна категорически отказывалась от какой бы то ни было опеки и тем самым подвергала себя реальному риску. Министерство внутренних дел потребовало срочно решить этот вопрос, и в декабре 1909 года московский градоначальник доложил руководству о принятых мерах. Они заключались в секретном наблюдении за Елизаветой Фёдоровной и всеми её передвижениями, для чего старшим швейцаром в обитель был поставлен сотрудник Охранного отделения. В случае выезда Её Высочества он связывался по телефону с дежурившими в соседнем доме агентами (двое мужчин и две женщины), которым полагалось незаметно следить за Великой княгиней и ограждать её, как говорилось в докладе, «от возможных на улице приставаний прохожих и нищих». Ещё два охранника дополнительно выставлялись в церкви, если там молилась Елизавета Фёдоровна, а при её поездках по железной дороге в вагоне должен был находиться переодетый в штатское жандармский офицер.

Столь серьёзные шаги диктовали как статус подопечной, так и горький опыт недавней смуты. Пока, слава Богу, вдова убитого террористами Великого князя не сталкивалась с какими-либо эксцессами, кроме двух почти курьёзных происшествий в поездах. Однажды её совсем неузнанную едва не высадил контролёр из-за какой-то путаницы с местами, в другой раз к ней в купе подсел некий вице-губернатор, захотевший поухаживать за незнакомкой. Но был и совсем иной, затем старательно замалчиваемый эпизод. Мало кто знает, что 8 августа 1907 года поезд, в котором следовала

Елизавета Фёдоровна, подвергся покушению. Обошлось без серьёзных последствий, да и сама акция носила в основном устрашающий характер, поскольку в качестве бомбы использовалась железнодорожная сигнальная петарда. И что же? Более двух лет полиция словно не замечала всей серьёзности положения и лишь к 1910 году создала относительно стройную систему безопасности Её Высочества. С этого времени она постоянно находилась под скрытым наблюдением сотрудников Охранного отделения, не спускавших глаз с её кареты на улицах Москвы, фиксировавших все места и время пребывания Великой княгини и наблюдавших за всеми людьми, что оказывались рядом с ней.

В один из дней, в июле 1912 года, филёры привычно отметили выезд Елизаветы Фёдоровны из обители в половине второго дня. Вместе с ней в экипаже находилась приехавшая её навестить сестра, принцесса Виктория Баттенберг, так что внимание усиливалось. И тут агенты растерянно переглянулись — карета остановилась посреди улицы! «Возле дома бывшей Осипова остановилась, — доложат они руководству, — где на тротуаре лежал отравившийся неизвестный, на вид рабочий, лет 25—27, мужчина. Около последнего собралась публика и городской. Её Высочество осмотрела неизвестного и тут же вернулась в собственную аптеку, на собственных лошадях отправила двух аптечных докторов привезти в обитель больного, а сама осталась ждать у аптеки. Через 10 минут был привезён больной, которому в присутствии Её Высочества была подана первая медицинская помощь, а затем больного на извозчике при дворнике отправили в городскую больницу. В 2 ч[аса] 30 м[инут] дня Её Высочество вместе с сестрой выехала в Отделение чахоточных обители на Донскую улицу». Что ни слово — то картина! И как, наверное, умилялась на свою Элли Виктория, будто вернувшаяся в детство и вновь увидевшая то, чему учила их мать. Как взволнованно обсуждали происшествие прохожие, получившие наглядный урок, но, скорее всего, оставившие в памяти только «сенсацию» о встрече с сестрой императрицы, хлопотавшей над каким-то «забулдыгой». И как равнодушно прочитали потом рапорт полицейские чиновники, приложившие его к другим документам по наблюдению, в которых главной считалась фраза: «Происшествий не было, всё благополучно».

Ничего особенного не видела в том эпизоде и сама Елизавета Фёдоровна. Только с другой точки зрения. Само собой разумеющимся и естественным считала она помощь любому человеку, попавшему в беду, милосердие без всяких оглядок на место, время и обстоятельства.

22 мая 1908 года в Марфо-Мариинской обители проходило большое торжество. Закладывался её главный храм, посвящённый празднику Покрова Пресвятой Богородицы и призванный стать центром всей жизни сестёр. Был день Вознесения Господня, но Великая княгиня, возможно, выбрала его и с учётом годовщины первого паломничества в Святую землю Сергея Александровича, а следовательно, и даты смерти императрицы Марии Александровны. Заодно заметим, что сама Елизавета Фёдоровна, посетив Иерусалим, присутствовала на освящении храма, возведённого в память о матери мужа, именно в праздник Покрова, и то событие во многом определило её дальнейший путь.

В сослужении Константина Зверева и Митрофана Серебрянского обряд совершил епископ Дмитровский Трифон (Туркестанов). Присутствовали почётные гости, среди которых выделялись сестра Елизаветы Фёдоровны принцесса Виктория, её дочери Алиса и Луиза, а также супруг Алисы греческий принц Андрей. Звучали молитвы, окроплялся закладной камень, и пока православный сын короля Греции внимательно следил за богослужением, его жена-протестантка не сводила глаз со своей прекрасной тёти. Весь образ Елизаветы Фёдоровны, все её свершения и замыслы произвели на двадцатитрёхлетнюю Алису Баттенберг неизгладимое впечатление, никогда затем не ослабевавшее.

Ещё и раньше ей были близки дела благотворительности, и посещение Марфо-Мариинской обители усилит работу принцессы на этом поприще, а жизнь и судьба Великой княгини Елизаветы вдохновят её на принятие православной веры. В двадцатые годы она начнёт жертвовать большие средства на церковь и тогда же до неё, слабослышащей от рождения, начнут доноситься какие-то непонятные голоса из другого мира. Сочтя это шизофренией, родственники Алисы на два года упрячут её в больницу для душевнобольных, а муж поспешит развестись. Свалится на принцессу и другое горе: её третья дочь Сесилия, вышедшая замуж за племянника Елизаветы Фёдоровны Георга Донатуса Гессенского, погибнет вместе с ним в авиационной катастрофе. Но испытания не сломят. Алиса займётся богословием, а в годы Второй мировой войны будет работать медсестрой в Красном Кресте, организовывать столовые для солдат и приюты для бездомных детей. Идти по стопам русской тётушки принцесса продолжит и в Англии, куда переедет в связи со свадьбой своего сына Филиппа и королевы Елизаветы II. Там она попытается организовать задуманную ещё

в Греции женскую православную общину-орден для подготовки нянь и сиделок, заранее сшив для себя серый наряд, напоминающий одеяние сестёр Марфо-Мариинской обители. Однако в протестантской Британии её идея не найдёт широкой поддержки. В конце жизни Алиса завещает похоронить себя в Иерусалиме, рядом с незабвенной тётёй Эллой, и сегодня она покоится в русской церкви Марии Магдалины на Елеонской горе, в том самом склепе, где до канонизации была погребена Елизавета Фёдоровна. Вход в усыпальницу украшает образ Покрова Божией Матери.

Покровский храм Марфо-Мариинской обители строился четыре года, и с самого начала Великая княгиня активно занималась вопросом о его будущем виде. Ещё в 1907 году она обратилась к Михаилу Васильевичу Нестерову с предложением расписать задуманную церковь, на что художник не только с радостью согласился, но и порекомендовал со своей стороны Алексея Викторовича Щусева в качестве архитектора. «Община во имя Марфы и Марии и храм во имя Покрова при ней, — сообщал М. В. Нестеров одному из знакомых, — воздвигаются на личные средства Великой княгини, и это дело — дело её души. Вся затея с обеспечением на вечные времена обойдётся недёшево, а потому на “художества” ассигнована сравнительно сумма небольшая, — а так как моя давнишняя мечта — оставить в Москве после себя что-либо цельное, то я, невзирая на скромность ассигновки, дело принял (к искреннему удовольствию Великой княгини). А, приняв его, естественно, и отдался этому делу всецело. На днях представлялся Великой княгине в Москве... Представил предварительные свои планы, которые были все приняты с самым лучшим чувством».

Елизавета Фёдоровна не случайно выбрала именно М. В. Нестерова. Хорошо зная его творчество и высоко ценя духовную составляющую его работ, она к тому же несколько лет могла любоваться одним из произведений художника, висевшим в её доме. Картиной, которую очень любила. В 1897 году это полотно под названием «Христова невеста» приобрёл на выставке Великий князь Сергей Александрович, всегда восторгавшийся талантом автора. Работа и поныне считается одной из важнейших, этапных в творчестве художника. Правда, сегодня нам больше знакомо совсем другое, более позднее, но названное точно так же произведение Нестерова, а экземпляр начального варианта из великокняжеской коллекции бесследно пропал. «Христова невеста» (или «Девушка-нижегородка») — работа широко известная. Не секрет, что художник создавал картину под впечатлением ранней кончины своей супруги, придав изображённой на картине девушке черты её лица. Всё

произведение проникнуто тоской, одиночеством, отрешённостью. В центре — юное, нежное создание в тёмно-синем сарафане и таком же платке. Ясно, что это не монахиня, но тогда почему же Христова невеста? А потому, что она уже не принадлежит сему миру — все её мысли и чувства далеки отсюда, вся её душа во власти Бога, и хотя постриг ещё не состоялся, земная суета больше не тревожит её сердце... Переселившись после гибели мужа в Николаевский дворец, Елизавета Фёдоровна перевезла туда и картину Нестерова, ставшую особенно созвучной её собственному мироощущению.

Работы по возведению церкви продолжались. «Мы с Щусевым, — вспоминал Нестеров, — призваны были осуществить мечту столько же нашу, как и Великой княгини... В алтаре, на апсиде храма предполагалось изображать “Покров Богородицы”, ниже его — “Литургию Ангелов”. На пилонах по сторонам иконостаса — “Благовещение”, на северной стороне — “Христос с Марфой и Марией”, на южной — “Воскресение Христово”. На большой, пятнадцатyarшинной стене трапезной или аудитории — картину “Путь ко Христу”. В картине “Путь ко Христу” мне хотелось досказать то, что не сумел я передать в своей “Святой Руси”. Те же толпы верующих, больше простых людей — мужчин, женщин, детей — идут, ищут пути ко спасению. Слева раненый, на костылях, солдат, его я поместил, памятуя полученное мною после моей выставки письмо от одного тенгинца из Ахалциха. Солдат писал мне, что снимок со “Святой Руси” есть у них в казармах, они смотрят на него и не видят в толпе солдата, а как часто он, русский солдат, отдавал свою жизнь за веру, за родину, за эту самую “Святую Русь”... Иконостас я хотел написать в стиле образов Новгородских. В орнамент должны были войти и берёзка, и ёлочка, и рябинка. В росписи храма мы не были солидарны со Щусевым. Я не намерен был стилизовать всю свою роспись по образцам старых псковских, новгородских церквей (иконостас был исключением), о чём и заявил Великой княгине. Она не пожелала насиловать мою художественную природу, дав мне полную свободу действий».

Внешнему же виду храма А. В. Щусев, как и было задумано, придал черты древней новгородско-псковской архитектуры. Одноглавый, с двумя звонницами над западной частью, традиционный для Северной Руси и одновременно новаторский, он производил сильное впечатление ещё при строительстве, постепенно дополняясь деталями и украшениями. Для декорирования фасадов, по рекомендации секретаря Великой княгини Владимира Владимировича фон Мекка, был приглашён воспитанник Строгановского училища Никифор Яковлевич Тамонькин. Молодой

художник (о котором мы уже говорили) с энтузиазмом взялся за дело. Разработал эскизы для решёток окон, для киота образа Нерукотворного Спаса над главным входом и даже для изразцовой печки. По его же рисунку создали барельеф на северной стене храма — два серафима летят навстречу друг другу, а между ними крест и терновый венец. Это так называемые ктиторские портреты. Правый лик — настоятельница, Елизавета Фёдоровна, левый — Сергей Александрович. Возводимый храм, по мысли Великой княгини, становился ещё одним памятником незабвенному супругу.

Часть восточной стены Тамонькин украсит резным узором, в котором (как и на печных изразцах) изобразит райских птиц. Когда церковь достроят, под композицией поставят скамейку, ставшую вскоре любимым местом отдыха Елизаветы Фёдоровны. В редкие свободные минуты она с удовольствием будет присаживаться в этом уголке, всякий раз осеняемая крылатыми существами, словно прилетевшими из её далёкого детства, из стихотворения, сочинённого семилетней принцессой Эллой:

Золотые птички
На зелёном дереве сидят.
Они не поют
И не кричат,
И прочь улетать не хотят.

Больше никто из сестёр обители не станет садиться на эту скамейку, оставленную исключительно за настоятельницей, как место её раздумий, воспоминаний и грёз.

В украшении церкви приняли участие и другие ученики «Строгановки», а юный Павел Корин, приглашённый Нестеровым к себе в помощники, привлёк особое внимание Елизаветы Фёдоровны. По её совету талантливый уроженец Палеха отправится в Ростов и Ярославль изучать древнюю настенную живопись, но прежде напишет в обители фрески для сооружённой под храмом усыпальницы, где Великая княгиня планировала обрести свой последний приют. Со стен этой крипты будут строго взирать святые, архангелы и серафимы, так непохожие на светлые образы Покровского храма, созданные кистью Михаила Нестерова.

Наверху рождался новый шедевр. Михаил Васильевич попросил

закрыть двери церкви и не впускать никого, пока не завершится работа над фреской «Путь ко Христу». Композиция не выходила из головы — «среди весеннего пейзажа с большим озером, с далями, с полями и далёкими лесами, к вечеру, после дождя движется толпа навстречу идущему Христу Спасителю. Обительские сёстры помогают тому, кто слабее — детям, раненому воину и другим — приблизиться ко Христу». Когда работа была завершена, художник внимательно осмотрел фреску и... пришёл в ужас. В нескольких местах на изображении проступили маслянистые пузыри, что стало следствием плохой грунтовки стены. Живопись следовало счистить, стену перегрунтовать и всё писать заново. Что же скажет Великая княгиня?! «На другой день, — вспоминал Нестеров, — я доложил ей, что картина готова, и просил прийти посмотреть её. Пришла она радостная, оживлённая, приветливая. Остановилась перед моим созданием. Внимательно всматривалась в него. Наконец, обратилась ко мне со словами самой искренней, трогательной благодарности. Минута была нелёгкая. Всё сказанное было так радостно, была одержана какая-то победа, и вот сейчас надо было сказать, что победа была кратковременная... И я объявил Великой княгине о том, что открыл, сказал, что картину придётся уничтожить, что это неизбежно, необходимо. Она была поражена моими словами не меньше, чем я перед своим открытием, пробовала меня утешать, предлагала картину оставить, думая, что со временем злокачественные нарывы пропадут... Мне нельзя было ни на минуту поддаваться такому искушению, и я не смалодушествовал, убедил Великую княгиню со мной согласиться, разрешить картину соскоблить». Во избежание рецидива новый вариант Нестеров решил написать на медной доске.

Освящение Покровского собора состоялось 8 апреля 1912 года, в праздник святых жён-мироносиц. Ранняя Пасха, совпавшая в тот год с Благовещением, выдалась тёплой, но затем на улице вновь закружился снег. Зима пыталась вернуться, вслед за оттепелью посылала заморозки и всё-таки оставалась бессильной перед атмосферой, царившей в Марфо-Мариинской обители. Здесь у всех на душе было ясно, солнечно, тепло. Накануне с разрешения императора сюда передали из Благовещенского собора Кремля частицу мощей святой праведной Елизаветы, небесной покровительницы Великой княгини. Утром съехались гости — обер-прокурор Синода, командующий войсками Московского округа, губернатор, градоначальник, городской голова и гласные городской думы, делегации от двух подшефных Елизаветы Фёдоровны полков. В девять часов прибыл митрополит Владимир. Двенадцать колоколов храма,

специально настроенных на «ростовский» звон, возвестили о начале торжества.

Пел Синодальный хор. Совершился крестный ход, прозвучали многолетия Царствующему Дому, была провозглашена «Вечная память» Александру III и Великому князю Сергею Александровичу. «Во время богослужения храм был переполнен, — рассказывала Белевская-Жуковская. — Место Великой княгини находилось в сторонке, куда, никому не мешая, она входила». Всем богомольцам на память о событии были подарены праздничные платки.

Жизнь обители продолжалась. Однажды её посетила французская писательница Адам, рассказавшая затем в своей книге «Впечатления француженки в России» о поразившем её начинании и подвиге Елизаветы Фёдоровны: «В своей личной скорби, для того чтобы почтить память своего мученика-супруга, Великая княгиня нашла только одно утешение и одну обязанность: воздавать добром за принесённое ей зло, смягчать страдания, лечить, готовить к смерти. Дело меньших сестёр несчастных показалось ей одним из наиболее приносящих благо... Всё предусмотрено в обители, чувствуется в каждой мелочи, что здесь существует великая, всё направляющая мысль. Все вопросы получают тотчас ответ. Всё предусмотрено, предугадано раньше, и даже в самый день открытия обители она уже функционировала с таким порядком, который обычно достигается только путём долгих усилий. Каждый день Великая княгиня обходит весь дом, расспрашивает каждого больного, присутствует при операциях. Она приходит, и благодеяния приходят с ней. Её увещевания возвращают бодрость духа, и если смерть зовёт одного из неизлечимых, выгнанного отовсюду и принятого обителью, то Великая княгиня тихо, с обещанием награды, которую найдут на небе те, кто много пострадает на земле, закрывает ему глаза. Она всегда там, во всякое время, в самую нужную минуту».

Другое свидетельство иностранца принадлежит английскому писателю Стефану Грэхаму. Поведав читателей о личности Елизаветы Фёдоровны и назвав её труды «религией добрых дел», описав внутреннее убранство Покровской церкви и выразив восторг от живописи Нестерова, он рассказал о том, как проходят в обители богослужения. «Около двадцати монахинь в чёрных скуфьях и чёрных покрывалах поют в хоре... Группа сестёр, хорошо одетые посетители, крестьяне, рабочие, нищие собрались в полной света церкви... Шестьдесят сестёр, все в белом, распростёрлись лавиной белого полотна на полу храма. А чёрный хор пел нежными голосами тихо, скорбно, возвышенно... В середине службы в церковь вошли

монастырские сироты, дети безродные — двадцать четыре маленьких мальчика в зелёных рубашках и столько же девочек в голубых платицах и серых передниках. Они стоят посередине церкви, они такие маленькие... Отец Митрофан выходит, чтобы сказать проповедь, и все мы подходим ближе к ограде алтаря, чтобы слышать его. Он возвышается над нами и выглядит как пастырь посреди своего стада. Звучит ласковая проповедь... Аминь! Крестимся; проповедь окончена. Толпа отходит от алтаря и опять заполняет собою более прохладное пространство храма, и тихое пение одетого в чёрное хора возобновляется, как заключительная часть литургии. Шестьдесят сестёр опять лавиной падают ниц... Мы все выходим».

5. ПУТЬ ПОДВИЖНИЦЫ

Незадолго до окончательного переезда в обитель, в начале января 1909 года Елизавета Фёдоровна поделилась своими мыслями с подругой, княгиней Зинаидой Юсуповой. На душе скопилось много всевозможных дум и переживаний, которыми хотелось поделиться и заодно разобраться с самой собою. Монолог вышел доверительным, почти исповедальным.

Чтобы успевать за мыслями, Великая княгиня воспользовалась карандашом, писать которым было быстрее, и в торопливых строчках, полных эмоций, рассказала о том, что не давало ей покоя: «Моя дорога ясна и открыта — и вдруг является нечто, чего я не могу выразить, чувство, что Бог стоит передо мною и говорит мне: “За всё это счастье, за доброту, за всё — что ты можешь Мне дать? Я одаривал тебя с тех пор, как ты появилась на свет, Я согревал тебя солнцем любви других людей, веры, успеха. Даже в испытаниях — в том кресте, который каждый из вас должен нести. Я дал тебе в утешение святых твоей страны. Никто из живущих на земле не получил столько, сколько ты. Зарыла ли ты в землю таланты или умножила их?” И я должна буду ответить: “Я начну трудиться, я так благодарна за всё”. Он скажет: “А вдруг уже слишком поздно? Как ты ответишь за потерянные годы, месяцы, дни и часы?” И в своём эгоизме я отвечу: “Те, кто любит меня, молятся обо мне — потерпи немного, это придёт. Но что же Ты хочешь — я неумелая...” И в Своей безграничной благодати и снисхождении Он всё поймёт и простит, но сама я не могу себе простить — моё несчастье в снисходительности и доброте других, ведь это хорошо, и я иду на поводу у этого доброго чувства, вместо того чтобы бороться с собой. Пьедестал, на который меня затащили не из чего иного, как из песка, я всегда это знала, и буря обрушит его, вот тогда придёт разочарование или...

В конце концов, не я себя сюда поставила; хоть я и удерживаюсь на нём, каждую минуту ожидая падения, но тщеславие и удовольствие воображать из себя нечто вынуждают меня там оставаться. Если жизнь вас не наказывает, нужно самому стать своим судьёй.

Странные вещи я Вам пишу. Но мой крест — это счастье, успех, доброта и любовь других людей, наконец, все огромные радости, которые даёт жизнь, тогда как для всех крест — это смерти, страдания, глубокие разочарования и жестокие жизненные испытания. Понимаете, именно с

меня, кому много дано, много и спросится. Иногда я досажую на других — это очень, очень плохо, я знаю, — когда они похищают мои жалкие маленькие приношения, которые я приготовила для Бога, и вместо них приносят свои превосходные дары от моего имени. Он их приемлет и улыбается: “Вот как вы её любите — будьте благословенны”. И трепеща я вижу, что это не мои безделицы — а я так хотела, чтобы Он их принял. Ради них и за них я получила благословения, но я хотела бы их заслужить сама. Может быть, это неблагодарность — нет, я не неблагодарна, я глубоко тронута. Увы, я не думаю становиться лучше. Я жду, как обычно, что всё придёт, всё устроится, — но ответственность... Вот почему я боюсь смерти, ведь Бог столько с меня взыщет. Страшно, что Он взыщет — и не обрящет».

Как раньше, так и несколько позднее, Елизавета Фёдоровна (хоть и крайне редко) давала себе самооценку в письмах родным и знакомым, комментируя отношение к ней других людей. «Разве не хотел бы стать лучше любой из нас? — писала она графине Олсуфьевой ещё в 1901 году. — В чём заслуга быть добрым, если милостивый Бог дал вам уравновешенный характер и счастливую жизнь? “Кому много дано, с того много и спросится”. Оказавшись в ином положении, могли бы осуждать — а, может быть, сами были бы ещё хуже. Вы меня превозносите, а в чём моя заслуга? Бог дал мне спокойный характер, немного ума, немного сердца и много вкуса — чем же я заслужила, что я хорошая, было бы странно, будь я другой». Уже посла трагедии Николаю II Елизавета Фёдоровна напишет: «Да что я такое? Ничем не лучше, а то и хуже других. Если кто-то говорит глупости и преувеличивает, чем я виновата? Ведь в лицо мне этого не говорят — знают, что я ненавижу лесть как опасный яд. Я ничего не могу поделать с тем, что меня любят, но ведь и я люблю людей, и они это чувствуют. Я делаю для них что могу и в ответ получаю благодарность, хотя и не должно на это рассчитывать». Но в письме к Юсуповой совсем иное — Великая княгиня сомневается в правильности своих прежних дел и, анализируя достигнутое, ужасается тому, как далека она от того, чего хотела добиться.

Значит, надо спешить. Вот откуда этот вновь появившийся страх смерти — боязнь не успеть, не дойти, не исполнить. Отныне она будет торопиться. Как и любой человек, в чём-то ошибётся, где-то оступится, но никогда не свернёт в сторону, не остановится перед трудностями, не сложит руки. У неё будут самые высокие ориентиры, ко многому обязывающие, но и помогающие идти вперёд. Она поставит перед собой сложнейшие задачи и, справившись с ними, поднимется на огромную сияющую высоту.

Не менее двух раз в год Елизавета Фёдоровна приезжала в Троице-Сергиеву лавру, где в молитвах обретала духовную поддержку. Выстаивала и раннюю и позднюю литургии, посещала соседние скиты. Не оставляла вниманием и Хотьковский Покровский монастырь — место упокоения родителей преподобного Сергия. 23 сентября 1912 года она присутствовала в нём на освящении только что построенного Никольского собора, откуда направилась в Лавру и провела там два дня на праздновании памяти Радонежского чудотворца.

Царствование Николая II ознаменовалось целым рядом особых праздников — прославлением святых. После канонизации Серафима Саровского в 1903 году последовали восстановление почитания княгини Анны Кашинской в 1909 году, перенесение мощей преподобной Евфросинии Полоцкой в 1910 году, канонизация святителя Иосафа Белгородского и восстановление почитания преподобного Ефросина Синозерского в 1911 году, канонизация патриарха Гермогена в 1913 году, святителя Питирима Тамбовского в 1914 году и святителя Иоанна Тобольского в 1916 году. В некоторых случаях Государь проявил личную настойчивость, убеждая Синод в необходимости прославления подвижника; он чувствовал и разделял любовь своего народа к «светильникам веры», понимал, что почитание их людьми должно быть поддержано Церковью для укрепления духовных начал, верил наравне с подданными в обретение через эти действия новых небесных заступников России. Елизавета Фёдоровна приняла участие в четырёх таких торжествах.

В июне 1909 года она отправилась в город Кашин в Тверской губернии на второе прославление в лике святых княгини Анны. С собой помимо лампы, предназначенной в дар, везла для освящения на мощах уникальную икону святой из усыпальницы мужа — серебряную, чеканную, созданную мастерами Оружейной палаты в 1676 году. Принадлежавший Великому князю Сергею Александровичу образ Анны Кашинской ранее находился у императрицы Марии Александровны, что говорило о почитании святой в Царской семье даже в период официального запрета. Но почему же таковой существовал и что заставило его отменить? Вкратце история вопроса выглядела так: княгиня Анна Дмитриевна, дочь ростовского князя Дмитрия Борисовича, была женой святого Великого князя Михаила Тверского, замученного в Орде в 1318 году. Овдовев, она приняла постриг, а затем и схиму, проведя последние годы в Успенском монастыре города Кашина, где скончалась в 1368 году. В период Смуты возникло её большое почитание, и в 1650 году княгиня-схимница была

официально канонизирована. Царь Алексей Михайлович, обрадованный таким событием, повелел построить на собственные средства новый собор с приделом Анны Кашинской и изготовить для её мощей раку, на которую руками его сестёр-царевен были вышиты покровы. Однако в 1677 году комиссия патриарха Иоакима, направленная в Кашин перед намечавшимся паломничеством царя Фёдора Алексеевича, нашла неправильным почитание княгини Анны как святой. Основной причиной стали упорные усилия старообрядцев, утверждавших, что двуперстное сложение её руки доказывает лживость никоновской реформы, а для окончательного решения проблемы инспекторы использовали расхождения между официальным житием княгини и текстами летописей. В итоге мощи было велено закопать, иконы изъять и впредь кроме панихид не совершать по Анне Кашинской никаких поминаний. Запрет длился два с половиной века, но, несмотря на него, народное почитание святой княгини продолжалось. После долгих усилий, включавших и депутацию кашинцев к Николаю II, было принято решение о повторной канонизации княгини Анны как общерусской святой. Десятки тысяч богомольцев собрались в Кашине на этот всенародный праздник, и то, что среди них была представительница Императорского Дома, придавало торжеству исключительное значение.

Впрочем, последнее обстоятельство как раз и беспокоило Елизавету Фёдоровну больше всего. Получив приглашение, она некоторое время колебалась и своими сомнениями поделилась с императором: «Что мне делать? Отказать нет повода, поехать — означает, что я на этих торжествах буду первым лицом. Они церковные, и я, конечно, была бы счастлива хоть отчасти вновь пережить божественные впечатления, как тогда, в Сарове, — это редкостное благословение и поддержка в жизни. Может быть Миша (Великий князь Михаил Александрович. — Д. Г.) тоже поедет?.. Он был бы первым лицом, что для меня большое облегчение... Это была бы огромная поддержка — первый официальный выход без Сержа, и если не приедет никто из семьи, я буду чувствовать себя неловко». Ехать пришлось всё-таки одной. И, конечно, принимать почести, выслушивать приветствия, находиться в центре внимания. Однако вся эта суeta вскоре перестала замечаться, растворившись в духовном подъёме тысяч и тысяч людей, собравшихся почти со всех уголков страны, в проявлении их веры и, конечно, в собственных непередаваемых чувствах. «Я вновь пережила те дивные Саровские дни!» — признается Елизавета Фёдоровна вдовствующей императрице.

Сравнение не случайное. «Наблюдалась картина редчайшей и неописанной красоты, — сообщали «Тверские епархиальные ведомости».

— Могучие лучи заходящего солнца нежно переливаются на блещущих золотом облачениях многочисленного духовенства, на золотых ризах икон; тихо, не колышась, стоит целый ряд металлических золочёных и шитых золотом бархатных хоругвей, оберегаемый массой хоругвеносцев, разодетых в украшенные золотыми и серебряными галунами и шнурами кафтаны, а далее на фоне роскошной природы под голубым сводом неба громадные толпы народа; море голов на площади, на земляном валу, на крышах домов, на деревьях, на паперти-балконе Воскресенского собора... Среди литии на разукрашенный гирляндами зелени балкон северной паперти Воскресенского собора, где стояла ярко освещённая лучами солнца, вся в белом Великая княгиня, вошёл московский протоиерей Розанов, которого нельзя назвать иначе как великолепным, и прочёл выразительно, артистически-художественно и так, что слышала его вся площадь, послание Святейшего Синода по поводу прославления благоверной княгини Анны Кашинской как святой».

Когда раку с мощами переносили из одного собора в другой, Елизавета Фёдоровна шла в головах, держа конец прикрепленного к гробнице полотенца. В остальных церемониях она старалась не выделяться, хотя, как заметил очевидец, «привлекала она взоры и сердца публики и царственной своей осанкой, и ещё более скорбным выражением лица, скромным туалетом, ещё более скромным положением и молитвенным настроением. Хотя место, приготовленное для Великой княгини, было задрапировано и устлано коврами и приготовлено мягкое кресло, но она тихо отодвинула от себя кресло, стояла всё время службы скромно в уголке и часто преклоняла колена».

Она ощущала себя частью народа, одной из тысяч этих паломников, одной из миллионов русских православных людей. Почести? Да они вовсе не ей, они через неё — Государю. Отцу и защитнику! «Ты знаешь, — писала ему Елизавета Фёдоровна по возвращении из Кашина, — я всегда своими фибрами русская и ощущаю себя твоей подданной, как и все русские. Живя в Москве, видя и слыша то, что приходится увидеть и слышать каждый день, вырастаешь в эту дорогую землю и хочешь работать ради неё и тех, кто живёт на ней. Хочу сказать о Кашине: это было совершенное повторение Сарова. Постоянно мои молитвы и мысли были рядом с вами. Всё наполняла та молитвенная атмосфера, что так поразила нас тогда и что снова и снова возводит человека к Богу. Как я уже говорила, паломники прибывают и прибывают, и все молятся за тебя и благодарят за даровой чай и сахар, все приятно поражены безупречным порядком и удобным доступом к мощам... Сколько молитв возносилось там за тебя! И в

каждом знаке внимания ко мне я ясно видела и слышала, что это предназначалось тебе, и я так хотела, так хотела, чтобы вы с Аликс и кто-нибудь из детей были здесь!»

Через год, на торжествах перенесения мощей святой Евфросинии Полоцкой из Киево-Печерской лавры в Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь, с «протоколом» было уже легче — представительство Царской семьи с Елизаветой Фёдоровной разделили Великий князь Константин Константинович с сестрой Ольгой (королевой Греции) и сыном Игорем. А на прославлении святителя Иосафа в Белгороде в Курской губернии вместе с тем же Константином Константиновичем, милым и верным другом Костей, Великая княгиня благоговела перед мощами нового угодника Божия, восторгаясь тем, что очевидцы назвали «пиршествom веры». Надо было видеть эти крестные ходы, пришедшие из самых дальних окраин, эту очередь для поклонения новообретённой святыне, в которой требовалось отстоять целые сутки, эти многочисленные исцеления, свершавшиеся по молитвам прославленному подвижнику! Конечно, был и народный восторг при появлении Августейших паломников — им кричали «ура!», экипаж Великой княгини осаждали толпы людей. Но с этим приходилось мириться — таков её крест.

Канонизации патриарха Гермогена предшествовали торжества, приуроченные к трёхсотлетию со дня его мученической кончины. В феврале 1912 года они с размахом и при участии Елизаветы Фёдоровны прошли в Москве, после чего вопрос о прославлении святителя приобрёл повышенную актуальность. И в самом деле, было весьма странно, что замученный польскими интервентами патриарх, давно ставший символом патриотизма, стойкости и горячей веры, признанный народом чудотворец, молитвенник и небесный заступник, не почитался официальной Церковью. Решение напрашивалось само собой, тем более что приближалось празднование трёхсотлетия Дома Романовых и активно обсуждался вопрос о восстановлении в России патриаршества. Время пришло. Определением Синода от 14 апреля 1913 года святитель Гермоген признавался «в лике святых, благодатию Божиего прославленных», и на 12 мая назначалась его официальная канонизация. К означенной дате на личные средства Николая II изготовили серебряную раку и облачение для мощей, императрица Александра Фёдоровна расшила и украсила жемчугом патриарший клобук, а Великая княгиня Елизавета потрудились над покровом. Ей же вновь досталась честь представлять на торжествах Царскую семью, но в Москве это было привычнее. К тому же из Петербурга приехал сын Кости, 27-летний Князь императорской крови Иоанн Константинович (Иоаннчик, как

называли его родные), добрый, чуткий и отзывчивый юноша, отличавшийся большой набожностью.

В Успенском соборе Кремля богослужения возглавил специально прибывший патриарх Антиохийский Григорий IV, накануне посетивший Марфо-Мариинскую обитель и теперь совершавший литургию в белом с золотым шитьём облачении, подаренном Елизаветой Фёдоровной. В особых нарядах, созданных по рисункам Васнецова (написавшего и образ священномученика Гермогена), предстал Синодальный хор. Два митрополита, тридцать архимандритов, сотни священников и тысячи простых богомольцев славили святого патриарха, принявшего смерть за свою веру и за свой народ в далёкое Смутное время. И никто из них не ведал, что Смута новая, более страшная и кровавая, стоит уже на пороге, что вскоре она захлестнёт Россию, искалечит и обезглавит державу, погубит миллионы жизней, надругается над святынями и потребует в жертву самые чистые сердца и светлые души...

Медленно двигался по Кремлю крестный ход с мощами святого, которые вместе с архимандритами нёс князь Иоанн Константинович и вслед за которыми шествовала Великая княгиня Елизавета Фёдоровна. Мерцавшие свечи озаряли лица многочисленных паломников, и тихое пение разносилось над Алтарём Отечества: «Величаем тя, священномучениче Ермогене, и чтим святую память твою, ты бо молиша за нас Христа Бога нашего».

Спустя неделю после тех дней, названных Великой княгиней «божественными», она отправилась в Кострому, чтобы присоединиться к Венценосной чете, совершавшей поездку в честь трёхсотлетия правящей Династии. Празднование началось ещё в феврале. Приехав тогда в столицу, Елизавета Фёдоровна присутствовала на торжественном богослужении в Казанском соборе, где с амвона прозвучал царский Манифест: «Совокупными трудами венценосных предшественников наших на Престоле Российском и всех верных сынов России создано и крепко Русское Государство. Неоднократно подвергалось наше Отечество испытаниям, но народ русский, твёрдый в вере православной и сильный горячей любовью к Родине и самоотверженной преданностью своим Государям, преодолевал невзгоды и выходил из них обновлённым и окрепшим. Тесные пределы Московской Руси раздвинулись, и империя Российская стала ныне в ряду первых держав мира». Понимаемый как общегосударственное историческое событие юбилей отмечался по всей стране. Служились благодарственные молебны, устраивались парады, гремели салюты и фейерверки. Царская семья посетила города Владимир,

Суздаль и Нижний Новгород, на пароходе «Межень» поднялась по Волге через Кострому и Ярославль, а затем побывала в Ростове.

Костромские торжества выделялись особой грандиозностью. Ещё бы, именно здесь, в Ипатьевском монастыре, скрывался вместе с матерью Михаил Романов, именно здесь посланцы Земского собора несколько дней уговаривали юного боярина принять трон. Стоя на палубе парохода, его потомок Николай II видел огромные толпы людей, сплошь покрывающие берега Волги. Великий день, великое счастье! На пристани Государя встречали войска и отцы города с хлебом-солью. Последовали посещение Ипатьевского монастыря, где ждал крестный ход с историческими реликвиями московского посольства 1613 года, осмотр палат Романовых и открытие экспозиции Романовского музея. На следующий день состоялась закладка монумента в честь трёхсотлетия правящей Династии — колоссальной композиции в виде часовни и двадцати восьми скульптур, призванной стать главным памятником Дому Романовых.

Но все эти мероприятия, все празднества, проходившие при энтузиазме и воодушевлении народа, не могли укрыть от глаз Елизаветы Фёдоровны ни самочувствия сестры Александры, ни состояния её сына. Императрицу мучили головные боли, у неё болело сердце и случалась такая слабость, что она не могла долго стоять и была вынуждена пропускать некоторые церемонии. А восьмилетнего цесаревича Алексея выносил на руках приставленный к нему дядька, отчего в публике возникало недоумение — уж не калека ли царский сын? Великая княгиня знала причину. Прошлой осенью с мальчиком случилось несчастье, едва не стоившее ему жизни. В Беловеже он сильно ушиб ногу, и через несколько дней, уже в Спаде, императорском имении в Восточной Польше, у него обнаружилось обширное внутреннее кровоизлияние. Вновь проявилась его страшная врождённая болезнь — гемофилия, унаследованная от матери, бабушки и прабабушки. Коварный фамильный недуг, известный Елизавете Фёдоровне не понаслышке, — от него погиб её маленький брат Фритти. И вот теперь мучается несчастный Алексей... Бедная-бедная Аликс! С самого рождения сына она страдала от его нездоровья, от постоянно грозившей ему опасности, от своей беспомощности перед ужасной бедой. Она стала быстро меняться внешне, заметно поседев к сорока годам; периодически ощущала сильные боли в сердце. Сестре Виктории царица напишет: «Ты не думай, что моя болезнь угнетает меня саму. Мне всё равно, вот только мои дорогие и родные страдают из-за меня, да иногда не могу выполнять свои обязанности. Но если Бог посылает мне этот крест, его надо нести. Наша милая мамочка тоже потеряла здоровье в раннем возрасте. Мне досталось

столько счастья, что я охотно отдала бы за него все удовольствия; они так мало значат для меня, а моя семейная жизнь так идеальна, что сполна возмещает всё, в чём я не могу принять участие».

Глядя на Аликс и её сына, Великая княгиня невольно вспоминала события прошлого года. В мае Царская семья приезжала в Москву. Открывался памятник Александру III возле храма Христа Спасителя, отмечалось столетие Отечественной войны (Государь побывал на Бородинском поле и вместе с Елизаветой Фёдоровной принял участие в молебне на Красной площади), и, наконец, двери распахнул Музей изящных искусств. В один из тех дней император с дочерьми посетил Марфо-Мариинскую обитель. Отстоял молебен, осмотрел Покровский храм, обошёл больницу, амбулаторию и другие учреждения, после чего Елизавета Фёдоровна пригласила дорогих гостей на чаепитие в своих покоях. Расположились в гостиной, за столом под белым абажуром. Было уютно, светло и радостно. Делились впечатлениями, обсуждали происходящее, вспоминали дядю Сергея — ведь именно он стоял у истоков всех трёх нынешних московских торжеств и, конечно, с памятью о нём была так тесно связана жизнь обители. Вечером, после отъезда Государя и великих княжон вторично за время праздников приехала вдовствующая императрица, которой явно понравилась новая жизнь Эллы. И только на следующий день обитель впервые посетила Александра Фёдоровна. Ей вновь нездоровилось, и приступ слабости объяснял её отсутствие на публике. Но к сестре она поехала, причём Элла сопровождала её по дороге из Кремля и обратно.

В обители императрица не покидала кресла-каталки. В нём сидела во время молебна, в нём выслушивала приветствия и раздавала присутствовавшим памятные открытки и брошюры, совершила прогулку по саду. На специальном стуле её подняли и внесли в покои настоятельницы, где две родные сестры проговорили затем около часа. Их никто не беспокоил. Когда в то же время к обители подъехал Великий князь Николай Николаевич, желавший провести родственницу, то, узнав о присутствии императрицы, немедленно повернул назад.

Конечно, Елизавета была счастлива, что дорогая Аликс побывала в её новом жилище, наконец-то увидев всё своими глазами и многое поняв. И вместе с тем к радости примешивалось тяжёлое чувство при виде недуга сестры, порой неспособной передвигаться самостоятельно. А ведь ей было лишь сорок лет! Но Елизавета знала — Александра сильна духом, её вера, её горячая любовь к Богу и преданность Его заветам помогут ей выстоять при любых испытаниях, а дарованное Всевышним семейное счастье

восстановит и здоровье. Двумя годами ранее она писала племяннице Ольге: «Мама — молодая женщина из здоровой семьи, и с Божией помощью, терпением, молитвами и Божиим благословением, почитающим на труде врача, мы все надеемся видеть её здоровой, как прежде, пусть не сию минуту, но вскоре». За сестру, её мужа и детей Великая княгиня молилась постоянно.

После Москвы Царская семья отправилась в Беловежье, и там случилось то, что было способно надломить любого родителя. О состоянии травмированного сына Николай II писал матери: «Несчастный мальчик страдал ужасно, боли охватывали его спазмами и повторялись почти каждые четверть часа. От высокой температуры он бредил и днём и ночью, садился в постели, а от движения тотчас же начиналась боль. Спать он почти не мог, плакать тоже, только стонал и говорил: “Господи, помилуй”. Я с трудом оставался в комнате, но должен был сменять Аликс при нём, потому что она, понятно, уставала, проводя целые дни у его кровати. Она лучше меня выдерживала это испытание, пока Алексею было плохо». Заявив, что медицина бессильна, врачи сдались. Цесаревича причастили, готовя к отходу в вечность, но даже тогда Александра Фёдоровна не теряла надежды и уповала на чудо. И чудо свершилось!

О происходившем тогда в Спале Елизавета Фёдоровна подробно узнала от приехавшей в Москву сестры Ирены, которая стала свидетельницей драматических событий. Обычно сдержанная принцесса не могла без волнения рассказывать о том, как Аликс дни и ночи напролёт не отходила от сына, делала ему перевязки, меняла компрессы, обнимала его, успокаивала. Великая княгиня решила немедленно помчаться на помощь. «Я жажду помочь вам всем, — написала она царским дочерям, — зная, что бедный мальчик страдает, а дорогая мама так волнуется и устаёт, хотя Бог, конечно, всегда особо даёт силы, чтобы выстоять в такое время, когда Он посылает нам скорби». Но Ирена успокоила, обещав на обратном пути заехать к Александре и оказать ей поддержку, а кроме того, сказала, что кризис у Алексея миновал, что ему неожиданно стало лучше и его родители не сомневаются в благополучном исходе. Знала ли она, откуда взялась эта уверенность и отчего так просияло лицо Аликс в самый тяжёлый момент, знала ли о полученной в Спале телеграмме со словами: «Маленький будет жить» — и о том, кто прислал её из далёкой Сибири? Произнесла ли уже знакомое Елизавете имя — Григорий Распутин?

И вот сейчас, в Костроме придворные перешёптывались о самостоятельном приезде в город этого «загадочного мужика», который, смешавшись с толпой, взирал на Царскую семью. Великая княгиня не

хотела ничего слышать ни про «сибирского старца», ни про его «чудодейственные молитвы», но Аликс действительно выглядела лучше, а цесаревич, хоть и не мог пока передвигаться без посторонней помощи, своим видом не вызывал опасений. Также было и в Москве, куда затем переместились торжества и где Елизавета Фёдоровна принимала Венценосных родственников. Вместе с ними она шла от Красного крыльца в Успенский собор под звон колоколов и несмолкаемые приветствия. Императрица отвечала народу поклонами (выход состоялся в день её рождения), Алексея нёс на руках приставленный к нему боцман, следом шествовали прекрасные великие княжны. Другие члены Династии, придворные и пышная свита создавали яркую картину апофеоза праздника, ставшего триумфом Российской империи, её прошлого и настоящего, её силы и национального духа.

После таких событий Елизавета Фёдоровна решила отправиться в очередное паломничество. Хотелось душевно отдохнуть, поблагодарить Всевышнего и найти поддержку, а поездки по святым местам всегда действовали как нельзя более благотворно, укрепляюще. Где только она не побывала за последнее время, где только не молилась! Конечно, это требовало немалых сил, физического напряжения, но и результат был неоценимым. Особенно впечатляет большое паломничество, совершенное вместе с Валентиной Гордеевой и тремя сёстрами обители в августе 1912 года. За двадцать дней Великая княгиня посетила Корнилиев-Комельский и Павло-Обнорский монастыри в Вологодской губернии, Псков, Спасо-Елеазаровскую пустынь, Мирожский и Ивановский женский монастыри, Киев с его соборами, Печерской лаврой, Фроловским и Покровским монастырями (в последнем молилась над могилой основательницы, Великой княгини Александры Петровны), Почаевскую лавру и её скит, Никоновский монастырь близ города Кременец, Афанасьевскую Лубенскую обитель в Полтавской губернии, Свято-Троицкий монастырь в Белгороде.

Помимо прочих возможностей такой график помогал хотя бы частично избегать лишней суеты и ненужных церемоний, обычно оказываемых Августейшей паломнице — почётного воинского караула с оркестром, государственных флагов на зданиях, усыпанной цветами дорожки. Кроме того, Елизавета Фёдоровна никого не хотела стеснять и была готова в любой момент отказаться от поездки, если таковая грозила кому-то неудобствами. «Как-то она была в церкви, — вспоминал Михаил Нестеров, — о чём-то говорила со мной, как появился прямо из Овруча Щусев. Стали говорить о предстоящих торжествах. Щусев осведомился, предполагает ли Великая княгиня быть на них. Она отвечала, что ещё не решила. Она

слышала, что наплыв паломников будет так велик, что не хватит для всех помещения. “Ну, Ваше Высочество, вы только скажите — мы выгоним монахов из их келий и устроим вас шикарно”. Сказано это было с бесподобной хвастливой наивностью человека властвующего... Но не успел наш Алексей Викторович и окончить этих слов, как щёки Великой княгини стали алыми, глаза сверкнули... Она, постоянно сдержанная, ласковая, резко сказала, что если ещё колебалась, ехать или не ехать, то сейчас колебаний нет. В Овруче она не будет. Она не хочет, чтобы ради неё выгоняли кого-либо из келий, что комфорт она знает с детства, жизнь во дворце знает... Говорила Великая княгиня быстро, горячо, не переводя дух. Она не могла скрыть своего возмущения. Щусев плохо понимал, почему Великая княгиня так волнуется. Он что-то бормотал, он хотел только... Но гнев уже прошёл. Разговор был кончен в обычных мягких тонах. В Обруч Великая княгиня тогда не поехала».

Теперь она собиралась осуществить свою давнюю мечту — побывать на Соловках. В древний монастырь, основанный в XV веке святыми монахами Германом, Савватием и Зосимой, Елизавета Фёдоровна отправилась в сопровождении Валентины Гордеевой, двух сестёр Марфо-Мариинской обители, егермейстера Высочайшего двора А. А. Зурова (придворный протокол продолжал соблюдаться) и князя Феликса Юсупова-младшего, которого она позвала по собственной инициативе.

Сын её близкой подруги Зинаиды и бывшего адъютанта мужа, Феликса-старшего, 23-летний князь был фигурой неоднозначной и весьма колоритной. Представитель знатной и богатейшей фамилии России, он вырос в обстановке безумной роскоши и неограниченных возможностей. Больше всего юного аристократа привлекали теннис, книги Оскара Уайльда и английский образ жизни, понимаемый в первую очередь как праздность и утончённый эгоцентризм. Мать не чаяла в нём души, а после того как погиб на дуэли её старший сын Николай, воспринимала «Фелюшу» единственным светом в окошке. Елизавета Фёдоровна питала к Феликсу почти родственную привязанность — мальчиком он рос у неё на глазах, давно дружил с её племянником Дмитрием и, повзрослев, недолго принимал участие в благотворительных делах. «Больные со слезами благодарили меня за мои пустяковые подачки, — вспоминал Ф. Ф. Юсупов, — хоть, в сущности, благодарить их должен был я, ибо их невольное благодеяние было для меня много больше. И я завидовал докторам и сиделкам, и в самом деле приносившим им помощь. Я был безмерно благодарен Великой княгине за то, что поняла моё отчаяние и умела направить меня к новой жизни». Кратковременное «просветление» прошло

у Феликса с началом учёбы в Оксфорде и сопутствовавшим ей досугом в Лондоне. Попойки с друзьями из высшего общества, маскарады в Альберт-холле, спектакли в Ковент-Гардене, весёлые приключения, ухаживания за балериной Анной Павловой, обеды в лучших ресторанах и вечера в кругу богемы — вот всё, что интересовало и привлекало желавшего впечатлений «русского принца». Однако об этой, главной стороне жизни героя европейского бомонда Елизавета Фёдоровна ничего не знала. Для неё «дорогой маленький Феликс», как продолжала она называть его в письмах, оставался милым и чистым юношей. Они оба помнили тот момент, когда в минуту очередной депрессии «Фелюша» бросился к ногам Великой княгини и, рыдая, словно ребёнок, поведал ей о своих душевных смятениях. Она успокаивала: «Как бы ни испытывал нас Господь, если сохраним веру и будем молиться, найдём силы выдержать». Потом взяла его с собой в паломничество на прославление Иосафа Белгородского, во время которого Феликс был потрясён исцелениями бесноватых, но в итоге эти впечатления оставили след не больший, чем дягилевское «Лебединое озеро» в Лондоне.

Поехать на Соловки Юсупов согласился охотно — как-никак нечто новое. О том же, что представлял собой великосветский паломник, можно судить по его комментариям: «Иноки носили длинные волосы и бороду. Многие были чумазы и засалены. Никогда я не мог понять, почему неопрятность у русского монашества вошла в правило, точно грязь и вонь угодны Богу. Великая княгиня ходила на все службы. Поначалу с ней ходил и я, два дня спустя я был сыт по горло и просил её уволить меня от сей обязанности, сказав, что монахом не стану наверняка». Коротая время, князь любовался звёздами и катался в лодке по каналам. На обратном пути он купил злобного белого медведя, что хоть как-то скрашивало поездку и обещало произвести эффект.

«На вокзале в Петербурге, — вспоминал Феликс, — Великую княгиню Елизавету Фёдоровну встречало множество народу, в том числе лица официальные. И все от изумления пооткрывали рты, увидев Великую княгиню-паломницу в сопровождение громадного белого медведя!»

Паломничество в Соловецкую обитель проходило в конце июля 1913 года. В Архангельске, конечно, не обошлось без праздничных арок, национальных флагов и стихотворных приветствий, но дальше было именно то, чего так хотела Елизавета Фёдоровна. В монастыре она несколько дней составляла подробное письмо Николаю II, делясь впечатлениями об увиденном в пути и на самом острове. Письмо необычное, подробное, как дневниковые записи, и написанное очень

живым языком, раскрывающим в авторе литературный талант. Есть в нём и остроумные, вызывающие улыбку замечания вроде фразы: «Мне никогда ещё не доводилось испытывать такую разнообразную качку — можно было изучать её виды и названия». Есть и подробные описания уклада монастырской жизни, и наблюдения по дороге на остров, и комментарии к увиденному, и, наконец, поэтичные детали в описаниях природы. Не имея здесь возможности процитировать письмо полностью, позволим себе привести его большой отрывок, помогающий взглянуть на путешествие глазами самой паломницы.

«Всю вторую половину поездки шёл чудесный дождик, пыли больше не было, мы могли открыть окно в вагоне и наслаждаться ветерком. Начиная с Вологды и дальше в этих бесконечных лесах — 38 миллионов десятин — из-за жары и засухи вдоль линии железной дороги были пожары. Дорога мне кажется величественной: бесконечные леса тянулись часами, вёрсты лесов, расцвеченных купами розовато-сиреневых цветов, прекрасных в своём изобилии (не знаю, как они называются, в Германии они тоже есть и обычно растут неподалёку от болотистых мест). В Архангельске, прямо против собора, мы сели на кораблик и подошли к пристани; солнце великолепно освещало золотые облачения епископа Нафанаила и клира. Он встретил нас с крестом, мы поднялись по ступеням в собор, где был отслужен молебен. Собор красивее снаружи, чем внутри; среди его достопримечательностей огромный деревянный крест, вырезанный Петром Великим...

В шесть отплыли на “Вере”, монастырском пароходе, размером не меньше “Межени”. Изрядное время шёл приятный дождик, и я радовалась, надеясь, что море будет небурным. Мы долго сидели на палубе, минуя бесчисленные лесопильные заводы и корабли, корабли всех национальностей — немцы, англичане, датчане, шведы и прочие. Если я правильно помню, они растянулись на 38 вёрст. Часа через два мы поужинали и выходили уже в открытое море; там стояли на якоре сотни рыбачьих судов, тоже из всех стран, со своим уловом, который они привезли на продажу и ждали выгодной цены на рынке. В море началась лёгкая качка, так что я сошла вниз и всю ночь просыпалась от каждого нового её вида, что было интересно, но не совсем приятно. Мне не было плохо, хотя я и не принимала никаких лекарств — должно быть, за молитвы доброй братии; я только чувствовала, словно какая-то мельница вертится у меня в голове. Прибыв сюда, я встала и — яркое солнце, прекрасный величавый монастырь!! Со старых башен палили из пушек, плыла лодочка с иеромонахом на руле и монахами на вёслах — словно

старая сказка, так поэтично, так по-морскому, и великокняжеский флаг... На пристани стоял настоятель, архимандрит Иоанникий...

Прибыли! Перед нами через Святые ворота в изумительно живописный монастырь прошла с пением череда монахов. Отслужили молебен у мощей святых Зосимы и Савватия. После скорого обеда я взялась за перо, чтобы написать вам и успеть к пароходу, но хватило времени лишь на телеграмму, и мы отправились в Сергиево-Муксальский скит, где у них великолепная ферма и дворец(!) для кур, совершенно изумительно устроенный, с такой любовью к живности, у каждой курицы своё отделение, есть даже маленький изолятор. Холмогорские коровы великолепны; хорошая маслодельня, хорошие лошади, подаренные Дмитрием К. (Великий князь Дмитрий Константинович. — Д. Г.), за ними очень заботливо ухаживают, и кролики на шкурки, серые и белые; и только белые голуби — для красоты. Монахам помогают годовики и трудовики — юноши от пятнадцати лет и старше, которых родители послали по обещанию отработать год или два, а потом они, если захотят, остаются ещё; некоторые принимают постриг... Везде всё делается по благословению Божию и с молитвой, и всегда рядом оказывается церковка — в них, конечно, служба короче, чем в соборах. Чтобы туда добраться, мы переходили по дамбе через море... Эти сооружения примечательны тем, что они — создание простых монахов, не учившихся и не имевших себе в помощь инженеров. Вера и труд с молитвой, да любовь к родному острову вдохновляли их — никаких амбиций, ни мирской славы, только необходимая работа на благо их острова. Когда проникаешься общим духом, ощущаешь такой душевный покой и тишину; от великих современных открытий возвращаешься в старые времена и лучше понимаешь, как раньше жили и творили великие дела силой веры, здоровой души и здорового тела...

У нас выдался утомительный день... Утром шёл дождь, и мы воспользовались этим, чтобы осмотреть монастырские помещения — ризницу, драгоценности, вложенные Иоанном Грозным, Петром I и т. д., потом пошли в трапезную и по всем хозяйственным службам... После обедни вышло солнце, и мы отправились в милый маленький скит святителя Филиппа (митр[ополита] Московского); там в храме восхитительный колодец и статуя сидящего Христа работы самого святителя и его келейника... Одна из особенностей Соловецка — чайки... <...> которые день и ночь с криками летают над монастырём и снуют под ногами, как домашние цыплята, очень симпатичные. А сейчас у них вывелись птенцы, учатся летать».

Елизавета Фёдоровна посетила скит на Секирной горе, молилась в кладбищенской церкви, совершила лодочную прогулку по каналам и озёрам, причём один из каналов, получивших её имя, сама торжественно открыла. Так незаметно пролетело пять дней. Настала пора возвращаться: «После вечерней службы мы поужинали, для нас был отслужен последний большой молебен, и мы отправились в путь. Долгое время можно было видеть живописный монастырь, его святых работников, стоявших на пристани, и паломников, пришедших нас проводить... После трёх я поднялась на палубу и видела восход солнца — дивное, красное, оно встало над морем непревзойдённого жемчужного цвета. Все спали, была полная тишина...»

Ещё одним «тихим» и созерцательным паломничеством Елизаветы Фёдоровны была её поездка в Оптину пустынь, состоявшаяся в конце мая 1914 года. Там, помимо молитв, Великая княгиня имела беседы со старцами, отцами Нектарием, Феодосием и Анатолием. «Старец о[тец] Анатолий, — сообщал журнал «Русский паломник», — по своему духовному устроению редкий человек. Всегда бодрый, неутомимый, обладающий несомненным даром благодати Божией, он является чудным светильником и мудрым советником для страждущих людей. Чувствуется, что он весь объят пламенем живой горячей веры в Бога. Народ любит его очень. Едут к нему со всех концов России. И он всех принимает с утра до поздней ночи, всех утешает, наставляет, ободряет». У старца Анатолия Великая княгиня исповедалась. Она всегда выделяла таких людей, тянулась к ним, ища у них совета и поддержки. К таковым относился и отец Гавриил (Зырянов), бывший послушник Оптиной пустыни, затем схиархимандрит Седмиезерной Богородичной пустыни под Казанью, где с ним и познакомилась Елизавета Фёдоровна, а позднее старец Спасо-Елеазаровой Великопустынской обители возле Пскова. Великая княгиня любила бывать в этом месте. «Я немного отдыхаю в маленьком монастыре в лесу около Пскова, — писала она брату в 1911 году, — там, где проживает дорогой старец Гавриил — об этом я рассказывала тебе перед моей поездкой в монастыри Новгорода и Пскова. Какое это сокровище, как это прекрасно!» На строительство небольшой церкви в той Пустыни Елизавета Фёдоровна пожертвовала деньги, прислав и необходимую утварь, а отец Гавриил не раз посещал Марфо-Мариинскую обитель, ведя беседы с настоятельницей и сёстрами.

Молитвы и труды, духовное возрастание и действенное милосердие — путь оставался неизменным. В мае 1916 года Москва отмечала четвертьвековой юбилей пребывания Великой княгини в

Первопрестольной. Вспоминались её достижения, её заслуги. «Множество местных учреждений и обществ, — говорилось в Высочайшем рескрипте на имя Елизаветы Фёдоровны, — поставивших себе задачей просветительные цели, охрану детства, поддержку неимущих, уход за больными и оказание им врачебной помощи, а также нравственное возрождение впавших в пороки, воспользовались неутомимою Вашею помощью и любвеобильным участием в их человеколюбивых заботах. Немалое число их возникло по Вашему почину и украшено Вашим именем. Наряду с сим горячий отклик и сердечные попечения с Вашей стороны встречают в Москве общественные начинания, направленные к борьбе с народными бедствиями, вызванными прежними неурожаями или иными обстоятельствами, как в последнюю кампанию на Дальнем Востоке, так и нынешнюю великою войною. Тысячи бедняков и раненых благословляют Ваше имя... Мне приятно приветствовать в лице Вашего Императорского Высочества просвещённую покровительницу и ревностную поборницу благотворения. НИКОЛАЙ».

Месяцем раньше в Марфо-Мариинской обители отпраздновали 25-летие перехода Елизаветы Фёдоровны в православие. В день юбилея, размышляя о пройденном и пережитом, она призналась императору в своих ощущениях: «Всё сливается в глубочайшей благодарности Богу, нашей Церкви и тем благородным примерам, которые я могла видеть в истинно православных людях. И я чувствую себя настолько ничтожной и недостойной безграничной любви Божией и той любви, которая меня окружала в России, — даже минуты скорби были освещены таким утешением свыше, а мелкие недоразумения, естественные для людей, с такой любовью сглаживались, что я могу сказать одно: “Слава Богу за всё, за всё”».

*

В итальянском городе Бари Елизавета никогда не была. Мечтала, надеялась посетить, но так и не успела. Зато прекрасно знала о долгом стремлении России облегчить своим паломникам возможность поклонения мощам так почитаемого на Руси святителя Николая, которые с 1087 года покоились в «Барграде». Знала и стремилась помочь.

История началась ещё в середине XIX века, когда Российская империя приобрела участок в Мирах Ликийских в Турции, где в своё время служил святитель Николай, и развалины Сионской базилики, где первоначально он

был похоронен. Начался всероссийский сбор средств на восстановление святыни, но в итоге турецкие власти добились отчуждения участка и проект пришлось закрыть. Собранные деньги поступили в распоряжение Императорского Православного Палестинского общества (ИППО), возглавляемого Великим князем Сергеем Александровичем, который поддержал идею направить их на строительство странноприимного дома в Бари. Однако по независящим от ИППО причинам сделать этого не удалось, и постепенно члены организации пришли к мнению о безнадёжности такого плана.

Ситуация изменилась, когда Палестинское общество возглавила Елизавета Фёдоровна. Продолжить то, что начинал и над чем многие годы работал её муж, она считала своим долгом. Кстати, заметим, что в данном вопросе Великая княгиня руководствовалась чётким пониманием собственных сил, возможностей и познаний. Когда Иван Цветаев предложил ей руководство Комитетом по устройству Музея изящных искусств (пост, ранее также занимавшийся Сергеем Александровичем), Елизавета Фёдоровна отказалась. И хотя в дальнейшем помогала музею, возглавлять его создание считала для себя невозможным. ИППО — совсем другое дело. Здесь удачно совпадали её чувства, стремления и перенятый от мужа опыт. Здесь ощущалось что-то близкое выбранному пути. 14 февраля 1905 года Елизавета Фёдоровна стала вторым председателем Палестинского общества.

Спустя два года ИППО отмечало своё 25-летие. На торжествах, прошедших в Петергофе и в Сергиевском дворце Петербурга, не без гордости отмечалось: «Ныне, обладая в Палестине владениями ценностью почти в два миллиона рублей, Православное Палестинское общество имеет 8 подворий, где находят приют до 10 тысяч паломников, больницу, шесть лечебниц для приходящих больных и 101 учебное заведение с 10 400 учащихся; за 25 лет им выпущено в свет 347 изданий по палестиноведению». Конечно, имелись и проблемы, в том числе финансовые. С большим трудом Елизавете Фёдоровне удалось избежать закрытия некоторых школ общества в Сирии, а заодно освободить его от ежегодных выплат на содержание Русской духовной миссии в Иерусалиме.

В тесном сотрудничестве с такими деятелями ИППО, как М. П. Степанов, Н. М. Аничков, А. А. Дмитриевский, Н. Н. Селифонтов, князь А. А. Ширинский-Шихматов и другие, Великая княгиня трудилась над всеми встававшими перед организацией вопросами, особое внимание уделяя школьной сети. Но, связывая прежде всего миссионерскую деятельность с её духовной составляющей, Елизавета Фёдоровна не уставала хлопотать об

усилении русского православного влияния в Святой земле. Из письма в письмо она напоминала Николаю 11 о необходимости защищать российские позиции и расширять достигнутое влияние. «В иерусалимском вопросе с нашей стороны есть упущения, легко устранимые, мне кажется, при спокойной твёрдости, — сказано в декабре 1913 года. — Если русский Государь говорит: “Я так хочу”, этого достаточно, и Бог благословит твоё желание... Почему мы должны бояться греков? Не понимаю, почему они наступают нам на пятки, а мы смиренно терпим! ...А хуже всего, что до сих пор у нас нет дня для служб у Гроба Господня; все остальные конфессии служат свои литургии: католики, греки, армяне, абиссинцы, копты и прочие, — все, кроме русских! Что же это такое!.. У них у всех даже есть часовни в Соборе, а у нас нет, мы ходим-просим и ничего не получаем, а наша прекрасная славянская служба и пение, конечно же, согрели бы сердца тысяч русских паломников». А в июне 1914 года она уже предвкушала скорую победу: «Два года я вынашивала в секрете свой драгоценный замысел об Иерусалиме, как будущая мать своё сокровище: когда наступит срок и дитя должно явиться на свет, она и боится, и радуется, и хочет всё подготовить, чтобы ему было хорошо, и чтобы другие поделили её радость. Но к её радости примешивается страх: как всё пройдёт, будут ли готовы наилучшим образом принять её бесценное чадо. Я сейчас в муках — до лучшего из дней, когда в нашей церкви у Гроба Господня наше духовенство отслужит первую литургию по-русски! Воистину Бог милостив, если этот великий день настанет!.. Какой это будет великий день для наших паломников, как разрастётся теперь наше Палестинское общество — и оно должно расти рука об руку с миссией. О, как я хочу быть там!» Мечты и мысли актуальные и поныне.

Одновременно вернули к рассмотрению и вопрос о паломниках в Бари. В 1910 году по инициативе Елизаветы Фёдоровны было решено купить в этом городе участок земли и построить на нём подворье Палестинского общества. Первоначальный капитал составили деньги (около 246 тысяч рублей), собранные ещё на «Мир Ликийский проект», а с учреждением специального Барградского комитета и возникшей идеей дополнить подворье русским храмом по всей России начался новый сбор средств. О выбранном в Бари месте Великая княгиня писала Государю: «Участок... очень удобный, рядом с вокзалом, в оливковой роще, и оттуда трамвай идёт прямо до базилики (с мощами святителя Николая. — Д. Г.) — наилучшее местоположение и замечательно дёшево. Этот участок даже сориентирован правильно на восток... да почиет на этом предприятии благословение св. Николая и да станет это изумительное дело

благословением и божественной связью между ним и твоим народом, и ярким эпизодом твоего царствования — как утешение во многих скорбях, которые тебе приходится нести».

Проектировать церковь и подворье поручили А. В. Щусеву, только что закончившему работы в Марфо-Мариинской обители. За образец архитектор вновь взял строения новгородско-псковских зодчих начала XV века, в итоге возведя рассчитанный на 200 человек храм с двухъярусной звонницей, ризницей и книгохранилищем. Пятиярусный иконостас должны были составить образа XVI—XVII столетий, такие же старинные иконы собирались для убранства храма, а его стены предполагалось расписать в стиле ферапонтовских фресок Дионисия. Война и революция помешают этим планам.

После торжественной закладки подворья, состоявшейся в праздник перенесения мощей святителя Николая, 9 (22) мая 1913 года, началось и строительство странноприимного дома. Его трёхэтажное здание с полуподвалом должно было включать приёмную, палаты и комнаты паломников, кладовые, кухню и столовую. Ещё до завершения всех работ сюда стали прибывать богомольцы, и для ознакомления с их нуждами и внесения возможных поправок в проект Елизавета Фёдоровна отправила в Бари нового члена ИППО, Князя императорской крови Олега Константиновича.

Князь Олег был любимцем своего отца, Великого князя Константина Константиновича, от которого унаследовал поэтический дар. Мечтая о литературной деятельности, талантливый юноша пробовал себя и в прозе, увлекался пушкиноведением, играл в домашних спектаклях. Он серьёзно занимался музыкой и живописью, но больше всего тянулся к художественному слову, к поэзии. Отличали князя и глубокая вера, и горячая любовь к Отечеству. «Бывают минуты жизни, — записал он в дневнике, — когда вдруг страстным и сильным порывом поймёшь, как любишь родину, как её ценишь... В эти мгновения так хочется работать, делать что-нибудь, помогать чем-нибудь своей родине». Как такую работу он воспринял и командировку в Бари, куда отправился в июле 1914 года. Там Олег Константинович внимательно осмотрел постройки, выдвинув затем ряд предложений на заседаниях строительной комиссии. Одно из них говорит о том, что князь подошёл к вопросу не только с практической, но и с эстетической стороны — вместо глухого каменного забора вокруг храма он посоветовал возвести лёгкую железную ограду, чтобы красота церковного здания не скрывалась от прохожих.

К делу храмостроительства и храмоукрашательства Елизавета

Фёдоровна обращалась неоднократно. Иногда она первой замечала то, что давно просилось само собой, но почему-то не привлекало внимания других. Посетив Богородицкий женский монастырь в Казани, Великая княгиня пожелала осмотреть место явления и обретения знаменитой чудотворной иконы Божией Матери, ставшей одной из главных святынь России. Для этого пришлось спуститься в помещение под алтарём главного монастырского храма.

Помолившись, Елизавета Фёдоровна выразила удивление и сожаление о запущенности столь святого места. Тогда игуменья Варвара предложила соорудить здесь часовню, посвящённую трёхсотлетию Дома Романовых и порученную покровительству Её Высочества. Великая княгиня с радостью согласилась.

Через пять месяцев она писала управляющему Казанской епархией преосвященному Алексию: «Глубоко счастлива, что Господь сподобляет меня принять участие в святом деле сооружения часовни на месте явления чудотворной Казанской иконы Божией Матери. На днях вышлю вам, Владыко, план маленького храма-часовни, который разработан архитектором академиком Щусевым, строителем моего храма в обители. Со своей стороны я желала бы прислать все иконы и соорудить сень над царскими вратами, в которой будет вставлена чудотворная икона. Весь храм будет напоминать древние катакомбы, а отчасти и усыпальницу Великого князя Сергея Александровича». По поручению Елизаветы Фёдоровны в Казань приезжал её секретарь, Владимир фон Мекк, сделавший дополнительные архитектурные наброски, а в Москве о проекте ей докладывал прибывший из Казани инженер П. П. Гольшев. После чина основания храма-часовни, совершенного в день рождения цесаревича Алексея 30 июля 1911 года, начались строительные работы, завершённые через двадцать один месяц. Выбрав днём освящения пасхальную субботу 20 апреля 1913 года, Великая княгиня прибыла на торжество и смогла увидеть то, о чём мечтала — богатую сень с иконой, золочёные лампы (среди них поднесённую от себя и от сестры-царицы), стены, расписанные по эскизам, утверждённым ею в Москве, украшения иконостаса, выполненные по образцам из её домового храма Марфы и Марии. Звонили колокола, шёл крестный ход, со всех сторон звучало «Христос Воскресе!». На душе было светло.

Но больше всего Елизавету Фёдоровну радовали поездки, в которых паломничество соединялось с миссионерскими или благотворительными целями. Таким, например, стало посещение в июле 1910 года села Николо-Берёзовка Уфимской епархии, где ежегодно совершался крестный ход с

местной чудотворной иконой святителя Николая. Незадолго до намеченного визита в селе случился сильный пожар, и Великая княгиня обратилась к императору с просьбой о помощи погорельцам. В Николо-Берёзовке её встречали как благодетельницу, а равно и как страдальцу — в строящемся здесь храме освящался придел во имя преподобного Сергия, созданный в память о Великом князе Сергее Александровиче. Побывав на освящении, приняв участие в крестном ходе с образом Николая-угодника и посетив миссионерскую монастырскую школу, Елизавета Фёдоровна подробно ознакомилась с местной жизнью. Её интересовало всё — крестьянский быт в разных деревнях, состояние народного просвещения, религиозные верования. Край был многонациональный, многоукладный. Русские, татары, мордвины, черемисы (марийцы). От пестроты их праздничных костюмов рябило в глазах. «Была масса язычников, — делилась Великая княгиня впечатлениями в письме царской дочери Ольге, — они все чтят чудотворную икону св. Николая, и язычники даже ставят свечи перед ней... С какой любовью они меня просили “поклониться батюшке-царю”... Там я много слышала о жизни наших крестьян, монастырей, есть очень хорошие, слава Богу; слышала и об язычниках и их образе жизни, о татарах, у которых муллы и миссионеры ведут страшную пропаганду для обращения в мусульманство и против православия, также о сектах и их ложных учениях и т. д. Этот край наполнен разными вероисповеданиями, но, слава Богу, много хороших миссионеров между священниками и даже мирянами».

Как всегда в таких случаях, Елизавета Фёдоровна не оставила посещённый регион без дальнейшего внимания. Уфимскую духовную миссию она взяла под своё официальное покровительство, оказывая практическую помощь в её работе, а Камско-Берёзовскому монастырю прислала как благословение собственноручно написанную икону Спасителя. Иконопись — ещё одно проявление подвижничества Великой княгини. К нему она пришла постепенно, после шитья на покровах, после рисунков для украшения риз. За столь ответственное дело всегда бралась с трепетом, духовно настроившись. Нередко советовалась со специалистами, в частности с отцом Павлом Флоренским. Образ, подаренный в Николо-Берёзовку, изображал на чеканном золотом фоне Спасителя как Царя Славы, сидящего на троне. Его правая рука благословляла, левая держала развёрнутый свиток с евангельскими словами: «Аз есмь Свет миру».

Великой княгине довелось ещё раз побывать в тех местах. Это случилось во время длительного паломничества, совершенного летом 1914 года в Пермскую губернию и на Урал. Вместе с ней в поездку отправились

казначея Марфо-Мариинской обители В. С. Гордеева, традиционно сопровождавшая Елизавету Фёдоровну, гофмейстер А. П. Корнилов и генерал-майор А. А. Зуров, состоявший в должности управляющего конторой Двора Великой княгини. Последнего она практически выхлопотала на эту должность, помня его как одного из первых своих пажей и говоря, что «он благородный, прямой, честный человек и глубоко верующий — как раз, что мне нужно». Помимо обязательного протокола присутствие придворных объяснялось и участием в поездке сестры Елизаветы Фёдоровны, принцессы Виктории Баттенберг с дочерью Луизой.

Удивительно, но с годами Елизавета и Виктория становились всё ближе и ближе друг другу. Такие разные, непохожие ни характерами, ни интересами, они находили что-то общее в своих взглядах, в своём мироощущении. Старшую сестру характеризовали независимость мнений, увлечение философией и геологией, приверженность современным идеям. И вместе с тем она постоянно ощущала какое-то духовное родство с Елизаветой. В отличие от Аликс Эллы казалась ей естественной и понятной, её жизнь (Виктория говорила «умение жить») виделась абсолютно правильной, а путь, выбранный после смерти мужа, достойным преклонения. Они совпадали в оценке многих вопросов, любили взаимное общение и старались по возможности чаще встречаться. «Я бесконечно наслаждаюсь обществом Виктории, — признавалась Елизавета, — превосходная женщина, что за ум, сердце, какое глубокое знание человеческой натуры и снисхождение к ней. Как всё здраво и определённо в её уме, который подкрепляется силой души, ободряющей простотой и безмерным руководством». Сёстры словно вернулись во времена своего детства и ранней юности, когда делили общие комнаты в Дармштадте, когда доверяли друг другу личные тайны и вместе переживали трагедии семьи. При каждом удобном случае Виктория приезжала в Россию, чтобы поддержать Эллу, а когда весной 1913 года серьёзно заболела и нуждалась в операции, Елизавета немедленно выехала в Англию, стремясь оказать сестре посильную помощь.

Высокие паломники отправились в путь вечером 5 июля. Обратим внимание на эту дату — день именин Сергея Александровича, день предстоящей гибели Елизаветы Фёдоровны. Обратим ещё и потому, что последнее длительное, широкое паломничество Великой княгини, начавшееся в столь знаменательную отметку календаря, сопровождалось и другими обстоятельствами пророческого характера. Сначала побывали в Сарове и Девеёве. Затем, пересев на пароход «Межень», зашли в Николо-Берёзовку, после чего прибыли в Пермь, где визит Елизаветы Фёдоровны

превратился в настоящий триумф. Здесь, как и предполагалось, путешественники разделились — Великая княгиня посещала местные храмы и поселения, а её сестра, следуя другим маршрутом, знакомилась с уральскими заводами. Дважды она заезжала в Екатеринбург и, как потом вспоминала, обратила внимание на красивую постройку, оказавшуюся домом инженера Ипатьева. Да-да, тем самым Ипатьевским домом...

Паломничество продолжалось. Елизавета Фёдоровна направилась в Белогорский Свято-Николаевский монастырь, основанный тринадцать лет назад в память чудесного избавления цесаревича Николая от покушения в Японии. Там, на высоком холме, с которого открывалась потрясающая живописная панорама, строился огромный Крестовоздвиженский собор, и туда для встречи Августейшей паломницы пришли тысячи богомольцев, в основном крестьян, сбивших обутые в лапти ноги, но желающих помолиться рядом с той, кого воспринимали почти как святую. Следующим пунктом стал Серафимо-Алексеевский скит, созданный по случаю рождения наследника престола. Основал и возглавлял его игумен Серафим (Георгий Михайлович Кузнецов), хорошо знавший Великую княгиню. Именно ему принадлежат приведённые нами слова о её молитве в Троице-Сергиевой лавре накануне оставления светской жизни, именно он, неоднократно бывавший и молившийся в Марфо-Мариинской обители, пригласил настоятельницу посетить Белогорье, именно ему будет суждено сопровождать гроб убиенной Елизаветы Фёдоровны до места последнего приюта. Но пока, не ведая о грядущем, смиренный игумен отслужил в присутствии подвижницы литургию и панихиду по Великому князю Сергею Александровичу, побеседовал с ней, получил от неё подарки и благословил в дальнейший путь.

Из Белогорья, называемого Уральским Афоном, её дорога лежала в Верхотурье, главную цель паломничества. Туда влекло многое. Место упокоения святого Симеона, Верхотурский монастырь откровенно соперничал с Белой горой, по-своему отражая давнее противостояние Перми и Екатеринбурга. Колоссальный по площади (больше Московского Кремля), он, как и «конкурент», назывался Свято-Николаевским и его собор, возведённый в честь трёхсотлетия Дома Романовых, был точно так же посвящён празднику Крестовоздвижения. Огромный, уступающий по объёму только Исаакиевскому собору в Петербурге и храму Христа Спасителя в Москве, этот памятник могуществу державы гордо возник на границе Европы и Азии. Но Елизавету Фёдоровну сюда привлекала, прежде всего, возможность помолиться у мощей праведного Симеона Верхотурского, особо почитаемого в Царской семье. Недавно при участии

Николая II для них была сооружена новая гробница, и теперь, когда явственно ощущалось приближение военной угрозы, хотелось испросить защиту святого.

Далее маршрут предполагал поездку в Екатеринбург с длительной остановкой в Алапаевске. И здесь исследователи теряются в догадках — что тянуло Великую княгиню в этот городок, лежащий в стороне от паломнических троп и не отмеченный историческими событиями? Чем привлёк к себе внимание будущий конечный пункт её жизненного пути? Но в любом случае поездка не состоялась. В Верхотурье Елизавета Фёдоровна получила известие о начале войны. Вместе с Викторией она поспешила в Петербург, где со слезами на глазах сестры расстались. Как оказалось, навсегда...

6. «ДА БУДЕТ ВОЛЯ ТВОЯ»

Мировая война изменила облик России. Нарушился привычный уклад жизни, обострялись эмоции, ломались судьбы людей. Беда коснулась всего и всех. Постепенно разрастаясь, она стучалась в двери лачуг и дворцов, несла горе и лишения, калечила тела и души. Казалось, что поменялся и сам ход времени, которое стремительно помчалось куда-то в неизвестность, перемешивая события и переворачивая настроения.

В обеих столицах Елизавета Фёдоровна, прежде всего, увидела массовый патриотический подъём. Служились молебны, проходили манифестации с флагами, иконами и портретами царя, нескончаемо звучал национальный гимн. И одновременно проводилась мобилизация. Великая княгиня не удивилась (хотя сильно разволновалась), узнав, что на фронт собираются дети Константина Константиновича, пятеро его сыновей, которых она так любила. Иоанн (старший и самый набожный), Гавриил, Константин, Олег (самый одарённый из братьев), Игорь — скромные юноши, светлые души! Они ни минуты не сомневались в своём долге. Олег по слабости здоровья (он только что перенёс воспаление лёгких) должен был оставаться при Главной квартире, но он так хлопотал о возвращении в полк, что начальство не выдержало и уступило. Князь был в полном восторге. «Мы все пять братьев, — написал он в дневнике, — идём на войну со своими полками. Мне это страшно нравится, так как это показывает, что в трудную минуту Царская Семья держит себя на высоте положения. Пишу и подчёркиваю это, вовсе не желая хвастаться. Мне приятно, мне только радостно, что мы, Константиновичи, все впятером на войне».

Со своим Кавалергардским полком отправился на фронт и Великий князь Дмитрий Павлович. В последнее время Елизавета Фёдоровна видела его нечасто. Иногда он заезжал к ней в обитель, и всякий раз тётя Элла отмечала, как он повзрослел и похорошел. Её продолжало беспокоить здоровье племянника, и вдобавок волновала мысль о том, чтобы Дмитрий не попал в дурную компанию. Теперь он подвергался более страшной опасности, но это была его священная обязанность, и Великой княгине оставалось только молиться. Гораздо больше её взволновал поступок племянницы. Сдав экзамен на звание сестры милосердия, Мария Павловна решила поехать в прифронтовой госпиталь. Тётя Элла не могла не одобрить

такого шага, она испытала даже гордость за свою воспитанницу и поспешила в Петербург, чтобы напутствовать её и благословить. В часовне у домика Петра I они вместе помолились перед иконой Спаса Нерукотворного, а когда вышли на улицу, то увидели большую толпу, собравшуюся поблагодарить царских родственников. Люди плакали, что-то взволнованно говорили, старались поцеловать руку. «Мне никогда прежде не доводилось испытывать ничего подобного, я была взволнована до глубины души, — вспоминала Мария, — похоже, те же чувства испытывала и тётя».

Вскоре поток раненых начал поступать в столицу, где срочно открывались госпитали. Под лазареты были отданы даже некоторые из царских резиденций, а императрица с дочерьми Ольгой и Татьяной трудились там сёстрами милосердия. «Сегодня утром, — записала Александра Фёдоровна, — мы присутствовали (я по обыкновению помогала подавать инструменты, Ольга продевала нитки в иголки) при нашей первой большой ампутации (рука была отнята у самого плеча). Затем мы все занимались перевязками (в нашем маленьком лазарете), а позже очень сложные перевязки в большом лазарете. Мне пришлось перевязывать несчастных с ужасными ранами... Страшно смотреть, — я всё промыла, почистила, помазала иодином, покрыла вазелином, подвязала, — всё это вышло вполне удачно, — мне приятнее делать подобные вещи самой под руководством врача».

В самом начале войны императрица возглавила специальный Верховный совет, созданный для объединения правительственной, общественной и частной деятельности по призрению семей лиц, призванных на фронт, а также семей раненых и павших воинов. Вице-председателями Совета стали Великая княгиня Елизавета Фёдоровна и Великая княжна Ольга Николаевна.

В Москве Елизавета Фёдоровна уже сама возглавила новообразованный Комитет по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. Положение о нём, как о состоявшем под покровительством императрицы, было утверждено Николаем II 11 августа 1914 года. С первых же дней существования организация занялась большой работой. Открыв свои отделения на местах и взаимодействуя с земскими структурами, Комитет через наем рабочих помогал жёнам фронтовиков во время посевной и при уборке урожая, заботился о дополнительном детском питании, открывал мастерские по пошиву одежды, выдавал пособия беднейшим семьям. Масштаб деятельности поражал — денежные выплаты для 341 тысячи семей, продовольственная помощь в виде почти восьми

миллионов обедов, выдача предметов одежды и обмундирования в количестве двадцати пяти миллионов!

Важнейшей составляющей в борьбе с любыми испытаниями Елизавета Фёдоровна неизменно считала духовный аспект, а потому с её подачи при Комитете открылась, поддержанная духовенством, комиссия, задачей которой стало «удовлетворение религиозно-нравственных нужд и потребностей тяжелораненых и выздоравливающих русских воинов, размещённых по казармам и военным госпиталям, а также городским и частным лазаретам Москвы». Кроме того, в городе нашли приют эвакуированные из западных областей монастыри, для размещения одного из которых Великая княгиня смогла предоставить Александринский дворец, место своего бывшего семейного счастья. Не оставляла она и «мирскую» сторону помощи. В генерал-губернаторском доме открылась швейная мастерская, в других уголках Москвы появились временные пристанища для увечных воинов, дом инвалидов, сиротский приют.

Помимо общественных деятелей членами Комитета стали два молодых секретаря Великой княгини — Владимир Владимирович фон Мекк и Василий Евгеньевич Пигарев. Обоим не было ещё и тридцати лет, но оба уже давно помогали Елизавете Фёдоровне в благотворительных делах. Фон Мекка хорошо знали в художественных кругах как живописца-любителя, коллекционера и мецената. Его собрание включало такие шедевры, как «Взятие снежного городка» В. И. Сурикова, «Алёнушка» В. М. Васнецова, «Демон поверженный» М. А. Врубеля, «Лунная ночь» и «Золотая осень» И. И. Левитана, «Красные паруса» Н. К. Рериха. С большинством из них пришлось расстаться из-за финансовых трудностей в начале 1900-х годов, а служба у Елизаветы Фёдоровны, начавшаяся в тот же период, наполнила жизнь новыми делами. На сей раз ему доверили пост уполномоченного всех госпитальных складов, и, возможно, он, как увлечённый скаутским движением, с некоторой завистью посматривал на своего коллегу. Ведь Пигареву поручалось создать и возглавить задуманное Великой княгиней Общежитие для юных добровольцев. Туда принимались подростки, убежавшие из родных домов с целью попасть на фронт. И таких насчитывались сотни. В общежитии с ними проводились общеобразовательные уроки, за их здоровьем наблюдали. Содержалось заведение за счёт казённых, благотворительных и личных, Елизаветы Фёдоровны, средств.

Вновь, как и десять лет назад, активизировалась тесно связанная с Великой княгиней Иверская община сестёр милосердия. Она отправила на фронт пять отрядов, причём один из санитарных поездов был сформирован

по инициативе Великой княгини, а имя попечительницы получили этапный лазарет и хирургический отряд, развёрнутые на Юго-Западном фронте. Е10 теперь, в отличие от Русско-японской войны, боевые действия шли не так далеко, и в Москву начал поступать несравнимо больший поток раненых. Первый эшелон с ними прибыл 8 августа 1914 года. Второй, пришедший через день на Александровский вокзал, встречала вместе с градоначальником А. А. Адриановым и Елизавета Фёдоровна. Он был переполнен. Многие из раненых не могли передвигаться самостоятельно, их выносили на платформу и там же, рядом, клали тела умерших в пути... Тяжёлое зрелище подсказывало, что надо готовиться к приёму массы калек, к широкой медицинской помощи, к погребению погибших.

Последняя из этих проблем решилась принципиальным образом — созданием Братского кладбища. Идея вновь принадлежала Елизавете Фёдоровне, обратившейся 6 сентября 1914 года к городским властям со следующим предложением: «Не признаете ли возможным отвести на окраине Москвы участок земли под кладбище для умерших в московских лазаретах воинов настоящей войны; их родственникам и нам всем утешительно будет знать точное место упокоения павших при защите нашей дорогой Родины героев и иметь возможность там им помолиться». Инициатива нашла поддержку, одобрил её и Николай II. Для военного некрополя приобрели участок вблизи тогда подмосковного села Всехсвятское. Располагался он рядом с Сергиево-Елизаветинским трудовым убежищем для увечных воинов Русско-японской войны, так что не трудно было заметить стремление создать здесь некий комплекс в память о героях двух кампаний. Позднее на кладбище возвели храм, в подклети которого планировали устроить музей, красиво оформили территорию, выделили места для захоронения неправославных воинов и даже военнопленных. По предложению Великой княгини некрополь стал местом упокоения и погибших сестёр милосердия. Так складывался Всероссийский по значению мемориал, величественный памятник тем, кто отдал свою жизнь за Родину.

Война обернулась тяжёлыми потерями. Причём смерть, как всегда, не делала различий ни в званиях, ни в титулах. 27 сентября 1914 года возле деревни Пильвишки был тяжело ранен Князь императорской крови Олег Константинович. Его перевезли в Вильно, сделали операцию, но началось заражение крови. Олег бодрился, старался улыбаться. «Я так счастлив, так счастлив! — говорил он. — Это нужно было. Это поддержит дух. В войсках произведёт хорошее впечатление, когда узнают, что пролита кровь Царского Дома». Государь успел наградить его орденом Святого Георгия 4-

й степени, в госпиталь с надеждой на чудо спешно приехали родители. Чуда не случилось — на глазах отца и матери князь Олег скончался.

Елизавета Фёдоровна выехала на похороны. Дорога была недолгой — Великий князь Константин Константинович местом погребения сына избрал своё подмосковное имение Осташево. Там, неподалёку от Волоколамска, собрались тысячи местных жителей, стоявших вдоль пути печальной процессии. Плакавших, опускавшихся на колени, стремившихся поддержать гроб. Со всеми почестями провожали в последний путь героя, «за веру, Царя и Отечество на поле брани живот свой положившего». Более сотни венков, духовенство, певчие, депутации, пехота, артиллерия. И в сером, напоминающем монашеское, одеянии Великая княгиня Елизавета, казавшаяся среди скорбящей толпы символом смирения. Она не плакала, она молилась. Милый, славный, любимый Олежка... «Вечная память!»

Да, смерть уравнивает всех. Четыре месяца спустя, участвуя в первой церемонии похорон на Братском кладбище, Елизавета Фёдоровна утешит родственников сотника В. И. Прянишникова. Но и каждая жизнь одинаково ценна. А значит, надо делать всё возможное, чтобы спасти любого из попавших в мясорубку войны, чтобы исцелить всякого, кто пострадал, защищая Россию. «Действительно, — вспоминал Джунковский, — помощь раненым в Москве поставлена была необыкновенно широко. Забывши совершенно личную жизнь, ушедшая от мира Великая княгиня Елизавета Фёдоровна была душой всех добрых дел в Москве. К декабрю месяцу 1914 года в Москве было до 800 лазаретов, которые за пять первых месяцев облегчили страдания сотням тысяч раненых».

Не оставляя других многочисленных дел, Великая княгиня часто посещала московские госпитали, проверяя их работу и утешая пациентов. Иногда она выезжала в другие губернии, а однажды побывала с инспекцией в прифронтовой полосе на Северо-Западе. Но всё-таки основное время занимала работа в Первопрестольной, где неожиданно возникла новая проблема. «У меня образовался Дамский комитет, во главе которого я поставила графиню Олсуфьеву, чтобы помогать в усовершенствовании военных лазаретов, — сообщала Елизавета Фёдоровна императору, — ведь они, как тебе известно, сильно уступают Красному Кресту и частным лечебницам. И тем более, когда мы узнали, что военнопленные получили небольшие подарки и т. п. от соотечественников, а наши нет, мои дамы стали помогать нашим, заботиться об удобстве раненых и т. д. Конечно, имея доброе сердце, они по возможности помогали и несчастным пленным, но их доброта была так дурно истолкована, и всё свалили на меня, будто бы я забочусь только о немцах... незачем и повторять эту ложь!!» О том, как же

всё-таки злословили в её адрес, говорит в своей книге игумен Серафим Кузнецов: «Тяжело было слышать её любящему сердцу гнусную клевету, что якобы неприятельским раненым воинам давала по рублю, а русским по образку. Она лично мне об этом говорила, глубоко скорбела о коварстве клеветников».

«Эти слухи обо мне не главное, о чём я хочу тебе сообщить, — продолжала Великая княгиня. — Москва — столичный город, и то, что пленные содержатся в самых лучших зданиях, занятых под военные нужды, вызывает очень нехорошее отношение. Нельзя ли больше не отправлять пленных в Москву? Люди приходят в ярость, видя, что в их прекрасных зданиях устраиваются лазареты, причём все 18 лазаретов заняты пленными и только три — большой военный госпиталь, Вдовый дом и новая больница для душевнобольных — нашими... Москва — такой русский город, здесь этого не выносят, и я, должна сказать, вполне согласна: действительно, здесь это нехорошо. Может статься, я более русская, чем многие из русских, потому что не могу чувствовать себя космополиткой».

Она отлично разбиралась в том, что происходит. Чувствовала царивший в городе настрой и, конечно, понимала главное — дело не в госпиталях или пленных, а в общей атмосфере войны, ожесточившей людские сердца. В Европе только начинали звучать выстрелы, когда возвращавшаяся домой через Германию императрица Мария Фёдоровна испытала на себе безобразные проявления русофобии. Унижения перенёс и оказавшийся в аналогичной ситуации Великий князь Константин Константинович. Что касается Елизаветы Фёдоровны, то она уже давно не пересекала немецкую границу. За четыре года до начала войны, побывав у себя дома, на открытии усыпальницы родителей в Дармштадте, она столкнулась там с такими умонастроениями, что решила никогда больше не приезжать на свою первую, официальную родину. Проповедь милитаризма, агрессорские планы, заявления о необходимости новых завоеваний — всё это звучало из уст людей, которых с юности она помнила носителями высоких идеалов, просвещёнными гуманистами. Как тяжело их было слушать, как обидно за культурный народ. И вот во что теперь это вылилось!

Ответная реакция в России не заставила себя ждать, как только Германия объявила ей войну. Петербуржцы разгромили немецкое посольство, а власти распорядились о высылке немцев и союзных им австрийцев из обеих столиц, причём Петербург сменил в августе 1914 года своё историческое название на русский аналог — Петроград. Схожим

образом поступили и в некоторых других странах, выступивших против кайзера. Королевский Дом Великобритании, именовавшийся Кобургами, взял название старинного английского замка Виндзор, а проживавшее в Англии семейство сестры Елизаветы Фёдоровны просто перевело свою немецкую фамилию Баттенберг на местный язык, став семьёй Маунтбеттен.

Но то были внешние признаки противостояния. Внутреннее раздражение накапливалось постепенно, возрастая по ходу войны с её неизбежными трудностями, и в конце концов прорвалось в Москве с какой-то дикостью. По мнению Джунковского, последней каплей стал заказ Комитета Великой княгини на пошив солдатского белья фирме «Манддъ и Райц», принадлежавшей австрийскому подданному. Правда, с началом военной кампании она перешла в акционерное общество графа Татищева, но большинство москвичей об этом не знали и не хотели знать. 26 мая 1915 года рабочие фабрики Гюбнера, взяв царские портреты и национальные флаги, отправились на Прохоровскую мануфактуру. Тонкий расчёт — крупнейшее ткацкое предприятие Москвы выполняло заказы на обмундирование, а мужья и братья ткачих были призваны на фронт. За ворота фабрики митингующих не пустили, но и полиция в дело не вмешалась. Подогреваемые попустительством, беспорядки начали возрастать.

На следующий день зачинщики вломились на фабрику Циндаля, схватили управляющего по фамилии Карлсен и утопили его в реке, забросав камнями. Затем последовала очередь других предприятий с иностранными названиями, причём на фабрике Шрадера были убиты четыре русские работницы, принятые за немок. Стражи порядка опять не спешили, прибыв к местам погромов лишь около девяти вечера. И здесь необходимо сказать о роли фактического руководителя Первопрестольной, командующего Московским военным округом князя Феликса Юсупова-старшего. Бывший адъютант Сергея Александровича и муж подруги Елизаветы Фёдоровны проявлял себя на новом посту весьма своеобразно, давая понять, что в Москве он полный хозяин, что другие власти ему не указ и что главная проблема в городе — засилье немцев. Их (вместе с австрийцами и венграми) князь принялся выселять без разбора, обходя все правила и присваивая себе полномочия министра внутренних дел. Градоначальство безропотно потакало, у обывателей развязались руки.

28 мая начались погромы немецких магазинов, быстро перешедшие в повальный грабёж торговых заведений по всему центру города. Никого не задержали, никого не наказали, но попытка Юсупова скрыть произошедшее

не удалась — в Москву для разбирательства прибыл командир Отдельного корпуса жандармов Джунковский. Два бывших сослуживца проехали по центральным улицам, усыпанным стёклами витрин, обломками роялей «Циммерман» и прочей «вражеской» утварью, после чего, совместно отобедав, договорились свалить всю вину на градоначальника Адрианова.

Бесчинства горожан потрясли Елизавету Фёдоровну. Откуда у них такое заблуждение, такая жестокость? Ну, ладно, раненые пленные, хотя разве не велит христианский долг оказать помощь или дать хотя бы утешение этим несчастным, оказавшимся в окопах не по своей воле? Елизавете было шесть лет, когда её родная страна воевала с Францией, и, скорее всего, она помнила, как мама приютила во дворце и лечила раненых французов, невзирая на ропот всего Дармштадта. В какой-то степени Великая княгиня понимала москвичей (о чём писала императору), а потому перестала посещать госпитали с военнопленными. Но при чём же здесь простые, добропорядочные немцы, живущие в Москве? Честно работавшие на благо России, не нарушающие закон, не имеющие никаких претензий. В чём они виноваты? Возможно, именно об этом говорила она с Юсуповым и новым градоначальником Е. К. Климовичем, приехавшими в её обитель для объяснений. А может быть, просто выслушала их, сама уже зная ответ на свой вопрос. Ведь вдогонку её автомобилю, хорошо известному всей Москве — тёмно-синему, с закрытым кузовом-купе и с регистрационным номером 1515, — начинало звучать то же самое слово: «Немка!»

Вслед за общими невзгодами неожиданно пришла личная беда — 2 июня в Павловске скоропостижно скончался Великий князь Константин Константинович. Милый Костя, добрый и до конца верный друг! После потери сына он едва держался, а когда пришло известие о гибели зятя (мужа дочери Татьяны), его сердце не выдержало... Приехав на похороны, Елизавета Фёдоровна утешала несчастную вдову. Рядом сидели ещё две — Костина сестра Ольга, королева Греции, чей муж погиб два года назад от руки террориста, и только что овдовевшая Татьяна Константиновна, ещё не успевшая оплакать своего супруга, князя К. А. Багратиона-Мухранского. Вспомнили и про этих, покинувших землю родных, вспомнили и про Сергея Александровича. «Души усопших, — говорила Елизавета Фёдоровна, — в бездействии не бывают. Им от Бога назначается духовная деятельность, и они поднимаются от силы в силу. Так написано у святых отцов». Накануне погребения она побывала в часовне Спасителя на Петроградской стороне и у могилы Иоанна Кронштадтского. Молилась о душе новопреставленного, о благополучии Государя, о спасении России.

Прощание с Константином Константиновичем проходило в точном

соответствии с ритуалом, полагавшимся Великим князьям. Пылали факелы, маршировали гвардейцы, реяли знамёна, молились первые лица страны и зарубежные дипломаты, клубился дым ладана, возлагались серебряные венки. И никто из участников церемонии не догадывался, что в истории Российской империи это были последние похороны такого ранга, что в безвозвратную вечность провожался удивительный и прекрасный мир. Мир утерянных понятий и устоев, мир былых идеалов и грёз. Мир Великой княгини Елизаветы Фёдоровны.

*

Морозным январским днём 1916 года в покои лазарета Марфо-Мариинской обители поднялись два молодых человека. Сюда их прислал Дмитрий Николаевич Ломан, полковник, штаб-офицер для особых поручений при дворцовом коменданте и ктитор Фёдоровского собора в Царском Селе. Кроме того, он был инициатором и активным участником строительства в том же парке так называемого Фёдоровского городка — комплекса зданий в неорусском стиле, задуманного Обществом возрождения художественной Руси. В эту организацию, поддержанную Николаем II, входили художники, архитекторы, писатели и поэты, в числе которых были братья Васнецовы, М. Нестеров, Н. Рерих, А. Щусев, С. Городецкий, И. Билибин. Вступили в Общество и два самобытных поэта, весьма понравившихся Д. Н. Ломану своим простым народным стилем. С их творчеством в исполнении самих авторов было решено познакомить Великую княгиню Елизавету Фёдоровну.

Юноши появились в стилизованных русских костюмах. Представились — Николай Клюев, Сергей Есенин. Зазвучали стихи, и сразу повеяло былинным сказочным духом, стариной, народным укладом, ароматами лесов и полей.

Елизавете Фёдоровне очень понравилось. Она долго расспрашивала поэтов о их прошлом, о смысле прочитанных «сказаний». А на прощание подарила Евангелия со своим благословением и серебряные образки. На другой день встреча повторилась уже в апартаментах Великой княгини, и среди слушателей были художники Васнецов и Нестеров. Теперь выступавшие облачились в специально пошитые «боярские» кафтаны, что должно было подчёркивать национальный характер их поэзии. Но и без всякой бутафории Елизавете Фёдоровне, вновь похвалившей стихи, было ясно, что перед ней выразители истинно русского начала. И притом весьма

талантливые.

Она всегда замечала одарённых и перспективных людей. Вот строки из её письма, адресованного брату в 1908 году, когда ей было вроде бы не до мирской суеты: «Дорогой Эрн. Я посылаю совсем молодого русского художника в Англию. К сожалению, он не говорит ни на каком другом языке, но я собираюсь устроить его жить вместе с кем-нибудь, кто сможет помогать ему. Только высокая протекция поможет открыть для него много дверей... он живёт от своих картин; только недавно закончил курс художества в академии в Москве... Он хочет усовершенствовать себя и боится строгой критики... <...> что часто убивает талант. Я посылаю тебе маленький подарок “Взгляд язычника и христианина” — его работы, ты сможешь сам судить... Будь столь добрым, закажи ему несколько картин; может быть, родственники также купят несколько — немного заработанных денег помогут ему». Имя и судьба художника, к сожалению, остались неизвестны, но мы знаем, что в другой раз, познакомившись с творчеством Павла Кори́на, Великая княгиня планировала по окончании войны отправить его за границу для дальнейшей учёбы.

С образованием Марфо-Мариинской обители туда по приглашению Елизаветы Фёдоровны поступил на должность регента восемнадцатилетний выпускник Синодального училища Николай Голованов. Однако в 1915 году музыканта стал активно приглашать к себе коллектив Императорского Большого театра, разглядевший в нём талант хормейстера и дирижёра. Великая княгиня не стала препятствовать — пусть подающий надежды юноша продолжит совершенствоваться и, даст Бог, достойно послужит высокому искусству. Так и случится. Николай Семёнович Голованов со временем станет главным дирижёром Большого театра, постановщиком, пропагандистом и защитником русских опер. Ему придётся нелегко, но даже в самые трудные годы, в условиях тоталитарного режима и при развёрнутой борьбе с «головановщиной», он не побоится хранить у себя метроном с дарственной надписью «От благодарного хора сестёр Марфо-Мариинской обители» и фотографию Великой княгини Елизаветы Фёдоровны.

Привлёкший внимание Есенин тоже не забылся. Красивый, талантливый, непосредственный и с таким щемящим сердцем именем — Сергей Александрович. К его именинам Елизавета Фёдоровна послала подарок, образ преподобного Сергия Радонежского. В то время поэт начал служить санитаром в Царскосельском лазарете великих княжон Марии и Анастасии, так что оставалось надеяться на его творческие успехи после войны.

Война же, судя по всему, затягивалась надолго. Положение на фронтах было тяжёлым, и ещё в августе 1915 года, приняв на себя обязанности Верховного главнокомандующего, Николай II отбыл в действующую армию. «Молитвы всей России с тобою, — телеграфировала ему Елизавета Фёдоровна, — особенно эти дни всеобщего доверия, и усиленно поднимаются все души к Божьей Матери, да укрепит Она, наша Заступница, тебя в подвиге, который ты взял на себя для родины». Но «всеобщее доверие» таяло на глазах. Во всяком случае в Москве, остро ощущавшей дестабилизацию экономики. На подъездных путях к городу стояли тысячи неразгруженных вагонов, заводам и фабрикам не хватало сырья, начались перебои с поставкой топлива. Всё это действовало на москвичей гораздо сильнее успехов русской армии в 1916 году, а уж когда невиданных размеров достигли цены на продовольствие, Первопрестольная озлобилась не на шутку.

С каждым днём Великой княгине становилось всё опаснее покидать пределы обители. Могла произойти любая провокация. Чтобы этого не случилось, вице-директор Департамента полиции потребовал «в виду переживаемого ныне тревожного момента» усилить в Москве меры «в ограждении личной безопасности Её Императорского Высочества». В ответ Московское охранное отделение перечислило все прежние свои действия по данному вопросу, прибавив, что для новых у него не хватает агентов, денег и автомобиля сопровождения. Ситуация начинала напоминать ту, что двенадцать лет назад сложилась вокруг Сергея Александровича...

Елизавета Фёдоровна не боялась. Как и супруг, она вверяла свою жизнь Богу, часто повторяя сёстрам обители, что без Его воли ни один волос не упадёт с головы. В декабре 1916 года состоялась её поездка в Сэров. Война началась для России в праздник преподобного Серафима, и Великая княгиня уповала на особенную помощь святого, на его защиту. «Десять дней молилась за вас, — напишет она Государю, — за твою армию, страну, министров, за болящих душой и телом...» Вернувшись, Елизавета Фёдоровна узнала невероятные новости — в Петрограде убит Григорий Распутин, а среди убийц, помимо младшего Юсупова, называют её племянника Дмитрия!

Распутин... Она никогда не видела этого человека, о котором вокруг столько говорили. Но наслушалась многого. Из того, что рассказывалось, возникала очень неприятная картина — какой-то сибирский мужик с сомнительной репутацией полностью подчинил себе волю царя и царицы и, пользуясь болезнью их сына, которому только он якобы способен помочь, стал вмешиваться в управление государством. Даже если не всё

было здесь правдой, то так понимали ситуацию в обществе, а это уже грозило опасностью. Целых шесть лет Елизавета Фёдоровна пыталась разобраться в происходящем. Искала доверительного разговора с Аликс, предостерегала в письмах Ники, просила помощи у брата. Ничего не выходило. Если раньше доверие Царской четы некоему доктору Филиппу объяснялось интригами великих княгинь Анастасии и Милицы, то влияние нового «чародея» не укладывалось ни в какую теорию, и способов борьбы с ним не находилось.

Елизавета прекрасно понимала, что личная жизнь Александры не подлежит вмешательству, что сестра давно самостоятельный человек, мать семейства. Однако, по своим собственным словам, относилась к ней скорее как к дочери, а в Николае продолжала видеть прежнего Ники, всегда и во всём доверявшего дяде Сергею и тете Элле. Обеспокоенная странными делами в его доме, она писала Николаю в феврале 1912 года: «Со всех концов России в моих поездках, да и здесь люди идут ко мне со своей болью — это правда; я твоя сестра — “вы должны открыть им глаза...”». И всё это я несла тебе, так как видела в этом свой долг, а ещё потому, что была на грани срыва от страха за твоё благополучие». Она так хотела помочь, подсказать, объяснить. А в ответ встречала лишь вежливый, но принципиальный уход от темы.

Свой внутренний мир и свои душевные переживания семья Венценосцев оградила надёжной непроницаемой стеной. И ближний круг им этого не простил. Как же так?! Пренебрегают мнением «света», предпочитают титулованным особам, день и ночь мечтающим о «дружбе» с царём и царицей, какого-то крестьянина, не позволяют вторгаться в их частные дела! Сразу поползли слухи, один нелепее другого. Как снежный ком покатились дурная молва, обраставшая всё новыми и новыми сплетнями, выдумками, а затем и фальсификациями. О Распутине заговорили повсюду, его имя не сходило с газетных страниц, на него сваливали всё и вся, заставляя заодно сомневаться в адекватности императрицы и в авторитете императора.

Елизавете Фёдоровне это доставляло боль. Но как защитить Аликс и Ники, когда они сами себя так изолировали? И что, вообще, реально происходит? Когда случилась история с пресловутым Филиппом, Великая княгиня высказала интересную мысль: «Не было бы ничего дурного, пожелай он (император. — Д. Г.) встретиться с интересным человеком, как говорится, не придворным, пригласить его наравне с другими — что плохого, если Государь говорит с народом, чем больше он видит людей, тем лучше. Пагубно это, лишь когда окружено тайной». Вот оно — тайна! И

сейчас она действительно будоражила умы, распаляла страсти, порождала фантомы. Только о существовании таковой, глубоко личной, никого не касавшейся (ведь у каждого есть что-то, не предназначенное для посторонних) никогда не узнали бы в обществе без подлых усилий, без мощной «раскрутки» со стороны «обиженных мстителей» и быстро подключившихся политиканов. Началась бессовестная дискредитация Царской семьи. Продуманная, чётко организованная. Ложь окончательно заслонила истину, исказив суть вещей и введя в заблуждение даже отлично знавшую цену злословиям Елизавету Фёдоровну.

Всё, что она слышала про Распутина, исходило от людей, не доверять которым у неё не было оснований. Вот член её Комитета, лидер партии «октябристов» А. И. Гучков — государственный и общественный деятель, благотворитель. Но он же — активный клеветник в адрес императрицы. Или Джунковский — давний знакомый, бывший адъютант Сергея Александровича, всегда обаятельный и любезный. Некоторое время «милый Джун», любимец светских кругов и артистической богемы, был заместителем министра внутренних дел и шефом Корпуса жандармов, что давало ему серьёзные возможности. Воспользовался он ими весьма оригинально — собрал неподкреплённые доказательствами слухи о «кутеже» Распутина в Москве, представил их императору в виде секретной (!) записки, и тут же ... передал её знакомым, после чего скандальный текст пошёл гулять по рукам. Когда Джунковского сняли с должности, «компромат» достался журналистам. Газетная бомба, конечно, взорвалась.

До Великой княгини наверняка доходили рассказы С. И. Тютчевой (дочери безукоризненного сотрудника Сергея Александровича), бывшей фрейлины императрицы и воспитательницы великих княжон, уволенной за интриги и теперь лгавшей в отместку направо и налево. Наконец, нельзя было не прислушаться к мнению близкой подруги, З. Н. Юсуповой, которая давно затаила обиду на Александру Фёдоровну, не пожелавшую обсуждать с ней «распутинскую» тему. Разумеется, в разговорах с сестрой императрицы княгиня Зинаида не допускала тех эпитетов, которыми награждала Царскую чету у себя дома, но невинную жертву изображала.

В конце концов, Елизавета Фёдоровна нашла возможность объясниться с сестрой. Разговор не получился. Обе оставались непреклонны, обе не принимали встречных доводов. И Александра, и Елизавета были глубоко православными женщинами, верными дочерьми Церкви, образцами подлинной преданности Всевышнему. Но разные обстоятельства личной жизни, включавшие источники радостей и страданий, привели к различному восприятию того, что называется духом

веры. За каждой из них стояли своя правда, своя христианская дорога, и драма заключалась в несоединимости позиций, в невозможности поступиться самым главным, самым святым. Общим для обеих, но по-разному открывшимся для каждой.

На том последнем в их жизни свидании, 3 декабря 1916 года, сёстры не поняли друг друга. Расстались с тяжёлым чувством, с обидой. Именно после той встречи Елизавета Фёдоровна отправилась в Саровскую обитель, стремясь, помимо прочего, восстановить душевное равновесие, а императрица вместе с дочерьми совершила паломничество в Новгород, где в Десятинном монастыре навестила знаменитую старицу-затворницу Марию Михайловну. «Мы пришли к ней пешком по мокрому снегу, — напишет Александра Фёдоровна супругу. — Она лежала на кровати в маленькой тёмной комнате, потому мы захватили с собой свечку, чтобы можно было разглядеть друг друга. Ей 107 лет, она носит вериги (сейчас они лежат около неё), — обычно она беспрестанно работает, шьёт для каторжан... Она седая, у неё милое, тонкое, овальное лицо с прелестными, молодыми, лучистыми глазами, улыбка её чрезвычайно приятна. Она благословила и поцеловала... Мне она сказала: “А ты, красавица — тяжёлый крест — не страшись” — (она повторила это несколько раз)». Александра не страшилась. А если чего-то и боялась, то, как и Елизавета, лишь одного — оказаться слабой в исполнении христианского долга и недостойной Божией милости.

Между тем победу одержали те, кто давно отпал от истинной веры и, поправ элементарную мораль, пошёл на убийство. Выстрелы в Юсуповском дворце на Мойке поставили точку в «распутинской» истории. Елизавета Фёдоровна расценила это как неизбежный результат, как вынужденный поступок людей, желающих спасти монархию и Россию. «Не хочу знать подробности, — писала она Николаю II, — говорят, замешаны очень многие, все высланы в разные края, и слава Богу, что это было сделано, преступление остаётся преступлением, но это, будучи особого рода, может быть сочтено дуэлью и делом патриотизма, а за такие проступки закон, я думаю, смягчает наказание».

Дмитрия Павловича и Феликса Юсупова поместили под домашний арест. Они содержались в принадлежавшем теперь Дмитрию Сергиевском дворце под охраной вооружённого караула внутри и жандармов снаружи. На телеграмму тёти Эллы племянник не ответил. Его выслали на турецкий фронт в Персию (чем невольно спасли от гибели в революцию), Юсупову предписали выехать в его имение Ракитное.

Наступил 1917 год... Накануне Елизавета Фёдоровна попросила не

поздравлять её с Рождеством Христовым и с Новолетием. Было совсем не до праздников. Точно так же, через объявление в газетах, она ещё в сентябре отказалась принимать поздравления с тезоименитством, объясняя свой шаг условиями войны. Россия переживала трудное время, когда радость и душевный подъём могли исходить лишь от работы в помощь стране и от молитвы о скором её спасении. Утром 1 января Великая княгиня отправилась в Троице-Сергиеву лавру. Спустя три дня она вновь посетила обитель преподобного Сергия и снова, уже последний раз в жизни, поехала туда в конце месяца. Что-то усиленно тянуло её тогда к этой святыне — к Божиему угоднику, который всегда так высоко ею почитался. К тому, чьё имя было ей особенно дорого, к тому, чей праздник станет и днём её святой памяти.

В начале года Елизавета Фёдоровна написала княгине З. Н. Юсуповой: «Я работаю, как всегда, много, и это меня поддерживает. Всё грустно, грустно и затянуто тучами, громы войны и глухой ропот беспокойных душ — когда взойдёт солнце? Когда Бог благоволит снять с нас бремя, которое дьявол возверг из ада на бедную Россию? Нужны молитвы, терпение и надежды. Мы не можем всего понять, понять причину, но Богу она ведома, и если совесть чиста, а вера крепка, всё можно перенести, как мученики в давние времена».

*

Новости, приходившие из Петрограда (стачки, демонстрации, солдатский бунт), всколыхнули Москву. Забастовки переросли в митинги, митинги — в восстание. 1 марта, по примеру столицы, на сторону восставших перешёл военный гарнизон, после чего власть в городе сменилась, доставшись комиссару Временного правительства.

В тот же день у ворот Марфо-Мариинской обители собралась большая толпа. Шумели, кричали, пытались прорваться за ворота. Подъехала новая группа «революционеров» — в основном выпущенные из тюрем уголовники. Потребовали впустить их на территорию, где, как считали, хранилось оружие, грозили арестовать настоятельницу по подозрению в шпионаже. Осмотрев обитель и поговорив с Великой княгиней и отцом Митрофаном, «борцы свободы» разошлись, явно разочарованные. Новые городские власти поспешили с извинениями, рекомендуя Елизавете Фёдоровне переехать для безопасности в Кремль — царивший в Москве хаос мог обернуться чем угодно. Она осталась в обители. Работала вместе с

сёстрами, ухаживала за больными. Только обязанности председателя в некоторых учреждениях решила с себя снять. Для безопасности других людей.

Нервы были на пределе, организм ослаб — летом Великая княгиня заболела, но быстро поправилась, продолжив трудиться и следить за происходившим. 15 августа в Успенском соборе Кремля открылся Всероссийский поместный собор, готовившийся одиннадцать лет и предполагавший восстановление патриаршества. Это вселяло надежду на укрепление духовного здоровья России, однако политические события постоянно ухудшали ситуацию. Бесконечная демагогия, анархия, делёж власти, провал вооружённого выступления Корнилова, провозглашение республики...

Марфо-Мариинскую обитель навестил отец Серафим Кузнецов, игумен Серафимо-Алексеевского скита возле Перми. За последние годы он тесно сошёлся с Великой княгиней, увидевшей в нём единомышленника, понимающего собеседника, родственную душу. Бывая у неё в гостях, отец Серафим служил в обительском храме (последний раз на Рождество 1916 года) и всегда удостаивал проникновенной духовной беседы. Теперь, поражённый видом похудевшей и измученной настоятельницы, он старался утешить её в новых скорбях, а она, не скрывая слёз, говорила о крушении своих идеалов, о растерянности, о боли за Россию, за народ, за Царскую семью. Игумен предложил уехать на Урал, где можно было укрыться в старообрядческих скитах. Елизавета Фёдоровна отказалась. И на прощание добавила: «Если меня убьют, то прошу вас, похороните меня по-христиански».

Очередной, сокрушительный удар по стране был нанесён в конце октября. В Петрограде, где фактически уже никто ничего не контролировал, большевистский переворот произошёл легко и быстро. Но в Москве дела обстояли иначе. Вспыхнув одновременно с петроградским, здешнее восстание быстро столкнулось с сопротивлением части офицеров и юнкеров. В городе начались перестрелки, отдельные объекты переходили из рук в руки, захваченный Кремль большевики уступили юнкерам. Улицы оцетинились баррикадами, кое-где рылись окопы, отовсюду звучали выстрелы. На четвёртый день развернулась упорная борьба за центр.

В ту пору в Москве оказалась племянница Елизаветы Фёдоровны, Мария. Служившая во время войны сестрой милосердия в Пскове, она с началом революции вернулась в Петроград, где познакомилась с князем Сергеем Путятиным, за которого вскоре вышла замуж. Чтобы представить нового мужа тете Элле, а заодно забрать из банка фамильные

драгоценности, Мария приехала в Первопрестольную и тут же попала в самую гущу событий. Вышедших из дома супругов окатил град пуль. В поисках укрытия они бросились бежать, смешались с толпой, метались по улицам. Мимо проносились грузовики с солдатами, палившими без разбора во все стороны; свист пуль и звон разбитых стёкол гнали по городу обезумевших от ужаса москвичей. «Они падали, — вспоминала Мария, — вставали или оставались лежать на земле; крики и стоны смешивались с грохотом выстрелов и взрывами снарядов; в воздухе висела плотная пелена отвратительно пахнувшей пыли». На Театральной площади её вместе с мужем едва не расстреляли прямой наводкой, спасение можно было объяснить только чудом.

Ударила тяжёлая артиллерия. Орудия большевиков палили с Воробьёвых гор, били с набережных, со Швивой горки. Методично, бессмысленно и беспощадно красногвардейцы крушили Москву. Мощной бомбардировке подвергся Кремль — снаряды пробили купол Успенского собора, изрешетили церковь Двенадцати апостолов, сильно повредили Николаевский дворец и Чудов монастырь. Никольскую башню искорёжили выбоины, у Беклемишевской снесло верхушку, на Спасской были разбиты куранты. 3 ноября ценой сотен жертв в городе окончательно установилась советская власть.

Потрясённая, подавленная Елизавета Фёдоровна восприняла трагедию по-христиански. «Святой Кремль, с заметными следами этих печальных дней, — признавалась она графине А. А. Олсуфьевой, — был мне дороже, чем когда бы то ни было, и я почувствовала, до какой степени Православная Церковь является настоящей Церковью Господней. Я испытала такую глубокую жалость к России и к её детям, которые в настоящее время не знают, что творят. Разве это не больной ребёнок, которого мы любим во сто раз больше во время болезни, чем когда он весел и здоров? Хотелось бы понести его страдания, научить его терпению, помочь ему. Вот что я чувствую каждый день. Святая Россия не может погибнуть. Но Великой России, увы, больше нет». Все её упования возлагались теперь лишь на Божию милость, возможную с прозрением народа, с покаянием. Ведь не могут же люди без конца находиться в заблуждении, в страшном дурмане. Побывав на службе только что избранного патриарха Тихона, Великая княгиня смогла почувствовать какую-то призрачную надежду на исцеление страны, но как и откуда оно может прийти, оставалось неизвестным. «Пути Господни неисповедимы, — напишет Елизавета Фёдоровна сестре Виктории, — и, может быть, то, что мы не можем знать нашего будущего, — великая благодать. Страна наша

распадается на кусочки, всё, что было приобретено за века, разрушается нашим народом, теми, кого я любила всем сердцем. Поистине, душа его больна, он ослеплён и не видит, куда мы все идём, и от этого болит сердце. Но я не испытываю горечи — можно ли критиковать или осуждать человека, находящегося в горячке, лунатика? Его можно лишь пожалеть и уповать на то, что найдутся добрые проводники, которые смогут удержать его от разрушения всего и убийства всех, кто попадётся ему под руку».

Великая княгиня почти не покидала обитель, запретив выходить за ворота и сёстрам. Поначалу большевики были к ним лояльны, считая учреждение больниц — выделяли скудный провиант (хлеб, вяленая рыба, овощи), перевязочный материал, лекарства первой необходимости. Всех сестёр и пациентов заставили заполнить анкеты, что оказалось вовсе не пустой формальностью. Через какое-то время нескольких больных увезли из обители в неизвестном направлении.

В марте 1918 года, подписав с немцами позорный сепаратный мир, правительство большевиков перебралось в Москву. Тяжёлые кремлёвские ворота закрылись перед горожанами, как перед неприятелем, надёжно укрыв за стенами новых хозяев жизни. Предательство не осталось без ответа, в стране ускорилось формирование сил, готовых с оружием в руках сопротивляться узурпаторам власти. Разгоралась гражданская война. Эта ситуация заставила посла Германии графа Вильгельма фон Мирбаха в апреле обратиться к Елизавете Фёдоровне с предложением о выезде в Европу. Она категорически отказалась. Со страной, объявившей войну её России и теперь оккупировавшей огромную часть бывшей империи, Великая княгиня не желала иметь никаких дел.

Приближался праздник «мирового пролетариата» — 1 мая. Москву поспешно приводили в порядок, пытаясь скрыть следы недавних боёв. Красной материей драпировалось всё, что только можно. Под кумачовое полотнище спрятали и образ святителя Николая на Никольской башне Кремля — изрешеченный пулями красногвардейцев, он привлекал повышенное внимание москвичей, собиравшихся перед ним на молебны. В предпраздничную ночь над кремлёвскими куполами взвилась ракета (латышские стрелки уже начали веселиться), а завеса на иконе разорвалась, так что утром израненный святой Николай, как и прежде, взирает на происходящее вокруг. В то же утро, собираясь на демонстрацию, вожди пролетарской революции во главе с В. И. Лениным дружно снесли крест-памятник, стоявший на месте гибели Великого князя Сергея Александровича: «Долой его с глаз на свалку!» Кстати 1 мая пришлось на Великую (Страстную) среду, день, когда вспоминается предательство Иуды.

И глядя на недопустимое в такой момент веселье посреди алеющей от флагов и транспарантов Москвы, православные горожане называли праздник «Иудиной Пасхой»... Метко и многозначительно!

Светлое Христово воскресенье наступило 5 мая (22 апреля). В заполненном прихожанами и сёстрами Покровском храме Марфо-Мариинской обители Елизавета Фёдоровна в последний раз встречала пасхальную заутреню. В последний раз христосовалась, разговлялась. Несмотря на тяжёлые обстоятельства, она не забыла в те дни о письменных поздравлениях тем, до кого они ещё могли дойти. С верной подругой Александрой Олсуфьевой поделилась заодно своими размышлениями: «Дорогая Аликс, Христос Воскресе! Как часто мои мысли летят к Вам, и я вспоминаю мою милую графиню, сидящую в своей гостиной и окружённую воспоминаниями. Мы разговариваем за чашкой чая, и в наших воспоминаниях проносятся года, — года светлые, года грустные и года, когда временами чувствовали руку Господню, могущественную, напоминающую нам о раскаянии, как в настоящее время. Как я грущу, что не могу быть с Вами. “Великие” (так перевела она слово «большевики». — Д. Г.) живут в Ваших апартаментах, и Всевышний по Своей милости пощадил Вас, не дав Вам видеть, как ушло от Вас то, что было на этой земле Вашим любимым гнездом.

Если мы глубоко вникнем в жизнь каждого человека, то увидим, что она полна чудес. Вы скажете, что жизнь полна ужаса и смерти! Да, это так! Но мы ясно не видим, почему кровь этих жертв должна литься. Там, на небесах они понимают всё, и, конечно, обрели покой и настоящую родину — небесное отечество. Мы же на этой земле должны устремить свои мысли к Небесному Царствию, чтобы просвещёнными глазами могли видеть всё и сказать с покорностью “Да будет воля Твоя”... Я не экзальтированная, мой друг. Я только уверена, что Господь, который наказывает, есть тот же Господь, который и любит... Подумайте о грозе! Какие величественные и страшные впечатления. Некоторые боятся; другие прячутся; некоторые гибнут, а иные же видят в этом величие Бога. Не похоже ли это на картину настоящего времени?

Мы работаем, молимся, надеемся, и каждый день чувствуем милость Божию. Каждый день мы испытываем постоянное чудо. И другие начинают это чувствовать и приходят в нашу церковь, чтобы отдохнуть душой. Молитесь за нас, моя дорогая».

На третий день Пасхи, 7 мая (24 апреля старого стиля), когда отмечался праздник Иверской иконы Божией Матери, в обитель приехал патриарх Тихон. Отслужил молебен, побеседовал с настоятельницей и

сёстрами. А примерно через полчаса после его отъезда в ворота обители позвонили. На всю жизнь сёстры запомнят этот звонок — громкий, долгий, настойчивый. В сопровождении латышских стрелков появились чекисты, сразу предъявившие мандат на арест Великой княгини. Распоряжение исходило от председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского.

Поднялась паника. Со всех сторон сёстры бежали к больничной церкви, плакали, крестились. Елизавета Фёдоровна стояла в Марфо-Мариинском храме, бледная, но спокойная. «Не плачьте, не плачьте, — говорила она, — на том свете увидимся». Ей дали тридцать минут на сборы, в течение которых она ещё успела поблагодарить сестёр и отца Митрофана. Всех благословила. Было около шести часов вечера, когда Великую княгиню вывели из ворот обители.

Вместе с ней вызвались ехать две крестовые сёстры, Екатерина Петровна Янышева и Варвара Алексеевна Яковлева. Екатерина приходилась невесткой (вдовой сына) протопресвитеру Иоанну Янышеву, когда-то наставлявшему Елизавету Фёдоровну в православии и совершившему обряд её перехода в Русскую церковь. Варвара происходила из мещанской семьи Тверской губернии, в тридцатилетнем возрасте поступила в обитель одной из первых и вместе с Екатериной выполняла обязанности келейницы (служанки) Великой княгини. Чекисты не возражали. Трёх женщин посадили в машину и под охраной повезли навстречу последним испытаниям судьбы.

*

Поезд шёл медленно. Тянулись бесконечные вёрсты, сменялись станции и полустанки, менялись часовые у дверей. В вагоне не хватало элементарного, включая стаканы и чайник, которые пришлось добывать самостоятельно. Больше всего Великую княгиню угнетала невозможность питаться, как давно привыкла, по-вегетариански, отчего приходилось полуголодать. Она держалась. Читала Святое Писание и книгу святителя Иоанна Тобольского, черпая в них силу и находя ответы на то, что волновало.

На второй день пути Елизавета Фёдоровна написала письмо сёстрам обители, которое чудом дошло до адресатов: «Не могу забыть вчерашний день, все дорогие, милые лица. Господи, какое страдание в них, о, как сердце болело. Вы мне стали каждую минуту дороже. Как я вас оставляю, мои деточки, как вас утешить, как укрепить? Помните, мои родные, всё, что

я вам говорила. Всегда будьте не только мои дети, но и послушные ученицы. Сплотитесь и будьте как одна душа все для Бога, и скажите как Иоанн Златоуст: “Слава Богу за всё”. Я буду жить надеждой скоро опять быть с вами, и хочется всех найти вас вместе. Читайте вместе послания Апостолов, кроме Евангелия. Старшие сёстры, объединяйте сестёр ваших. Просите патриарха Тихона “цыпляточек” взять под своё крылышко...

Если нигде не будет опоздания, тогда на пятый день только прибудем. Екатерина вернётся поскорее к вам, всё расскажет, как мы устроились. Нам даны очень милые Ангелы-хранители. Мало спали, потому что думы, думы ползут. Спасибо за провизию. По дороге достанем ещё... Не могу выразить, как я до глубины души тронута, обрадована вашими письмами. Все без исключения вы мне написали, что будете стараться жить так, как я часто с вами об этом говорила... Господь нашёл, что нам пора нести Его крест. Постараемся быть достойными этой радости. Я думала, что мы будем так слабы, не доросли нести большой крест. “Господь дал, Господь и взял”. Как угодно было Господу, так и сделалось. Да будет имя Господне благословенно навеки».

Прибыли в Пермь. Сначала разместиться удалось в Успенском женском монастыре, где монахини помнили приезд Великой княгини летом 1914 года и теперь делали всё возможное, чтобы облегчить её положение. Было ли известно ей, что в Перми находился в это время отбывающий ссылку брат императора, Великий князь Михаил Александрович? Скорее всего, да. И наверняка в свою очередь Михаил узнал о приезде тёти Эллы, но в личных дневниках он не обмолвился об этом ни словом. Страх и осторожность определяли теперь многие слова и поступки, однако и при таких обстоятельствах Великая княгиня не побоялась послать в Екатеринбург томящейся в заключении Царской семье пасхальные гостинцы — яйца, шоколад, кофе.

Остановка была недолгой. Главным пунктом назначения определялся Екатеринбург, куда Елизавету Фёдоровну и двух её спутниц доставили 11 мая. Здесь им отвели комнаты в гостинице «Атамановские номера», в которой ещё неделю назад поселили высланных из Петрограда сыновей Великого князя Константина Константиновича — Иоанна, Игоря и Константина. Неожиданная встреча обрадовала. Светлые, любимые деточки! Казалось, ещё совсем недавно Елизавета Фёдоровна провожала их на фронт, давала своё благословение. И вот при каких ужасных событиях им довелось теперь встретиться...

На войне Константиновичи проявили храбрость и героизм. Константин даже был награждён Георгиевским оружием. В марте 1918 года

их арестовали и вместе с другими родственниками отправили в Вятку, где через некоторое время Романовых разделили — трёх братьев вместе с Великим князем Сергеем Михайловичем и князем Владимиром Палеем (сыном Великого князя Павла Александровича от второго брака) перевезли в Екатеринбург. То, что тучи над их головами постепенно сгущаются, Константиновичи понимали, но ещё продолжали надеяться на благополучный исход. Иоанчик вместе с женой Еленой Петровной, добровольно поехавшей с ним в ссылку, а также Костя, испытывавший материальное затруднение (за гостиницу надо было платить из собственного кармана), подыскивали отдельное недорогое жильё. Всем разрешалось свободно передвигаться по городу и посещать церковные службы. Приезд тёти Эллы ещё больше скрасил положение. Но совсем рядом находился обнесённый глухим забором Ипатьевский дом («Дом Особого назначения»), где вместе с семьёй содержался под стражей Государь, и его полная изоляция вселяла тревогу.

Сергей Михайлович поселился на одной из частных квартир. По вечерам там собиралась местная компания для игры в карты и для разговоров со столь важной персоной. Великий князь служил по артиллерийской части (в войну был полевым генерал-инспектором при Верховном главнокомандующем), на досуге увлекался нумизматикой и почти совсем не интересовался политикой. С началом революции он заявил о своей лояльности Временному правительству, а сейчас, за карточным столом, рассуждал о возможном сотрудничестве русской интеллигенции с большевиками. Ссылку вместе с ним разделяли управляющий его делами Фёдор Семёнович Ремез и личный врач Гельмерсен.

Князя Владимира Палея Елизавета Фёдоровна знала очень мало. После возвращения его родителей в Россию он жил вместе с ними в Царском Селе, окончил Пажеский корпус, принял участие в Первой мировой войне, был удостоен ордена Святой Анны. Однако все интересы и чаяния Владимира были связаны с искусством — с музыкой, живописью, а больше всего с поэзией. Он писал талантливые стихи, пробовал себя в драматургии, в переводах. Накануне революции вышел сборник его произведений, выручку от которого князь направил на благотворительные дела императрицы Александры Фёдоровны.

Когда Владимира арестовали, чекисты предложили ему отречься от отца (всё-таки он не числился членом Династии), на что князь ответил категорическим отказом — поступать подобным образом ради обещанной взамен свободы он считал бесчестным. В Екатеринбурге В. П. Палея поселили в той же гостинице, куда доставили Елизавету Фёдоровну, что,

вероятно, вызвало у Великой княгини некоторое неудовольствие. Формально признав новую семью Павла Александровича, она так и не смирилась с его поступком, так и не простила его жене разрушенной дружбы, мучений дорогого Сергея, страданий Дмитрия и Марии... Два месяца, проведённые рядом с почти незнакомым племянником, оказавшимся добрым, честным и стойким юношей, смягчили её позицию. Судьба словно специально соединила их в последний момент, даря Елизавете Фёдоровне душевное спокойствие ещё в одном непростом вопросе.

Настоятельница Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря Магдалина (П. С. Досманова) попыталась добиться переселения Великой княгини в эту обитель, но получила отказ. Всё было давно решено — ещё в день прибытия Елизаветы Фёдоровны местная власть согласовала её дальнейшую отправку вместе с группой родственников в город Алапаевск. 19 мая в половине десятого утра на железнодорожную станцию повезли тринадцать человек — Великую княгиню Елизавету Фёдоровну с келейницами В. Яковлевой и Е. Янышевой, князя Иоанна Константиновича с женой Еленой Петровной, князей Константина и Игоря Константиновичей с их лакеем И. Калиным, Великого князя Сергея Михайловича с управляющим Ф. Ремезом и доктором Гельмерсеном, князя Владимира Палея и его слугу Ч. Круковского. По прибытии в Алапаевск все они были размещены в пяти комнатах так называемой Напольной школы, оказавшейся для восьмерых из них последним земным пристанищем.

Алапаевск, маленький заштатный городок с населением порядка десяти тысяч человек до той поры ничем не выделялся. Как поселение, он был известен с середины XVII века, в следующем столетии стал местом одного из казённых железоделательных заводов, получил статус города, украсился Свято-Троицким собором. Чуть больше года здесь провёл десятилетний П. И. Чайковский (его отец служил управляющим заводами округа), уехавший отсюда на учёбу в Петербург. Кроме будущего гения музыки Алапаевск не посещала ни одна знаменитость.

В 1913—1915 годах за северной чертой города (на «поле») построили земскую школу, вошедшую в сотню учебных заведений, созданных по указанию Николая II и на деньги Царской семьи в ознаменование трёхсотлетия Дома Романовых. В этом одноэтажном здании из тёмно-красного кирпича с коридорной системой и большими, во всю стену, окнами и поселили арестованных. Елизавете Фёдоровне вместе с её келейницами отвели просторную светлую комнату, выходящую двумя

окнами в переулок и четырьмя во двор. Простые столы, стулья и железные кровати составляли всю обстановку. Рядом поместились шесть человек внутренней охраны.

На первых порах режим содержания был лояльным. Заключённым разрешалось выходить на улицу и посещать службы в находившейся неподалёку Екатерининской церкви. Местные жители смогли даже поднести Великой княгине хлеб-соль на рушнике с вышитой надписью «Матушка Великая Княгиня Елизавета Фёдоровна, не откажись принять по старому русскому обычаю хлеб-соль от верных слуг Царя и Отечества, крестьян Нейво-Алапаевской волости Верхотурского уезда». Днём работали в садике. Мужчины вскапывали огородные грядки, женщины сажали овощи, цветы и деревца. Опыт, полученный Елизаветой Фёдоровной в Ильинском и в Марфо-Мариинской обители, пригодился и здесь. Оставшееся время они проводила за молитвами и за рисованием. В четыре часа приглашённая кухарка А. С. Кривова подавала чай, а к семи готовила обед. Великая княгиня продолжала питаться отдельно, по собственному рациону, остальные обедали у Сергея Михайловича. Вечером все собирались на общую молитву в комнате Елизаветы Фёдоровны; читала либо она сама, либо князь Иоанн Константинович. Приставленная охрана вела себя по-разному. Кто-то грубее, кто-то (больше из местных) мягче, сочувственно.

Через месяц, по решению сверху, началось жестокое уничтожение Императорской Фамилии. В ночь с 12 на 13 июня возле Перми вместе со своим секретарём был расстрелян Великий князь Михаил Александрович. Власти объявили его «сбежавшим», на основании чего резко ужесточили режим содержания алапаевских узников. Но накануне введения против них ограничительных санкций княгиня Елена Петровна попробовала временно съездить в Петроград, чтобы проведать оставшихся там детей. В Екатеринбурге её задержали. Попытка вернуться обратно ни к чему не привела, несмотря на вмешательство сербской миссии и расписку о добровольном согласии подвергнуться тюремному режиму наравне с мужем и другими Романовыми. Вместо Алапаевска арестованную княгиню перевезли в Пермь. О том, какая участь могла ждать её там, говорит зверское убийство в этом городе приближённых императрицы, графини А. В. Гендриковой и гофлектрисы (придворной чтицы) Е. А. Шнейдер, той самой, что когда-то обучала русскому языку Елизавету Фёдоровну. Наконец усилия иностранных дипломатов помогли отправить находившуюся на грани нервного срыва Елену Петровну в Москву. О судьбе оставшихся в Алапаевске родственников она узнает лишь за границей.

20 июня узникам Напольной школы объявили, что отныне они на тюремном положении. У них изъяли деньги (у Елизаветы Фёдоровны таковых не оказалось) и ценные вещи, их ограничили в передвижениях и вдобавок лишили слуг. Не подозревая о дальнейшем, Сергей Михайлович вымолил оставить при себе Фёдора Ремеза, остальных же вывезли в Екатеринбург, где Варвара Яковлева заявила о желании немедленно вернуться назад. С неё потребовали расписку, на что она заявила о готовности подписать любую бумагу, лишь бы остаться рядом с Матушкой. Её вернули в Алапаевск.

Жизнь заключённых проходила теперь только внутри школьной ограды. Елизавета Фёдоровна по-прежнему молилась, рукодельничала, работала в огороде. Питание стало ещё скуднее, однако А. С. Кривова смогла через знакомых кое-что покупать на рынке и хранить провизию в соседних домах. Каким-то удивительным образом из Екатеринбурга запас продовольствия привезла Екатерина Янышева, но в здание школы её не пустили, а продукты конфисковали. У арестованных отобрали все личные вещи, в том числе одежду и обувь, оставив лишь то, что было надето и по две пары нательного белья. Почему-то изъяли подушки и одеяла. Сергей Михайлович попытался протестовать — как старший по званию, Великий князь обычно выступал от имени всех заключённых. Единственное, чего удалось добиться, стало возвращение необходимых ему лекарств. Охранники сделались угрюмее, жёстче, прекратили всякие разговоры. Когда на дежурство заступали австрийцы из бывших военнопленных, начинались грубости, придирки, дополнительные обыски.

В ночь с 16 на 17 июля в подвале Ипатьевского дома была убита Царская семья — император Николай Александрович, императрица Александра Фёдоровна, цесаревич Алексей, великие княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. Вместе с ними погибли их верные слуги. Но кровавое злодеяние, совершенное в Екатеринбурге, являлось по плану организаторов лишь первой частью Трагедии, разыгравшейся на Урале. Вторую, не менее страшную и циничную, предстояло исполнить в Алапаевске, где уже тщательно готовилась поистине дьявольская мистерия.

На двенадцатой версте от города по направлению к Верхней Синячихе находилась заброшенная шахта Нижне-Селимского железного рудника. Расположенная на границе участка (меже), а потому названная «Межной», она не действовала более десяти лет и была частично затоплена. В ней, относительно неглубокой (около шестнадцати метров), имелись, как и положено, площадки-перестилы, местами разрушенные и заваленные брёвнами. Это мрачное место и выбрали для расправы над узниками

Напольной школы. Одновременно с целью скрыть следы преступления подготовили безобразную инсценировку их побега.

В полдень 17 июля охрану в школе сменили на рабочих-большевиков. У заключённых отобрали последние ценности: кольца, часы... Личного досмотра не проводилось, что позволило мученикам сохранить на себе крестики, образки, ладанки и медальоны. Всем приказали готовиться к ночному переезду. В 23 часа к зданию подкатили с десятков повозок — двухколёсных «коробков» — предназначенных для арестантов и конвоя. Прибыли представители местных Советов — нервничали, заставляли всех поторапливаться. Елизавета Фёдоровна, надевшая тёмную юбку, белую блузку и светлую кофточку, была готова. Ещё до появления конвоиров она успела спрятать под одеждой своё главное сокровище, икону Нерукотворного Спаса, обёрнутую в бумагу и висящую на шее на шнурке. Великая княгиня взяла её в Москве, бережно затем храня и укрывая при многочисленных обысках.

Небольшой (примерно восемь на одиннадцать сантиметров), оправленный в золотую ризу и украшенный драгоценными камнями, образ был благословением Александра III при переходе Елизаветы Фёдоровны в лоно Русской церкви. На его оборотной стороне имелась табличка, напоминающая о дне миропомазания, с надписью «Вербная Суббота. 13 апреля 1891 года». Однако известно, что эта икона хранилась, как и другие, полученные Великой княгиней по тому же случаю, в усыпальнице Сергея Александровича. Тогда почему же во время ареста Елизаветы Фёдоровны реликвия оказалась рядом с ней в Марфо-Мариинской обители? Возможно, образ был доставлен туда весной 1916 года, когда настоятельница отмечала 25-летие своей православной жизни, и с тех пор оставался в местном храме. Могла найтись и другая причина, но в любом случае Великая княгиня не захотела расставаться с благословением царя, отправляясь в ссылку. И тот факт, что драгоценную икону не сумели обнаружить при всех досмотрах, говорит о почти постоянном её ношении под одеждой.

Приближалась полночь. Вереница повозок выехала за город и потянулась в сторону Нижне-Селимского рудника. Каждого узника везли в отдельном «коробке», рядом с каждым сидел сопровождающий. Ехали молча, в полной тишине предаваясь мыслям и воспоминаниям. Наступил праздник преподобного Сергия Радонежского, день, когда-то бывший для Великой княгини одним из самых радостных в году, день ангела её незабвенного супруга. Вспоминались ли ей в те последние минуты жизни прекрасные вечера в Ильинском, улыбка мужа, счастливые лица друзей? Представали ли в памяти их совместные с Сергеем паломничества,

путешествия, чтения книг, душевные беседы? Или все эти картины, как бережущие сердце, были надёжно укрыты за последующими событиями, стёрты, размыты? Нет, Сергей оставался с ней всегда. Она шла по завещанному им пути, верила и не страшилась. Ей встретилось столько светлых людей, открылось столько проявлений Божией Истины, досталось столько возможностей трудиться во благо ближнего! Она познала роскошь и блеск, пережила горе и отчаяние, обрела душевную стойкость и смогла осуществить самую заветную мечту — жить ради других. Что ожидает её впереди, какое новое испытание уготовил ей Господь, куда призовет Он верную рабу, всегда готовую принять Его святую волю?

Внезапно экипажи остановились. Перевозимым, согласно придуманной легенде, заявили, что впереди разрушен мост и надо обойти его пешком. Чтобы предотвратить побег, каждому из арестованных завязали глаза. Направляемые конвоем шестеро мужчин и две женщины медленно двинулись в чащу. Они шли туда, где их ожидал конец Земного Пути. Туда, где, сливаясь с чернеющим лесом, уже распахнуло свои объятия встречавшее Небо.

НЕОКОНЧЕННЫЙ ЭПИЛОГ

Стук молотка заглушил церковные песнопения. В храме заколачивали восемь гробов — простых, деревянных, с железными футлярами, — заставлявших содрогнуться и вынуждавших поверить в невозможное. Восемь жертв безумного кровавого злодеяния провожал в последний путь весь Алапаевск. Сначала с ними простились в Екатерининской церкви, куда они ходили молиться, пока позволяли условия, потом с многолюдным крестным ходом тела перенесли в Троицкий собор, где совершилось отпевание. Народ не сдерживал рыданий. Князя, как называли их местные жители, почти у всех вызывали жалость, ещё находясь под арестом в Напольной школе. Сейчас, видя страшную их участь, к ним относились, как к мученикам.

Почти никто не поверил составленным чекистами и развешанным 18 июля по всему городу объявлениям о побеге заключённых. Сомневались в таком и некоторые красноармейцы, поднятые в ту ужасную ночь по тревоге и брошенные на прочёсывание местности. Одновременно вокруг здания школы забегали какие-то люди, раздались выстрелы, во дворе разорвалась граната. Вся инсценировка должна была изобразить «нападение белогвардейских бандитов», которые «похитили» узников, а для большей убедительности постановщики подбросили труп накануне арестованного за воровство и расстрелянного крестьянина. О «побеге» доложили в Петроград и в Москву.

Но мистификация не помогла. 28 сентября в Алапаевск вошли части Сибирских войск адмирала А. В. Колчака. По вопросу об исчезновении Романовых было заведено уголовное дело, и в ходе следственных мероприятий тайна преступления раскрылась. 21 (8-го по старому стилю) октября из шахты «Межная» начали извлекать тела убитых, на четвёртый день, то есть 24 (11) октября, подняли тело Великой княгини Елизаветы Фёдоровны. Все данные осмотра и медицинских экспертиз говорили о том, что мученики погибли мгновенно; возле ямы их ударяли по голове очень тяжёлым предметом, а затем сбрасывали вниз. Шансов на выживание не было никаких. Великий князь Сергей Михайлович, видимо, сумел оказать сопротивление и был застрелен.

По распоряжению А. В. Колчака после отпевания 1 ноября (19 октября) невинные жертвы обрели покой в склепе, устроенном под южной

стороной Свято-Троицкого собора, вход в который замуровали кирпичом. Однако полыхавшая повсюду Гражданская война быстро меняла положение вещей. В июле 1919 года Красная армия вновь подошла к Алапаевску, заставив генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса, не желавшего оставлять княжеские останки на поругание, распорядиться о их немедленной эвакуации. Печальная миссия доверялась находившемуся тогда в городе после долгого укрывательства от репрессий игумену Серафиму Кузнецову. Так они встретились снова — Великая княгиня, просившая скитоначальника похоронить её по-христиански, и пермский священник, никогда не забывавший о её словах и всё-таки даже в самых страшных мыслях не предполагавший, что исполнять волю Елизаветы Фёдоровны придётся именно ему. Да ещё при таких чрезвычайных обстоятельствах... 14 июля отец Серафим в товарном вагоне вывез из Алапаевска восемь гробов, а буквально на следующий день в город вошли красные.

Скорбный маршрут пролегал в Читу. Добирались полтора месяца — с частыми остановками, при невыносимой жаре, при постоянном риске попасть в руки большевиков. Когда прибыли на место, гробы по указанию атамана Г. М. Семенова тайно перевезли в Покровский женский монастырь и спрятали под полом в одной из келий. В ней же поселился отец Серафим. Посетивший монастырь капитан П. Булыгин позднее вспоминал: «Я провёл много часов в его келье, и даже не раз ночевал там. Те ночи в монастырских кельях дали совершенно необычные переживания мирскому жителю. Я никогда не забуду тех старых, как мир, деревянных строений напротив соснового леса и тех голубых островков снега, залитых лунным светом на монастырском кладбище, с острыми тенями крестов и сосен... Однажды ночью я проснулся и обнаружил монаха, сидящего на краю своей постели. Он выглядел худым и измождённым в своей длинной белой рубахе и незаметно шептал: “Да, да, Ваше Высочество, вы совершенно правы...” Отец Серафим явно разговаривал с Великой княгиней Елизаветой. Это была жутковатая картина в тусклом свете единственной лампы, мерцавшей в углу перед иконой».

Белая армия продолжала отступать. Оставляя Сибирь, отдельные части перебирались в Китай, и генерал М. К. Дитерихс посчитал правильным перевезти туда же останки алапаевских мучеников. В апреле 1920 года через Харбин и Мугден отец Серафим доставил восемь гробов в китайскую столицу, где их с почестями похоронили на кладбище Русской Духовной миссии в двух километрах от Пекина. Была пятница Светлой седмицы. «Когда гробы с останками Царственных мучеников были внесены в церковь, — напишет позднее начальник Миссии архиепископ Иннокентий

(Фигуровский), — и когда раздалось пение тропаря: “Да воскреснет Бог”, — настроение наше резко изменилось, и на душе стало радостно. Верилось, что Господь не допустит окончательной гибели России, и Россия вновь восстанет в прежнем величии и мощи, славя Воскресшего из мёртвых».

В кладбищенской церкви Серафима Саровского устроили специальный склеп, но и он не стал для Елизаветы Фёдоровны окончательным местом упокоения. Её сестра Виктория, убедившись в гибели дорогой Эллы, сочла пекинское пригородное кладбище совсем неподходящей территорией для могилы Великой княгини. Выполнить же волю Елизаветы, желавшей быть похороненной в Москве, в своей Марфо-Мариинской обители, было, разумеется, невозможно, и, поразмыслив, Виктория нашла самое оптимальное решение — Иерусалим. Он соединял всё — глубокую веру сестры и её подвижничество, включавшее заботу о Святой земле, присутствие членов Палестинского общества, которое недавно находилось под её руководством и которому можно было доверить её усыпальницу, прекрасную русскую церковь, посвящённую памяти её свекрови, российской императрицы и урождённой гессенской принцессы. Наконец, по итогам войны Иерусалим находился под английским мандатом, что устраняло политические сложности.

Сегодня мало кто знает, что принцесса Виктория хотела перевезти на Святую землю всех алапаевских мучеников, однако Елена Сербская (жена Иоанна Константиновича) вознамерилась самостоятельно решить судьбу других останков (в итоге так ничего и не сделав), а потому в очередную дорогу отправились только гробы Елизаветы Фёдоровны и её келейницы Варвары. 30 ноября 1920 года в сопровождении всё того же отца Серафима и двух послушников их вывезли из Пекина, доставили в Тяньцзинь и на пароходе, через Шанхай, повезли в Порт-Саид. Там, спустя два месяца, скорбный груз встречали принцесса Виктория, её муж Луис Александр Маунтбеттен (маркиз Милфорд-Хейвен) и дочь Луиза, та, что вместе с матерью и тётёй Эллой путешествовала по Уралу летом 1914 года. К ним присоединилась супружеская пара Струковых — Николай Владимирович, служивший в своё время секретарём Великой княгини, и Екатерина Николаевна (урождённая Козлянинова), её любимая фрейлина Китти, много лет проводшая рядом с Елизаветой Фёдоровной. Виктория звала и других лиц из окружения сестры, но никто больше не откликнулся. У всех были свои дела, свои проблемы...

Ровно в час дня 28 января 1921 года поезд с останками мучениц прибыл на Иерусалимский вокзал. Отсюда после совершенной на перроне

панихиды траурный кортеж двинулся в сторону храма Святой Марии Магдалины. Автомобили-катафалки сопровождались британским губернатором, служащими ИППО, русским и греческим духовенством. По дороге их дополнили сёстры Елеонской обители с крестами и хоругвями, другие русские люди и православные арабы. Третьи похороны Елизаветы Фёдоровны превратились в её второе, посмертное паломничество в Иерусалим. От храма Успения Божией Матери гробы понесли на руках, медленно поднимаясь в гору под пение молитв. Гроб Великой княгини поддерживал супруг Виктории, которому, как вскоре окажется, оставалось жить всего восемь месяцев.

Погребение состоялось 30 января. После совершенных патриархом Дамианом богослужений тела мучениц перенесли в усыпальницу, подготовленную в отдельном помещении нижней части церкви, где они будут находиться шестьдесят лет вплоть до первой канонизации Елизаветы Фёдоровны и её преданной келейницы. Тогда, уже как святые мощи, их положат в храм.

За те годы изменится многое: политическая карта мира, технологии, скорости, принципы. Исчезнет или до неузнаваемости исказится большинство мест, связанных с жизнью Великой княгини Елизаветы, сойдут с исторической сцены все окружавшие её лица. Но образ удивительной и прекрасной женщины, озарившей собой все стороны бытия, не сможет забыться, служа людям ярким и спасительным маяком. Пройдёт время, и его свет, достигнув России, начнёт зажигать в ней новые и новые огоньки милосердия, добра и любви. Ему никогда уже не угаснуть, а значит, у этой истории нет и не может быть финала...

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ЕЛИЗАВЕТЫ ФЁДОРОВНЫ

1864, 1 ноября (дата приведена по григорианскому календарю) — в Дармштадте, в семье Великого герцога Людвига IV Гессенского и Алисы Великобританской родилась принцесса Елизавета Александра Луиза Алиса, будущая Великая княгиня Елизавета Фёдоровна.

1878, 14 декабря (дата приведена по григорианскому календарю) — смерть Великой герцогини Алисы.

1883, 6 ноября (здесь и далее даты приводятся по юлианскому календарю) — сватовство Великого князя Сергея Александровича.

1884, 3 июня — свадьба принцессы Елизаветы Гессенской и Великого князя Сергея Александровича в Петербурге. Получение титула Великой княгини Елизаветы Фёдоровны.

1885 — принятие под покровительство Первого Санкт-Петербургского дамского комитета РОКК, начало благотворительной деятельности.

1887 — назначение Сергея Александровича командиром лейб-гвардии Преображенского полка.

Июнь — присутствие на «золотом» юбилее бабушки, королевы Великобритании Виктории.

1888, 29 сентября — 6 октября — совместное с мужем паломничество на Святую землю.

1 октября — присутствие на освящении русской церкви Святой Марии Магдалины в Иерусалиме.

1890, 27 февраля — участие Елизаветы Фёдоровны вместе с цесаревичем Николаем в любительской постановке сцен из «Евгения Онегина».

1891, 26 февраля — назначение Сергея Александровича московским генерал-губернатором.

13 апреля — переход Елизаветы Фёдоровны в православное вероисповедание.

5 мая — переезд вместе с супругом на жительство в Москву.

Лето — осень — активное участие в борьбе с голодом, создание Дамского комитета по сбору пожертвований, устройство большого благотворительного базара.

1892, 17 января — создание Елизаветинского благотворительного общества.

1 марта (13-е по григорианскому календарю) — кончина отца, Великого герцога Людвига.

18 апреля — открытие Елизаветинского общества по оказанию помощи детям неимущих родителей.

Октябрь — посещение вместе с мужем Рима, аудиенция в Ватикане у папы Льва XIII.

1894, 20 октября — в Ливадии скончался император Александр III.

14 ноября — свадьба императора Николая II и принцессы Алисы Гессенской, младшей сестры Елизаветы Фёдоровны.

1896, 14 мая — коронация императора Николая II в Успенском соборе Московского Кремля.

1897, апрель — июнь — участие в оказании медицинской помощи пострадавшим в греко-турецкой войне.

Июнь — присутствие на «бриллиантовом» юбилее правления королевы Виктории.

1900, 2—23 апреля — празднование Пасхи в Москве вместе с Николаем II и императрицей Александрой Фёдоровной.

1901, 9 января (22-е по григорианскому календарю) — кончина бабушки, королевы Виктории. Начало покровительства Императорскому Строгановскому училищу технического рисования.

1903, февраль — участие в знаменитом костюмированном балу в стиле XVII века в Петербурге.

22 марта — открытие большого благотворительного базара в залах Благородного собрания.

Апрель — вторая встреча Пасхи вместе с Царской семьёй в Москве.

17—20 июля — участие в торжествах прославления святого Серафима Саровского.

1904, 27 января — начало Русско-японской войны.

Февраль — декабрь — благотворительная деятельность в период Русско-японской войны: создание Особого комитета, Склада по сбору пожертвований, исполнительной комиссии, санитарных отрядов и лазаретов.

1905, 4 февраля — убийство Великого князя Сергея Александровича.

14 февраля — Елизавета Фёдоровна принимает пост председателя Императорского Православного Палестинского общества.

Декабрь — вооружённое восстание в Москве.

1906, 4 июля — погребение Сергея Александровича в Чудовом

монастыре Московского Кремля.

1907, 5 июля — закладка здания Сергиево-Елизаветинского трудового убежища в Москве.

Октябрь — начало фактической работы Марфо-Мариинской обители.

1908, 2 апреля — освящение в Кремле Креста-памятника на месте гибели Великого князя Сергея Александровича.

22 мая — закладка Покровского храма Марфо-Мариинской обители.

Ноябрь — утверждение первого Устава Марфо-Мариинской обители.

1909, июнь — участие в торжествах прославления святой Анны Кашинской.

1910, 9—10 апреля — посвящение первых сестёр Марфо-Мариинской обители, возведение Елизаветы Фёдоровны в сан настоятельницы.

1911, сентябрь — паломничество в Курскую губернию на прославление святителя Иоасафа Белгородского.

1912, август — большая паломническая поездка по губерниям России.

1913, 9 мая — в итальянском городе Бари начинается строительство русского подворья.

12 мая — участие в торжественной канонизации патриарха Гермогена.

25—30 июля — паломничество на Соловецкие острова.

1914, 5—20 июля — паломничество в Пермский край и на Урал.

19 июля — вступление России в Первую мировую войну.

29 сентября — гибель на фронте князя Олега Константиновича.

1915, май — немецкие погромы в Москве.

1916, 17 декабря — в Петрограде при участии князя Феликса Юсупова и Великого князя Дмитрия Павловича убит Григорий Распутин.

1917, февраль — март — государственный переворот в Петрограде. Падение монархии.

25 октября — большевистский переворот в Петрограде.

25 октября — 2 ноября — вооружённые столкновения в Москве, обстрел большевиками Кремля.

1918, 24 апреля (7 мая по григорианскому календарю) — арест Великой княгини Елизаветы Фёдоровны.

Май — пребывание под арестом в Перми и Екатеринбурге.

20 мая (здесь и далее даты по введённому большевиками григорианскому календарю) — Великая княгиня перевезена в Алапаевск.

17 июля — в Екатеринбурге вместе с женой и детьми убит Николай II.

18 июля — возле Алапаевска вместе с родными убита Великая княгиня Елизавета Фёдоровна.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Александр III: Воспоминания, дневники, письма. СПб., 2001.
- Александр Ф., Л'Онуа Б. де. Королева Виктория. М., 2007.
- Аничков Н. М. Учебные и врачебные заведения императорского православного Палестинского общества в Сирии и Палестине. М., 1901.
- Арсений, епископ Сухумский. Святой город Иерусалим и другие святыне места Палестины. СПб., 1896.
- Балязин В. Н. Императорские наместники Первопрестольной. 1709—1917. М., 2000.
- Бельгард А. В. Мои воспоминания. М., 2009.
- Белякова З. И. Романовы. Как это было. СПб., 1998.
- Богословский М. М. Москва в 1870—1890 годах. — В кн.: Московская старина. М., 1989.
- Боханов А. Н. Николай II. М., 1997.
- Боханов А. Н. Романовы. Сердечные тайны. М., 2000.
- Боханов А. Н. Святая царица. М., 2006.
- Варенцов Н. А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999.
- Великая княгиня Елисавета Феодоровна: Детство, отрочество, юность: Фотоальбом. М.: Марфо-Мариинская обитель милосердия, 2014.
- Великая княгиня Елисавета Феодоровна и Николай II: документы и материалы (1884—1909 гг.) / Авт.-сост. А. Б. Ефимов, Е. Ю. Ковальская. СПб., 2009.
- Великий князь Сергей Александрович (1857—1905) в истории русского государства и культуры: Материалы церковно-научной конференции, посвящённой 100-летию со дня трагической гибели Великого князя. М., 2007.
- Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 1-4. М.: Новоспасский монастырь, 2006—2011.
- Великий князь Сергей Александрович Романов на посту Председателя Императорского Православного Палестинского общества: исторический очерк. М.: Новоспасский монастырь, 2009.
- Виктор Михайлович Васнецов. М., 1987.

Волошун П. В. Блаженны милостивые. Благотворительная деятельность Великой княгини Елизаветы Фёдоровны. М., 2011.

Вострышев М. Н. Августейшее семейство. Россия глазами Великого князя Константина Константиновича. М., 2001.

Гавриил Константинович. В Мраморном дворце: Из хроники нашей семьи. СПб., 1993.

Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М., 1979.

Гришин Д. Б. Великая княгиня Евдокия, преподобная Евфросиния // МЖ. 2000. №10. С. 47-49.

Гришин Д. Б. Великий князь Константин. Пред вечной красотой. М., 2008.

Гришин Д. Б. Сергей и Елизавета. М., 2015.

Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 1—2. М., 1997.

Джунковский В. Ф. Воспоминания. 1865—1904. М., 2016.

Дмитриевский А. А. Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века. СПб., 1907.

Дневники императора Николая II (1894-1918) / Отв. ред. С. В. Мироненко. М., 2011.

Додонов Б. Ф., Копылова О. Н., Крякова Л. В. Новые документы о духовной и общественной деятельности великой княгини Елизаветы Фёдоровны: По материалам Московского охранного отделения (1909—1917 гг.) // Вестник церковной истории. 2015. № 3-4. С. 148-206.

Дорошевич В. М. Старая театральная Москва. Пг.; М., 1923.

Елизавета Фёдоровна // Православная энциклопедия. Т. 18. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. С. 389-399.

Жук Ю. А., Хрусталёв В. М. Романовы. Венец мученичества. М.: Издание Фонда памяти новомучеников Императорского Дома Романовых, 2013.

Забелин И. Е. Дневники. Записные книжки. М., 2001.

За что его убили? Незабвенной памяти Великого князя Сергея Александровича. М., 1905.

И. В. Цветаев создаёт музей. М., 1995.

Из воспоминаний генерал-адъютанта адмирала Д. С. Арсеньева. 1876—1887 гг. // Русский архив. 1911. №2.

Исторический вестник. 1898. Т. 4.

Клейнмихель В., фрейлина, Клейнмихель Е., графиня. В тени царской короны. Симферополь, 2009.

Кондрашина В. А. Звездой мне служат путеводной любовь и красота. Святая Великая княгиня Елизавета Фёдоровна на благодатной

Звенигородской земле. М., 2004.

Константин Константинович, Великий князь. Дневники. Воспоминания. М., 1998.

Коршунова Г. В. О письмах Великой княгини Елизаветы Фёдоровны к графине А. А. Олсуфьевой // Великий князь Сергей Александрович и Великая княгиня Елизавета Фёдоровна: московский период: XVI—XVIII. Елизаветинско-Сергиевские чтения, Москва, 2013—2015 гг.: избр. ст. М., 2017.

Кучмаева И. К. Жизнь и подвиг великой княгини Елизаветы Фёдоровны. М., 2004.

Кучмаева И. К. Когда жизнь истинствует...: культура благотворения Вёл. Княгини Елисаветы Феодоровны. М., 2008.

Летопись жизни и деятельности Благоверной Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, основательницы Марфо-Мариинской обители милосердия, в хронике событий / Авт.-сост. Л. В. Куликова. М., 2011.

Летопись жизни и творчества Ф. И. Шаляпина. Кн. 1. М., 1988.

Максимова Л. Б. Вклад Великой княгини Елизаветы Фёдоровны в благотворительное движение России конца XIX — начала XX века. Дисс. канд. ист. наук. М., 1998.

Максимова Л. Б. «Я принадлежу Москве...» // МЖ. 1991. № 2. С. 47-54.

Мария Павловна, Великая княгиня. Мемуары. М., 2004.

Марфо-Мариинская обитель милосердия: 1909—2009: К 100-летию создания Обители. М., 2009.

Мемуары графа С. Д. Шереметева. Т. 1. М., 2004.

Москва и её жизнь. СПб., 1914.

Москва: Энциклопедия. М., 1997.

Московские ведомости. 1891—1905 гг.

Московские церковные ведомости. 1900, 1903, 1907, 1908.

Немирович-Данченко В. И. Из прошлого. М., 2004.

Нестеров М. В. О пережитом. 1862—1917 гг.: Воспоминания. М., 2006.

Паламарчук П. Г. Сорок сороков. Т. 1—4. М., 1992.

Палеолог М. Царская Россия во время Первой мировой войны. М., 1991.

Памятники Отечества: Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М., 1994.

Перепись Москвы 1902 г. Вып. 6. М., 1906.

Петербург и Москва в жизни Великой княгини Елисаветы Феодоровны: Материалы IX и X ежегодных Свято-Елизаветинских чтений (Санкт-Петербург—Москва, ноябрь 2007). М.: Паломнический центр

Московского Патриархата, 2008.

Письма преподобномученицы великой княгини Елизаветы Фёдоровны / Сост. Т. В. Коршунова, Е. Н. Панкратова, О. С. Трофимова. М.: Православное Сестричество во имя Преподобномученицы Елизаветы, 2011.

Платонов П. В. Русские постройки и подворья Императорского Православного Палестинского общества в Иерусалиме // Иерусалимский вестник Императорского Православного Палестинского общества. Вып. III—IV. Иерусалим, 2013. С. 60-112.

Пребывание Их Императорских Высочеств Великого Князя Сергея Александровича и Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны в пределах Ярославской губернии. Б. М. изд., 1892.

Рябушинский В. Купечество московское // Родина. 1992. № 8-9.

Савинков Б. В. Избранное. М., 1990.

Стегний П. Скитоначальник. Жизнь и судьба игумена Серафима (Кузнецова). М., 2017.

Степанов М. П. Храм — усыпальница Великого Князя Сергея Александровича во имя преподобного Сергия Радонежского в Чудовом монастыре. М., 1909.

Теляковский В. А. Дневники директора императорских театров. М., 1998.

Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания и дневники. М., 2004.

Уварова П. С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005.

Цельяйт М. П. Дворец Белосельских-Белозерских. СПб., 1996.

Шаляпин Ф. И. Маска и душа. М., 1989.

Юсупов Ф. Ф. Мемуары. М., 1998.

Юшманов В. Д. Закладка русского храма во имя Святителя Николая Чудотворца в городе Бари. СПб., 1913.